Нежинский государственный университет
имени Николая Гоголя

ЯЗЫК И ПРОСТРАНСТВО: ПРОБЛЕМЫ ОНТОЛОГИИ И ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Монография

Нежин 2011

УДК 802.0 + 801.511.2
ББК 81.432.1
Я 41

Рекомендовано Ученым советом Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя

Протокол № 10 от 02.06.2011 г.

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор ***Е. М. Кагановская*** *(заведующая кафедрой французской филологии Киевского национального лингвистического университета)*;

доктор филологических наук, профессор ***Е. С. Снитко*** *(заведующая кафедрой русского языка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко)*.

Я 41

Язык и пространство : проблемы онтологии и эпистемологии : монография / А.Э.Левицкий, С.И.Потапенко, Л.И.Белехова и др. ; под ред. А.Э. Левицкого, С.И. Потапенко. – Нежин: Издательство НГУ имени Николая Гоголя, 2011. – 483 с.
ISBN 978-617-527-023-3

В монографии рассматриваются проблемы номинации пространства, а также представление языковых и речевых образований в форме пространств. Такой ракурс подачи материала позволил осветить лингвистические вопросы онтологии пространства; отразить пространственную организацию номинативных единиц языка; рассмотреть текст и дискурс как пространственные образования. На материале английского, русского, украинского и польского языков раскрыты особенности вербализации действительности в ракурсе ориентационного пространства; номинации физических пространств; пространственной картины мира; типологии интеграционных пространств. Значительное место уделено выявлению основных параметров ономастического, частеречного, номинативного; функционально-семантического, идиоматического и лингвокультурного пространств в представлении результатов анализа единиц английского, русского и украинского языков. При исследовании англоязычных, немецких и итальянских текстов и дискурсов определены образное, паремийное, символическое, коммуникативное и дискурсивное пространства. Монография является результатом сотрудничества лингвистов Беларуси (Минск), Польши (Люблин), России (Иркутск) и Украины (Киев, Нежин, Херсон, Луганск).

Для аспирантов, студентов и преподавателей, которые специализируются в области филологии.

УДК 802.0 + 801.511.2
ББК 81.432.1

ISBN ISBN 978-617-527-023-3

© Издательство НГУ им. Н.Гоголя, 2011
© Левицкий А.Э., Потапенко С.И., Белехова Л.И. и др., 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (А.Э.Левицкий**)**

ГЛАВА 1
ОНТОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

1.1. Вербализация действительности в ракурсе ориентационного пространства (*С.И.Потапенко*)

1.2. Номинация физических пространств: ориентирование и перспективизация (на материале английского, польского, русского и украинского языков) (*А.Глаз, С.Потапенко*)

1.3. «Вертикаль», «вмещенность» и «глубина» в английской пространственной картине мира (*С.Ю. Богданова*)

1.4. Глобализация как основа формирования топонимического пространства США (*А.Э. Левицкий*)

1.5. Типология интеграционных пространств в аспекте контент-анализа (*В.К. Щербин*)

ГЛАВА 2
НОМИНАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

2.1. Частеречное пространство языка (*А.Э. Левицкий*)

2.2. Номинативное пространство “игровой вид спорта” (на материале английского языка) (*И.В. Недайнова*)

2.3. Функционально-семантическое пространство “ирреальное неживое” (на материале английского и украинского языков) (*Т.Н. Никульшина*)

2.4. Идиоматическое пространство “homo socialis” (на материале английского языка) (*Ю.И. Фещенко*)

2.5. Лингвокультурное пространство художественной прозы (на материале произведений Редьярда Киплинга) (*А.В. Головня*)

ГЛАВА 3
ТЕКСТ И ДИСКУРС КАК ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

3.1. Образное пространство американской поэзии (*Л.И. Белехова*)

3.2. Паремийное пространство американской поэзии
(*И.С. Гулидова*)

3.3. Символическое пространство американских готических рассказов
(*С.Г. Шурма*)

3.4. Институциональное коммуникативное пространство Германии: экономическая культура (*Р.Е. Пилипенко*)

3.5. Дискурсивное пространство телевизионного ток-шоу (на материале итальянского языка) (*М.В. Крыжановская*)

НАШИ АВТОРЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

А.Э. Левицкий

Среди основных перспектив лингвистики начала XXI века неслучайно на передний план выходят исследования, ориентированные на изучение, с одной стороны, механизмов вербализации человеком знаний об окружающем мире, а, с другой, особенностей передачи информации в процессе общения. Именно поэтому наиболее значимыми чертами современного языкознания выступают антропоцентризм, экспланаторность и функционализм [16]. Их действие способствует перспективности сопоставления языковых и речевых данных в когнитивном и дискурсивном аспектах. При этом речь идет об освещении актуальных вопросов взаимосвязи языка и мышления, смежных с ним – языка и общества, языка и культуры. Таким способом проявляется гуманитарный характер лингвистики как науки; происходит фокусировка внимания исследователя на антропоцентрической основе процесса общения.

В пределах когнитивно-дискурсивной парадигмы [16] постулируется возможность выявления особенностей мировосприятия индивида, социальной или этнокультурной группировки через анализ “ословливания” действительности при передаче информации. В целом же сами формы интеракции предоставляют исследователю факты не только о ситуативном параметре процесса общения, но и об индивидуально-психологических свойствах (психическое состояние, темперамент) говорящего, его социальных (возрастных, гендерных и статусных) свойствах, а также этнокультурном факторе. Именно посредством анализа номинативно-коммуникативной деятельности человека с учетом этнокультурных, социальных, индивидуально-психологических и ситуативных фильтров мы можем обнаружить прототипические черты организации разных дискурсов, речевых жанров и коммуникативных ситуаций.

Выявление категориальных ориентаций, стереотипов, компетенций, стратегий, тактик и ходов номинативно-коммуникативной деятельности индивидов или их этнических группировок является существенным для проведения исследований, цель которых состоит в выявлении особенностей отдельных пространств, картин мира и типов языковых личностей. При использовании такого подхода повышается уровень обобщения результатов языкового, речевого и коммуникативного материала. Более весомыми становятся выводы относительно особенностей взаимодействия языка и речи, языка и мышления, языка и культуры.

Безусловная атропоцентричность современных поисков в русле языкознания не могла не сказаться на отношении исследователя к таким базовым для человека универсалиям, как *пространство* и *время*. С помощью данных категорий могут быть описаны самые различные явления и процессы,

ибо в системе пространственно-временных координат нами воспринимается всё сущее, всё доступное сознанию и пониманию. «Пребывая в пространстве, человек организует его, овладевает им, осваивает, очевидным образом влияя на его очертания» [29: 5]. Человек движется в рамках пространства, деформируя или сохраняя его в неприкосновенности. Направленность же движения индивида «структурирует пространство, придавая ему определённость очертаний» [29: 5]. П.А. Флоренский также отмечал, что «пространственным актом является каждый случай самоопределения, самоидентификации (человека, народа, личности)» [36]. По Г. Д. Гачеву, «пространство не просто дано нам извне, но произведено нами изнутри нашего «я»» [5: 274]. Именно поэтому рассмотрение как пространственных, так и временных отношений с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы помогает нам, с одной стороны, осмыслить окружающую действительность, увидеть себя и своё место в ней, а с другой, использовать целый ряд процедур, позволяющих смоделировать возможный мир, а также определённым образом структурировать известные нам данные, в том числе и языковые. Пространство, таким образом, выступает для лингвиста в двух ипостасях: во-первых, как объект номинации с позиций лингвокогнитивного, ономасиологического, семантического, словообразовательного, а возможно лингвокультурологического и межкультурного анализа; а, во-вторых, как форма представления полученных в процессе исследования данных. Итак, пространство как некий контейнер способно отразить не только мир, в котором мы живём, но и результаты работы нашего сознания как по его познанию в целом, так и отдельных его составляющих. Елена Самойловна Кубрякова, выступая в апреле 1997 года на научной конференции «Категоризация мира: пространство и время», пророчески заявила, что «по мере такого соотнесения нам станет более ясной не только история концептуальных и семантических структур слов, относящихся к номинации пространственных и временных характеристик, не только, так сказать, собственно лингвистическая сторона дела, нам должна стать более понятной ингерентная связь такого развития с развитием человеческих знаний о пространстве и времени как таковых, главным образом – о **пространстве** и разных **видах пространства**, в том числе – и о разных видах **пространства языка**: семантических или же семиотических видах пространства текста и дискурса, ноэтических пространствах отдельных языковых единиц и явлений и т. п.» [14: 6]. Сейчас, спустя 14 лет, мы вправе признать невероятную прозорливость выдающегося учёного (см. напр. [37]).

Как факт воспринимается то, что каждая языковая личность владеет определенным „набором” **когнитивных** пространств как совокупностей знаний, представлений, присущих определенной культуре. Когнитивное пространство формируется ментальными структурами и основывается на определенных „культурных феноменах”. Когнитивное пространство – это структурированная совокупность всех знаний и представлений, присущих

конкретной языковой личности [7: 90-94]. Различают также индивидуальное и коллективное когнитивное пространства [1: 145].

Открыты перспективы для моделирования **лингвокультурного** пространства, что повышает практическую ценность результатов исследований не только в области языкознания, но и переводоведения, а также межкультурной коммуникации. Поскольку речь является инструментом и зеркалом культуры [30: 7], в ней отражается не только реальный мир, но и сознание, национальный характер, менталитет, определенная система ценностей, моральные установки. Форма актуализации в языке культурно обусловленных особенностей определенной этнической группы является лингвокультурным пространством [6: 1]. Сравнение таких пространств или же их фрагментов позволяет выделить культурологическую природу разных языковых образований, показав роль тех феноменов, которые они обозначают в контексте явлений как определенной культуры, так и человечества в целом. По мнению Ю. М. Лотмана, язык может функционировать, только взаимодействуя с **семиотическим** пространством, а поэтому неделимым механизмом – единицей семиозиса – он считает не собственно язык, а все присущее определенной культуре пространство [19: 165].

В целом, понятие пространства является одним из перспективных в языкознании, поскольку позволяет сгруппировать элементы одного уровня, системы или аспекта. Так, **коммуникативное** пространство является совокупностью коммуникативных и информационных взаимодействий индивидов, объединенных общей территорией, профессиональными знаниями и статусно-ролевыми правилами, которые определяют их вербальное поведение [24: 1]. Анализ языковых данных в структурном и / или функциональном аспектах позволяет выделить **семантическое** [23; 27: 2-3], **ономастическое** [18], **номинативное** [21: 7], **топонимическое** [17: 377], **идиоматическое** [32: 6], **паремиологическое** [8: 2], **образное** [2], **мифологическое** [12] пространства как совокупность соответствующих единиц языка, отражающих признаки реалий и содержащие их лингвистическую интерпретацию. **Дискурсивное** [11; 13; 15: 18-24; 33: 232], **текстовое** [15: 23; 20: 165; 31: 477], **ориентационное** [25: 2], **ментальное** [34] и **концептуальное** [9; 10; 22: 9] пространства призваны сгруппировать языковые формы на основе реализации ими определенных когнитивных и / или дискурсивных установок в процессе передачи информации. Некоторые из перечисленных выше пространственных конфигураций языковых образований представлены в данном монографическом исследовании.

Интерес к презентации результатов лингвистических исследований в пространственной форме подтверждает, что данная категория наиболее полно позволяет отразить исследователю мир во всём его многообразии, или, как писал П. А. Флоренский: «Проблема пространства залегает в средоточии мысли и предопределяет сложение всей системы ... миропонимание – пространствопонимание» [36]. Человек, осваивая природное пространство,

постоянно семантизирует его, насыщает знаками и значениями [28: 263], что ещё раз убедительно доказывает тесную связь языка и мышления, в частности, познания всего сущего. Таким образом, пространственность присуща человеческому мышлению, что делает возможным представление результатов сугубо лингвистических исследований в данной форме.

Итак, перспективными направлениями современных лингвистических исследований можно считать структурацию полученных в ходе исследования данных в пределах определенных пространств, что позволит расширить наши знания о системе языка и реализации его потенций в речевой деятельности индивида, смоделировать проявления этнокультурных типов языковой личности разного этнического / социального плана в различных типах и видах дискурса.

Не остаётся на обочине магистральных направлений лингвистических исследований и анализ номинаций составляющих пространства и отношений между его частями. Учёные, как правило, исходят из положения, что пространство представляет собой основную форму существования материи и одну из базовых категорий бытия и познания. В восприятии пространства индивидом важную роль играют условия его психофизической организации, вследствие чего человек создаёт систему координат, центром которых является его тело (см., напр., [3; 4; 26; 35]).

В заключение отметим, что пространство предстаёт перед нами в качестве одного из измерений человеческого бытия как в физическом, так и в духовном плане, что и нашло отражение в предлагаемом Вашему вниманию издании.

Литература

1. Бацевич Ф. С. Словник термінів міжкультурної комунікації. – К.: Довіра, 2007. – 205 с.
2. Бєлєхова Л. І. Словесно-поетичний образ в історико-типологічній перспективі: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі американської поезії). – Херсон: Айлант, 2002. – 368 с.
3. Богданова С. Ю. Пространственная концептуализация мира в зеркале английских фразовых глаголов. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 180 с.
4. Богуцький В. М. Мовні моделі простору як культурно-національний феномен (на матеріалі української, англійської та іспанської мов): Автореф. дис. … канд. філол. наук. – К., 2010. – 20 с.
5. Гачев Г. Д. Национальный априоризм в представлениях путешественника о чужеземье: француз де Кюстин и болгарин Радичков едут в Россию // Категории и концепты славянский культуры. Труды Отдела истории и культуры. – М.: Институт славяноведения РАН, 2008. – С. 274 – 290.
6. Головня А. В. Лингвокультурное пространство художественной прозы Р. Киплинга: Автореф. … дис. канд. филол. наук. – Донецк, 2008. – 20 с.

7. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
8. Гулідова І. С. Паремійний простір американської поезії ХХ століття: лінгвокогнітивний і прагмалінгвістичний аспекти: Автореф. … дис. канд. філол. наук. – К., 2008 – 20 с.
9. Еремеева Н. Ф. Концептуальное пространство английской народной сказки: Дисс. … канд. филол. наук. – Черкассы, 1997. – 193 с.
10. Кагановська О. М. Текстові концепти художньої прози. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2002. – 292 с.
11. Казыдуб Н. Н. Дискурсивное пространство как элемент языковой картины мира: теоретическая модель: Автореф. дисс. …д-ра филол. наук. – Иркутск, 2006. – 34 с.
12. Колесник О. С. Міфологічний простір крізь призму мови та культури. – Чернігів: РВВ ЧНПУ імені Т. Г. Шевченка, 2011. – 312 с.
13. Крижановська М. В. Мовленнєві чинники формування дискурсивного простору телевізійного ток-шоу: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К., 2010. – 20 с.
14. Кубрякова Е. С. Категоризация мира: пространство и время (вступительное слово) // Категоризация мира: пространство и время: Матер. научн. конф. — М.: Диалог-МГУ, 1997. — С. 3-14.
15. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: Матер. научн. конф. — М.: Диалог-МГУ, 1997. — С. 15 — 26
16. Кубрякова Е. С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
17. Левицький А. Е. Топонімічний простір США: взаємодія лінгвокультур // Мовні і концептуальні картини світу. – Вип. 32. – 2010. – С. 377 – 381.
18. Литвин Л. В. Ономастичний простір художнього тексту і типи власних імен // Мовні і концептуальні картин світу. – Вип. 5. – К., 2001. – С. 124 – 128.
19. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Школа Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
20. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб: Искусство-СПб, 2001. – 704 с.
21. Недайнова И. В. Номинативное пространство «Игровой вид спорта» в современном английском языке: лингвокогнитивный и лингвокультурный аспекты: Автореф. … дис. канд. филол. наук. – К., 2004. – 20 с.
22. Никонова В. Г. Концептуальное пространство трагического в пьесах Шекспира: поэтико-когнитивный анализ: Автореф. … дис. д-ра филол. наук. – К., 2008. – 32 с.
23. Новичкова С. А. Семантическое пространство словообразовательного гнеда: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – СПб, 2005. – 19 с.
24. Пилипенко Р. Є. Інституційний комунікативний простір Німеччини: Автореф. … дис. д-ра філол. наук. – К., 2007. – 40 с.

25. Потапенко С. И. Ориентационное пространство современного англоязычного медиа-дискурса (опыт лингвокогнитивного анализа): Автореф. … дис. д-ра филол. наук. – К., 2008. – 32 с.
26. Проконичев Г. И. Категории пространства и времени в англо-шотландской народной балладе: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2010. – 24 с.
27. Радзієвська С. О. Семантичний простір концепту ДІМ в американській поезії ХХ століття: Автореф. дис. … канд. філол. наук. – К., 2008. – 20 с.
28. Свирида И. И. Пространство культуры. Аспекты изучения // Категории и концепты славянский культуры. Труды Отдела истории и культуры. – М.: Институт славяноведения РАН, 2008. – С. 274-290.
29. Софронова Л. А. Введение // Категории и концепты славянский культуры. Труды Отдела истории и культуры. – М.: Институт славяноведения РАН, 2008. – С. 3-8.
30. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.
31. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. – М.: Прогресс, 1995. – 623 с.
32. Фещенко Ю. І. Ідіоматичний простір “homo socialis” у сучасній англійській мові: лінгвокогнітивний та комунікативно-функціональний аспекти: Автореф. … дис. канд. філол. наук. – К., 2007. – 20 с.
33. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
34. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of meaning construction in natural language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 190 p.
35. Glaz A., Potapenko S. Visual aspects of meaning: Sky vs earth in English, Polish, Russian and Ukrainian // Проблеми зіставної семантики: Зб. наук. ст. Вип. 8. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2007. – С. 153-158.
36. magazines.russ.ru/novyi_mir/1994/7
37. Space in Language: Proceedings of the Pisa International Conference / ed. G. Marotta, A.Lenci, L.Meini, F. Rovai. – Edizioni ETS, 2010. – 648 p.

ГЛАВА 1
ОНТОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

1.1. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПЕРСПЕКТИВЕ ОРИЕНТАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

С.И.Потапенко

Пространство как средство моделирования широко представлено в современных лингвокогнитивных исследованиях. Умственную деятельность человека реконструируют с помощью ментальных пространств (mental spaces), то есть концептуальных пакетов информации [27: 15; 28: 40], или концептуальных сфер (domains) – контекстов, определяющих семантику языковых единиц [38: 113].

Несмотря на длительную историю использования понятия пространства в лингвистике, до сих пор отсутствует единство взглядов ученых относительно его статуса. Одни исследователи считают место и пространство логическими и концептуальными примитивами, несводимыми к другим сущностям [43: 555], другие пытаются установить истоки понятия пространства в его человеческой, а не математической или философской интерпретации [11: 466]. В этом русле гуманитарная наука все более склоняется к интерпретации пространства не как объективной категории бытия, а как субъективной формы человеческого разума, априорной формы наших ощущений и времени [23: 365]. Установление антропоцентрических истоков понятия пространства предполагает учет специфики процессов осмысления человеком мира в связи с телом, органами восприятия и нервной системой [42: 116; 9: 25], то есть в аспекте визуального ориентирования, когда относительно своего тела индивид выделяет объекты разной степени заметности и устанавливает отношения между ними. Указанная последовательность восприятия формирует в сознании человека концептуальную структуру, которую определяем как ориентационное пространство, структурируемое относительно тела человека как точки отсчета.

Ориентационное пространство как ментальная структура формируется в результате визуального ориентирования человека, опирающегося на противопоставление центрального ориентира и периферийной точки, на которую индивид направляет свое внимание [15: 466]. Последовательность ориентирования определяется ситуативной ролью тела и его строением (смотрящие вперед глаза, правая и левая стороны), способствующие возникновению в сознании человека первичных психофизических категорий «передний» и «задний», «правый» и «левый», а земное притяжение и вертикальное расположение тела формируют координаты «верх» и «низ» [15: 49]. В результате взаимодействия указанных точек отсчета все горизонтальное пространство вокруг индивида образует четыре части «передняя – задняя» и

«правая – левая» [15: 467], отражение которых в большинстве языков мира имеет антропоморфный характер [10: 29].

Функционирование ориентационного пространства обеспечивается способностью индивида устанавливать пространственную перспективу (spatial perspective taking), позволяющую одному собеседнику принять точку зрения другого и воспринимать мир его глазами [36: 80].

Концептуальная структура ориентационного пространства

В соответствии с постулатом когнитивной лингвистики о перцептивной основе абстрактного мышления ориентационное пространство структурируем с помощью образ-схем – элементарных доконцептуальных единиц когнитивной деятельности человека, возникающих под воздействием сенсомоторного опыта индивида и предназначенных для формирования сложных образов сознания [33: 35; 34: 18-19]. Эти структуры служат средством обобщения и формализации разнообразных перцептивно-моторных отношений, возникающих в результате взаимодействия человека с окружающей средой и определяющих модели мышления.

Образ-схемы имеют гештальтную структуру, то есть воспринимаются как единства [33: 44], у которых интерпретация частей зависит от понимания целого. Их рассматривают как концептуальные универсалии [37: 145], как основу схематического структурирования опыта человека, соотнесения его перцептивной и мыслительной деятельности [33: 75], формирования категорий, идеализированных когнитивных моделей, сценариев и других ментальных структур [12: 368-370; 31: 106-107]. Об их основополагающем статусе относительно других концептуальных структур свидетельствует описание фрейма комнаты с помощью координат «левый – правый» и «вертикаль» [14: 264], включенных в состав образ-схем, структурирующих как наши восприятия, так и ментальные образы [12: 585]. В термине «образ-схема» компонент «образ» выполняет две функции: с одной стороны, указывает на перцепцию как источник возникновения этих структур, а с другой, свидетельствует об их использовании для формирования сложных образов сознания. Элемент «схема» отражает чрезвычайно высокую степень обобщения этих структур, обусловленную постоянной повторяемостью выполняемых над ними операций.

Последовательность ориентирования человека в окружающей среде отражена пятью основными блоками образ-схем: соматическим, топологическим, перцептивным, пространственно-моторным и динамическим, представляющим элементарные силовые и кинетические отношения.

Соматические схемы включают ТЕЛО человека как центр ориентации, РАВНОВЕСИЕ, отражающее активность организма, и ПРОЦЕСС, включающий жевание, проглатывание и другие элементарные действия.

Взаимодействие образа тела как начального ориентира с органами восприятия формирует **топологические образ-схемы** разных разрядов:

направление взгляда относительно тела фиксируется координатами ВЕРХ – НИЗ, СПЕРЕДИ – СЗАДИ, ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ, СЛЕВА – СПРАВА, а расстояние объектов – ориентирами БЛИЗКО – ДАЛЕКО.

Перцептивные гештальты воссоздают образы, получаемые в результате восприятия объектов с разного расстояния относительно координат БЛИЗКО – ДАЛЕКО. Перцептивные образ-схемы МАССА – МНОЖЕСТВО – ИСЧИСЛЯЕМОСТЬ – ОБЪЕКТ формализуют образы физического объекта и его ментального аналога, формирующиеся при приближении или удалении наблюдателя. При движении назад количество предметов в поле зрения сначала увеличивается, затем они сливаются в недифференцируемую массу, а при приближении членятся на составляющие [33: 26], что дает основания для противопоставления МНОЖЕСТВА и МАССЫ [12: 553]. Придерживаясь тезиса о постепенности изменения образа объекта при удалении и приближении, эту оппозицию разворачиваем в последовательность отношений МАССА – МНОЖЕСТВО – ИСЧИСЛЯЕМОСТЬ – ОБЪЕКТ, где каждая пара связана отношениями ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ. Образ-схема МАССА представляет образы, формирующиеся с двух позиций: дальней, когда расположенная на расстоянии совокупность референтов воспринимается как недифференцированное целое, и сверхближней, при которой наблюдатель приближается настолько, что контуры объекта исчезают и он концептуализируется как недифференцированная масса. Соответственно, различаем две образ-схемы: МАССА^{1} представляет совокупность объектов в дальней перспективе, а МАССА^{2}, отражает результаты сверхблизкого восприятия. Образ-схема ОБЪЕКТ представляет предметы в близкой перспективе, МНОЖЕСТВО – в приближенной, а ИСЧИСЛЯЕМОСТЬ – в отдаленной. Указанные закономерности дают основания для вывода, что употребление существительных разных разрядов – неисчисляемых, собирательных, исчисляемых в единственном и во множественном числе – дополнительно имплицирует расстояние объектов от наблюдателя.

Учитывая взаимодействие визуального восприятия с тактильными ощущениями, перцептивные образ-схемы дополняем **пространственно-моторными,** ибо человек не только видит предметы, а берет их в руки или обходит с разных сторон, не только рассматривает, но и ощупывает их [20: 94-96]. Пространственно-моторные образ-схемы (ПРЕДЕЛ) – КОНТЕЙНЕР – ПУСТОЙ (ПОЛНЫЙ) – ВКЛЮЧЕНИЕ (ИСКЛЮЧЕНИЕ) – СОДЕРЖИМОЕ формализуют последовательные манипуляции человека с различными физическими объектами, транспонируясь на понимание трехмерного пространства. Соответственно, физический объект или его ментальный аналог воспринимается извне как целое, а изнутри как КОНТЕЙНЕР, то есть как трехмерное пространство с определенным СОДЕРЖИМЫМ.

Динамические образ-схемы соотносят объекты разной степени заметности с отношениями силы и движения. Кинетическая схема ПУТЬ представляет предмет в движении, локализуя его относительно начальной,

промежуточной или конечной точек траектории. ЦИКЛ формируется в результате совпадения исходной и конечной точек траектории, а ВЕРТИКАЛЬ представляет траекторию, ограниченную координатами ВЕРХ и НИЗ. Названия силовых гештальтов акцентируют особенности взаимоотношений между объектами: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ, ПРЕПЯТСТВИЕ, УСТРАНЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ / ПОТЕРЯ ВОЗМОЖНОСТИ, ПРИТЯЖЕНИЕ, ПРИНУЖДЕНИЕ.

Учет принципов ориентирования при описании организации дискурса позволяет дифференцировать три основные пространства: дискурсивное, или гипертекст; текстовое; ситуативное. Дискурсивное ориентационное пространство локализует адресата в дискурсе в целом относительно соматических координат, которые определяют расположение изображений и заголовков. Текстовое ориентационное пространство структурирует отдельные сообщения, раскрывающие содержание заголовков. Ситуативное ориентационное пространство локализует отдельные референты в составе событий, описываемых в текстах.

Дискурсивное ориентационное пространство: структурирующая роль мини-текстов

Дискурсивное ориентационное пространство, или гипертекст, связанный с нелинейным расположением печатного материала, локализует адресата на пересечении соматических координат ПЕРЕДНИЙ – ЗАДНИЙ, ВЕРХНИЙ – НИЖНИЙ, ЛЕВЫЙ – ПРАВЫЙ, ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ. В отличие от книг, воспринимаемых относительно координат ВЕРХ – НИЗ и ПРАВО – ЛЕВО, гипертекст ориентирован на бóльшее число точек отсчета и поэтому допускает бóльшую свободу адресата.

Ориентационное пространство масс-медийного дискурса структурировано заголовками двух типов, которые, функционируя как мини-тексты, привлекают внимание читателей благодаря вербализации наиболее важных аспектов событий: дискурсивными и текстовыми.

Дискурсивные заголовки, включающие названия разделов и рубрик, ориентируют адресата в издании в целом, а названия текстов формируют представление об отдельных аспектах событий. Дискурсивные заголовки на интернет-сайтах обозначают дату обновления материалов, названия разделов, рубрик, тематических подборок, а поэтому обычно имеют структуру назывных предложений, ср. *11 February 2011 Last updated at 19.51* и *Последнее обновление: пятница, 11 февраля 2011 г., 19:11 GMT 22: 11 МСК.*

Текстовые заголовки привлекают непроизвольное внимание адресата к отдельным аспектам событий с помощью номинативных единиц, выбор которых определяется потребностями аудитории и спецификой языка. В структурно-семантическом плане текстовые заголовки занимают промежуточное место между синтаксисом и текстом. Подобно предложению

они сообщают о событиях [18: 239], составляющих основу сообщений средств массовой информации [2: 258], и имеют два основных компонента: именной, обозначающий участников, и предикативный, устанавливающий отношения между ними. Подобно текстам заголовки выполняют две функции: анафорическую, или интертекстуальную, отсылая читателя к сообщениям о предыдущих событиях, и катафорическую, представляющую содержание предлагаемых сообщений. Текстовые заголовки изображают участников событий, с которыми себя соотносят читатели, как источник или цель удовлетворения или дефицита базовых потребностей: физиологических, безопасности, принадлежности, признания, самоактуализации или чувственного удовлетворения [41: 37].

В зависимости от вида дискурса текстовые заголовки имеют структуру простых, иерархических или бессоюзных предложений. Простые отношения представлены отдельными предикативными центрами, напр., *Obama 'has not smoked in a year'* bbc.co.uk/news/ 8.02.2011), иерархические – сложноподчиненными предложениями, дифференцирующими события в аспекте важности или последовательности, напр., *Father 'admits he killed twins'* (bbc.co.uk/news/ 11.02.2011), а бессоюзные объяснительные – конкретизируют общее значение первой части во второй, что наблюдается в неразвернутых журнальных заголовочных комплексах, состоящих из названия рубрики и заголовка, напр., ***The Koreas:*** *The Reagan of Seoul* (Newsweek 27.09.2010, 22). В приведенном примере название рубрики *The Koreas* и заголовок *The Reagan of Seoul* образуют две части бессоюзного объяснительного предложения: первая называет страну, а вторая характеризует ее руководителя.

Строение предложений, структурирующих заголовки и неразвернутые заголовочные комплексы, привлекает внимание аудитории, акцентируя аспекты событий, связанные с ее потребностями. Стержнем организации медиа-дискурса является потребность в принадлежности, обусловливающая именование в начале заголовков представителей различных этносов или социальных групп, напр., *South Sudan votes for secession* (bbc.co.uk/news/ 29.01.2011), а также семейную принадлежность, напр., *Father flies home to house of tragedy* (Daily Mail 26.02.2011, 37). Потребность в безопасности реализуется в заголовках и заголовочных комплексах именованием индивидуальных и общественных угроз, а также их последствий, напр., *Bomb kills acclaimed Ukrainian writer* (bbc.co.uk/news/ 25.01.2011). Потребность в признании отражена в заголовках, посвященных поп-звездам и политикам, напр., *Obama urges political partnership* (bbc.co.uk/news/ 26.01.2011), а потребность в самоактуализации – сообщениями о достижениях в различных общественных сферах, напр., *Growth in the US economy improves* (bbc.co.uk/news/ 28.01.2011).

Рассмотрим особенности структурирования дискурсивного ориентационного пространства на примере заголовков, апеллирующих к потребности в безопасности – наиболее многочисленных в современных СМИ. Безопасность и ее дефицит эксплицируются выдвижением в начало заголовков

номинативных единиц, обозначающих различные роли участников событий, и имплицируются предикатами, представляющими индивида как источник поддержания, потери, нарушения или восстановления безопасности.

В инициальных позициях заголовков к потребности в безопасности апеллируют номинативные единицы, обозначающие жертв, напр., *victims*; преступников, напр., *violent robber, murder suspect, bomber*; источники угрозы, напр., *blaze, bomb, dogs, fire, floods, tornado*; иммигрантов, напр., *immigrants*; болезни, напр., *lung cancer, epidemic, cholera*; лиц, поддерживающих безопасность, напр., *doctors, police*; прилагательные, указывающие на угрозу, напр., *deadly.*

Поддержание безопасности отражено заголовками, соотносящими участников событий с целью ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ, обозначенного предикатами с семой *'able'*. На поддержание индивидуальной безопасности указывают глаголы, обозначающие питание, напр., *Drink yourself slim* (Daily Mail 31.05.2001, 21); приобретение полезных продуктов, напр., *Four in 10 shoppers now buy organic* (Daily Mail 31.05.2001, 31); прилагательное *good,* в состав которого входит сема *'able'* [40: 698], напр., *Official: chocolate is good for you* (The Times 19.02.2000, 1).

При употреблении предикатов общей семантики номинативные единицы в начале заголовков обозначают источник ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ, апеллирующий к поддержанию безопасности, напр., *Hot drinks really do help with a cold* (The Daily Telegraph 9.12.2008, 1). В приведенном заголовке название горячих напитков *(hot drinks)* обозначает источник, содействующий нормальному функционированию организма.

Поддержание общественной безопасности отражено номинативными единицами, обозначающими представителей различных слоев населения, напр., *Non-GPs could be able to sign sicknotes* (Daily Mail 15.07.2005, 19), договоренности, напр., *Peace deal 'possible in 48 hours'* (The Daily Telegraph 3.12.2001, 12), территории, напр., *Scotland 'can power Britain'* (The Daily Telegraph 10.12.2001, 4), государства, напр., *French site for world's first fusion energy plant* (The Daily Telegraph 24.06.2005, 6). В последнем из приведенных примеров Франция изображена как источник ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ, содействующий поддержанию энергетической безопасности.

На **потерю безопасности** или ее отсутствие указывает соотнесение референтов с целью УТРАТЫ ВОЗМОЖНОСТИ, активированной предикатами с семой *'unable'* и зависимыми единицами, обозначающими источник и цель безопасности. Предикаты этой группы именуют смерть, напр., *Four died in ivory Coast clashes* (news.bbc.co.uk/ 11.01.2011), убийства, напр., *Police killed in Sudan violence* (news.bbc.co.uk/ 10.01.2011), самоубийства, напр., *Boy, 12, hanged himself after his PlayStation was confiscated* (Daily Mail 15.07.2005, 35), нанесение вреда, напр., *Genetic foods may 'harm humans'* (Daily Mail 10.08.1998, 4). На источник угрозы указывают образованные от перечисленных глаголов

существительные: *death,* напр., *Couple freeze to death on mountain after frantic call to friend* (The Daily Telegraph 21.02.2006, 7); *killer,* напр., *Killer from primary school* (Daily Mail 15.07.2005, 7); названия болезней, напр., *Cancer chemicals are found in eggs* (Daily Mail 4.06.2001, 5); опасного поведения, напр., *How those marital rows can be bad for the health* (Daily Mail 6.12.2005, 6); отрицательных эмоций, напр., *Alarm over US anthrax case* (The Times 5.10.2001, 8).

Нарушение безопасности, или опасность, отражается соотнесением участников событий с источником либо целью ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ, ПРИНУЖДЕНИЯ или ПРЕПЯТСТВИЯ.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ формализует столкновение центров двух сил, когда ни одна из них не может продолжать движение [33: 46], то есть отражает приблизительно одинаковый статус референтов, указывая на потенциальную угрозу вследствие нарушения равновесия. Эти отношения обозначены предикатами с семой *'against'* «против» в заголовках односоставной и двусоставной синтаксической структуры. В первых из них неисчисляемые и собирательные существительные представляют событие в дальней перспективе, напр., *Mexico row as journalist sacked* (news.bbc.co.uk/10.02.2011). Заголовки двусоставной синтаксической структуры – наиболее распространенные в СМИ – изображает ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ в близкой перспективе: источник угрозы обозначен группой подлежащего, цель – дополнением, а направление силы – активными формами глаголов *accuse,* напр., *Doctors accuse Labour over the long wait in A and E* (Daily Mail 29.10.2002, 17); *assault,* напр., *Video shows police assaulting injured suspect* (The Daily Telegraph 10.12.2001, 4); *attack,* напр., *Palin attacks media blood label* (news.bbc.co.uk/ 12.01.2011); *clash,* напр., *Bush and Obama clash over car industry rescue* (The Daily Telegraph 12.11.2008, 15); *defy,* напр., *Heart girl defies the odds to give parents hope* (The Daily Telegraph 29.08.2002, 9); *hit,* напр., *Public hit at Blair in fire strike furore* (Daily Express 25.10.2002, 4) и др.

Предикаты обозначают в заголовках три разновидности ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ, акцентирующие разные виды угрозы: физическое, социальное или коммуникативное.

ФИЗИЧЕСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ, имплицирующее угрозу жизни, отражено в заголовке *Sinn Fein mob attack towers* (The Daily Telegraph 10.12.2001, 2), где группа подлежащего *Sinn Fein mob* обозначает вооруженную толпу, угрожающую охране башен, обозначенных дополнением *towers.* СОЦИАЛЬНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ моделирует угрозу обществу или организациям без потери жизни, напр., *Airlines set to sue for 300m over terror losses* (The Times 17.08.2006, 1). КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ, как один из способов влияния на собеседника, ведения межличностной борьбы и реализации стратегических замыслов [8: 213], обозначено в заголовках глаголами *ask,* напр., *Ex-wife asks for extra 2.6 m* (The Guardian 15.10.2002, 9); *challenge,* напр., *Family can challenge gun inquest* (The Daily Telegraph 29.06.2005, 6); *criticize,* напр., *Berlusconi criticizes prosecutors*

(news.bbc.co.uk/ 9.02.2011); *condemn,* напр., *Bush condemns 'acts of murder' and fears of harsh reprisals* (The Daily Telegraph 3.12.2001, 4); *reject,* напр., *Protesters reject Mubarak speech* (news.bbc.co.uk/ 2.02.2011).

Нарушение безопасности, вызванное ПРИНУЖДЕНИЕМ, представляющим движение объектов под влиянием внешних сил [33: 45], отражает бóльшую степень угрозы, чем при ПРОТИВОДЕЙСТВИИ, ибо акцентирует доминирование источника силы. Заголовки, соотносящие события с ПРИНУЖДЕНИЕМ, имеют синтаксическую структуру двусоставных и эллиптических предложений. При двусоставной структуре номинативные единицы обозначают источник, цель и направление ПРИНУЖДЕНИЯ, создавая эффект объективности, ибо, как правило, событие обусловлено причиной, соотносимой с источником силы. ПРИНУЖДЕНИЕ обозначено предикатами с семой *'make'*: *end,* напр., *Gales will end autumn show of colours* (The Daily Telegraph 29.11.2001, 11*)*; *force,* напр., *Mugabe war veterans forced me to leave, says priest* (The Daily Telegraph 29.08.2002, 17); *make,* напр., *Doctor made patient pregnant* (The Daily Telegraph 21.11.2000, 9); *oust,* напр., *Musharraf ousts three hardliners* (The Times 9.10.2001, 7); *urge,* напр., *Clinton urges China real action* (news.bbc.co.uk/ 14.01.2011).

Угроза акцентируется именованием в начале заголовков цели ПРИНУЖДЕНИЯ при опущении имени источника, напр., *Haiti urged to arrest 'Baby Doc'* (news.bbc.co.uk/ 17.01.2011), или его обозначении в придаточном предложении, напр., *Average earners squeezed out as home prices rise* (The Daily Telegraph 3.12.2001, 7). В последнем примере подлежащее главного предложения *earners* соотносит наемных рабочих с целью ПРИНУЖДЕНИЯ, обозначенного сказуемым *squeeze out* «выдавливать», а группа подлежащего *home prices* в придаточном предложении указывает на источник этого воздействия.

Подобно другим силовым отношениям ПРЕПЯТСТВИЕ, представленное силовым вектором, который останавливается или изменяет траекторию движения в результате столкновения [33: 45], воплощается в четырех разновидностях нарушения безопасности: перцептивном, физическом, физиологическом и социальном.

ПЕРЦЕПТИВНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ, угрожающее правильной интерпретации действительности, обозначено предикатами со значением невозможности восприятия объектов, напр., *City hides Diana picture as Charles and Camilla visit* (Daily Mail 15.07.2005, 21). Источник ФИЗИЧЕСКОГО ПРЕПЯТСТВИЯ тормозит передвижение людей и созданных ими механизмов, напр., *Nuclear sub runs aground* (The Daily Telegraph 7.11.2002, 17). В приведенном примере подлежащее *nuclear sub* «подводная лодка» обозначает движущийся объект, а обстоятельство *aground* «мель» – ФИЗИЧЕСКОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ, что позволяет апеллировать к потребности в безопасности. В отдельных заголовках ФИЗИЧЕСКОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ взаимодействует с физиологическим, вызывающим потерю жизни, напр., *"Mummy I got buried*.

Please make it quick" (The Independent 26.02.2011, 27). В приведенном примере предикат *buried* описывает угрозу физиологической потребности в дыхании, которая возникла в результате падения на девушку разрушившегося здания.

Источник СОЦИАЛЬНОГО ПРЕПЯТСТВИЯ обозначен названиями организаций, ограничивающих свободу граждан. В заголовке *Ofstead to tighten check-up rules* (The Guardian 11.11.2002, 13) предикатив *to tighten* именует вектор ПРЕПЯТСТВИЯ, подлежащее *Ofstead* соотносит общественную организацию с его источником, а дополнение *rules* – правила деятельности с целью. Как правило, СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ обозначается глаголами *ban,* напр., *Militant Islamist groups banned under terror law* (The Times 18.07.2006, 26), и *stop,* напр., *'Hijack bid stopped'* (The Times 9.10.2001, 8).

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ обозначено предикатами, имплицирующими наличие определенных навыков. Например, в заголовке *Doctor drugged and abused patients* (The Guardian 21.09.2002, 12) сказуемое *drugged* имплицирует использование лекарств, то есть связывает ПРЕПЯТСТВИЕ с профессиональной подготовкой врача.

Возобновление безопасности отражено соотнесением содержания заголовка с ПРАВОВЫМ ПРЕПЯТСТВИЕМ, цель которого создает угрозу окружающим, а поэтому ограничение ее свободы способствует поддержанию общественной безопасности. В начале таких заголовков номинативные единицы соотносят правоохранительные органы с источником ПРЕПЯТСТВИЯ, напр., *Gulf police say Britons ran Internet drug gang* (The Daily Telegraph 21.11.2000, 13), а преступников – с целью их деятельности, напр., *Killer trucker jailed* (Daily Mail 31.05.2001, 29). Кроме участников событий, в начале заголовков обозначаются средства, ограничивающие свободу преступников: обвинения, напр., *Charges brought over Bolivia plot* (news.bbc.co.uk 18.12.2010), заключение под стражу, напр., *Jail for Colombia's ex-president's cousin* (news.bbc.co.uk/ 22.02.2011), или приговор, напр., *Nine years for twins who killed their 'Nana'* (Daily Mail 3.02.2006, 28).

Предикаты, апеллирующие к ПРАВОВОМУ ПРЕПЯТСТВИЮ, именуют этапы ограничения свободы преступников, образующие последовательность событий: подозрения, напр., *Murder suspect* (The Daily Telegraph 23.06.2005, 8); получение доказательств, напр., *Guns and drugs seized in travellers' camp raid* (The Daily Telegraph 29.06.2005, 9); предъявление обвинений, напр., *Kenya police accused over shooting* (news.bbc.co.uk/ 20.01.2011); задержание подозреваемых, напр., *Hundreds held over Egypt protests* news.bbc.co.uk/ 26.01.2011), предварительное заключение, напр., *Scores arrested in US mafia crackdown* news.bbc.co.uk/ 20.01.2011), досудебное разбирательство, напр., *Driver faces German crash inquiry* (news.bbc.co.uk/ 31.01.2011), осуждение, напр., *Saudi woman jailed for maid abuse* (news.bbc.co.uk/ 10.01.2011).

При **восстановлении безопасности** заголовки соотносят невиновных с целью УСТРАНЕНИЯ ПРЕПЯТСТВИЯ, предполагающим ликвидацию барьеров или отсутствие потенциальных ограничений [33: 46], что обозначено

предикатами с семами *'free', 'remove', 'discover', 'see'*. Заголовки этой группы акцентируют событийные составляющие, соотносимые с целью УСТРАНЕНИЯ ПРЕПЯТСТВИЯ: освобожденных из заключения, напр., *Japan frees Chinese boat captain* (news.bbc.co.uk/ 24.09.2010), снятие обвинений, напр., *Cleared of rape, man who had sex with the wrong woman* (Daily Mail 26.02.2011, 21), нахождение вещей или людей, пропавших без вести, напр., *Frozen climbers found 17 years on* (The Times 17.08.2006, 3). Кроме силовых отношений, о восстановлении безопасности сигнализирует удаление источника угрозы, что отражено в соотнесении людей с траектором образ-схемы ПУТЬ. Так, в заголовке *Home alone children flee blazing house* (Daily Mail 15.07.2005, 7) сказуемое *flee* описывает бегство детей от опасности, представленной пылающим домом – *blazing house*.

Степень проявления угрозы или обеспечения безопасности отражена в инициальных позициях заголовков единицами, обозначающими источник угрозы, сказуемыми с семантикой движения ВВЕРХ относительно КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ВЕРТИКАЛИ и названиями отрицательных эмоций.

На возрастание угрозы, соотносимое с движением ВВЕРХ по КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ВЕРТИКАЛИ, указывают предикаты *soar,* напр., *Pat shooting soars as teens use them for targeting practice* (Daily Mail 29.10.2002, 39); *treble,* напр., *Food bug danger 'is trebled in organic chickens'* (Daily Mail 4.10.2001, 11); *rise,* напр., *Water bills are to rise above 500 a year* (Daily Mail 26.02.2011, 5); обстоятельством *up,* напр., *Petrol price pumped up* (The Daily Telegraph 29.06.2005, 6). Последний заголовок соотносит цены на бензин с движущимся ВВЕРХ траектором, ассоциируясь с угрозой объекта, возвышающегося над наблюдателем.

К средствам прямой номинации отрицательных эмоций, привлекающим в заголовках внимание к угрозе, относятся единицы *alarm, anger, fear, fury, horror, hatred, terror, outrage, shame.* Их употребление в разных позициях названий текстов отражает степень угрозы.

В начале заголовков эмотивные единицы апеллируют к опыту переживания соответствующих состояний аудиторией, о чем свидетельствует отсутствие названий субъектов эмоций. Эмотивные единицы употребляются в начале заголовков в составе номинативных предложений, напр., *Anger over Japan nuclear exodus* (news.bbc.co.uk/ 16.03.2011), которые могут иметь придаточные, напр., *Anger as France passes pension bill* (news.bbc.co.uk/ 15.09.2010). Лексема *anger* в первом из приведенных примеров описывает негодование угрозой, исходящей от японской ядерной электростанции, поврежденной в результате землетрясения, а во втором заголовке недовольство вызвано введением во Франции пенсионной реформы. Эмотивные лексемы в конце заголовков ограничивают влияние события на деятельность аудитории, о чем в следующем примере свидетельствует относительное прилагательное *Dutch,* обозначающее страну, не связанную с аудиторией британского издания: *Outspoken Dutch MP fuels Muslim fury* (The Guardian 29.01.2003, 6).

Предназначение эмотивных единиц для апелляции к чувствам бóльшей части аудитории демонстрирует употребление существительного *horror* в двух следующих заголовках, апеллирующих к читателям-родителям. Его вынесение в начало заголовка *Horror as family see girl die in ski crash* (Daily Express 19.12.2001, 8) представляет более типичную ситуацию гибели ребенка во время лыжной прогулки. В конце заголовка *Soccer bay's horror* (Daily Express 24.10.2002, 18) это же существительное описывает эмоции, вызванные менее распространенным событием смерти отца-тренера на глазах у сына. О разной значимости для читателя двух описанных событий свидетельствует их представление в первом заголовке с точки зрения всей семьи, обозначенной лексемой *family,* а в начале второго заголовка – с позиции ребенка, названного существительным *boy.*

Проведенный анализ приводит к выводу, что при соотнесении с целью силовых отношений и ориентирами, движущимися в пределах, формализованных образ-схемами ВЕРТИКАЛЬ и ПУТЬ, заголовки отражают удовлетворение потребности в безопасности или ее дефицит. На степень последнего указывают единицы, именующие в начале заголовков угрозу, предикаты, обозначающие движение КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ВЕРТИКАЛЬЮ, а также названия отрицательных эмоций в разных позициях заголовков.

Текстовое ориентационное пространство: структурирующая роль стратегий и тактик

Текстовое ориентационное пространство, заполненное событиями, структурируется мотивационными стратегиями, развивающими содержание заголовков и определяющими выбор предикатов, устанавливающих между участниками событий отношения, активирующие соответствующие потребности аудитории. Ориентационно-мотивационные стратегии имеют три варианта воплощения: информационный, аналитический и информационно-аналитический. Информационный вариант реализуется в газетных и интернетных новостях взаимодействием предикатов в заголовках и абзацах, имеющих структуру отдельных предложений [35: 90] и объединенных в текстовые блоки главного события, фона или комментариев [5: 131]. Статьи журналов новостей имеют более сложное строение: содержание заголовков соотносится с начальными предложениями абзацев, которые аргументируются последующими высказываниями. Информационные ориентационно-мотивационные стратегии воплощается в текстах двумя тактиками – текстообразующими и номинативно-текстовыми.

Текстообразующие тактики подчиняют выдвижение в наиболее заметные визуальные позиции дискурса – начало заголовков, подзаголовков и абзацев, образующих основные блоки, – единиц, обозначающих компоненты событий, связанные с потребностями аудитории, ибо выдвижение рассматривают как размещение на переднем плане форм, служащих

поисковыми сигналами или «ключами» в процессах языковой обработки информации [13: 21].

Тактика акцентирования повышает статус участника события в результате его обозначения в начале заголовка и абзацев, описывающих основное событие. Так, австралийский премьер-министр идентифицирован в заголовке *Australia PM Gillard begins task to build coalition* (bbc.co.uk/) и в начальных позициях трех первых абзацев, образующих блок главного события: (1) *Australian Prime Minister Julia Gillard has held initial talks with independent candidates to try to form a government after an inconclusive election.* (2) *Ms Gillard said she would continue to provide "stable" government as final votes are counted.* (3) *She acknowledged that neither her Labor Party nor the opposition conservative coalition was likely to win the 76 seats needed for an outright majority.*

Тактика ***идентификации*** акцентирует источник или цель силы, связанный с базовыми потребностями аудитории через опущение его названия в заголовках с последующим выдвижением в инициальные позиции абзацев, образующих блок главного события. Тактика идентификации источника угрозы представлена в тексте, озаглавленном *Maternity services threatened* (The Daily Telegraph 3.02.2006, 8). В приведенном заголовке не названо препятствие увеличению рождаемости в Британии, но оно обозначено в начале первого абзаца группой подлежащего *nationwide shortage of specialist doctors*, указывающей на нехватку врачей: *A nationwide shortage of specialist doctors is threatening maternity services* (The Daily Telegraph 3.02.2006, 8).

При тактике ***конкретизации*** нарицательные или абстрактные существительные в заголовках представляют события в дальней или отдаленной перспективе, а текст именует его составляющие. Так, в сообщении под заголовком *Row over name for euthanasia group* (The Daily Telegraph 23.01.2006, 2) тактика конкретизации определяет идентификацию сторон скандала, обозначаемых существительным *row*: сторонников эвтаназии (*Britain's leading euthanasia group*), ее противников (*signatories representing a large group of people opposed to euthanasia*) и министра-посредника (*Alan Johnson, the Trade and Industry Secretary*).

Тактика ***количественной конкретизации*** имеет два варианта реализации – текстообразующий, при обозначении количества в заголовке и во всех блоках текста, и номинативно-текстовой, при количественной характеристике отдельных референтов. Текстообразующая тактика количественной конкретизации структурирует сообщения в двух противоположных направлениях – от ЦЕЛОГО в заголовке к его ЧАСТЯМ в тексте или от ЧАСТИ в заголовке к ЦЕЛОМУ в сообщении. Первый вариант представлен в тексте, озаглавленном *Millions for war on terrorism* (Daily Express 28.11.2001, 8-9). В этом названии существительное *millions* именует миллионы, предназначенные для борьбы с терроризмом, представляя их как источник поддержания глобальной безопасности. В блоке главного события указанная сумма членится на ЧАСТИ числительными *100, 30, 20 million:* (1) *MILITARY chiefs, police,*

security services and aid agencies were yesterday handed millions; (2) *The Chancellor gave 100million to the Ministry of Defence;* (4) *An extra 30million has been put aside to cut off terrorists finances; A further 30million will go to the Metropolitan Police;* (5) *MI5 and MI6 will also receive 20million more this year.* Развертывание текста от ЧАСТИ к ЦЕЛОМУ представлено сообщением под заголовком *Beckham earns 47,000 a day, accounts reveal* (The Daily Telegraph 1.12.2005, 7). Ежедневный заработок футбольной звезды Британии обозначен в заголовке числительным *47,000,* а годовая прибыль – числительным *17,335,937* во втором абзаце: *One activity of providing "the services of David Beckham" brought in 17,335,937, or 47,495 daily.*

При тактике ***контраста*** в инициальной позиции заголовка обозначен источник ПРИНУЖДЕНИЯ, а в начале абзацев, образующих блок главного события, – цель, к которой у аудитории формируется сочувствие. Эта тактика реализуется предикатами, обозначающими бегство от опасности, что демонстрирует сообщение под заголовком *Mugabe war veterans forced me to leave, says priest* (The Daily Telegraph 29.08.2002, 17). В этом названии группа подлежащего *Mugabe war veterans* позиционирует военных как источник ПРИНУЖДЕНИЯ, а текст фокусирует внимание читателя на священнике, соотносимом с целью воздействия: (1) *A priest said yesterday that President Mugabe's so-called war veterans had threatened his life and forced him out of his parish;* (2) *He was summoned to the offices of secret police on three occasions;* (3) *Fr Kelly said he was threatened with beatings or torture;* (4) *At one stage, he was visited by seven so-called war veterans who ordered him out of the 400 square mile parish. Fr Kelly went to see the two bishops in the provincial capital, Mutare, and both advised him to leave.*

В отличие от предыдущей тактики, ***отпор*** акцентирует цель ПРИНУЖДЕНИЯ, которая противодействует источнику, а поэтому содержание текста структурируется отношениями ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ, источник которого обозначен в инициальных позициях блока главного события. Эта тактика воплощена в тексте под заголовком *Schoolgirl is sent home for wearing a crucifix* (Daily Mail 6.12.2005, 5). В этом названии школьница представлена как цель ПРИНУЖДЕНИЯ сказуемым *is sent*, а тактика отпора реализуется в блоке главного события (с первого по седьмой абзац) единицами, обозначающими мать девочки и сказуемыми со значением ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ: (1) *The mother of a pupil sent home for wearing a crucifix has accused her school for discriminating against Christians.* Исключение составляют лишь второй и восьмой абзацы, детализирующие содержание заголовка и изображающие школьницу как цель ПРИНУЖДЕНИЯ: (2) *Sam Morris, 16, was ordered to remove her gold necklace;* (8) *Sam, who attends Sin/in Community School in Derby, was sent home on Thursday. The deputy headmaster had asked her to remove her necklace, but she refused.*

Тактика ***сбалансированной репрезентации*** сторон КОММУНИКАТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ состоит в выдвижении в

начало примыкающих абзацев фамилий политиков, что создает эффект заочной дискуссии между ними. Так, в первых двух абзацах сообщения под заголовком *Jittery Brown sets his attack dogs on Clarke* (The Daily Telegraph 9.09.2005, 12) противопоставлены лидер лейбористов Гордон Браун и руководитель консерваторов, Кэннет Кларк: (1) *Gordon Brown unleashed his attack dogs on Kenneth Clarke;* (2) *As Mr Clarke stepped up his leadership campaign by trying to demolish Mr Brown's record on the economy, the Chancellor's former chief economic adviser, Ed Balls, replied with a savage assault on Mr Clarke's record.* В начальных позициях трех последующих абзацев названы Гордон Браун и его сторонники (*His intervention – Mr Brown – Many Labour MPs*), а во втором блоке выдвигаются единицы, обозначающие Кэннета Кларка, чем обусловлена идентификация Гордона Брауна в позиции дополнения первого предложения этого блока: *Mr Clarke accused Mr Brown of squandering the strong economy – He said – Mr Clarke, 65, spelt out his economic manifesto.* Чередование имен представителей противоположных лагерей с более низким статусом структурирует блок Комментариев: (10) *But Mr Balls, MP for Normanton, ridiculed Mr Clarke;* (16) *An aide to Mr Clarke said yesterday that Mr Balls's intervention showed the Brownites were "petrified".*

Номинативно-текстовые тактики определяют выбор единиц, именующих и характеризующих участников событий, их групповую принадлежность, статус, траекторию движения, количественные параметры.

Тактика ***видовой детализации*** причисляет участников событий к профессиональным группам, напр., *historian, tennis player, policeman, a media watchdog*, или неживым объектам, напр., *company.* Эта тактика дифференцирует источник и цель ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ в сферах телесной, финансовой или общественной безопасности. Телесная безопасность отражена названиями средств воздействия на организм: медицинских процедур, напр., *electric shock* (в заголовке) – *electroconvulsive therapy* (в тексте); лекарств, напр., *drugs* (в заголовке) – *Prozac and Seroxat* (в тексте); продуктов питания, напр., *oil* (в заголовке) – *olive oil, virgin and extra oil* (в тексте). В сообщениях о поддержании финансовой безопасности тактика видовой детализации определяет именование правительственных учреждений и их представителей, выступающих как источник деятельности (*the Chancellor*), или индивидов, государств и общественных институтов, соотносимых с целью поддержания безопасности, напр., *military chiefs, Ministry of Defence, the Metropolitan Police, MI5 and MI6.*

Тактика ***количественной детализации*** подчиняет именование денежных сумм в блоках о компенсациях, напр., *has won 2.8 million; has won a 20,000 settlement, was awarded 66,000 in damages.* Тактика ***общественной детализации*** обусловливает обозначение в отдельных текстовых блоках статуса лиц, соотносимых с целью возобновления безопасности, напр., *a mother, a soldier, a 23-year-old-graduate, a student nurse, a black equal opportunities officer.* Тактика ***детализации траектории*** движения воплощена

единицами, соотносящими участников событий с координатами образ-схем ПУТЬ и ВЕРТИКАЛЬ. Отдельный вариант тактики детализации траектории движения представлен *количественной детализацией*, при которой квантификативные единицы соотносят участников событий с различными видами шкал: возрастной, напр., *young, the average 50-year-old man*; количественной, напр., *exceeds a quarter of a million people, at 257,000*; оценочной, напр., *16 per cent more top grades at A level*; денежной, напр., *was fined 250,000*; расстояния, напр., *transported 130 miles by road*; скорости, напр., *zoomed to a reading of 150 mph*; высоты, напр., *5,000 feet up in the Picos de Europa range.*

Тактика ***топологической детализации*** подчиняет именование названий тела или его частей, подвергающихся угрозе, напр., *suffered psychological damage, from post-natal depression, attempted suicide, was hunched up at his desk.* При обеспечении сохранности неживых объектов тактика топологической детализации предопределяет именование их ЧАСТЕЙ. Так, в сообщении под заголовком *How steward battled in vain to save plane that turned into a tomb* (Daily Mail 16.08.2005, 11), соотносящем содержание с ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ВОЗМОЖНОСТИ, тактика топологической детализации обусловила обозначение самолета *(Boeing 737),* кабины пилота *(the cockpit),* инструментов управления *(the controls)*, поддерживающих безопасность судна: (1) *A steward fought desperately to save the stricken Boeing 737;* (2) *Andreas Prodromou rushed to the cockpit;* (3) *He tried to take over the controls.* При гарантировании телесной безопасности топологические единицы обозначают разные части тела, напр., *face transplant* (в заголовке) – *chin and part of the nose* (в тексте); состояние индивидов и отдельных органов, напр., *to wake* (в заголовке) – *his medically induced coma, brain damage* (в тексте).

В **аналитических** текстах связь событий с различными потребностями реализуется реляционными тактиками, в соответствии с которыми абзацы в составе блоков последовательно объединяются внутриситуативными средствами соотнесения референтов: существительными в притяжательном падеже, напр., *Forbes's procedure required five small cuts* (Newsweek 19.12.2005, 44); фразами с определенным артиклем, напр., *Now the ever-evolving artist returns to Ireland in the form of "Beyond the White Cube: A Retrospective of Brian O'Doherty/ Patrick Ireland"* (Newsweek 8.05.2006, 63); указательными местоимениями *it, this, these, that (it's the end, it's ironic, it did, it began, it is 2020* и др.), напр., *This may sound like one more oldster getting grumpy about young folks* (Newsweek 19.06.2006, 66); притяжательными местоимениями, напр., *His fictional alter ego in "Rock'N'Roll" Jan, played by a captivating Rufus Sewell, has no such qualms* (Newsweek 24.07.2006, 60).

В **информационно-аналитических текстах** ориентационно-мотивационные стратегии предполагают чередование информационных и аналитических блоков, то есть комбинируют характеристики двух предыдущих тактик, напр., *Scotland 'can power Britain'* (The Daily Telegraph 10.12.2001, 4): (1)

Scottish ministers will today reveal that Scotland has the potential to produce three-quarters of the United Kingdom's total electricity requirements; (2) *A Scottish Executive study shows that wind, wave and tide power are capable of generating 60 gigawatts of electricity – the equivalent of 75 per cent of the generating capacity of the UK;* (3) *The research will bolster the argument of those who are opposed to the construction of new nuclear power stations in UK.*

В приведенном газетном сообщении тактика акцентирования обусловливает выдвижение в инициальные позиции абзацев единиц, обозначающих Шотландию как источник обеспечения энергетических потребностей Великобритании, а тактика видовой детализации представляет территорию в различных ракурсах: как целое (*Scotland*) в заголовке, министров (*Scottish ministers*) в начале первого абзаца и их доклад в инициальной позиции второго абзаца (*A Scottish Executive study*). Номинативно-текстовая тактика количественной детализации воплощена квантификативными единицами *three quarters* «три четверти», *60 gigawatts* «60 гигават», *75 per cent* «75 процентов». Реляционная тактика присоединяет третий абзац к предшествующему тексту определенной фразой *the research,* сигнализирующей о комментирующем статусе этого фрагмента.

Таким образом, медийное воссоздание событий опирается на образ-схемы, позиционирующие участников в аспекте их связи с различными потребностями аудитории. Структура текстов определяется текстообразующими тактиками, а выбор лексических средств – номинативно-текстовыми ходами.

Ситуативное ориентационное пространство: структурирующая роль референциальных средств

В ситуативном ориентационном пространстве референты представлены на разных уровнях категоризации: базовом, суперординатном и субординатном [48: 491; 50: 48]. На базовом уровне категоризации человек обычно взаимодействует с объектами как перцептивными и функциональными гештальтами [48: 490], обозначаемыми именными группами с неопределенным артиклем, напр., *a cat, a dog*. Суперординатный уровень категоризации связан с отражением действительности в виде обобщений, представленных мебелью, средствами передвижения, фруктами и др., именуемыми единицами с нулевым артиклем, напр., *furniture, fruit*. Субординатный уровень связывают с индивидуальными проявлениями категорий, например, считают, что предложение *The kitchen chair I bought last week* представляет частный случай воплощения концепта КУХОННЫЙ СТУЛ [50: 46-47].

От базового к супердинатному уровню категоризации: фразы с неопределенным и нулевым артиклями. Базовый уровень категоризации отражен неопределенными фразами с существительными разных разрядов,

соотносимых с перцептивными образ-схемами ОБЪЕКТ – ИСЧИСЛЯЕМОСТЬ – МНОЖЕСТВО – МАССА, которые формализуют образы совокупностей в результате удаления наблюдателя и попадания в поле зрения других референтов. Благодаря перцептивному происхождению образ-схемы имплицируют расстояние объекта от адресата [29: 119].

Близкая перспектива, связанная с фокусированием внимания на предмете, находящемся в пределах поля зрения, активируется образ-схемой ОБЪЕКТ, которая определяет употребление исчисляемых существительных с неопределенным артиклем, напр., *A Frenchman who stabbed a girl more than 20 times in an unprovoked and frenzied attack has been jailed for life* (The Daily Telegraph 9.12.2008, 14). Кроме отдельных референтов, неопределенные фразы представляют в близкой перспективе совокупности, напр., *A collection of drawings of the Prince of Wales by David Hockney was sold at Christie's in London yesterday* (The Guardian 8.02.2002, 11). При одновременном обозначении в тексте отдельных референтов и их совокупностей неопределенные фразы создают впечатление движения в пределах ситуации, напр., *As he waited in a taxi queue with his brother, Kevin, and a cousin at Sam, a group of youths began abusing the homeless man 20 yards away* (The Daily Telegraph 1.10.2008, 15). Именование в приведенном примере мужчины местоимением *he,* активирующим образ-схему ОБЪЕКТ, а очереди и хулиганов – собирательными субстантивами *a queue* и *a gang*, связанными с МНОЖЕСТВОМ, создает эффект движения в пределах описываемой ситуации.

Представление совокупности объектов в приближенной перспективе воплощено образ-схемой ИСЧИСЛЯЕМОСТЬ, которая имплицирует возможность счета объектов, определяя употребление исчисляемых существительных во множественном числе или числительных, напр., *Two jailed for attack on barrister* (The Times 13.01.2006, 31). Эта образ-схема формализует небольшие числовые обозначения, опирающиеся на телесную модель, производную от счета на пальцах [32: 29].

Образы совокупностей, формирующиеся в отдаленной перспективе, формализуются образ-схемой МНОЖЕСТВО (COLLECTION), которая дифференцирует отдельные составляющие ЦЕЛОГО. На эту образ-схему опирается семантика существительных двух групп – собирательных, напр., *family, cattle, people* и др., и исчисляемых во множественном числе, напр., *children, cows* и др. Первые обозначают неоднородные совокупности, состоящие из объектов разных классов, напр., *Jobless middle class get study cash* (The Daily Telegraph 9.12.2008, 1). Вторые, в более близкой перспективе, идентифицируют однородное МНОЖЕСТВО, к которому в следующем примере принадлежат вкладчики банков: *Savers in stampede to safety* (The Guardian 2.10.2008, 1).

Дальняя перспектива отражена неисчисляемыми существительными, семантика которых формализована образ-схемой МАССА, напр., *Dressed in immaculate robes, the choir bursts into song* (Newsweek 8.05.2000, 58). В

приведенном примере неисчисляемая форма существительного *song* подчеркивает нечленимость песни, звучащей на незнакомом для автора языке.

Кроме дальней перспективы, неисчисляемые формы существительного представляют референты с сверхблизкого расстояния, когда дистанция между наблюдателем и объектом сокращается настолько, что последний воспринимается как недифференцированная масса [39: 228], чем, в частности, обусловлено развитие полисемии «животное – его мясо», напр., *I don't really eat turkey for Christmas* (The Daily Telegraph 10.12.2001, 5). Неисчисляемая форма существительного *turkey* обозначает в приведенном примере мясо птицы в результате невозможности целостного восприятия объекта.

Кроме репрезентации совокупности как МАССЫ, образованной в результате восприятия объектов в дальней или близкой перспективе, неисчисляемые существительные обозначают референты, образованные вследствие последовательной концептуализации совокупностей вещей, расположенных в разных направлениях от наблюдателя. Так, английское существительное *furniture* имеет неисчисляемую форму, ибо находясь в интерьере, человек не может одновременно воспринимать его одинаково четко во всех направлениях, а поэтому переводит взгляд с одного предмета на другой [19: 166], напр., *Perched on plastic furniture, he drinks a warm can of Heineken* (Newsweek 28.02.2011, 22). Исследования семантики лексем *furniture* и *clothing* выявили, что их значения формируются в результате комбинирования частных репрезентаций, которые включают стол или рубаху, ибо один стул не может обставить всю комнату, а одна рубаха – одеть человека [44: 139].

Очевидно, что образ-схема МАССА определяет употребление неисчисляемых существительных при представлении референтов в трех перспективах: дальней, сверхблизкой и циклической.

Последующее удаление от наблюдателя связано с суперординатным уровнем категоризации, что проявляется в употреблении абстрактных существительных, напр., *The subject of abortion roiled Washington last week* (Newsweek 21.02.2011, 9), и безартиклевых предложных словосочетаний [17: 97; 22: 399], напр., *The presidency seems out of reach* (Newsweek 28.02.2011, 43).

Дифференциация исчисляемых и неисчисляемых существительных в аспекте перспективы концептуализации мира дает основания рассматривать неопределенный артикль как средство фокусирования внимания адресата на объектах, расположенных в поле зрения, то есть связывать с установлением близкой и удаленной перспективы, о чем, в частности, свидетельствуют различия в организации заголовков и вступительных блоков новостных сообщений.

Субординатный уровень категоризации: определенные фразы. Номинативные группы с определенным артиклем локализуют референты относительно координат двух видов топологических, связанных с пространством, и реляционных, образованных последовательностями.

Топологические определенные именные группы делятся на соматические и обобщающие. Соматические фразы локализуют референты относительно пределов поля восприятия, спереди и сзади, слева и справа, снизу и сверху от тела наблюдателя, что дает основания для их деления на именные группы с семантикой предела, фронтального, бокового и вертикального ориентирования.

Компоненты соматических групп с семантикой ***предела*** обозначают различные пространственные границы. Так, в приведенном ниже примере существительные *frontier* «граница», *line* «линия», *edge* «предел» называют границы государства, территории и водоема: *Israel may insist that the frontier revert to the international line as it was in 1923, which doesn't reach the water's edge* (Newsweek 24.01.2000, 43). Предел также определяет метафорическое употребление определенных именных групп, указывающих на нарушение целостности ПЕРЦЕПТИВНОГО КОНТЕЙНЕРА, образованного границами поля зрения, напр., *Human beings have a need to get close to the edge, and when filmmakers or writers can take them to the edge, it feels like a dream* (Newsweek 4.07.2005, 59).

Определенные топологические фразы со значением ***фронтальности*** локализуют референты относительно координат СЗАДИ и СПЕРЕДИ. Точка отсчета СЗАДИ обозначается существительными с компонентом *back (background, backdrop),* напр., *The turmoil serves as the backdrop for economy* (Newsweek 7.09.1998, 8). Референты, расположенные СПЕРЕДИ, локализуются в проанализированных примерах определенными именными группами с прилагательным *front (the front bumper, come to the fore),* напр., *The New York Times estimated that as many as half of the front-page stories in leading papers did so* (Newsweek 30.05.2005, 43), и существительным *vanguard,* напр., *Once in the vanguard of the political change, the Philippines has turned out to be the clown in a class of new democracies* (Newsweek 11.07.2005, 37). Фронтальная локализация референтов опирается на взаимодействие фона и фигуры, на которую указывают прилагательные *very, essential, only* и др., служащие средством акцентирования информации, напр., *You are not the only one who can howl!* (Newsweek 28.02.2011, 43), противопоставляют референты внутри высказываний, напр., *Indeed, this is the only major European capital that's actually growing* (Newsweek 25.04.2005, 50), подытоживают информацию в конце абзацев, напр., *Perhaps the only thing positive that can emerge from the NEWSWEEK-Guantanamo fiasco is better public understanding of the proper uses and destructive abuses of anonymous sourcing of information* (Newsweek 30.05.2005, 43).

Определенные именные группы, обозначающие ***боковые ориентиры***, соотносят референты с координатами ПРАВЫЙ и ЛЕВЫЙ (*drift to the left, the far-right parties)*, напр., *Although he tried to weaken rivals by cherry-picking ideas and even big names from the opponents on both the left and the right, his sundry promises foundered on poor follow-through and the recession* (Newsweek, 28.02.2011, 44).

Именные группы с семантикой ***вертикальности*** локализуют референты относительно координат ВЕРХ – НИЗ с помощью прилагательного *top*, напр., *His one obvious rival at the top of the military, Field Marshal Mohamed Abd al-Halim Abu Ghazala, served as defence minster in the 1980s* (Newsweek 28.02.2011, 40), существительного *ground,* напр., "*These guys have spent more time on the ground in Abyei than most American officials have"* (Newsweek 28.02.2011, 19), прилагательного *basic* в составе словосочетаний *the basic goal, the basic needs, the basic question,* напр., *The basic needs are clear: compatible computer systems to speed the passing of actionable intelligence* (Newsweek 18.07.2005, 23).

Неопределенный артикль в составе соматических фраз представляет референты на базовом уровне категоризации, то есть с точки зрения участников событий, указывая на новые характеристики, напр., *He hoped to win a strong rightist majority* (Newsweek 23.05.2005, 23), или дифференцирует несколько одинаковых объектов, напр., *But a front page story in the New York Times last week described Folkman's years-old discovery of a cancer treatment as so promising that it might "cure cancer in two years"* (Newsweek 18.05.1998, 49). В последнем примере неопределенная фраза с прилагательным *front,* активирующим координату СПЕРЕДИ, имплицирует наличие нескольких публикаций на первой странице газеты.

Обобщающие топологические отношения обозначены определенными именными группами с единицами, указывающими на часть и целое или центр и периферию. ЦЕЛОЕ идентифицировано определенными фразами с прилагательным *whole,* напр., *The whole truth simply cannot be more plain to see* (Newsweek 14.09.1998, 14), ЧАСТЬ – существительными *majority, rest, remains, sector* в разной перспективе, напр., *The industrial sector tried to increase steel production by smelting down old pots* (Newsweek 24.01.2000, 48). *Majority* обозначает более заметную ЧАСТЬ, напр., *Her flexibility helped keep her in the majority, but it also provoked criticism* (Newsweek 11.07.2005, 21), *remains* и *rest* – остаток после выделения основной части. Поэтому в дискурсе эти фразы взаимодействуют с порядковыми числительными, членящими ЦЕЛОЕ, напр., *Only about a third of our science and engineering graduates take science and engineering jobs. The rest often work as managers, salespeople, analysts or something else* (Newsweek 30.05.2005, 53).

Отношения ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ разграничивают значение определенных именных групп, дифференцирующих важные и второстепенные референты. Координата ЦЕНТР обозначена прилагательными *central, dominant, chief, main, major, single,* напр., *Arguments that the Fed should be the central banker to the world leaves these officials puzzled* (Newsweek 14.09.1998, 15), и семантически близкими к ним существительными, напр., *But local residents say the city center is controlled by Zarqawi's followers* (Newsweek 16.05.2005, 25). ЦЕНТР также обозначен единицами с метафорическим значением, например, существительным *key*: *His brand of experience could become the key to a gold-plated resume* (Newsweek 24.01.2000, 27). На координату ПЕРИФЕРИЯ

указывают определенные именные группы со значением дальнего предела, напр., *the margin, the neighborhood*. Так, в предложении *Among the white families in the neighborhood, the Holsmans and the Browns are the only ones to buy in recently* (Newsweek 24.01.2000, 60) определенная фраза *the neighborhood* относит обозначенные семьи к периферии деятельности говорящего, одновременно устанавливая пределы описанного пространства.

Координаты ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ влияют на семантику определенных фраз, идентифицирующих так называемые уникальные объекты [6: 124; 30: 102], локализованные в пространственных образованиях разного масштаба – глобальном, территориальном и трехмерном, соотносимом с КОНТЕЙНЕРОМ.

Глобальные референты, представляющие весь мир вокруг человека, представлены определенной формой *the world,* напр., *Fate of the world* (Newsweek 11.07.2005, 50), а его составляющие, соотносимые с ЦЕНТРОМ и ПЕРИФЕРИЕЙ, – определенными фразами *the sun, the moon, the sky, the air,* напр., *Red flares lit the sky; the smell of fuel hung in the air* (Newsweek 14.09.1998, 28). На изменение канонической репрезентации глобальных референтов указывает неопределенный, напр., *Tony Blair inhabits a dangerous world* (Newsweek 11.07.2005, 50), или нулевой артикль, напр., *People need to be careful to avoid paying over the odds for a few days of sun* (The Daily Telegraph 23.06.2005, 7). В последнем примере неисчисляемая форма существительного *sun* акцентирует физические характеристики солнца: освещение и тепло.

Территории идентифицированы определенными фразами с единицами, называющими государства и их составляющие, напр., *We want to be part of the community, and everyone has taken us in* (Newsweek 24.01.2000, 60). В эту группу включаем определенные формы, локализующие референты относительно ориентира ЦЕНТР, напр., *the capital*, и сложных отношений ЦЕНТР – ВЕРХ, представляющих властные институты (*the government, the queen, the president, the prime minister* и др.), напр., *At last, it seemed, the prime minister had found a cure for Pakistan's ills* (Newsweek 14.09.1998, 43).

При включении референтов в трехмерное пространство определенные фразы обозначают поверхность *(on the surface),* движение вовнутрь КОНТЕЙНЕРА *(from the outside world),* пребывание в нем *(the inner force)*. В денотативной функции определенная форма *the surface* указывает на поверхность физических объектов, напр., *In Madaen and villages nearby, corpses bobbed to the surface of the Tigris River* (Newsweek 2.05.2005, 30), а в дискурсивной – на состояния, концептуализируемые как ПЕРЦЕПТИВНЫЙ КОНТЕЙНЕР, напр., *On the surface, little seems to have changed in the six month since the 80-year-old Fidel ceded power to his brother Raul* (Newsweek 12.02.2007, 32). При ориентировании ВНУТРИ жилья, соотносимого с ФИЗИЧЕСКИМ КОНТЕЙНЕРОМ, определенные фразы идентифицируют наиболее выделенные точки отсчета *(the door, the floor* и др.), напр., *They ordered everyone to lie face-down on the floor and hand over their cellular phones* (Newsweek 24.01.2000, 44).

Реляционные определенные фразы локализуют референты относительно точек отсчета последовательностей, образованных в результате переосмысления движения. Компоненты последовательностей обозначены порядковыми числительными, именующими очередность следования одинаковых сущностей [7: 30], напр., *A poll last Friday showed she could score 20 percent in the first round next year, making her the "third man" her dad once was* (Newsweek 28.02.2011, 43). В составе определенных именных групп на ***начало*** последовательностей указывают существительные *advent, beginning, opening, origin, outset, start,* напр., *GOOD-BYE ECO-FREAKS, the Financial Times Deutschland headlined last week, predicting the advent of a long conservative era* (Newsweek 18.07.2005, 28), прилагательное *early,* напр., *He entered the fledgling online business in the early '80s* (Newsweek 24.01.2000, 29). ***Промежуточные*** точки последовательностей обозначены определенными именными группами с существительным *middle,* напр., *Here lies Russia and here lies France, and we are in the middle* (Newsweek 21.02.2011, 3), названиями месяцев, напр., *The February issue of the magazine 20 Anni repeated that one in three men would prefer to have their mothers choose their fiancees* (Newsweek 13.03.2000, 6), и годов, напр., *sociologist who specializes in the generation born after 1974* (Newsweek 1.06.1998, 22). ***Конечные*** точки последовательностей идентифицированы определенными формами с прилагательными *last, final,* напр., *The final month of the campaign, the first debate and very possibly a decisive moment in American history* (Newsweek 9.10.2000, 38), и существительным *end,* напр., *Russia at the end of last week still had no government at all* (Newsweek 14.09.1998, 16).

Реляционные определенные фразы включают референты в последовательности событий, что демонстрирует статья под заголовком *The vision of Benedict XVI* (Newsweek 2.05.2005, 25), описывающая выборы Папы Римского: *At the opening of the conclave Ratzinger warned against the shifting winds of doctrine. On the first ballot Tazinger got about 40 votes. On Tuesday morning, Ruini's votes went to Ratzinger. The third ballot was close and on the fourth ballot, Ratzinger was pope.* В приведенном примере определенная фраза с существительным *opening* обозначает начало последовательности голосований, а группы с порядковыми числительными *first, third, fourth* локализуют отдельные референты в последовательности, создавая впечатление длительности выборов.

Неопределенные реляционные фразы устанавливают ориентиры последовательностей, а поэтому сочетаются с предикатами со значением результата, напр., *But there was another long drama coming to an end that night* (Newsweek, 21.02.2011, 18). В приведенном примере глагол *come,* обозначающий прекращение движения, указывает на окончание события.

Темпоральные фразы, обозначающие части суток, опираются на образ-схемы ЦИКЛ и ШКАЛА и могут употребляться с определенным артиклем (*in the morning, in the afternoon, in the evening*) или без оного (*at night, by day*), напр., *By day he was an administrative assistant at Telefonica. By night he was part*

of the wide-open Madrid scene (Newsweek 8.05.2000, 22). Некоторые лингвисты рассматривают эту особенность английского языка как непоследовательность [47, с. 38]. Анализ фактического материала выявляет связь семантики этих фраз со спецификой концептуализации разных частей суток. Предлог *in* представляет их как периоды, а *at,* обозначающий точку в пространстве [45: 321], – как момент. Поэтому фраза *at night* имеет безартиклевую форму, ибо для здорового человека ночь соотносится с двумя моментами – отходом ко сну и пробуждением. Вместе с тем, учитываем, что английский язык допускает противоположную интерпретацию ночи как периода, а других частей суток – как моментов, о чем свидетельствует существование словосочетаний *in the night* и *at evening,* которые, однако, малоупотребительны, напр., *He's decidedly a guy's – a connoisseur of the practical joke and a rubber-faced raconteur, fueled late into the night* (Newsweek 28.02.2011, 19).

Кроме последовательностей, определенные реляционные группы локализуют референты в диадах, противопоставляющих два объекта; триадах, состоящих из трех ориентиров; тетрадах, охватывающих четыре координаты.

Ориентирование ***в диадах***, или оппозициях, опирается на первичные представления человека о пространственных отношениях, характерных для не менее, чем двух сопоставляемых объектов, которые в процессе развития трансформировались в оппозитивные. О связи определенных именных фраз, ориентирующих человека в оппозициях-диадах, с разной перспективой репрезентации составляющих последовательностей свидетельствует употребление в древнеанглийском языке лексемы *other* в функции порядкового числительного «второй», которое обозначает более заметный ориентир последовательности [6: 93; 49: 319]. Так, в предложении *Now it seems one of the brightest young leaders of the former Soviet space is on course to destroy the other* (Newsweek 15.09.2008, 4) определенная фраза *the other* противопоставляет президентов России и Грузии. В дискурсивной функции местоимение *other* входит в состав определенных фраз *on the one hand* и *on the other hand,* ориентирующих читателя в последовательности высказанных мыслей, напр., *Global capitalism became a dangerous hybrid. On the one hand, investors committed huge sums and expected high returns. On the other, the money often went to borrowers* (Newsweek 14.09.1998, 20).

Кроме местоимения *other,* составляющие диад идентифицируются определенными формами ***с прилагательными*** *adverse, former / latter, negative, opposite, real, right/wrong,* если они предполагают выбор из пары, в которой один объект противопоставлен другому, напр., *I didn't live my life in the right way for politics, you know* (Newsweek 16.05.2005, 49). В приведенном примере прилагательное *right* соотносит способ жизни героя с первым компонентом оппозиции «правильный – неправильный». При отсутствии указания на диаду фразы с прилагательным этой группы принимают неопределенный артикль, включающий референт в состав неограниченной последовательности, напр., *A former aide to the Duchess of York is being sought by police* (The Independent

20.09.2000, 5). В приведенном примере неопределенная фраза *a former aide* имплицирует наличие у Герцогини Йоркской нескольких помощников.

Ориентирование в диадах осуществляется определенными фразами с ***абстрактными существительными*** со значением противопоставления *(alternative, division, divide, difference, relation),* напр., *persuade people of the relationship between liberal democracy and stability and economic freedom* (Newsweek 14.09.1998, 49). Указанные существительные в составе неопределенных и квантификативных фраз соотносят референты с участниками событий, раскрывающими свое видение ситуации, напр., *He will also call for relations between Britain and Ireland to be about more than Northern Ireland* (The Daily Telegraph 26.11.1998, 19). В приведенном примере сказуемое *call* обозначает призыв к установлению новых отношений.

Ориентирование в диадах осуществляется определенными фразами с ***прилагательным в относительной степени сравнения*** *(the elder man, the weaker brother of the order, the lower edge of the parapet* и др.), ибо, как указывал еще О.Есперсен, у лексем *upper, outer, elder, latter* отсутствует значение сравнения [6: 292], напр., *The older son, Alaa, is a businessman who prefers soccer to the game of politics* (Newsweek 21.02.2011, 20). Неопределенный артикль во фразах с прилагательными в сравнительной степени локализует референты относительно участников событий, напр., *But global capitalism's failure demands a deeper explanation. After all, capitalism is supposed to excel at allocating investment funds efficiently. In this case, it didn't. The deeper explanation is that market capitalism is not just economic system* (Newsweek 14.09.1998, 20). В первом предложении приведенного примера неопределенная фраза *a deeper explanation* предлагает более глубокое понимание ситуации, а определенная фраза *the deeper explanation* отсылает читателя к созданному референту.

Ориентирование в ***триадах***, образованных тремя точками отсчета, расширяет поле зрения, в котором локализуются референты. Отношения в триаде дифференцируются определенными фразами с прилагательными в превосходной степени, предполагающими выбор из трех составляющих – положительной, сравнительной и превосходной, напр., *Actually I did the easiest thing, which was writing* (Newsweek 21.02.2011, 17). Отдельные прилагательные в превосходной степени субстантивируются, образуя ориентационные фразы, напр., *Several of the country's insolvent banks announced to depositors that they would not be able to get their money out until November – at the earliest* (Newsweek 14.09.1998, 14).

Последовательность компонентов определенных фраз дает основания для соотнесения семантики прилагательных в превосходной степени с вертикально ориентированной триадой. Во-первых, суперлятив следует за единицами, локализующими референт на горизонтали: после прилагательного *next,* напр., *"The greatest thing on earth is to have the love of God in your heart, and the next greatest is to have electricity in your home"* (Newsweek 24.01.2000, 2), или порядковых числительных, напр., *Time Warner owns the second largest cable*

system (Newsweek 24.01.2000, 2). Во-вторых, прилагательные в превосходной степени указывает на доминирование одних объектов над другими в аспекте высоты, напр., *The new China Executive Leadership Academy dominates a manicured campus covering 40 hectares of Shanghai's Pudong district. The massive chrome-and-mirrored-glass buildings are accented by architectural features in bright red. The color is appropriate: CELAP as actually a training center for the best and brightest cadres of the Chinese Communist Party* (Newsweek 30.05.2005, 19). В приведенном фрагменте единицы *dominate, massive buildings, the best and brightest cadres* подчеркивают главенство здания и находящихся в нем сотрудников. В-третьих, рассматриваемые определенные фразы локализуют референты в иерархиях вертикальной структуры, напр., *U.S. and Pakistani officials called al-Libi's arrest one of the biggest Qaeda catches since Khalid Shaikh mohammed, the mastermind of 9/11 was captured in 2003. He is believed to have assumed KSM's place in the Qaeda hierarchy, ranking him just below bin Laden and his deputy* (Newsweek 16.05.2005, 22). В приведенном примере суперлятив *biggest* размещает преступника на вершине организации, а высказывание *below bin Laden and his deputy* указывает на его менее высокий статус, чем у руководителя и его заместителя.

Благодаря выделительной функции, определенные фразы с прилагательными в превосходной степени выносятся в наиболее важные позиции журнальных статей: в начало абзацев, привлекая внимание читателя, напр., *The most striking success story may be Tanzania, which also has no oil* (Newsweek 11.07.2005, 47), или в конец абзацев при подытоживании изложенных фактов, напр., *Little wonder that aviation experts reckon it has the highest profit margin in the business* (Newsweek 18.07.2005, 39). При развертывании текстов определенные фразы с прилагательным в превосходной степени акцентируют аргументы, подкрепляющие определенный тезис, напр., *In China the problem of river silting is particularly acute. China has the largest number of large dams in the world* (Newsweek 6.06.2005, 83).

Подобно рассмотренным выше случаям неопределенный артикль в именных группах с прилагательными в превосходной степени устанавливает или характеризует референты на базовом уровне категоризации, напр., *Quite what Prince William said will remain mystery. But its reaction inspired a most unlikely comparison* (Daily Mail, 26.02.2011, 5).

Кроме прилагательных в превосходной степени, ориентирование в триадах осуществляется существительными *past, present, future,* обозначающими темпоральные точки отсчета, напр., *We put the past behind us and build a better future together* (The Daily Telegraph 26.11.1998, 23). Неопределенная фраза с указанными единицами устанавливает темпоральные ориентиры относительно участников событий, обозначенных в приведенном примере подлежащим *we.*

На ориентирование в **тетрадах,** образованных четырьмя точками отсчета, указывают определенные формы с попарно противопоставленными

навигационными терминами *south, north, west, east* и образованными от них прилагательными, напр., *Her father sank electoral roots in the south* (Newsweek 28.02.2011, 44). Названия стран света приобретают безартиклевые формы в фразах, описывающих движение в определенном направлении, напр., *In 1995, when her husband moved the family 500 kilometers east across Germany, Gabriela Mendling felt like they moved to another country* (Newsweek 9.10.2000, 32). В ориентационной функции навигационные термины обозначают отдельные части локативных концептов разного масштаба: стран *(in the west)* и территорий *(the West Bank)*. В журнальных статьях навигационные термины структурируют страны и противопоставляют их разные части, напр., *They belong to a handful of the 40,000 families who left the north and returned home to the south over the past four months in anticipation of independence* (Newsweek 28.02.2011, 22).

Таким образом, на ситуативно-субординатном уровне категоризации определенные именные фразы соотносят референты с двумя разновидностями координат: топологическими, структурирующими пространство относительно тела человека и фрагментов ситуации, и реляционными, образованными точками отсчета в последовательностях и их фрагментах – диадах, триадах и тетрадах. В этих же именных группах неопределенный артикль указывает на установление или характеристику референтов на базовом уровне категоризации, то есть связывают с участниками деятельности.

Субординатно-надситуативный уровень категоризации: антропонимы и адресные имена. Субординатный уровень категоризации отражается именами собственными, которые обозначают уникальные референты в надситуативной перспективе, то есть одинаково для любой ситуации. Субординатно-надситуативная категоризация опирается на **антропонимы**, которые рассматриваются как двойники и представители человека [1: 16], то есть относятся к средствам субординатного уровня категоризации. Длительное время достаточной считалась дифференциация трех видов антропонимов: одноименных, двухименных и трехименных [24: 76]. Однако процессы глобализации формируют потребность в идентификации любого человека в мире, в результате чего антропонимы все больше сочетаются с единицами, обозначающими дополнительные параметры индивида. Поэтому Ю.С.Степанов предложил рассматривать антропонимы в связи с другими номинативными единицами, обеспечивающими идентификацию человека в мире, что расширяет количество мест имени собственного до шести. В семье индивид обозначен одним именем, а в более широком кругу его называют с добавлением другого имени – по отчеству или фамилии, и имя собственное становится двухместным. Включение третьего компонента позволяет выделять индивида в больших коллективах, состоящих из нескольких тысяч человек. Для дифференциации людей из более, чем миллиона человек – обычный случай юридической идентификации в практике современного большого города – необходимо шестиместное имя собственное:

в европейских странах оно включает год рождения, место работы, адрес [21: 234].

Структурное расширение антропонимов, направленное на их приспособление к контексту, в первую очередь характерно для современного англоязычного масс-медийного дискурса. При формировании образа индивида имена собственные сочетаются с номинативными единицами в составе аппозиции и аппозитивных предложений, образуя **адресные формы** [см. 16: 55], напр., *America today is a little like Jack Johnson, the turn-of-the-century heavyweight boxer who so dominated his opponents – impresarios kept throwing "great white hopes " up against him - that he eventually grew bored and dissolute* (Newsweek 9.10.2000, 40). Возникновение адресных форм соответствует тезису лингвистики языкового существования о том, что владение языком опирается на коммуникативные фрагменты, хранящиеся в памяти человека в виде стационарных частей его языкового опыта, которыми он оперирует при создании и интерпретации своих высказываний [3: 118].

Индивидуальные адресные имена идентифицируют людей с учетом места постоянного жительства, а поэтому состоят из четырех компонентов, образующих адрес, который обычно пишут на конверте: антропонимов как средств индивидуализации человека, названий жилья, места проживания и стран, напр., *Vincent George controls all access to the well-guarded Gandhi enclave at 10 Janpath (People's Way) in New Delhi* (Newsweek 10.05.1999, 39).

Семейный компонент адресного имени включает единицы, обозначающие место постоянного проживания индивида и его семьи: номера квартир, напр., *Flat 5*, зданий, напр., *No 221B*; названия дворцов, напр., *Blenheim Palace,* поместий, напр., *Woodstock Manor,* замков, напр., *Arundel Castle.* Этот компонент адресных имен возник в германский период: уже у давних скандинавов полное имя человека состояло из имени собственного и названия дома, в котором он проживал [4: 56].

Топологическая составляющая индивидуальных адресных имен указывает на место расположения жилья и включает названия улиц, напр., *Whitehall*, площадей, напр., *Trafalgar Square*, городов, напр., *Bristol*, деревень, напр., *Woodstock,* фортов, напр., *Strong Point.*

Национально-территориальный элемент адресных форм составляют названия государств, напр., *Iran,* отдельных островов, напр., *New Zealand,* и материков, напр., *Australia.*

Вследствие процесса глобализации в англоязычном масс-медийном дискурсе унифицируются формы названий государств, что проявляется в утрате артикля с именами собственными *Lebanon, Sudan, Ukraine, Yemen* и в распространении этой тенденции на топонимы, образованные от нарицательных существительных, напр., *the United States, the Western Isles, the Western Indies, the Ivory Coast* [46: 50]. При этом учитываем постепенность этого процесса, о чем свидетельствует спорадическое употребление указанных топонимов с определенным артиклем. Например, название Украины

встречается с артиклем в англоязычных изданиях даже сейчас, что противоречит утверждению о возможности назвать момент, когда имя собственное *Ukraine* утратило артикль [26:157], напр., *Javine, Britain's contestant in the Song Contest in the Ukraine last night, appeared to be losing her battle with a throat infection hours before going on stage* (The Mail on Sunday 22.05.2005, 11).

В современном англоязычном масс-медийном дискурсе наблюдается постепенное вытеснение индивидуальных адресных форм **общественными именами**, у которых семейная и топологическая составляющие заменяются единицами, обозначающими уровни социальной иерархии, при сохранении индивидуального и национально-территориального компонентов. Главное различие между индивидуальными и общественными адресными формами проявляется в идентификации различных мест постоянного пребывания индивида: жилья и деятельности.

Указанные процессы обусловлены тем, что медийные тексты преимущественно посвящены общественной деятельности индивидов, напр., *The hall explodes with shouts of thousands of men in skullcaps, hooting support for ousted Malaysian deputy prime minister Anwar Ibrahim* (Newsweek 26.04.1999, 56). В приведенном примере адресная форма воссоздает образ вице премьер-министра Малайзии за счет относительного прилагательного *Malaysian,* которое указывает на происхождение политика, аппозиции *deputy prime minister*, соотносящей его с наивысшими точками правительственной иерархии, и двухместного антропонима *Anwar Ibrahim*, идентифицирующего индивида.

С учетом текстового расположения аппозитива относительно антропонима адресные формы подразделяем на ***препозитивные***, у которых классификатор предшествует антропониму, напр., *President Obama,* ***постпозитивные*** с классификатором после онима, напр., *Gerhard Schroder, leader of Germany's Social Democratic Party,* ***препозитивно-постпозитивные***, имеющие два классификатора, перед антропонимом и после него, постепенно приближая перспективу репрезентации субъекта, напр., *In its current issue, it says Representative Jim Leach, the chairman of the House Banking Committee in Washington, will hold hearings on money-laundering* (Newsweek 20.09.1999, 31). В приведенном примере препозитивный классификатор *representative* обозначает американского конгрессмена, а постпозитивный *the chairman of the House Banking Committee* изображает его как председателя комитета, то есть обозначает его место на СТАТУСНОЙ ВЕРТИКАЛИ.

Компоненты ***расщепленных адресных форм*** распределяются между двумя высказываниями, акцентирующими разные качества индивида. В *антропонимической модели* первое предложение содержит двухместный оним, а второе включают единицы, обозначающие общественные параметры индивида. В нижеприведенном фрагменте текста к ним принадлежат профессия (*singer*) и национальность (*Turkish*)*: For Zulfu Livanelli, it was the worst kind of deja vu. Last month the popular Turkish singer witnessed the devastating earthquake that killed more than 15,000 people in his homeland*

(Newsweek 20.09.1999, 33). При расщепленной *статусной модели* номинативная единица первого высказывания обозначает статус индивида *(a photographer),* а двухместный антропоним в следующем высказывании идентифицируют его (*Jeffrey Aaronson*)*: On a two week odyssey that took him from the eastern industrial belt to remote western Xinjiang, a photographer who specializes in China, went searching last month for the face of its future. Jeffrey Aaronson found a nation remarkably but not uniformly optimistic* (Newsweek 20.09.1999, 70). ***Предложные адресные имена*** состоят из антропонима и топонима, объединенных предлогом *of*, привлекающим локативный концепт при отсутствии средств обозначения статуса индивида, напр., *Since the birth of her last boy, Theresa Sakamoto of Santa Monica, California, hasn't had much sleep* (Newsweek 20.09.1999, 72).

Количественный состав адресных форм определяется этапом их текстового употребления: при первом упоминании индивида они имеют наибольшее количество компонентов, создающих полный образ субъекта, а при повторной номинации, как правило, используется фамилия.

При первоначальном упоминании лица количество компонентов адресной формы определяется его статусом: наименьшее число мест имеют адресные имена, обозначающие лиц с наивысшим статусом: членов королевских семей, напр., *Caroline of Monaco* (Newsweek 1.02.1999, 6), и наиболее известных политиков. Например, в начале статьи под заголовком *Transforming Jacob Zuma,* посвященной деятельности южноафриканского президента, двухместный антропоним *Jacob Zuma* без классификаторов указывает на высокий статус Якоба Зумы в стране: *Last Friday, a court in Pietermaritzburg threw out pending corruption charges against Jacob Zuma for procedural reasons* (Newsweek 22.09.2008, 26).

Четырехместные адресные формы идентифицируют глав большинства государств, напр., *Pakistan President Pervez Musharraf* (Newsweek 4.07.2005, 26), а пятиместные – премьер-министров, противопоставленных другим политикам, напр., *The normally smiling British Prime Minister Tony Blair seemed downcast* (Newsweek 18.07.2005, 20). В приведенном примере относительное прилагательное *British* обозначает государство, существительное *minister* соотносит политика с вершиной СТАТУСНОЙ ВЕРТИКАЛИ, а прилагательное *prime* размещает его над другими министрами. При идентификации бывших глав правительств добавляется ***шестой*** компонент, выраженный определением *former,* напр., *Pakistan's former prime minister Benazir Bhutto* (Newsweek 26.04.1999, 5).

Приведенные данные доказывают субординатно-надситуативный статус имен собственных и адресных форм, формирующихся в условиях глобализации коммуникативного пространства.

Выводы

Дискурсивное ориентационное пространство как семиотическая реальность формируется в соответствии с последовательностью восприятия человеком окружающей среды. Моделирование дискурсивного ориентационного пространства с помощью исследовательского аппарата образ-схем отражает очередность взаимодействия человека с миром и активацию структур сознания, связанных с лингвокогнитивным и мотивационным уровнями языковой личности. Модель ориентационного пространства воспроизводит коммуникативное и когнитивное взаимодействие участников общения в такой последовательности: визуальное ориентирование адресата в дискурсе; установление межреферентных отношений в заголовках; текстовое конструирование событий, отражающих изменения существующего состояния дел. Указанная последовательность построения ориентационного пространства обеспечивается четырьмя измерениями дискурса, включающими совокупности вербальных средств и схем их взаимодействия: гипертекстовым, текстовым и ситуативным.

Гипертекстовые отношения между изображениями, заголовками и статьями определяются последовательностью визуального ориентирования адресата относительно топологических координат СПЕРЕДИ – СЗАДИ, СВЕРХУ – СНИЗУ, СЛЕВА – СПРАВА, ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ, БЛИЗКО – ДАЛЕКО, которые обусловливают употребление в визуально заметных позициях номинативных единиц, привлекающих внимание читателя к содержанию.

Межреферентные отношения, структурирующие заголовки, заголовочные комплексы и тексты, отражены номинативными единицами в различных синтаксических позициях. В начале заголовков и заголовочных комплексов лексические единицы именуют концепты, связанные с потребностями аудитории в принадлежности к социальным группам, безопасности, признании, самоактуализации и чувственном удовлетворении, а предикаты со значением силы, движения и вертикального перемещения позиционируют участников событий как источник или цель действий, направленных на удовлетворение потребностей или связанных сих их дефицитом.

Ситуативное конструирование событий, представленных заголовками и заголовочными комплексами, подчинено мотивационно-ориентационным стратегиям, определяющим текстовую дистрибуцию предикативных единиц, соотносящих события с определенными образ-схемами, а также выбор текстообразующих и номинативно-текстовых тактик. Текстообразующие тактики обусловливают вынесение в начало заголовков и абзацев как наиболее заметные позиции медиа-дискурса названий важнейших компонентов событий. Номинативно-текстовые тактики задействованы при обозначении и характеризации референтов, связанных с удовлетворением потенциальных потребностей аудитории.

Дискурсивное воссоздание референтов в аспекте приближения адресата осуществляется номинативными единицами различных разрядов. Безартиклевые имена и безартиклевые предложные обороты представляют референты во внешней перспективе, то есть локализуют адресата за пределами ситуации; определенные именные фразы связывают референты с внутренней структурой ситуации, а неопределенные фразы представляют объекты с позиций участников событий, то есть на базовом уровне категоризации. Поэтому по аналогии с делением на компоненты совокупности, к которой приближается человек, неисчисляемые, исчисляемые и собирательные существительные в составе неопределенных именных фраз членят базовые концепты, предназначенные для конструирования референтов.

Рассмотренные тенденции взаимодействия лексико-грамматических форм, синтаксических структур и их текстового воплощения дают основания сделать вывод о существовании когнитивной грамматики современного англоязычного медиа-дискурса как системы правил и норм структурирования дискурса с учетом особенностей его восприятия адресатом. Ее основной принцип подчиненности функций вербальных средств конструированию экстралингвистических объектов может быть использован при моделировании различных видов дискурса на материале различных языков.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 7-19.

2. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ: Пер. с англ. – М.; Спб.: Вильямс, 2004. – 432 с.

3. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

4. Гуревич А.Я Избранные труды: В 4 т. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – Т. 2: Средневековый мир. – 560 с.

5. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

6. Есперсен О. Философия грамматики: Пер. с англ. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 404 с.

7. Жаботинская С.А. Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Институт языкознания РАН. – М., 1993. – 41 с.

8. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.

9. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. – М.: Академический Проект, 2005. – 448 с.

10. Кравченко А.В. К когнитивной теории времени и вида (на материале английского языка) // Филологические науки. – 1990. – №6. – С.81-90.

11. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

12. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении: Пер. с англ. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

13. Лузина Л.Г. Выдвижение // Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филологическ. ф-т МГУ, 1996. – С. 21-22.

14. Минский М. Структура для представления знания: Пер. с англ. // Психология машинного зрения. – М.: Мир, 1978. – С. 249-338.

15. Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по сторонам света в архаических культурах Евразии. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 718 с.

16. Потапенко С.И. Безартиклевое употребление существительных в английском языке // Иностранные языки в школе. – 1996. – № 5. – С. 55-59.

17. Потапенко С.И. Безартиклевые ориентирующие словосочетания в современном английском языке // Филологические науки. – 1998. – № 5-6. – С. 97-108.

18. Почепцов Г.Г. Синтаксис // Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П.Иванова, В.В.Бурлакова, Г.Г.Почепцов. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 100-281.

19. Раушенбах Б.В. Геометрия картины и зрительное восприятие. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 320 с.

20. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. – 1994. – №6. – С. 79-99.

21. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985. – 335 с.

22. Талавіра Н.М. Безартиклеві словосполучення із прийменником on (на матеріалі англомовних журнальних статей) // Проблеми семантики, прагматики та когнітивної лінгвістики. – Вип. 12. – К: КНУ імені Тараса Шевченка, 2007. – С. 399-404.

23. Философский словарь: Основан Г. Шмидтом: Пер. с нем. – М.: Республика, 2003. – 575 с.

24. Худаш М.Л. З історії української антропонімії. – К.: Наукова думка, 1977. – 235 с.

25. Bell A. The discourse structure of news stories // Approaches to Media Discourse. – Oxford: Blackwell Publishers, 1998. – P. 64-104.

26. Berezowski L. Articles and Proper Names. – Wroslaw: Wydawnictwo Universytetu Wroslawskiego, 2001. – 263 p.

27. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. – 205 p.

28. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. – N.Y.: Basic Books, 2002. – 440 p.

29. Gibbs R.W. The psychological status of image schemas // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. – Berlin, etc.: Mouton de Gruyter, 2005. – P. 113-135.

30. Givon T. Context as other Minds: The Pragmatics of Sociality, Cognition and Communication. – Amsterdam (Phil.): John Benjamins, 2005. – 283 p.

31. Hampe B. When down is not bad, and up not good enough: A usage-based assessment of the plus-minus parameter in image-schema theory // Cognitive Linguistics. – 2005. – Vol. 16, №1. – P. 81-112.

32. Heine B. Cognitive Foundations of Grammar. – N.Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1997. – 185 p.

33. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. – Chicago; L.: The Univ. of Chicago Press, 1987. – 233 p.

34. Johnson M. The philosophical significance of image schemas // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. – Berlin, etc.: Mouton de Gruyter, 2005. – P. 15-33.

35. Johnson M., Lakoff G. Why cognitive linguistics requires embodied realism // Cognitive Linguistics. – 2002. – Vol. 13, №3. – P. 245-263.

36. Kessler K., Thomson L.A. I see the world through your eyes: The embodied nature of spatial perspective taking // Третья Международная конференция по когнитивной науке / Москва, 20-25 июня 2008 г. – М.: Художественно-издательский центр, 2008. – С. 80-82.

37. Kovecses Z., Palmer G.B., Dirven R. Language and emotion. The interplay of conceptualization with physiology and culture // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. – B.; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. – P. 133-159.

38. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. – Vol. I.: Theoretical Prerequisites. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1987. – 516 p.

39. Langacker R.W. Grammar and Conceptualisation. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. – 427 p.

40. Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow: Longman, 2003. – 1950 p.

41. Maslow A. Motivation and Personality. – N.Y., etc.: Harper & Row Publishers, 1970. – 368 p.

42. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. – Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1997. – 365 p.

43. Peterson M.A., Nadel L., Bloom P., Garrett M.F. Space and language // Language and Space. – Cambridge (Mass.); L.: The MIT Press, 1996. – P. 553-577.

44. Prasada S. Names for things and stuff: An Aristotelian perspective // Language, Logic, and Concepts. – Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1999. – P. 119-146.

45. Radden G., Dirven R. Cognitive English Grammar. – Amsterdam (Phil.): John Benjamins Publishing Company, 2007. – 374 p.

46. Rastall P. Sparing the article // English Teaching Forum. – 1993. – №2. – P. 49-50.

47. Rastall P. Definite article or no definite article? // English Today. – 1995. – Vol. 11, №2. – P. 37-39.

48. Rosch E. Structural basis of typicality effects // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. – 1976. – Vol. 2. – P. 491-502.

49. Skeat W.W. The Concise Dictionary of English Etymology. – Ware: Woodsworth Reference, 1993. – 633 p.

50. Taylor J.R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 321 p.

1.2. НОМИНАЦИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ: ОРИЕНТИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВИЗАЦИЯ

(на материале английского, польского, русского и украинского языков)

А.Глаз, С.Потапенко

Значение единиц, обозначающих физические пространства – землю, небо, водоемы и прибрежные территории, – определяется степенью их однородности и освещенности. Гомогенные пространства могут быть твердыми как земля, жидкими как вода или газообразными как небо и воздух, а гетерогенные – формируются в результате взаимодействия нескольких сред, например, воды и суши при восприятии водоемов и примыкающих территорий. Дополнительным фактором, влияющим на концептуализацию и номинацию физических пространств, является их освещенность, варьирующаяся в разных частях света, о чем, в частности, свидетельствует состав соответствующих номинативных единиц английского, польского, русского и украинского языков.

Названия земли – гомогенного твердого пространства – включают по пять единиц в английском (*earth*, *ground*, *soil*, *land* и *world*), польском (*ziemia*, *grunt*, *gleba*, *ląd* и *świat*) и русском (*земля, почва/грунт, мир/свет*) языках. Украинский имеет лишь три слова: *земля, ґрунт, світ*. Небо, визуально воспринимаемое гомогенное пространство, обозначено в сопоставляемых языках одинаковым количеством близких по значению единиц, а семантика названий горизонта проявляет значительные различия, обусловленные спецификой взаимодействия воздуха и света на различных территориях.

Семантика названий неоднородных физических пространств – водоемов и прилегающих территорий – проявляет в сопоставляемых языках заметные различия. Семи английским лексемам, обозначающим водоемы (*ocean, sea, gulf, harbour, bay, inlet, cove*), соответствуют четыре украинские (*океан, море, затока, бухта*) и три польские (*ocean, morze, zatoka*). Четыре английские единицы, именующие прибрежную территорию (*bank, beach, coast, shore*), имеют по три эквивалента в польском (*brzeg, wybrzeże, plaża*) и украинском (*берег, узбережжя, пляж*) языках.

Различия в концептуализации гомогенных и гетерогенных физических пространств обусловливают специфику значения соответствующих единиц, для

объяснения которой необходимо привлечение специальных методов анализа. Номинация однородных физических пространств объясняется лингвокогнитивной теорией воплощенного понимания, утверждающей, что индоевропейские языки структурируют мир относительно тела человека как основной точки отсчета. Представители этого подхода считают, что любая модель значения и мышления должна отводить центральное место структурам понимания и воображения, учитывающим роль тела [10: xiii]. Марк Джонсон моделирует телесную основу значения с помощью образ-схем – повторяющихся динамических моделей нашего восприятия и моторики, структурирующих опыт [11: 18-19]. Образ-схемы служат удобным средством объяснения значения единиц, обозначающих однородные физические пространства: земля рассматривается как КОНТЕЙНЕР, или ВМЕСТИЛИЩЕ, небо – как его верхний предел, а горизонт – как граница, расположенная ВПЕРЕДИ.

Значение и функции названий неоднородных сущностей – водоемов и прибрежных территорий – лишь частично объясняются теорией воплощенного разума. Поэтому для раскрытия особенностей их семантики применяем теорию построения перспектив (*Vantage Theory*), которая воссоздает механизм категоризации неоднородных сущностей по аналогии с ориентированием человека в пространстве-времени [13: 494], которые по определению являются различными феноменами. Основные положения этой теории привлекаются для объяснения целого ряда явлений языка и дискурса: проблемы лингвистической относительности; семантики цветообозначения; сочетаемости английских указательных местоимений с именами собственными; различий в значении русских прилагательных *невысокий и низкий*; функционирования артиклей в нескольких англоязычных переводах польского текста; категоризации национальной идентичности носителей различных языков [9: 154], употребления антропонимов, уподобляющих индивида кому-либо или чему-либо (*Kiev's Obama*) [3: 139].

Надеемся, что привлечение положений теорий воплощенного понимания и построения перспектив послужит первым шагом в направлении синтеза различных лингвокогнитивных подходов в аспекте учета специфики концептуализируемых объектов: названия земли и неба объясняются теорией воплощенного понимания, учитывающей особенности ориентирования человека в однородной среде, а значение единиц, обозначающих водоемы и примыкающие территории, интерпретируется в рамках теории построения перспектив, объясняющей категоризацию неоднородных сущностей.

Ориентационная семантика названий физической среды

Телесная перспектива значения: номинация земли. Семантика единиц английского языка, обозначающих землю, обусловлена каноническим восприятием окружающей среды, предполагающим вертикальное

расположение тела наблюдателя, смотрящего ВПЕРЕД, то есть в направлении горизонта.

Базовое значение названий земли объясняется в сопоставляемых языках взаимодействием образ-схем СПЕРЕДИ и КОНТЕЙНЕР, локализующих наблюдателя внутри КОНТЕЙНЕРА, передняя часть которого образована границей поля зрения, совпадающего с горизонтом. Вторичный – более современный ракурс концептуализации Земли – ВНЕШНИЙ: она воспринимается из космоса как КОНТЕЙНЕР овальной формы. Мы определяем эти две перспективы как ВНУТРЕННЮЮ (земную) и ВНЕШНЮЮ (космическую), обозначенные в английском языке существительным *Earth* (см. Рис. 1).

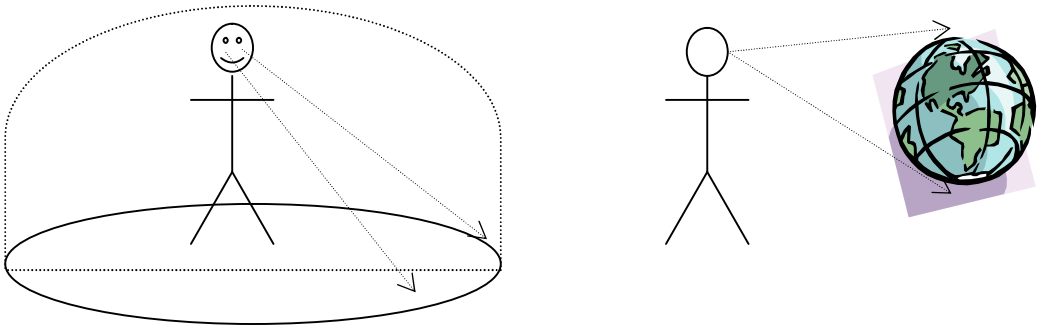

Рис. 1. ***Earth* – образ-схема КОНТЕЙНЕР**

Другие существительные английского языка, обозначающие землю, расширяют каноническую ВНУТРЕННЮЮ перспективу восприятия или фиксируют отклонение от нее.

Ground называет поверхность земли, находящуюся под ногами наблюдателя, то есть активирует образ-схему НИЗ (см. Рис. 2).

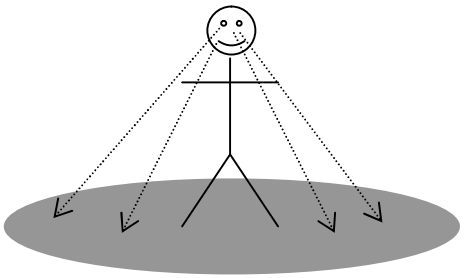

Рис. 2. ***Ground* - образ-схема НИЗ**

Land также обозначает участок земли, находящийся под ногами, то есть ВНИЗУ, но ограниченный не горизонтом, а иными естественными или искусственными преградами, например, береговой линией, предполагающей круговое движение взгляда, представленное образ-схемой ЦИКЛ (см. Рис. 3).

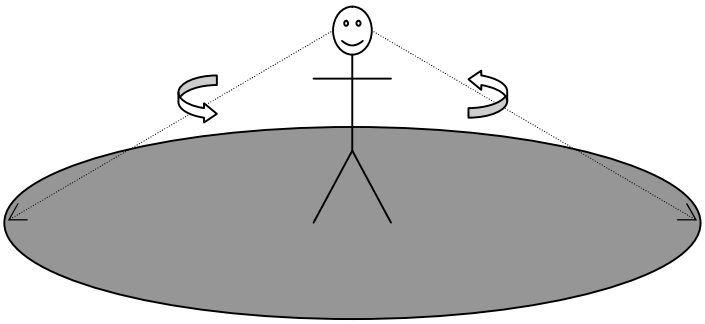

Рис. 3. ***Land* – образ-схема ЦИКЛ**

Soil именует верхний слой земли, находящийся прямо под поверхностью и используемый в сельском хозяйстве, что отражено взаимодействием образ-схем НИЗ и ВВЕРХ (см. Рис. 4).

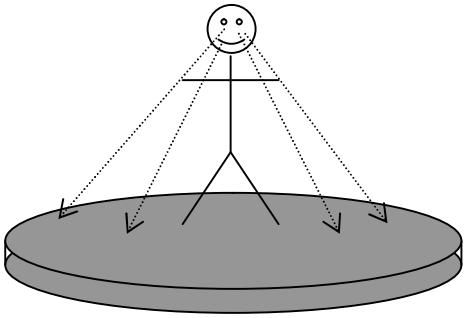

Рис. 4. ***Soil* – комплекс образ-схем НИЗ-ВВЕРХ**

Кроме образ-схем, различия в концептуализации земли во внутренней перспективе объясняются используемыми каналами восприятия: визуальным и тактильным. Образ земли как КОНТЕЙНЕРА формируется визуальным каналом, фиксирующим цветовые отличия между поверхностью земли, горизонтом и небом. Значение существительного *ground*, формализованного образ-схемой ВНИЗ, предполагает контакт человека с землей при хождении, а семантика лексемы *soil* опирается на взаимодействие комплекса ВНИЗ – ВВЕРХ с тактильными ощущениями, получаемыми через руки. Единица *land*, соотносимая с образ-схемой ЦИКЛ, имплицирует контакт с землей в результате хождения по ней или ее возделывания.

Отдельное место среди рассматриваемых единиц занимает существительное *world*, имплицирующее безграничное пространство, обозреваемое с точки зрения птичьего полета, и обозначающее не физическую среду, а сферу человеческих отношений. Именно поэтому в англоязычных

изданиях разделы именуются *World Affairs*, а не *Earth Affairs*: последнее название фокусирует внимание на физических, экологических или геологических проблемах.

Приведенные данные свидетельствуют о зависимости концептуализации земли от особенностей физиологии человека и восприятия окружающей среды:

(а) естественная среда обитания: земля, а не вода;

(б) каноническая вертикальная осанка ТЕЛА как главной точки отсчета;

(в) относительно невысокий рост индивида, ограничивающий его поле зрения.

Приведем примеры, подтверждающие изложенные теоретические выкладки:

*Jane Stirling discovers how ancient plants contain the natural history of the **world**. Imagine a **world** devoid of **land** plants and animals, says Dianne Edwards. A **land** without **soil** matured by the decayed bodies of past generations or bound and stabilised by the roots of the living; a **world** whose surfaces are barren, exposed and hostile to life.*

*This was the likely appearance of the **Earth** before plants emerged from their protected habitats in the seas, lakes and rivers and began to colonise the **land** 420-390 million years ago* [24].

В первом абзаце приведенного примера существительное *world* именует неограниченную среду обитания, включающую небо, море и воздух, а предикаты *discovers* и *imagine* обозначают умственную деятельность, необходимую для осознания окружающего мира как целого. Существительные *land* и *soil* устанавливают ближнюю перспективу: первое противопоставляет сушу и море, а второе активирует комплекс образ-схем ВЕРХ – НИЗ.

Во втором абзаце фраза *the Earth* предлагает ВНЕШНИЙ (космический) ракурс восприятия земли, а определенный артикль представляет ее как предмет человеческой деятельности. В данном случае земля не может рассматриваться как среда обитания во внутренней перспективе, ибо в указанный период, т.е. 420-390 миллионов лет назад, человек не существовал. Во втором абзаце, как и в первом, существительное *land* представляет землю в более близкой перспективе, чем *earth*.

Типичный контекст употребления существительного *ground*, обозначающего поверхность, расположенную под ногами, то есть ВНИЗУ от тела, представлен высказыванием *My opening serve flopped into the net, six inches from the **ground*** [19: 36].

Приведенные примеры составляют лишь крохотную толику возможных номинаций земли в английском языке, а их интерпретация – первое приближение к канонической концептуализации, вербализованной отдельными словами, и не охватывает всего богатства смыслов, возникающих при взаимодействии с другими единицами (более полный анализ в несколько другом ракурсе предложен в [7]).

Единицы, обозначающие землю в русском языке, имеют близкую семантику. Значение слова *земля* ассоциируется с КОНТЕЙНЕРОМ, воспринимаемым в двух перспективах: внутренней, напр., *Слухом земля полнится*, и внешней, напр., *Окружность Земли*. Однако русский язык характеризуется целым рядом особенностей. Во-первых, русское существительное *земля* более полисемантично, чем его английский эквивалент *earth*, то есть активирует значения, представленные другими образ-схемами: ЦИКЛ, напр., *помещичья земля*, ВНИЗ, напр., *гнул колосья до земли*, ВНИЗ – ВВЕРХ, напр., *пахать землю*. Во-вторых, в русском языке специальное слово *суша* противопоставляет землю и воду, акцентируя твердую среду, напр., *на суше и на море*. В-третьих, английскому существительному *soil* в русском языке соответствуют два синонима – *почва* и *грунт*, семантика которых отражена взаимодействием схем ВНИЗ и ВВЕРХ. Их значения и функции обусловлены различиями в происхождении соответствующих единиц: *почва* – исконное русское слово, а *грунт* – польское заимствование, родственное верхненемецкому *Grunt* и английскому *ground*. Поэтому в значении единиц *почва* и *грунт* взаимодействуют комплексы схем ВНИЗ – ВВЕРХ и БЛИЗКО – ДАЛЕКО: последняя учитывает происхождение этих двух единиц. Соответственно, *грунт* имеет тенденцию обозначать землю за пределами непосредственного восприятия, то есть ДАЛЕКО: *грунт*, а не *почва* входит в состав словосочетаний *лунный грунт*, *донный грунт* и *пересадить из горшка в грунт* [4 (I): 352]. Вместе с тем, при обозначении опоры, соотносимой с координатой БЛИЗКО, в идиомах обоих языков доминируют исконные слова, ср. русск. *терять почву под ногами* и англ. *lose/gain ground*.

Взаимодействие координат БЛИЗКО – ДАЛЕКО со световым параметром определяет семантические различия между синонимами русского языка *свет* и *мир*, соответствующими английской лексеме *world*. Существительное *свет*, происходящее от слова, обозначающего источник освещения, акцентирует связь человека с окружающим миром, напр., *произвести на свет, жить на свете, путешествие вокруг света*. Сочетаемость лексемы *мир* отражает меньшую доступность обозначаемого пространства непосредственному наблюдению и воздействию, напр., *происхождение миров*, *во всем мире, античный мир, весь мир затих/смотрит на нас.*

В украинском языке ракурсы концептуализации земли преимущественно отражены сочетанием полисемантического слова *земля* с единицами, активирующими соматические координаты, структурирующие пространство вокруг тела человека.

Направление концептуализации ВНИЗ, идентичное семантике английского слова *ground*, дополнительно эксплицируется в украинском языке такими единицами:

- предикатами, обозначающими направленность взгляда ВНИЗ, напр., ***Глядів на землю**, неначе шукав на ній кулі* [17: 59], или указывающими на горизонтальную позицию тела человека, напр., *Припав вухом **до землі*** [16: 78];

- обстоятельствами, локализующими землю внизу от тела передвигающегося человека, напр., *А вже коли свобідно лишити їй поводи – **земля** дудніла **під нею*** [17: 32].

ЦИКЛИЧЕСКАЯ перспектива, на которую опирается английское слово *land*, отражена в украинском языке сочетанием существительного *земля* с единицами, активирующими семантическую сферу ‘пространство, ограниченное полем зрения или деятельностью человека’:

- предикатами, устанавливающими панорамную перспективу, напр., ***Земля розтягнулася**, немов ожидала кого* [17: 66]; описывающими возделывание почвы, напр., *Три роки мені **обробляти землю** без нього* [17: 47]; выражающими отношение к земле, например, любовь, напр., *Він **не любить землі*** [17: 44]; представляющими землю как объект купли-продажи, напр., *Ми зараз **віддамо** половину нашої **землі*** [17: 65]; предикатом *мати* со значением принадлежности, напр., *Ні один не **мав** стільки **землі**, скільки б вона була бажала* [17: 34];

- наречиями со значением «вокруг», напр., *Вийшов зі стайні й глянув **округ себе**. **Земля** лежала ще гарна й нага, як далеко око сягало* [17: 55];

- притяжательными формами существительных и местоимений, имплицирующих принадлежность земли индивиду, что дает основания для рассмотрения образ-схемы ЦИКЛ как одного из источников формирования в сознании украинцев концепта принадлежности, ср.: *А що сталося би з **землею Василя**?* [17: 31] и *шукали і шукають вони заробітку у межах **своєї землі*** [17: 30].

Внутренняя перспектива восприятия земли, представленная английской лексемой *earth*, передается в украинском языке сочетанием существительного *земля* с единицами, обозначающими небо как верхнюю границу земли-КОНТЕЙНЕРА, напр., *Настав жовтень. **Небо** зависло одною сірою, мрячною масою **над землею*** [17: 112].

Неограниченная перспектива, характерная для английского слова *world*, отражена в сочетаниях украинского существительного *земля* с единицами, обозначающими людей, напр., *Від людського життя і навіть від життя цілих поколінь **людей** залишається **на землі** тільки прекрасне* [16: 95]. Подобно русскому существительному *свет*, украинское слово *світ* обозначает безграничное пространство, акцентируемое в следующем примере определением *божім*: *Ілія був найщасливішим чоловіком **на божім світі*** [17: 151].

Дифференцируя ограниченное и безграничное пространства, украинские существительные *земля* и *світ* часто встречаются в одном контексте, напр., *З нього будуть люди, як **покине землю**. Виросте – в нім прокинеться батьківська, героїчна вдача, глибокий, віщий інстинкт по матері, – вони попровадять його **в інший світ*** [17: 305-306]. В приведенном примере словосочетание *покине землю* устанавливает цикличную перспективу,

подобную английскому существительному *land*, а обстоятельство *в інший світ* – безграничную (ментальную) точку зрения.

В результате доминирования в украинском языке полисемантического слова *земля* употребление его синонима *ґрунт* ограничено специальными контекстами, напр., *На* ***ґрунті*** *місцями заморозки* [из сводки новостей].

Польское существительное *ziemia* проявляет такую же полисемантичность, как и украинское *земля*: контекст активирует его значения, но их палитра ограничена бóльшим количеством синонимов в польском языке, чем в украинском.

Существительное *ziemia* устанавливает такие перспективы:

- ВНУТРЕННЮЮ, при которой наблюдатель находится под небом, напр., ***niebo*** *wisiało nisko na* ***ziemią*** (ср. с аналогичным украинским примером из 17: 112);

- ВНЕШНЮЮ, при пребывании человека за пределами планеты, напр., *planeta Ziemia*;

- координату ВНИЗ, устанавливаемую глаголами в словосочетаниях *położyć się*/*spać na* ***ziemi***;

- ЦИКЛ, имплицированный сигналами с наблюдательного мостика на корабле (*Ziemia! Ziemia!*), несмотря на то, что в морских контекстах допускается существительное *ląd*, напр., *zejść na suchy* ***ląd***.

В отдельных случаях польское *ziemia* заменятся другими единицами. Так, *gleba* ассоциируется с сельским хозяйством, а *grunt* обозначает землю, предназначенную для определенных целей, например, для продажи, или ограниченный участок под ногами, соотносимый с координатами НИЗ и ЦИКЛ, напр., *grunty na sprzedaż* «земля для продажи».

Бóльшее количество синонимов в польском языке, по сравнению с украинским, объясняет употребление в одних и тех же контекстах разных существительных, напр., *wszyscy ludzie na całej* ***ziemi*** «на всей земле» и *na całym* ***świecie*** «во всем мире». Несмотря на синонимию двух приведенных фраз, они не идентичны: *na całej ziemi* имплицирует ограниченное восприятие, а *na całym świecie* акцентирует отсутствие границ. Идентичность значения этих двух фраз обусловливает их употребление для обозначения людей, что также характерно для украинского языка [см. 16: 95].

Проведенный анализ свидетельствует, что телесная основа значения, формализованная образ-схемами, позволяет раскрыть различия в значении названий земли в английском и трех славянских языках – польском, русском и украинском. Семантика английских наименований земли передается в русском и украинском языках различными значениями существительного *земля*, а польский сочетает восточнославянскую полисемию и германскую синонимию: поэтому некоторые значения существительного *ziemia* ограничены или обозначены синонимами.

Телесный и визуальный аспекты значения: номинация неба. Взаимодействие вертикальной ориентации тела с координатой ДАЛЕКО в визуальной модальности определяет значение номинативных единиц, обозначающих небо, а визуальный ракурс образ-схемы СПЕРЕДИ во взаимодействии со световыми параметрами объясняет семантику названий горизонта.

Влияние визуального восприятия на концептуализацию неба в сопоставляемых языках отражается категорией числа существительных, семантикой предлогов и синонимией.

Существительные в единственном числе имплицируют однородность неба, а форма множественного числа отражает его гетерогенность, обусловленную факторами, влияющими на визуальное восприятие: погодными условиями, изменениями освещенности и др., ср. англ. *The moon withdraws her sickle from the lightening* ***skies*** [O.Wilde]; польск. *Już ostatnie perły gwiazd zmierzchły i na dnie* ***niebios*** *zgasły* [A.Mickiewicz] или *ciemna kopuła* ***niebios*** [14]; русск. *Лишь звезды блеснут* ***в небесах*** [М.Ю.Лермонтов]; укр. *А ясні зірочки засяяли* ***в небесах*** [М.Петренко]. Английская форма множественного числа *skies* связывает восприятие неба с определенными погодными условиями на отдельных территориях, напр., ***The skies*** *were overcast, and it was chilly and damp* [12: 1549]. В польском языке формы множественного числа *niebiosa* и *nieba* (мн. *niebo*) – архаические. Последняя сохраняется в составе оборота *Wielkie nieba!* «Боже мой!».

При обозначении неба предлоги в сопоставляемых языках выполняют две функции: локализуют его над наблюдателем и отражают особенности его восприятия относительно координат ВЕРХ – ДАЛЕКО. Расположение неба над индивидом отражено в следующих высказываниях: англ. *He took the air* ***beneath the leaden sky*** [O.Wilde]; польск. *piękne jak …* ***niebo nad nami*** [R.Gawliński]; русск. ***Под небо*** *южной стороны* [М.Ю.Лермонтов]; укр. ***Попід небом ясним****, у краю степовім* [Я.Щоголев].

В аспекте структуры предлоги изображают небо в сопоставляемых языках как ПОВЕРХНОСТЬ или как КОНТЕЙНЕР. Небо как поверхность представлено в славянских языках сочетанием существительных с предлогами со значением «на» в контекстах наблюдения за небесными светилами, ср. польск. *Księżyc* ***na*** *niebie*; русск. *Луна* ***на*** *небе*; укр. *Зірки* ***на*** *небі*. Английский предлог *in* изображает небо как КОНТЕЙНЕР, напр., ***in*** *the sky*, а славянские языки демонстрируют это значение при описании движения объектов ВВЕРХ, ср. русск. *Взлететь* ***в небо***; укр. *Я б землю покинув і* ***в небо*** *злітав* [М.Петренко]. Польский предлог *w* наделяет словосочетание *w niebie* значением «на небесах». В английском языке движение в небо передается предлогом *into*, объединяющим образ-схемы ПУТЬ и КОНТЕЙНЕР, напр., *The plane flew* ***into*** *the sky*.

Взаимодействие семантик голубого цвета и КОНТЕЙНЕРА, сближающих небо и море, обусловливает сочетаемость названий неба с единицами,

обозначающими плавание, глубину, потопление, ср. польск. *chmury po niebie* ***płynące*** *wśród błyskawic* [B.Miciński]; русск. *На земле милее. Полно* ***плавать*** *в небо* [С.Есенин]; укр. *По небі блакитнім очима блукаю,* ***Тону*** *там душею,* ***тону*** *там очима* [М.Петренко].

Сопоставляемые языки различаются количеством обозначающих небо синонимов. Русское слово *небосвод* и украинские синонимы *небозвід, небесне склепіння* и *небесна баня* сравнивают небо с аркой, ср. русск. *Тьма ночная* ***своды*** *небесные, как саваном покрыла* [М.Ю.Лермонтов] и укр. *Великанська, на піраміду подобаючи, густо залісена гора взносилась під* ***небозвід*** [О.Кобилянська], а украинское существительное *небовид* акцентирует визуальное восприятие. Несмотря на отсутствие в английском языке синонимов, небо обозначается прилагательным *celestial*, родственным существительному *ceiling* «потолок» [15: 74], и при необходимости английские писатели уподобляют небо другим объектам, напр., ***tent*** *of blue,* ***veil*** *of blue* [O.Wilde].

Бóльшая важность визуального образа неба для украинцев, чем для россиян, которых волнуют его космические черты [2: 190], объясняется значимостью погодных условий для ведения сельского хозяйства на плодородных украинских землях, а также различной длительностью периодов, на протяжении которых люди видят небо. Поскольку над Британией небо часто покрыто тучами, англичане не могут воспринимать его длительное время, а поэтому не нуждаются в специальных единицах, обозначающих его разные аспекты, при необходимости прибегая к метафорам. Более длительные периоды безоблачного неба над Россией и Украиной обусловили возникновение единиц *небосвод*/*небозвід*. Южное расположение украинской территории, над которой солнце выше, ярче и теплее, то есть более важно для деятельности населения, способствует развитию синонимии. Менее континентальный климат в Польше, чем в России или Украине, но более континентальный (и поэтому более солнечный), чем на Британских островах, отражается в наличии в польском языке нескольких синонимов, напр., *nieboskłon* и *sklepienie niebieskie*.

Аналогичным образом степень освещенности определяет количество топологических синонимов, структурирующих небо: русский и украинский языки имеют их больше, чем английский и польский. Кроме единиц *небосвод* и *небозвід*, локализующих небо непосредственно над наблюдателем, синонимы в обоих славянских языках сравнивают его с потолком, ср. русск. *поднебесье, укр. піднебесся, піднебесність, підхмар'я*, а польский язык имеет лишь одну единицу подобного рода – прилагательное *podniebny*.

Славянские языки располагают значительным количеством единиц, обозначающих горизонт и примыкающую часть неба. Наиболее нейтральные единицы, производные от греческого *horizein*, заимствованного через латынь и французский – *horizon* в английском, *horyzont* в польском, *горизонт* в русском и украинском. Семантика исходного греческого слова «граница, разделение,

отделение» уступила место значению «плоский» или «прямоугольный» (cf. www.etymonline.com).

Наибольшее количество синонимов, обозначающих горизонт, характерно для украинского языка, что объясняется южным расположением Украины, над которой солнце выше и теплее. Слово *обрій* происходит от единицы, именующей что-либо, воспринимаемое издали [1: 143]. *Крайнебо* и *небокрай* обозначают место, где встает и садиться солнце; *виднокрай*, *видноколо*, *виднокруг* отражают визуальное восприятие и поэтому характерны для поэзии [5: 389]. В русском языке лишь один синоним – *небосклон* – описывает горизонт, напр., *Вечер погас уж* ***на багряном небосклоне*** [М.Ю.Лермонтов], а в польском языке – две единицы *widnokrąg* и *nieboskłon*, из которых последняя более поэтична, напр., *słodki lazur* ***nieboskłonu*** [K.Lisowski]. Польское существительное *nieboskłon* обозначает ту часть неба, которая кланяется, а *widnokrąg* именует визуально воспринимаемый участок.

Как видим, неодинаковая визуальная доступность и освещенность неба над разными территориями обусловила специфику семантики обозначающих его единиц в английском, польском, русском и украинском языках. Его соотнесенность с координатой ВЕРХ отражена в функционировании предлогов, локализующих небо над человеком, и в употреблении форм множественного числа при его представлении как неоднородной сущности. Славянские языки обладают множеством топологических синонимов, структурирующих небо, а украинский язык особенно богат синонимами, обозначающими горизонт, что обусловлено южным расположением территории, получающей больше света и тепла.

Ориентация и восприятие: номинация пространства между небом и землей. Пространство между небом и землей именуется в английском языке словом *air*, обозначающим смесь вдыхаемого газа и среду над землей [12: 32]. Данные пословиц и поэзии свидетельствуют, что английское существительное *sky* менее частотно, чем его аналоги в славянских языках. Слово *air*, а не *sky* образует сложные единицы, описывающие различные аспекты воздухоплавания, напр., *to announce a mid-air emergency*, а также входит в состав русских и украинских производных, обозначающих объекты из сферы воздухоплавания, ср., *аэропорт/аеропорт, аэродром/ аеродром, аэростат/аеростат* и др. Слова *aeroklub* (польск.), *аэроклуб* (русск.) и *аероклуб* (укр.) широко распространены в сопоставляемых славянских языках, хотя в польском *aeroplan* было вытеснено словом *samolot, aerodrom* единицей *lotnisko*, *aeronauta* существительными *pilot* и *lotnik*.

Выбор между словами *воздух* или *небо* определяется в русском тексте расположением объекта на земле или в воздухе, напр., *разрушить самолеты с множеством пассажиров* ***в воздухе***; ***воздушная*** *разведка*; *пребывание* ***в воздухе***; ***воздушное*** *судно*. Существительное *небо* противопоставляет самолет

земле, напр., *катастрофа* ***в небе*** *над Москвой* [Труд 23.08.2006], или героизирует действия летчиков, напр., *10 лет после бегства* ***в небеса*** [там же].

Координаты ВЕРХ – НИЗ, противопоставляющие небо и землю, определяют значение ряда идиом сопоставляемых языков. Различия в материале, из которого состоят воспринимаемые сущности, отражены в обороте русского языка *отличаться как небо и земля,* а отсутствие в воздушном пространстве опоры трансформировалось в значение ненадежности, ср. русск. *витать между небом и землей* и укр. *висіти між небом і землею*.

Расположение неба СВЕРХУ от наблюдателя определяет значение идиом со значением визуального восприятия, неспособности, похвалы, эмоций и интенсивности.

Особенности восприятия неба отражены в значении оборотов русского языка *небо в овчинку*, описывающего испуг, и *небо в клеточку*, обозначающего место заключенного.

Неспособность достичь нечто, находящееся ДАЛЕКО, отражена в значении фраз, локализующих объекты в небе, ср. англ. *pie in the sky*; польск. *chcieć*/*obiecać komuś gwiazdkę z nieba*. Необъятная глубина неба определяет значение английской идиомы *sky is the limit*, а его ширина отражена русской фразой *попасть пальцем в небо* со значением «сказать что-либо неправильно» [4 (II): 422].

При восхвалении все сопоставляемые языки возносят людей к небесам, что объясняется визуальной выделенностью объекта, находящегося над землей, ср. англ. *praise somebody to the sky*; польск. *wysławiać kogoś pod niebiosa*; укр. *підносити до небес*. Высокую интеллектуальную способность людей идиомы русского и украинского языков связывают с умением снимать с неба звезды, ср. русск. *Звезды с неба хватать* и укр. *Зірки з неба знімати, діставати*.

Чувства счастья описываются в сопоставляемых языках оборотами с числительным «семь», ср. англ. *in the seventh heaven*; польск. *być w siódmym niebie;* рус. *на седьмом небе*; укр. *на сьомому небі*. Носители английского языка дополнительно дифференцируют интенсивность эмоций, обозначая разное расстояние от земли воздуха, облаков и неба, ср. *to tread/walk* ***on air****, to sit on* ***a cloud****, on* ***cloud*** *seven* (*nine*), *to be in the seventh* ***heaven***. Удивление, вызванное падением из чистого синего неба чего-либо неожиданного, отражено оборотами *out of the blue sky* в английском, *jak grom z jasnego nieba* в польском и их аналогами в русском и украинском языках. Русская идиома *Как будто с неба упал* [4 (II): 422] и ее украинский эквивалент *Неначе з неба впасти* [5: 249] сравнивают необразованного человека с пришельцем из другого мира, соотносимого с координатами ВЕРХ и ДАЛЕКО. Фразеологизм украинского языка дополнительно акцентирует легкость в получении чего-либо, имплицируя отсутствие между небом и землей каких-либо преград, а польский оборот *to mi z nieba spadło* имеет значение чего-либо неожиданного и полезного.

Интенсивность деятельности акцентируется близкими по семантике оборотами во всех сопоставляемых языках: *to move heaven and earth* в английском, *poruszyć niebo i ziemię* в польском, *небу жарко* в русском и *небу жарко буде* в украинском.

Значение отдельных идиом опирается на переосмысление расстояния между наблюдателем, находящимся на земле, и облаками, занимающими промежуточное место между небом и землей. В польском и русском языках мечтательность обозначена оборотами *bujać w obłokach* и *витать в облаках* соответственно, а идиомы, обозначающие здравомыслящих людей, апеллируют к земле, ср. *chodzić po ziemi* и *сойти с неба на землю*. Примечательно, что оборот русского языка обозначает движение с неба, а не с облаков, на которых согласно идиоме *витать в облаках* должен находиться мечтатель.

Очевидно, что особенности ориентирования в физическом пространстве определяют значение единиц, структурирующих небо и пространство над землей, включая воздух и облака. Верхнее и удаленное расположение неба, его размер, глубина и отличие от земли определяют значение ряда устойчивых словосочетаний, обозначающих восприятие, неспособность, похвалу, эмоции и интенсивность деятельности.

Перспективизация значения названий физических пространств

Телесная основа значения объясняет различия в семантике слов, обозначающих физические пространства, воспринимаемые одним каналом. Семантика названий пространств, концептуализируемых по нескольким каналам восприятия, объясняется теорией построения перспектив (Vantage Theory), связывающей категоризацию с подобием объекта базовому концепту, формирующему категорию, или отличием от него [8: 92; 13: 494-495]. Сходство отражено основной (dominant) категориальной перспективой, имплицирующей близость к наблюдателю некой однородной, неограниченной, протяженной сущности, связанной с непосредственным опытом взаимодействия и занимающей все поле зрения [6: 295], то есть данная перспектива представляет однородные физические пространства. Категориальные отличия отражены второстепенной (recessive) перспективой, когда некая сущность отграничивается от окружающей среды и фона [6: 295], что наблюдаем при концептуализации неоднородных физических пространств: водоемов, структурированных образ-схемами СОДЕРЖАНИЕ и КОНТЕЙНЕР, а также прибрежной территории, сочетающей твердую и жидкую среду.

Взаимодействие СОДЕРЖАНИЯ и КОНТЕЙНЕРА: Номинация воды и водоемов. С позиции теории построения перспектив существительное *вода* устанавливает основную категориальную точку зрения, связанную с индивидуальным тактильным опытом использования жидкости, занимающей все поле зрения и воспринимаемой в близкой перспективе как однородная

субстанция, удовлетворяющая базовые потребности человека в утолении жажды, мытье и др. Эта концептуализация скорее связана с категоризацией действительности, чем с особенностями формирования семантики единиц конкретного языка.

Фокус на повседневном использовании воды и бóльшая выделенность среды, относительно которой позиционирован индивид (вода, а не воздух или земля), определяют выбор единиц, обозначающих воду, а не водоемы, соотносимые с образ-схемой КОНТЕЙНЕР. Существительное, именующее воду, устанавливает основную перспективу, а КОНТЕЙНЕР служит фоном для воды как фигуры, то есть водоемы рассматриваются как подобные, недифференцированные и неэксплицированные. При этом не принимается во внимание то, что вода в озере и в море отличается вкусом и состоянием, а в реке – направлением движения. Различия в категоризации воды и моря, соотносимого с КОНТЕЙНЕРОМ, отражены в следующем примере, где существительные *sea* и *water* обозначают один и тот же участок водной поверхности: *One big bird plumped or fell, rather than ran, into* ***the sea****. It dived in a moment, and, a few seconds afterwards, came out of* ***the water*** *far ahead* [20: 126].

При обозначении основной перспективы английское существительное *water* сочетается с глаголами, обозначающими непосредственное восприятие, напр., *see somebody in the water*, расположение объектов над поверхностью воды, напр., *protrude, rise above the water*, или движение под нее, напр., *fall, get, plunge into the water*. Аналогичная закономерность характерна для функционирования названий воды в анализируемых славянских языках, что демонстрирует сопоставление оригинала (***The water*** *scarcely reached my waist* [21: 170]) и его переводов на славянские языки: польский (***Woda*** *sięgała mi zaledwie do pasa* [22: 149]) и украинский, напр., ***Вода*** *ледве сягала мені до пояса* [18: 210].

Второстепенная перспектива, связанная с удаленностью объекта от наблюдателя и бóльшим контрастом с фоном, обусловливает текстовую замену существительного *water* на *sea*. В этом случае тактильное восприятие уступает место визуальному с подключением воображения, необходимого для формирования концепта ВОДНЫЙ КОНТЕЙНЕР большого размера. Вследствие удаления от СОДЕРЖИМОГО и переключения внимания на различия между водоемами возрастает важность КОНТЕЙНЕРА и его вариантов, то есть различных резервуаров, с которыми мы взаимодействуем по-разному: море, река, залив и др. Например, мореплавание требует специальных навыков, учитывающих специфику отдельного ВОДНОГО КОНТЕЙНЕРА.

На определенном уровне обобщения ВОДНЫЕ КОНТЕЙНЕРЫ образуют свою собственную категорию, основанную на различиях в соотношении земли и воды. Сопоставляемые языки изоморфны в именовании ВОДНЫХ КОНТЕЙНЕРОВ большого размера: океанов, ср. англ. *ocean*, польск. *ocean,* укр. *океан*, морей, ср. англ. *sea*, польск. *morze*, укр. *море*, озер, ср. англ. *lake*, польск. *jezioro*, укр. *озеро*. Алломорфизм наблюдается при обозначении

небольших водоемов: пяти существительным английского языка (*bay, cove, gulf, harbour, inlet*) соответствуют по два слова в польском (*zatoka* и уменьшительное *zatoczka*) и украинском (*затока* и *бухта*, заимствованное из немецкого языка).

Большое количество слов английского языка, обозначающих небольшие прибрежные водоемы, объясняется тем, что славяне, населяющие сушу, не нуждаются в тонкой дифференциации прибрежной линии. Поэтому английские слова *bays* и *inlets* (*There fell out the map of an island, with latitude and longitude, soundings, names of hills, and* ***bays and inlets*** [21: 48]) передаются польскими словами *zatoki* и *małe zatoczki* (*Ze środka wypadła mapa jakiejś wyspy; zaznaczono na niej szerokość i długość geograficzną, pomiary głębokości, nazwy wzgórz, zatok i małych zatoczek* [22: 38]) и украинскими единицами *затоки* и *бухти*: *На стіл випала карта якогось острова з позначенням довготи й широти, глибини моря біля берегів, з назвами пагорбів,* ***заток*** *та* ***бухт*** [18: 55].

Категория больших ВОДНЫХ КОНТЕЙНЕРОВ формируется в результате взаимодействия визуального восприятия, дающего исходную информацию о соотношении воды и земли, и воображения, позволяющего представить водоемы, выходящие за границы поля зрения. Визуальная основа концепта МОРЕ подтверждается употреблением существительного *sea* в контекстах ориентирования человека относительно координат ПЕРЕДНИЙ – ЗАДНИЙ и ВЕРХ – НИЗ, в чем проявляется изоморфизм между анализируемыми языками. Универсальная модель телесного ориентирования определяет идентификацию моря в английском оригинале (*Behind me was the sea, in front the anchorage* [21: 144]) и в переводах на другие славянские языки: польский (*Za sobą mialem* ***otwarte morze****, przed sobą kotwicowisko* [22: 125]) и украинский: *Позад мене було* ***чисте море****, попереду – бухта* [18: 174].

Употребление в сопоставляемых языках названий ВОДНЫХ КОНТЕЙНЕРОВ приводит к выводу о том, что эта категория формируется вокруг разных базовых концептов: для англичан – это море, омывающее Британские острова; для украинцев – небольшие водоемы, то есть реки и озера; для поляков – водоем, соотносимый с балтийским побережьем страны. Эти отличия объясняют соотнесение английского существительного *sea* (*This had nearly tossed me off* ***into the sea*** [21: 156]) с единицей *вода* в украинском переводе: *Від несподіваного поштовху мене мало не скинуло* ***у воду*** [18: 192]. Употребление в польском переводе существительного *morze* объясняется его сочетанием со словом *manewr* «маневр» с более широким значением, чем у украинского *поштовх: Ten* ***manewr*** *statku o mało nie strącił mnie* ***w morze*** [22: 136].

Использование английского существительного *sea* для обозначения больших масс воды вне зависимости от размера КОНТЕЙНЕРА отражено в его переводческих интерпретациях. Так, *sea* из высказывания *There lay the schooner, clear at last from buccaneers and ready for our own men to board and get* ***to sea*** *again* [21: 170] соотносится с единицей *океан* в украинском переводе

Позад мене стояла відбита в піратів шхуна, на якій ми зможемо вийти ***в океан*** [18: 211] и с польским словом *żegluga*, обозначающим мореплавание: *Tam leżał szoner oczyszczony nareszcie z piratów oraz przysposobiony dla naszych ludzi do wsiadania i powtórnej* ***żeglugi*** [23: 147]. При переводе английского слова *sea* выбор единиц проявляет зависимость от интенции автора, о чем свидетельствует словосочетание *w morze* из другого польского варианта: *W zatoce leżał szkuner, uwolniony w końcu od piratów i gotowy do wzięcia naszej załogi na pokład i wyjścia znów* ***w morze*** [22: 149].

Базовый статус моря в картине мира англичан отражен в употреблении существительного *sea* в предложных словосочетаниях, обозначающих мореплавание при использовании единиц обобщенной семантики в украинском языке и вариантов в польском. Английская фраза *ready for sea* [21: 53], обозначающая готовность к морскому путешествию, соответствует украинскому словосочетанию *готуватися / лаштуватися до відплиття* [18: 58] и польскому *gotowi do żeglugi* [23: 41], которые не называют море. Идея немедленного начала мореплавания, несколько отличная от оригинала, передана в другом польском переводе словосочетанием *wyruszenie* ***w morze*** [22: 43], обозначающим море. Завершение путешествий описывается фразами с единицами, называющими море в английском (*being so long* ***at sea*** [21: 88]) и польском языках (*po tak dugim pobycie* ***na morzu*** [22: 75]) при обозначении мореплавания в украинском: *після такого довгого* ***плавання*** [18: 106].

Участие индивида в морских походах отражается в сопоставляемых языках либо описанием моря, напр., *retired* ***from the sea*** [21: 218], либо обозначением морской службы, напр., *облишив* ***морську службу*** [18: 272]. При этом польские переводы обозначают как море (*już zerwał* ***z morzem*** [23: 191]), так и морскую службу: *po trudach* ***morskiej żeglugi*** [22: 192]. Подобным образом перевод английской фразы *the smack of the sea* [21: 22] акцентирует море в польском варианте *pachniało od niego* ***morzem*** [22: 15] и мореплавание в украинском: *щось* ***моряцьке*** *я в ньому відчував* [18: 13].

Итак, взаимодействие ориентирования и перспективизации объясняет значение единиц, категоризующих водоемы относительно базовых концептов разного масштаба. Важность моря для англичан отражена в лексической дифференциации водоемов различного объема, а также в употреблении существительного *sea* для именования деятельности на море. Доминирование небольших водоемов на территории Украины обусловливает преобладание существительного *вода* при обозначении небольших поверхностей и формирование специальных единиц для именования мореплавания. Средний размер водоема проявляется в близости польских переводов к английским оригиналам с окказиональными интерпретациями, присущими украинскому языку.

Перспективизация прибрежной территории. В рамках теории построения перспектив различия между английскими синонимами *shore, beach,*

coast и их эквивалентами в славянских языках объясняются постепенным смещением внимания наблюдателя от моря к суше, которая, будучи основной перспективой, является однородной, неограниченной, связанной с базовым опытом человека и занимает все поле зрения. Соответственно, английское существительное *coast* устанавливает основную категориальную перспективу, ибо обозначает наибольшую схожесть приморской территории с землей как основным концептом, *shore* предлагает второстепенную перспективу участка, близкого к морю в результате доминирования моря, а *beach* обозначает промежуточную полосу. Славянские языки менее последовательны в этом отношении: приморская территория обозначена двумя существительными как в польском (*brzeg* и *wybrzeże*), так украинском (*берег* и *узбережжя*) языках. При этом польское *wybrzeże* и украинское *узбережжя* обозначают большой участок земли, то есть устанавливают основную перспективу. Семантика украинского *пляж* более узкая, чем у польского *plaża* и английского *beach*.

Различия в построении перспектив между английским и славянскими языками компенсируются обозначением в переводах прибрежной территории существительными *земля* в украинском и *ląd* в польском. В украинском языке основная – континентальная – перспектива отражена существительными *острів*, *місто*, *краєвид*, акцентирующими ракурсы описываемой территории, сближающие ее с сушей.

Значение английского существительного *shore*, устанавливающего второстепенную перспективу прибрежной территории, передается в переводах на славянские языки двумя способами: совпадением перспектив или их колебанием. Совпадение перспектив наблюдаем при передаче значения единицы *ashore*, обозначающей движение вглубь земли, то есть основную перспективу (*someone safe* ***ashore*** [21: 70]), польским словом *ląd* (*jakby był na stałym* ***lądzie*** [22, с. 59]) и украинским *земля*: *ніби стояв* ***на твердій землі*** [18: 83]. Колебание перспектив имеет место при их совпадении в английском оригинале и в одном из славянских переводов и при их отличии в английском и другом славянском варианте. Так, предложение ***On shore*** *I could see the glow of the great campfire burning through the shore-side trees* [21: 147] интерпретируется в украинском переводе соотнесением прибрежной территории с второстепенной перспективой, напр., ***На березі*** *проміж дерев було видно полум'я великого табірного багаття* [18: 181], а в польской – с основной, обозначенной словом *ląd*, напр., *Na* ***lądzie*** *widziałem łunę wielkiego ogniska, jego ciepły blask migotał między* ***nabrzeżnymi*** *drzewami* [23: 129]. В другом случае основная перспектива совпадает в английском оригинале (*Jim Hawkins had slipped into a boat and* ***was gone ashore*** *with the rest* [21: 107]) и украинском переводе (*Джім Гокінс сів у човна й разом з матросами поїхав* ***на острів*** [18: 128]) при второстепенной перспективе, обозначенной в польском варианте существительным *brzeg*: *Jim Hawkins wśliznął się do łodzi i popłynął na* ***brzeg*** *wraz z innymi* [22: 93].

Панорамная точка зрения на прибрежную территорию, устанавливаемая английским существительным *coast*, напр., *these different prospects of* ***the coast*** [21: 160], акцентируется польской единицей *ląd*, напр., *rozmaitość widoków na* ***lądzie*** [22: 140], и украинским существительным *краєвид*, напр., *розмаїття* ***краєвидів*** [18: 197]. Колебание перспектив наблюдаем при соотнесении английского существительного *coast*, устанавливающего основную перспективу приморской территории, напр., *I took my way straight for* ***the east coast*** *of the island* [21: 43], с польским словом *wybrzeże*, именующим широкую полосу земли, напр., *Skierowałem kroki prosto ku wschodniemu* ***wybrzeżu*** *wyspy* [22: 125], и украинским *берег*, представляющим второстепенную перспективу, напр., *Я попрямував до* ***східного берега*** *острова* [18: 174].

Английское существительное *beach*, обозначающее прибрежную территорию, используемую для деятельности людей, семантически близко к польской единице *plaża*, но отличается от украинского слова *пляж*, именующего часть берега, используемую для отдыха. Эти закономерности определяют перевод английского предложения *Men were demolishing something* ***on the beach*** [21: 122] польским *Kilku ludzi rozbijało coś siekierami na* ***plaży*** *niedaleko częstokołu* [22: 106]. В украинском варианте существительное *пісок* обозначает специфическое покрытие этой части берега (*Кілька чоловік рубали щось сокирами* ***на піску*** *навпроти частоколу* [18: 151]), а второй польский перевод привлекает нормативный вариант *wybrzeże*, напр., *Kilku ludzi rozbijało coś siekierami na* ***wybrzeżu*** *niedaleko od warowni* [23: 104].

Общепринятая модель передачи английского существительного *beach*, напр., *A gentle slope ran up* ***from the beach*** *to the entrance of the cave* [21: 213], в славянских языках представлена украинским словом *берег*, напр., ***Від берега*** *до печери тягнувся положистий схил* [18: 264], и польскими единицами *brzeg*, напр., *Łagodna pochyłość wznosiła się od* ***brzegu*** *do samej pieczary* [22: 187], и *wybrzeże*, напр., *Od* ***wybrzeża*** *do wejścia jaskini wiodła łagodna pochyłość* [23:185].

Таким образом, согласно теории построения перспектив номинация прибрежной территории отражает степень ее подобия земле, представляющей базовый концепт. Формирование в сопоставляемых языках названий прибрежной территории обусловлено потребностями людей, что проявляется в обозначении основной, второстепенной и промежуточной перспектив, связанных с сушей, морем и расположенной между ними прибрежной полосой.

Выводы

Анализ названий физических пространств в английском, польском, русском и украинском языках подтверждает, что их значение в первую очередь обусловлено взаимодействием твердой, жидкой или газообразной окружающей среды с различной степенью освещенности, определяющей специфику деятельности людей, населяющих различные части планеты. Теория воплощенного разума объясняет значение слов, обозначающих однородные сущности – твердые (земля) и газообразные, воспринимаемые зрением (небо и

горизонт) – возможностью беспрепятственного ориентирования индивида относительного своего тела. Теория построения перспектив интерпретирует названия физических пространств, воспринимаемых несколькими каналами – водоемов различного размера и прилегающих территорий – степенью подобия и отличия составляющих. Проведенное исследование закладывает основы для изучения роли названий физических пространств в формировании картин мира и культур носителей различных языков, а также для исследования единиц, обозначающих деятельность человека на земле, в небе и в воде, которые допускают или ограничивают определенную активность.

Литература

1. Етимологічний словник української мови в 6-ти томах. – К.: Наукова думка, 2004.

2. Муравицька М.П. Земля й небо Львова та Льгова // Проблеми зіставної семантики. – К.: КДЛУ, 1997. – С. 189-192.

3. Потапенко С.И. Языковая репрезентация категорий: данные теории построения перспектив // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: Сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2010. – С. 137-143.

4. Словарь русского языка в 4-х томах. – М.: Русский язык, 1985.

5. Словник української мови в 11-ти томах. – К.: Наукова думка, 1974.

6. Głaz A. Speakers' choices: Seeing things from a perspective // Cognitive Linguistics Today. – Frankfurt am Main, etc.: Peter Lang, 2002. – P. 287-303.

7. Głaz A. The Dynamics of Meaning. Explorations in the Conceptual Domain of *EARTH*. – Lublin, 2002.

8. Głaz A. Let me hear you talk and I'll tell you where you are // Наукові записки Ніжинського державного університету імені Миколи Гоголя. Серія Філологічні науки. – 2007. – С. 90-97.

9. Głaz A., Allan K. Vantage theory: Developments and extensions. Introduction // Language Sciences. – 2010. – Vol. 32, № 2. – P. 259-275.

10. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. – Chicago, 1987. – 233 p.

11. Johnson M. The philosophical significance of image schemas // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. – Berlin, etc.: Mouton de Gruyter, 2005. – P. 15-33.

12. Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow, 2003. – 1229 p.

13. MacLaury R.E. Introducing vantage theory // Language Sciences. – 2002. – Vol. 24, №2. – P. 493-536.

14. Słownik Języka Polskiego PWN. Electronic version 1.0 – Warszawa, 2004.

15. Skeat W.W. The Concise Dictionary of English Etymology. – Wordsworth References, 1993. – 633 p.

Иллюстративная литература

16. Довженко О. Твори у 2-х томах: Т. 1. – К., 1958.
17. Кобилянська О. Твори. – К., 1968.
18. Стівенсон Р.Л. Острів скарбів: Пер. з англ. Ю.Корецького. – К.: Школа, 2008.
19. Amis M. Money. – London, 1984.
20. Ballantyne R.M. The Coral Island. – Wordsworth Classics, 1993.
21. Stevenson R.L. Treasure Island. – Wordsworth Classics, 1993.
22. Stevenson R.L. Wyspa skarbów: Transl. Krystyna Tarnowska and Andrzej Konarek. – Katowice: Książnica, 1988.
23. Stevenson R.L. Wyspa skarbów: Transl. Józef Birkenmajer. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1994.
24. The Times and The Sunday Times, CD-ROM, News Multimedia, 1995.

1.3. «ВЕРТИКАЛЬ», «ВМЕЩЕННОСТЬ» И «ГЛУБИНА» В АНГЛИЙСКОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА

С.Ю. Богданова

Каждый язык своеобразен в семантическом плане, значения единиц каждого языка по-разному членят отражаемые в них явления действительности и создают особую языковую картину мира. Видение мира происходит через вербальные образы и языковые модели, которые выступают как побочный источник познания, осмысления реальности и дополняют общую картину знания, корректируют ее. Пространственная картина мира является важнейшей составляющей языковой картины мира, представляя собой совокупность пространственных представлений, отраженных и зафиксированных средствами языка.

Осмысление представлений о пространственных характеристиках действительности проявляется в процессе концептуализации этих характеристик, объективируемом в семантике разноуровневых языковых единиц. Одним из важнейших способов такой концептуализации в английском языке являются фразовые глаголы, изучая которые исследователь получает возможность смоделировать некоторые фрагменты картины мира англоговорящих людей. Цель данного раздела – на примере трех пространственных измерений – «вертикаль», «вмещенность» и «глубина» – продемонстрировать роль пространственной лексики в языковой картине мира, а также некоторые особенности концептуализации пространственных отношений.

Пространство подробно дифференцируется во всех языках. Закрытый класс слов имеет референцию к ограниченному концептуальному материалу. Предлоги, представляющие этот класс слов, по мнению Л. Талми, прекрасно демонстрируют и то, как человек членит пространство, и то, как он

концептуализирует мир согласно такому членению. Особенности этого членения в том, что им покрывается все поле пространства так, как его видит человек, причем каждая языковая единица в прямом значении имеет собственную «ячейку», не пересекающуюся с другими таким образом, что это поле имеет «точечный» вид, представляя собой карту, где «каждая схема отличается от других целым набором признаков одновременно» [27].

Можно констатировать, что в результате концептуализации человеком пространственных отношений, представленных в системе фразовых глаголов, сформировано немногим более 20 «ячеек», за каждую из которых отвечает определенный послелог с четким пространственным значением, например, послелог *around* отвечает за отношение разнонаправленности, послелог *up* – за пространственное отношение «вверх», послелог *out* – за пространственное отношение «наружу» и т.д. В некоторых контекстах послелоги, потеряв частично или полностью пространственные значения и расширив сферу употребления, обнаруживают способность отвечать за одну и ту же «ячейку». В сознании человека на фоне расширений (преимущественно метафорических) «ячейки», как мозаика, складываются в разные комбинации, характеризуя определенные фрагменты ментального пространства, переосмысленных пространственных отношений. Со временем такое положение дел закрепляется и в языке, новые элементы встраиваются в значение слова и начинают восприниматься как норма. Представления о различных пространственных отношениях сближаются, и это сближение делает возможным использование определенной группировки переосмысленных послелогов для их репрезентации. Из корпуса примеров конструкций с фразовыми глаголами преимущественно с прямым и переосмысленным пространственным значением выделяются определенные смысловые ряды, демонстрирующие, каким образом некоторые концептуальные области представлены в языке с помощью пространственной лексики [см. 2; 3]. Сама структура фразового глагола, в которой послелог, как правило, имеет и собственное лексическое значение, располагает к использованию фразовых глаголов для анализа языковой концептуализации и категоризации пространственных отношений.

Под концептуализацией здесь понимается процесс структурации знаний [4: 44; 9: 93], заключающийся в выделении относительно простых концептуальных составляющих (концептов) общего представления об объекте, в выявлении отношений и взаимосвязей между этими составляющими и в определении степени важности каждой составляющей в формировании представления об объекте. Иначе говоря, концептуализация мира понимается как его осмысление.

Важную роль в процессе концептуализации различных сфер жизнедеятельности играет пространственная метафора, исходной областью которой выступают пространственные отношения, а результирующей областью – любые объекты и явления внешнего или внутреннего мира, осмысливаемые человеком с точки зрения пространства. Как отмечает Т. Реджиер,

«концептуализация пространства человеком структурирует другие части его концептуальной системы с помощью пространственной метафоры» [25]. Пространственная метафора, являющаяся концептуальной метафорой, реализуется в ориентационных схемах, которые показывают, как человек переносит свой ежедневный опыт на другие понятия, включая абстрактные. «Разнообразие использования людьми пространственных слов в непространственных контекстах – один из примеров того, до какой степени пространственные метафоры и аналогии доминируют в речи и в мыслях» [24: 375].

Прежде чем начать рассмотрение направлений переосмысления прямых пространственных значений послелогов, необходимо определить, что понимается под терминами «структурная метафора», «онтологическая метафора», «ориентационная метафора», «ориентационная схема».

Природа подобия в метафоре заключена в частичном понимании одного явления в терминах другого. *Конвенциональные* метафоры подразделяются на структурные, онтологические и ориентационные. Они часто основываются на соответствиях, чувственно воспринимаемых в нашем опыте, например, ВРЕМЯ ЭТО РЕСУРС.

Структурная метафора имеет место, когда одно понятие структурно упорядочивается в терминах другого [20]. Примером может быть описанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном метафора ВРЕМЯ ЭТО ДЕНЬГИ, а также метафора РЕЧЬ ЭТО ДВИЖЕНИЕ [1].

Онтологическая метафора определяется как способ восприятия событий, действий, эмоций, идей как сущностей (объектов) или субстанций. Например, к этому типу относят метафору ИДЕИ ЭТО ОБЪЕКТЫ [20: 14].

Ориентационная метафора имеет место, когда нет структурного упорядочивания одного через другое, но есть организация целой системы понятий по образцу некоторой другой системы. Большинство подобных понятий связано с пространственной ориентацией, с противопоставлениями типа *up-down, in-out, front-back, on-off, deep-shallow, central-peripheral.* Ориентационные метафоры придают понятию пространственную ориентацию, например, HAPPY IS UP, SAD IS DOWN.

Иногда в основе метафор лежит не один тип метафоры. Так, метафора УМ – КОНТЕЙНЕР основана на подобиях, которые возникают как из онтологических, так и ориентационных метафор.

Образ-схема – это повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придает связность и структуру нашему опыту.

Ориентационная схема определяется как модель пространственного восприятия событий и явлений окружающего мира, представленных с помощью ориентационной метафоры. К ориентационным схемам относятся схемы ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ, КОНТЕЙНЕР, ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ, ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ и др.

Идея движения и изменения – главное, что выражается в английских фразовых глаголах. В языке существует система координат, которая позволяет человеку описывать процесс движения в пространстве с помощью определенных языковых единиц, часто репрезентирующих стереотипные ориентационные схемы, такие, как ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ и КОНТЕЙНЕР [19].

Ориентационная схема ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ

Схема ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ (SOURCE-PATH-GOAL) является одной из наиболее общих структур, базирующихся на ежедневном опыте человека [5; 16; 19: 278; 26]. Схематически ее можно представить следующим образом:

\+ ---------- > +

ИСТОЧНИК ПУТЬ ЦЕЛЬ

ИСТОЧНИК и ЦЕЛЬ принципиально отличаются от ПУТИ, так как первые концептуализируются как места (точки), а последний указывает на траекторию движения[1] и поэтому концептуализируется как линия. ИСТОЧНИК и ЦЕЛЬ представляют собой более простые концепты и могут считаться основными. Концепт ПУТИ предполагает, что существуют ИСТОЧНИК и ЦЕЛЬ, ассоциирующиеся с ним.

Схема ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ состоит из следующих структурных элементов: исходный пункт, конечный пункт, последовательность смежных местоположений, соединяющих источник и цель, и направление (к цели). Суммируя данные, накопленные лингвистами, основные компоненты схемы можно кратко охарактеризовать следующим образом:

ИСТОЧНИК (SOURCE) – исходный пункт, который определяется как место, покинутое траектором[2] в момент начала движения или действия.

ЦЕЛЬ (GOAL) – цель совершения движения или действия, которая определяется как место, достигнутое траектором относительно ориентира в результате прохождения по траектории [5: 96].

ПУТЬ (PATH) – путь или траектория движения, т. е. тот материальный или воображаемый след, который «остается» в результате передвижения объекта в пространстве [5: 95]. С. Свороу дает более простое определение: ПУТЬ – курс, которым следуют движущиеся сущности от начала движения до конца [26: 27]. ПУТЬ напоминает каналы, по которым передвигаются люди – улицы, тротуары, реки, железные дороги; они обычно воспринимаются как линейные, одномерные сущности [24: 378]. Послелоги *along, through, across, over* не могут быть проинтерпретированы как ИСТОЧНИК и ЦЕЛЬ, потому что

---

[1] Под «движением» здесь понимается непосредственное или переосмысленное «изменение в местоположении объекта с течением времени» [21: 167].

[2] Траектор (или траджектор) – объект, движущийся в физическом или гипотетическом пространстве [21].

они указывают на траекторию движения (ПУТЬ). Их общее значение – ‘from one end to the other, from one side to the other’, что свидетельствует об их семантической общности [15: 37].

Направление (direction) может быть приписано прямой, протянутой между любыми двумя объектами в окружающем воспринимаемом мире. Направления воспринимаются как имеющие ориентацию от одного из объектов к другому. В случае с движущимися объектами, направление движения может быть определено либо как линия, начинающаяся в раннем местоположении и идущая к более позднему местоположению объекта, либо относительно исходного или конечного пунктов движения [24: 75]. Одной из основных функций послелогов с глаголами движения, а также глаголами других семантических групп, имеющими семантический компонент «движение» в своем значении, является указание на направление движения (перемещения).

В английском языке ИСТОЧНИК, ПУТЬ и ЦЕЛЬ движения часто являются предметом описания. Среди прочих языковых средств, для этого могут быть использованы глаголы с предлогами и послелогами. Однако в английском языке существуют и такие глаголы, которые уже в своей семантической структуре содержат указание на ИСТОЧНИК, ПУТЬ или ЦЕЛЬ. В качестве примера приведем глаголы с дейктическим компонентом: *go, leave, take* (в которых заложен фокус исходного пункта движения); *move, pass, travel* (в которых заложен фокус пути); *come, arrive, bring* (в которых заложен фокус конечного пункта движения). В.И. Шматова считает, что у глаголов *enter* и *climb* также имеется встроенный дейктический компонент, который указывает на конечный пункт движения [15]. Представляется, что перечень таких глаголов в современном английском языке может быть продолжен. По мнению Е.Е. Голубковой, указание на ПУТЬ обычно не заложено в семантике самого глагола (если это исконно английский глагол), в ней иногда присутствует только указание на вектор движения [5]. В системе английских фразовых глаголов схема ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ может моделировать пространственные (прямые и переосмысленные) отношения в вертикальной и горизонтальной плоскостях. Пространственное измерение, называемое многими лингвистами важнейшим с точки зрения теории указательности вообще и с точки зрения антропоцентризма и эгоцентризма в частности [7; 13: 214; 18; 24: 397], – это «вертикаль».

Пространственное измерение «вертикаль»

Одним из способов описания вертикального измерения в английском языке является использование фразовых глаголов с послелогами *up* и *down*, которые часто, хотя и не всегда, образуют оппозицию. Точкой отсчета пространственных отношений в вертикальной плоскости, ориентированной непосредственно на человека, чаще всего является плоскость направления взгляда, совпадающая в нормальных условиях (вертикальное положение

субъекта) с горизонталью. Объекты, расположенные выше условной плоскости направления взгляда, характеризуются пространственным отношением *up*, объекты, расположенные ниже этой плоскости – пространственным отношением *down* [6]. Кроме того, в роли точки отсчета может выступать любой объект окружающей действительности, в том числе и поверхность земли (для отношений, описываемых глаголами *root, dig* и т.п.).

Послелоги *up* и *down*, помимо своих прямых пространственных значений, имеют и множество переосмысленных. Можно предположить, что первоначально переосмысление значений шло параллельно для обоих послелогов, и оппозиция сохранялась, но затем на какой-то ступени абстракции они разошлись и стали развиваться независимо друг от друга. У послелога *up* появилось больше значений, и многие из них сейчас уже трудно объяснить с точки зрения их прототипического пространственного значения. Наречие *up* употреблялось в переосмысленном значении еще в древнеанглийском языке, характеризуя действие как более интенсивное [14].

Прямые пространственные значения послелогов *up* и *down* образуют регулярную оппозицию, и послелоги являются антонимами. Перемещение или нахождение какого-либо объекта выше точки отсчета маркируется послелогом *up*, ниже точки отсчета – послелогом *down*. Их использование в составе фразовых глаголов *go up, go down, climb up, climb down, look up, look down* и др. включает эти глаголы в отношения антонимии. Так, противопоставление *go up – go down* относительно точки отсчета заключается в разных (противоположных) направлениях движения из одного и того же места. Таким образом, для того чтобы образовать фразовый глагол-антоним, обозначающий пространственные отношения в вертикальной плоскости, часто достаточно использовать с данным глаголом противоположный по смыслу послелог. Представляется уместным упомянуть, что это не единственный способ образования антонимичных фразовых глаголов. Имеются в виду глаголы, в семантической структуре которых содержится указание на направление движения, например: *fall, lower* и *rise, raise*. При необходимости описать действие, противоположное действию, обозначенному фразовым глаголом *lower down*, может быть использован антонимичный глагол *raise* с антонимичным послелогом *up*. Ср. также: *fall down – rise up*.

Пространственные отношения в вертикальной плоскости, в силу их особой значимости для человека, могут использоваться для осмысления процессов и действий, далеких от непосредственного перемещения в пространстве, таких, например, как умственная активность. Переосмысление пространственных значений зачастую производится в соответствии с ориентационными метафорами MORE IS UP, LESS IS DOWN; GOOD IS UP, BAD IS DOWN и т.д. Переосмысленные таким образом значения послелогов находят отражение в семантике фразовых глаголов *dress up* – «наряжаться»; *dress down* – «одеваться хуже, чем обычно»; *feel up* – «быть в приподнятом настроении»; *feel down* – «быть подавленным». К этой же группе глаголов

можно отнести фразовые глаголы, выражающие отношения в сфере социального дейксиса, например: *talk up* – «говорить с уважением»; *talk down* – «говорить пренебрежительно». Среди фразовых глаголов с послелогами в переосмысленных значениях выделяется группа отадъективных глаголов (*warm up, cool down*). Здесь также прослеживается оппозиция значений послелогов *up* и *down*, но у этих фразовых глаголов есть своя антонимическая парадигма.

Особенность образования индексальной парадигмы отадъективных глаголов заключается в следующем: большинство из них присоединяют послелоги *up* и *down*, первичное значение которых – указание на пространственные отношения в вертикальной плоскости. Поскольку, согласно ориентационным метафорам, уменьшение и увеличение какого-либо свойства концептуализируется человеком в рамках отношений в вертикальной плоскости, прилагательные, имеющие, с точки зрения человека, имплицитно положительное значение (*warm, wide, quick*), ассоциируются с увеличением какого-либо свойства, и, соответственно, с движением вверх. Глаголы, образованные от таких прилагательных, как правило, могут присоединять послелог *up*: *Peas were the token greenery to brighten up your plate* (Freud).

В свою очередь, прилагательные, имеющие имплицитно отрицательное значение (*cool, narrow, slow*), ассоциируются с уменьшением свойства, и, соответственно, с движением вниз. Глаголы, образованные от таких прилагательных, как правило, могут присоединять послелог *down*: *People turned and looked at her with such bewilderment that she was forced to slow down* (Freud).

Когда речь идет о конкретных признаках, таких как *high/low, hot/cold,* мы можем на основании опыта (прежде всего, чувственного) определить, какой из антонимов имеет условно положительное значение, а какой – условно отрицательное. Когда необходимо оценить более абстрактные признаки, такие, как *sober-drunk*, на первый план выступает точка зрения общества на данное социальное явление. В европейской культуре быть пьяным – плохо, а трезвым – хорошо, о чем свидетельствуют выражения ‘be sober-minded’, ‘exercise a sober judgement’ и т.д. Опираясь на эту точку зрения, можно объяснить использование послелога *up* в примерах: *Get her sobered up!* (Michener); *Maybe you should go sober up first* (Sheldon); *Some of the party want sobering up* (George).

По данным толкового словаря (OALDCE), прилагательное *sober* также имеет значение ‘self-controlled, temperate, serious in thought, calm’. В примерах *Maybe I’ve sobered up a little since then* (Klein); *He had drifted off into a stupor, but the barber’s words quickly sobered him up* (Michaels) представлен глагол, образованный от прилагательного с этим значением. В первом примере фразовый глагол описывает выход из состояния эйфории, а во втором примере – из оцепенения.

По нашим наблюдениям, практически любой глагол может присоединять послелог *up*, но послелог *down* не может быть использован, если семантика глагола предполагает повышение, увеличение (температуры), так же, как и в случае с глаголом *rise*. В случае использования глагола *heat* «нагревать»

единственный возможный послелог – *up*: *I'll bring something we can heat up, and then we can relax this evening* (Stubbs). При образовании антонимических пар не только послелог, но и сам глагол меняется на оппозиционный по смыслу, ср.: *Get over to the fire and warm yourself up* (Bradford); *Rex, you need air to cool you down. Let's make a stroll* (Le Carré).

В переосмысленных значениях послелогов, в отличие от идиоматических, сохраняются «следы» пространственных значений, поэтому, анализируя их, возможно говорить об условном «членении пространства». Идиоматические значения послелога *up* не образуют оппозиции со значениями послелога *down.* Так, значение «приближения», придаваемое послелогом *up* фразовому глаголу движения типа *move up, walk up, run up*, мотивируется, возможно, тем фактом, что, когда объект движется по направлению к наблюдателю, образ на ретине увеличивается, причем особенно в вертикальном измерении. Другими словами, существует основанная на опыте связь между приближением, с одной стороны, и увеличением размера и движением вверх, с другой стороны [22: 36]. Высказывается также мнение, что именно связь с выражением значения приближения помогает объяснить, почему этот послелог ассоциируется также с завершенностью действия. Как послелог *up*, так и послелог *down* в большинстве случаев передают значение завершенности действия: *sum up, add up, finish up, drink up* и др.*; burn down, break down* и др., но характеризуемые ими действия имеют разную пространственную концептуализацию, и послелоги не являются равнозначными. Считается, что послелог *up* приобретает значение завершенности действия через переносное значение «увеличение объема действия», а послелог *down* приобретает значение завершенности через переносное значение «уменьшение объема действия» [12].

Ориентационная схема КОНТЕЙНЕР

Очень важной с точки зрения концептуализации пространственных отношений в английском языке (как и во многих других языках) представляется схема КОНТЕЙНЕР, в основе которой лежит отграничение территории[1]. Согласно определению, данному Дж. Лакоффом, схема КОНТЕЙНЕР состоит из границы, отделяющей внутреннее от внешнего [19: 271]. Таким образом, отдельными элементами схемы являются понятия *внутрь / внутри, наружу / снаружи* и *граница*. Следовательно, в связи с данной схемой можно рассматривать «статический» аспект проблемы (*внутри, снаружи*) и «динамический» аспект (*внутрь, наружу*). С точки зрения статического аспекта, идея схемы КОНТЕЙНЕР – «схематизированное и предельно упрощенное представление об универсуме лишь в его способности иметь что-

[1] Под «территорией» здесь понимается пространство в горизонтальной плоскости, отделяемое человеком и имеющее внутреннюю часть и ограничивающую (bounding) поверхность (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону, либо стену, забор, либо абстрактную линию или плоскость [20: 29].

то (держать или со-держать, con-tain) в себе самом, внутри себя» – и проявление зависимости схемы от двух онтологических категорий «место или пространство» и «объект» подробно описаны Е.С. Кубряковой [10: 475-491]. Как следует из анализа языковых данных, осмысление отношений существования одного объекта в другом как отношения включения имеет универсальный характер и может выражаться различными способами, среди которых на первом месте – предлоги и наречия. Помимо данного способа, схема КОНТЕЙНЕР может выражаться специальными аффиксами, особыми группами глаголов, конструкциями, выражающими идею притяжательности и т.п. В целом, Е.С. Кубрякова убедительно доказывает «исключительную роль объективации схемы КОНТЕЙНЕР в различных формах языка и даже ее влияние на способы мышления о мире» [10: 489].

Как следует из анализа материала, в английском языке при описании пересечения границы объект может попадать из одного «контейнера» в другой, таким образом демонстрируя связность пространств, отраженную в языке, например, *Out of* the frying pan *into* the fire (ср. рус. *Из огня да в полымя*). В системе фразовых глаголов «связность» пространств, представленных в языковой форме, «перетекание» из одного замкнутого пространства в другое выражается сочетанием фразового глагола с послелогом *out* типа *come out* и направительных предлогов *in, into*: *With a violent push he shoved David out into the pressroom* (Michener); *Carefully we turned the net out into the enamel basket* (Murray); *Having emptied out the water jar in the sink, she refilled it* (Le Carré). В последнем примере использование фразового глагола *empty out* свидетельствует о двойной маркировке пространственных отношений в схеме КОНТЕЙНЕР, так как сам глагол *empty* без послелога в подобном контексте содержит семантический компонент «опустошать», ср.: *Robert emptied a finger or two of Scotch into his glass and drained it in one gulp* (Korda).

Данная схема характеризует пространственное измерение «вмещенность», представленное, в частности, во фразовых глаголах с пространственными послелогами *in* и *out*.

Пространственное измерение «вмещенность»

Выражаемое в языке понятие «вмещенность» является отражением трехмерности пространства, в котором отношения между предметами характеризуются не только отдельными линейными измерениями «горизонталь», «вертикаль», но и соотношением совокупных измерений «горизонталь-вертикаль», дающих представление об объемности того или иного предмета в его отношении к другим объемным предметам [6; 23]. Таким образом, «вертикаль» включена в измерение «вмещенность», что и обуславливает их совместную встречаемость в некоторых концептуальных областях, о чем будет сказано позднее. Человек представляет собой физическое существо, ограниченное в определенном пространстве, отделенное от

остального мира поверхностью кожи и наделенное способностью к ориентации типа «внутри – вне» (*in – out*). Эту ориентацию человек переносит на другие физические объекты, ограниченные поверхностями. В результате они также представлены в языке как вместилища, обладающие внутренним пространством и отделенные от внешнего мира.

Послелоги *in* и *out,* характеризующие измерение «вмещенность», часто встречаются в составе фразовых глаголов. Пространственное значение глаголов с этими послелогами обычно хорошо прослеживается. Фразовые глаголы с послелогами *in* и *out* в прямом пространственном значении описывают движение субъекта или объекта действия относительно границ некоторого замкнутого пространства или их местоположение. В прямых пространственных значениях данных послелогов обязательно присутствует указание на наличие границы вместилища. Здесь имеет место противопоставление значений послелогов *in* и *out*.

У переосмысленных пространственных значений противопоставление наблюдается редко, так как в фокусе внимания говорящего, как правило, находятся различные составляющие ситуации. Так, интересным представляется использование фразовых глаголов с оппозиционными послелогами для обозначения процесса создания художественных полотен. Полотно концептуализируется как двухмерный «контейнер», особая замкнутая территория, в пределы которой что-либо может быть внесено, или из пределов которой что-либо может быть удалено: *Twice he sketched in the tin funnel of the chimney and twice he rubbed it out* (Freud). Тем не менее, рисование предполагает в основном внесение изменений в рисунок, поэтому фразовые глаголы с послелогом *in* для обозначения создания полотна используются значительно чаще. Так, в выборке отмечены следующие фразовые глаголы: *draw in, paint in, put in, sketch in*: *Max sat opposite the Sea House, drawing in its outline* (Freud); *If she was there, even on the edge of his eye line, he would feel compelled to paint her in* (Freud); *Each brick, or the impression of each brick, each reddened tile, each leaf of ivy clinging to the wall, he would put them in* (Freud).

Лингвисты часто приводят пример с фразовыми глаголами *fill in* (*the form*) и *fill out* (*the form*), послелоги у которых не образуют оппозицию. Напротив, оба фразовых глагола предполагают обозначение одного действия – заполнения бланка, но внимание акцентируется в первом случае на вписывании слов в пробелы (заполнении промежутков), а во втором – на представлении полностью заполненного бланка [см. 11]. Что касается идиоматических значений, можно отметить, что они часто характеризуют завершенность действия, например, *cool out* – «заморозить, остановить»: *cool out the power reactor* (King). Послелог *out* имеет намного больше идиоматических значений, так как послелог *in*, «как правило, не расширяется в абстрактные области, как это делает *out*» [11: 71].

Пространственная концептуализация процессов жизнедеятельности (дыхание, поглощение пищи, питье)

Важное теоретическое значение в свете современной когнитивной теории имеет выявление разнообразных концептуальных связей пространственных представлений с непространственными сферами бытия. Пространственная метафора пронизывает всю концептуальную систему человека. Такие сферы жизнедеятельности, как еда, питье, дыхание, жизнь, умирание, время, эмоции и их проявления, мыслительная деятельность и т.д. концептуализируются пространственно и находят отражение в системе фразовых глаголов. В частности, пространственная метафора лежит в основе концептуализации процессов дыхания, поглощения пищи и питья, так как для их обозначения человек использует пространственную лексику. Для именования различных процессов жизнедеятельности в английском языке используются прототипические глаголы (*breathe, eat, drink* и др.), а также многие другие глаголы, которые могут присоединять пространственно-направительные послелоги в прямом и переосмысленном значении. Концептуализации этих процессов свойственна их дискретизация на более мелкие, конкретные действия.

Пространственная концептуализация дыхания. Процесс дыхания, представляющий собой поглощение воздуха и отправление его вниз по дыхательному горлу (трахее), воспринимается и концептуализируется с точки зрения схемы КОНТЕЙНЕР. Очевидно, это происходит потому, что наблюдатель отмечает в этом процессе действие (органов дыхания), основанное на вдыхании и выдыхании, которое может быть обозначено фразовыми глаголами с послелогами *in* и *out*.

Двойственный характер процесса дыхания находит отражение в языке относительно редко, например: *She imagined she could only hear him breathe, slowly out and in* (Bradbury); *I stood on the doorstep alone, pressing my lids together, breathing in, breathing out* (Barnes). Возможно, это происходит потому, что он практически незаметен в нормальных условиях, и внимание к этому процессу привлекается лишь в случае болезни или сильного волнения, когда дыхание становится затрудненным, громким и т.п.: *She was taking in deep breaths through her nose and letting them out through her mouth like a steam train mustering force* (Murray); *When we had finished he leaned back in his chair, puffed out his cheeks, and exhaled noisily* (Forsyth).

Даже в случае затрудненного дыхания чаще описывается процесс вдоха, чем процесс выдоха: *The monkey was opening his mouth and breathing in* (Le Carré). Выдох привлекает внимание наблюдателя, когда он сопровождается вздохом: *She nodded quietly at his words, and then let out a small sigh* (Steel); *She let the breath out with a sigh* (Korda).

Для обозначения процесса дыхания часто используется специальный

глагол *breathe* (способный обозначать как вдох, так и выдох): *I breathed in mouthfuls of the damp air* (Murray). Существительные *air, breath, sigh*, обозначающие вдыхаемый или выдыхаемый воздух, преимущественно употребляются с фразовыми глаголами *let out, suck in, take in*: *He sucked in lungfuls of the cool fresh air* (Forsyth); *She took in a satisfied breath of the icy air* (Murray). Фразовый глагол *draw in* неоднократно встретился в подобных контекстах с существительным *breath*: *He drew in a deep breath as they turned inland from the sea* (Freud).

Как следует из приведенных примеров, дыхание часто подлежит описанию, если необходимо подчеркнуть характер вдоха, обозначаемый с помощью существительных (*hotness*): *She let herself breathe in the hotness of his breath* (Freud); прилагательных (*deep, shallow, satisfied*) и др., если вдыхаемый воздух (например, холодный (*icy, cool*), влажный (*damp*)) оказывает необычное воздействие на органы восприятия (слизистые оболочки носа, глаз, горла и др.): *The air was stinging in its icy purity. Barbara felt its sharp stab in her nose and throat, in her ears and against her eyes. Yet she breathed it in deeply five or six times* (George); *She had often stopped by the tree to finish up her sweets, breathing in the acrid smell that came to her in bursts* (Freud). Однако можно встретить и выражения, специфицирующие не только качество, но и количество вдыхаемого воздуха: *I sucked in air until my lungs were full* (Michener); *The thought is exhilarating, it zooms up her spine like electricity, making her shiver, making her draw in her breath in large gulps* (Dawson). От волнения у человека может перехватить дыхание: *Lili felt a touch taking her breath away* (Conran), а неживые существа (например, комната) в метафорическом значении могут «затаить дыхание»: *Something was wrong. Perhaps it was the air, too hushed as if the room itself had drawn in a quick breath* (George).

Как следует из анализа примеров, для того, чтобы дыхание стало предметом языковой номинации, необходимо несколько условий. Так, концептуализации подвергаются, в основном, процессы, имеющие специфические характеристики: необычное качество вдыхаемого воздуха, осложнения процесса дыхания, шумное выдыхание и т. д.

Пространственная концептуализация поглощения пищи. Анализируя примеры английского языка с глаголом *eat*, можно сделать вывод о возможности рассматривать процесс поглощения пищи с точки зрения схемы ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ: *She had to eat her way through almost 10 kilos of chocolates*. Это высказывание, хотя и носит метафорический характер, все же представляет собой реальное наблюдаемое действие (поглощение шоколада). Глагол *eat* в английском языке часто используется с пространственными элементами (предлогами, послелогами), особенно с послелогом *up*: *Eat up your lamb chops, McAllister, before they grow cold* (BNC). Тем не менее, как будет показано ниже, фразовые глаголы с глагольными компонентами *eat* и *swallow* в письменных регистрах (художественная проза, публицистика и др.) чаще

используются метафорически для передачи действий по поглощению людей, ресурсов и т.д.

Послелог *up* в составе фразового глагола *eat up* указывает на завершенность действия (в плане достижения ЦЕЛИ), а не на направленность вверх в вертикальной плоскости. В зависимости от восприятия наблюдателем ситуаций окружающего мира, происходит их концептуализация, чаще всего на основе концептов, уже закрепившихся в сознании человека и нашедших формы отражения в языке. В художественных текстах современной англоязычной литературы часто описываются действия, сопровождающие беседу персонажей. Глагол *eat* используется, как правило, для обозначения процесса поглощения пищи, не описывая его в деталях, так как данный глагол репрезентирует концепт более высокого уровня, составными частями которого являются концепты конкретные. Для глагола *eat* это деление пищи на порции, использование столовых приборов, поднесение пищи ко рту, помещение ее в рот, пережевывание, измельчение, глотание, перемещение по пищеводу, переваривание и т.п. Более конкретные концепты репрезентируются с помощью глаголов разных семантических групп, в основном, физического действия и движения, таких как *put, take, chew, swallow, go, run.* Использование фразовых глаголов с глагольными компонентами *spoon*, *fork, knife* дает основание утверждать, что в процессе еды наблюдатель чаще всего отмечает движение столовых приборов: *He decapitated his three-minute egg and spooned out the part he had lopped off* (Browne); *As Max spooned in each mouthful, he attempted to hold Elsa in his view* (Freud); *Havers forked up more fish, piled two chips on top of it* (George); *Leslie knifed up a dab of butter for her tongue* (Browne); *Gertrude brought through a tureen of soup and started to ladle it out* (Freud).

Несмотря на то, что в языке обычно существует несколько вариантов описания определенной внеязыковой ситуации, наблюдатель, являющийся носителем языка, всякий раз безошибочно выбирает только один из них, способный максимально точно передать воспринятую им лично или опосредованно ситуацию. В случае непосредственного наблюдения (зрительного, слухового или тактильного) при передаче посредством языка обычно используются конкретные концепты.

Как уже было упомянуто, глагол *eat* может быть использован не только для обозначения процесса принятия пищи, но и в переосмысленном значении. Так, с объектом, обозначающим несъедобное, глагол *eat* имеет негативную коннотацию: *This new heating system eats up electricity* (LDPhV). В примере *Letelier's people ate up more and more of Steuben Town* (Michaels) имеет место метонимический перенос названия города на то, что в нем находится. Особенно четко негативная коннотация проявляется, когда в роли объекта выступает человек (вероятно, в основе подобных метафорических переносов лежит инстинкт самосохранения). Например, глагол *eat* используется для обозначения действий по отношению к неугодному человеку: *By the time the clerk had been eaten, it was going on three o'clock* (King); или для обозначения внутреннего

воздействия на человека: *What's eating you?* (Murray).

Для обозначения действий по отношению к неугодным людям может также использоваться глагол *chew* «жевать» в переосмысленном значении с послелогами *up, out, away* (модель «фразовый глагол в переосмысленном значении»), например: *There was an informant who was unstable and unreliable and expected to be chewed up on cross-examination* (Grisham); *She felt he was chewing away at her, diminishing her* (Murray). «Съедать» человека изнутри могут эмоции (*fright of evil, guilt*): *A heavy freight of evil was simultaneously wearing her out and eating her up* (King); *I felt eaten up with guilt* (Davidson).

На более высоком уровне обобщения в роли семантического субъекта действия и семантического объекта выступают абстрактные сущности. В примере *As a noted journalist he must have made a good deal of money, but perhaps that had been eaten up by his medical expenses* (Snow) описана ситуация, в которой расходы на лечение «съедают» заработанные деньги.

Метафорическое обозначение факта «исчезновения» человека осуществляется с помощью глагола *swallow* «глотать», актуализирующего одну из составляющих концепта «поглощение пищи». В качестве субъекта действия выступают силы, не зависящие от человека (затмение, снег): *The blackout swallowed him* (King); *They vanished, swallowed by the snow* (Le Carré). Однако в том же контексте чаще используются фразовые глаголы *eat up* и *swallow up*, в которых послелог *up* индексирует завершенность действия: *They'll eat him up alive* (Puzo); *It was as if they would eat him up with their eyes* (King). Фразовый глагол *swallow up* используется в случае, если в качестве субъекта выступает, например, военная организация: *In other words, Pure Intelligence must swallow up Limpet and be damned!* (Le Carré).

С послелогом *away* глагол *eat* обозначает частичное «подтачивание», «выедание», которым подвергаются мозг и память человека. В примерах *My flesh is burning off my bones and I can feel the worms eating away my brain* (Puzo); *If you carry a thing like that around with you long enough it'll eat away your mind* (Michener); *He must not let his problems eat away at him like a cancer* (Bradford) имеет место метафорический перенос. Однако фразовый глагол *eat away* может использоваться и в ситуациях сравнения, в прямом пространственном значении: *They were the steps to an old bunker, its corners crumbling, eaten away as if by mice* (Freud).

Альтернативные способы представления одного и того же базируются на разной концептуализации ситуации. Так, результат поглощения пищи может быть представлен различными способами, например, путем указания на чистоту тарелки: *He's just polished off ham and eggs* (Puzo), скорость, с которой еда была съедена (фразовый глагол *shovel in* «сгребать»): *He shovelled his breakfast in as if a full stomach might cheer him up* (Korda), способ: *He watched Levin wolf down great bites of mashed potatoes* (Crichton).

С послелогами *in* и *down*, характеризующими в соответствующем контексте (в котором присутствует импликация определенных сложностей,

связанных с проглатыванием и перевариванием) помещение пищи внутрь (желудка) или ее продвижение вниз (по пищеводу) к желудку, кроме упомянутых глаголов *shovel* и *wolf* могут быть использованы глаголы с более широким значением, например, *go, push* и *get*: *We were now resting to let our lunch go down before swimming again* (Murray); *I now had a knot in my throat the size of a baseball, and the fried chicken simply wouldn't go down* (Grisham); *He could ... feel the downturn of his mouth as he pushed each forkful in* (Freud); *We laughed so hard we could not get the soup down* (Davidson).

Особый случай представляет собой поглощение пищи животными и птицами, имеющими длинную тонкую шею. Проглатывание пищи представляет собой маневрирование (*maneuver*), использование дополнительных усилий (*force*). То, что наблюдаемо, находит отражение в языке: *The bird swallowed the fish, and Pentaquod could see the progress of the meal as it slowly passed down the extended gullet* (Michener); *Twice in that period he saw Fishing-long-legs catch one, cut it in half and force the food down its long neck* (Michener); *The bird was obviously pleased with its catch, gulped down one half, allowing the other to fall into the water. The swallowed portion was so big and with so many protruding legs that it required time and effort to maneuver it down the long gullet* (Michener). Подобным образом в английском языке может быть отражена концептуализация проглатывания пищи человеком: *He looked hopefully at the empty plate, the last icy morsel trailing down his throat* (Fyfield).

Пространственная концептуализация питья. Решающую роль в концептуализации питья (поглощения жидкости человеком) играет чувственный (осязательный) опыт человека, так как движение жидкости по пищеводу происходит относительно быстро, а горячая жидкость или крепкие алкогольные напитки обжигают пищевод, и человек начинает ощущать его стенки: *The liquid burned her throat all the way down, followed by soothing warmth* (Snow).

Строение тела человека и его органов предопределяет первостепенную важность вертикального измерения в концептуализации питья, особенно направления «вниз», характеризуемого послелогом *down* в составе фразовых глаголов типа *drink down, gulp down*: *Boil out the Ohio tap water, he thought, then drink down the best Bordeaux* (Bradbury); *He let the water run from the kitchen tap until it was cooler, drank down a tall glassful without stopping* (Browne); *Clemenza was blowing like a whale as he gulped down the wine* (Puzo); *Johnny gulped down the yellow fiery liquid* (Puzo).

Как показывают примеры, глагол *drink* для обозначения поглощения жидкости человеком используется с послелогом *down*, а растениями – с послелогом *in*: *The thirsty plants drank in the welcome water*. В отношении человека, тот же глагол с послелогом *in* приобретает метафорическое значение и обозначает «впитывание», «усвоение» мудрости, идей, красоты и других абстрактных понятий, направленное внутрь человека, прежде всего, вглубь его

сознания: *All I could decently do was sit at his feet and drink in his wisdom* (Le Carré); *Morris Binder stood with his head bowed and seemed to drink in the climbing music* (Michener).

От наречия *down* образован глагол *down* «опускать», который используется, когда речь идет о крепких напитках, таких, как скотч, виски, водка, бурбон: *He had downed a tumbler of Scotch as soon as he arrived* (Korda); *And downed several in-flight whiskeys* (Le Carré). Можно предположить, что в основе данного значения глагола *down* лежит наблюдение за тем, как во время питья сосуд, из которого пьют, наклоняют вниз и даже переворачивают кверху дном.

Для обозначения процесса запивания чего-либо (лекарства, еды) жидкостью (водой, соком, кофе) используется фразовый глагол *wash down*, в котором послелог индексирует направление движения жидкости вниз: He took two small blue capsules from his pocket, popped them into his mouth and *washed* them *down* with black coffee (Korda); He finished his toast and *washed* it *down* with a quick gulp of tea (Potter).

Таким образом, в концептуализации процессов жизнедеятельности преобладают два пространственных измерения – «вертикаль» и «вмещенность». Комбинация этих пространственных измерений, использование группировки характеризующих их пространственных послелогов лежат в основе концептуальной области «глубина», представляющей собой пространственное измерение.

Пространственное измерение «глубина»

Один из вариантов схемы ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ представляет собой включение в нее ориентационной схемы КОНТЕЙНЕР, т.е. некоторого замкнутого пространства, отделенного границей, которое в данном случае выступает в роли ЦЕЛИ: *She closed her eyes, let herself sink down into her imagination, remembering, remembering…* (Bradford). Термин «концептуальная область», под которой понимается совокупность концептов, объединенных представлением одного фрагмента действительности, используется нами для обозначения репрезентаций некоторых процессов и явлений в сознании человека. Концептуальные области обеспечивают понимание слов в системе языка. Слова соотносятся, в первую очередь, с концептуальными областями и только потом – с парадигматическими и синтагматическими контекстами. Встречаясь в одной концептуальной области, ориентационные схемы ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ и КОНТЕЙНЕР выполняют важные функции в структурном упорядочивании в сознании явлений действительности.

В отличие от пространственных измерений «вертикаль», «горизонталь» и др., «глубина» представляет собой сложное измерение, в основе которого лежит «вмещенность», однако, кроме пересечения границы, оно предполагает определенное расстояние, пройденное по направлению к дальней стенке

«контейнера». Хотя можно говорить и о «глубине» шкафа, это измерение преимущественно ассоциируется с описанием направления «вниз». Так, Х. Кларк, перечисляя пространственную лексику, использующуюся для описания измерения «вертикаль», подчеркивает, что «глубина обозначает «дистанцию внутрь (*into*) замкнутого пространства от его поверхности» и не связана напрямую с вертикальностью» [17]. Однако тем самым он допускает, что такая связь (пусть даже и непрямая) между «вмещенностью» и «вертикалью» существует. Особенностью комбинации двух пространственных измерений: «вертикаль» и «вмещенность»[1] – в системе английских фразовых глаголов является следующее: несмотря на то, что оба эти измерения представлены в языке оппозиционными парами послелогов *up-down* и *in-out*, в описании измерения «глубина» используется только по одному послелогу от каждой пары – *down* и *in*[2]. Данные послелоги являются в случае выражения «глубины» пространственно-направительными, и их можно перевести на русский язык словом «вглубь». Послелоги *in* и *down* представляют измерение «глубина» неоппозиционно, их значения взаимно дополняют друг друга и даже могут рассматриваться в качестве синонимов, как в примере *I dug in hard, trying to force the boat fast across the bay. "Don't pull down so deep"* (Murray), где речь идет о гребле веслами. В этом примере представлено несколько языковых средств, использующихся для выражения измерения «глубина»: фразовые глаголы с послелогами *in* и *down* и наречие *deep*. Важно подчеркнуть, что многие глаголы, обозначающие данное измерение, содержат семантические компоненты «вертикаль» (*sink, bog, dig, dive, drink, drown,*) или «вмещенность» (*bog, drink, sink, suck*): *It was reported that Grant was bogged down in mud* (Stone); *The tide began to pull at him, sucking him down and down, deeper and deeper, into a velvet darkness* (Sheldon). Чаще всего с обоими послелогами встречается глагол *sink*: *She put down the receiver and sank down in an armchair* (Christie); *It took a moment for the words to sink in* (Sheldon). Как видим, в первом примере фразовый глагол *sink down* использован с уточнением места, принимаемого за «контейнер», которое обозначается существительным с предлогом *in*: in an

---

[1] В русском языке измерение «глубина» метафорически представлено в концептуальной области «работа», ср.: *погрузиться в работу; с головой уйти в работу; окунуться в дела* и т.д. Очевидно, что в приведенных словосочетаниях присутствует как указание на движение «вниз», так и на область, играющую роль «контейнера», что полностью соответствует требованиям измерения «глубина». Отметим также, что в результате действий, описанных словосочетаниями, ожидается положительный эффект.

[2] Вероятно, с этим утверждением можно поспорить, рассматривая действие по движению / извлечению чего-либо из глубины на поверхность как противоположно направленное, характеризуемое в английском языке, в первую очередь, послелогом *up* и комбинацией «послелог + предлог» *out of*: Nick *rose up out of* the sofa (Freud); She let the waves billow her about, flecking up and wetting the edges of her hair. Soon she was *rising up out* of the shallow water (Freud). Мы не включаем данное действие в концептуальную область «глубина», поскольку основные глаголы, характеризующие ее, содержат в своем значении указание на направление «вниз»: *sink, drink, drown*.

armchair. Во втором примере фразовый глагол *sink in* использован в переосмысленном значении «доходить», и в роли «контейнера» выступает человек, его сознание.

В отличие от послелога *down* в составе фразового глагола *sink down*, который может быть использован, помимо указанного прямого, и в переосмысленном значении: Vincent *sank down* into his thoughts (Bradford); Max's eyes were closing, and *he sank down into sleep* (Freud), послелог *in* в составе фразового глагола *sink in* имеет только переосмысленное значение: *She threw back her wine as if it was water, allowing the silence of her disapproval to sink in* (Fyfield); *As the months passed, the fact of our social isolation gradually began to sink in* (BNC); *The consciousness of this fact sank in* (Unsworth).

Подобные свойства выражать прямые или переосмысленные значения проявляют послелоги *in* и *down* с глаголом *drink*, который содержит семантические компоненты «внутрь» и «вниз». Семантический компонент «внутрь» зафиксирован в словарной дефиниции *drink* 'take (liquid) into the mouth and swallow' (OALDCE), а о наличии семантического компонента «вниз» (по пищеводу) свидетельствует как структуральное[1] знание человека, в основе которого лежат представления языкового социума о расположении и работе органов пищеварения, так и феноменологическое знание, основанное на ощущениях, т.е. извлеченное в результате прямого чувственного опыта: *He could feel it (Scotch) burning its way down, and gasped for air* (Korda); *He took some long sips that went down into him like heated silver wire* (Browne). В данных примерах представлены оба измерения (послелог *down* характеризует «вертикаль», а предложные сочетания *into him, into sleep, into his thoughts* – «вмещенность»), комбинация которых составляет измерение «глубина».

Подобно глаголу *sink*, глагол *drink* в сочетании с послелогом *in* имеет чаще всего переосмысленное значение, так как в роли объекта могут выступать сущности абстрактные (воздух свободы): *Drink in the air of freedom* (Michener); или несовместимые с понятием «пить» (местность): *He was still drinking in the Wyeth behind him* (Steel).

Обладающими глубиной предметами являются, например, диваны, кресла, автомобильное сиденье и даже части тела (бок, губы): *At that moment the mare stumbled, and, giving vent to temper, promptly sank her teeth into the flank of the pony* (Unsworth); *She bit into her lip* (Freud). В последнем примере представлена ситуация, в которой губа концептуализируется как объект, обладающий глубиной, в который могут «погрузиться» зубы, обусловливая его деформацию. Еще один пример с тем же глаголом *bite* номинирует ситуацию, в которой объектом, в который «погружаются» зубы, является продукт питания: *Gainer put two Neccos in his mouth and immediately bit down on them* (Browne). Использование с глаголом *bite* пространственных элементов *down* и *into* указывает на концептуализацию «прикусывания» как действия по изменению

[1] О структуральном и феноменологическом знании см., например, [8: 15-21].

(формы) объекта, обладающего глубиной. Данные языковые факты подтверждают, что именно измерения «вертикаль» и «вмещенность» составляют пространственное измерение «глубина», представленное в сознании в виде особой концептуальной области.

Глаголы *dig, fish, root,* обозначающие действия, которые связаны с погружением в «контейнер» на неопределенную глубину и затем выходом обратно на поверхность и выше (где поверхность играет роль границы «контейнера»), обладают особыми свойствами в плане сочетаемости с пространственно-направительными послелогами *out, around* и др. и относятся к другой концептуальной области «поиск и находка», лишь незначительно связанной с «глубиной» по принципу «семейного сходства».

Репрезентация в языке одного и того же концепта с помощью различных языковых средств, использование разных концептуальных метафор для его передачи являются результатом описания явления с разных сторон, под разными углами зрения. Чем сложнее и абстрактнее явление, тем неоднозначнее его трактовка разными людьми, и тем шире возможности его пространственной интерпретации. Аналогия с пространством – самый простой способ представления абстрактного в языке, так как пространственная лексика, являясь конкретной и доступной в силу обозначения наблюдаемых и воспринимаемых событий и явлений, часто служит связующим звеном между абстрактным представлением и пространственным образом, возникающим в сознании человека.

Измерения «вертикаль», «вмещенность» и «глубина» участвуют в концептуализации внутреннего мира человека и окружающей его действительности посредством пространственной метафоры как по отдельности, так и совместно, демонстрируя сложность языковой картины мира.

Литература

1. Богданова С. Ю. Индексальные конструкции с глаголами речи в современном английском языке: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 1997. – 135 с.

2. Богданова С. Ю. Пространственная концептуализация мира в зеркале английских фразовых глаголов. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 180 с.

3. Богданова С. Ю. Английские фразовые глаголы и их русские эквиваленты в представлении картины мира // Контрастивные исследования языков мира. Материалы Третьих лингвистических чтений памяти В. Н. Ярцевой. – М.: Институт языкознания РАН, 2009. – С. 64-70.

4. Демьянков В. З. *Понятие* и *концепт* в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. – 2001. –№ 1: 7. – С. 35-47.

5. Голубкова Е. Е. Фразовые глаголы движения (когнитивный аспект). – М.: ГЕОС, 2002. – 175 с.

6. Кравченко А. В. Индексальные конструкции с глаголами чувственного восприятия в современном английском языке: дис. …канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Кравченко. – Л., 1987. – 173 с.

7. Кравченко А. В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность, дейктичность, индексальность. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1992. – 212 с.

8. Кравченко А. В. Язык и восприятие. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1996. – 160 с.

9. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М.: ИПО «Лев Толстой», 1996. – 248 с.

10. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

11. Линднер С. То, что движется вверх (up), не обязательно может следовать вниз (down): сопоставление in и out // Исследования по семантике предлогов: сб.статей. – М.: Русские словари, 2000. – С. 55-82.

12. Ногина И. В. О номинативных единицах типа get out в современном английском языке: дис. …канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1977. – 228 с.

13. Плунгян В. А. К типологии глагольной ориентации // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. – Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 205-223.

14. Сизова И. А. К вопросу об истоках фразовых глаголов в английском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Том 2. Вып.1. – Новосибирск, 2004. – С. 149-156.

15. Шматова В. И. Дейксис в системе глагола современного английского языка: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1975. – 216 с.

16. Bennett D. C. Spatial and temporal uses of English prepositions. An essay in stratificational semantics. – L.: Longman, 1975. – 235 p.

17. Clark H. H. Semantics and comprehension. – The Hague-Paris: Mouton, 1976. – 148 p.

18. Herskovits A. Language and spatial cognition. – Cambridge, 1986. – 208 p.

19. Lakoff G. Women, fire and dangerous things. – Chicago & London: The Univ. of Chicago Press, 1987. – 614 p.

20. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago Univ. Press, 1980. – 242 p.

21. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar: Theoretical Prerequisites. – Stanford, C.A.: Stanford UP, 1987. – Vol. I. – 516 p.

22. Lee D. Cognitive linguistics: an introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 223 p.

23. Lyons J. Semantics. – L., etc.: Cambridge Univ. Press, 1977. – Vol. 1. – 371 p.

24. Miller G. A., Johnson-Laird Ph. Language and perception. – Cambridge, 1976. – 760 p.

25. Regier T. The human semantic potential: Spatial language and constrained connectionism. – Cambridge, MA & L.: MIT Press, 1996. – 220 p.

26. Svorou S. The grammar of space. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1994. – 292 p.

27. Talmy L. How Language Structures Space // Spatial Orientation. Theory, Research, and Application. – N.Y., L.: Plenum Press, 1983. – P. 225-282.

Иллюстративная литература

BNC – British National Corpus [Electronic Resource]. – http//corpus.byu.edu/bnc

Barnes J. Talking it over. – Oxford: Picador, 1992.

Bradbury R. A Medicine for Melancholy. – Toronto, N.Y.: Bantam Books, 1981.

Bradford B. T. Act of Will. – L.: Harper Collins Publishers, 1994.

Browne J. A. 19 Purchase Street. – N.Y.: Berkley, 1983.

Conran S. Lace. – Suffolk: Penguin Books, 1983.

Crichton M. Disclosure. – L.: Arrow, 1994.

Davidson S. Loose Change. – N.Y.: A Kangaroo Book, 1978.

Dawson J. Magpie. – L.: Hodder and Stoughton, 1998.

Forsyth Fr. The Negotiator. – N.Y.: Bantam Books, 1990.

Freud E. The Sea House. – L.: Penguin Books, 2003.

Fyfield F. Perfectly Pure and Good. – L.: Corgi Books, 1994.

George E. Payment in Blood. – N.Y.: Bantam Books, 1993.

Grisham J. The Client. – N.Y.: Dell Publishing, 1994.

King St. The Tommyknockers. – N.Y.: Signet, 1988.

Klein T. E. D. Dark Gods. – L.: Pan Books, 1987.

Korda M. The Fortune. – L.: Pan Books, 1989.

Le Carré J. The Secret Pilgrim. – L.: Coronet Books, 1991.

Michaels P. Come Follow Me. – L.: Coronet Books, 1984.

Michener J. A. The Fires of Spring. – N.Y.: Bantam Books, 1966.

Murray A. Kate & Olivia. – L.: PAN, 1996.

Potter K. A Family at War. – Glasgow: Grafton Books, 1989.

Puzo M. The Godfather. – L.: Pan Books, 1972.

Sheldon S. The Stars Shine Down. – Glasgow: Omnia Books Ltd, 1993.

Snow L. Garden of Lions. – Sydney: Harlequin Books, 1985.

Steel D. Summer's end. – Glasgow: Sphere books limited, 1982.

Stone I. Love Is Eternal. – N.Y.: Signet, 1969.

Stubbs J. Family Games. – N.Y.: St. Martin's Paperback edition, 1995.

Unsworth B. Morality Play. – L.: Penguin Books, 1995.

1.4. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА США

А. Э. Левицкий

Взаимосвязь языка и культуры, равно, как и языка и социума, не вызывает сомнения в современной лингвистической парадигме, носящей ярко выраженный антропоцентрический характер. Значительное место в исследованиях, выполненных в данном направлении, занимают работы, посвященные раскрытию соотношения языка, культуры и социума на мононациональном материале [см., напр., 5; 6; 11; 14; 17; 18; 28; 31], последнее время достаточно часто проводятся исследования в кросс-культурном [см., напр., 1; 8; 10; 14; 16; 21] и межкультурном [см., напр., 3; 4; 12; 13; 23; 24] аспектах.

Более того, последнее десятилетие отмечено широким интересом к проблематике межкультурной коммуникации как одной из важных составляющих лингвокультурологии, которая изучает язык (см. [15]) как феномен культуры. Язык рассматривается как инструмент проникновения в ментальность, а следовательно, и ключ к этнической, культурной и социальной группе, к которой принадлежит индивид. Язык при этом не просто отражает духовный Мир Человека и Культуры, но и активно участвует в их формировании. Таким образом, язык, культура и социум одновременно, но с разных позиций способны влиять на мышление и мировосприятие, характерное для этноса. Для действенности процесса взаимопонимания представителей разных этносов необходимо владение не только родным и иностранными языками. Именно языки содержат в себе информацию мировосприятии каждым конкретным этносом. Изменения же в сознании индивидов, их мировосприятии находят свое отражение в языке, поскольку «живой современный язык находится в постоянном движении и развитии» [23: 110]. Подобные изменения особенно характерны современности – эпохи высоких информационных технологий, быстрого развития науки и техники, глобализационных процессов в жизни человеческого общества. Все чаще говорят о мире, как о «глобальной деревне» (см., напр., [23]), в которой сформированы единые ценности и взаимоотношения. Именно поэтому человеку приходится усваивать определенные правила отражения окружающего мира, характерные для жизни в «глобальной деревни», т. е. носящие «наднациональный» характер. Вот почему в межкультурной коммуникации язык понимаем как средство общения, предназначенное не только для обеспечения взаимопонимания участников общениия, но и формирования единых правил бытия в «глобальной деревне».

В процессе межкультурной коммуникации мир для человека расширяется, и он, с одной стороны, осознает, что существует СВОЕ и ЧУЖОЕ, а, с другой, – пытается познать ЧУЖОЕ, которое выступает для него НОВЫМ, а потому интересным. Безусловно, в подобной ситуации четче видится СВОЕ, а это позволяет подкорректировать некоторые детали, которые

со стороны кажутся невыигрышными, но ЧУЖОМУ / НОВОМУ уделяется все же больше внимания. Интерес к НОВОМУ, в данном случае, выступает стимулом к разного рода влияниям, особенно, если они более четко и однозначно передают особенности новых предметов или явлений.

В этом смысле суть межкультурной коммуникации раскрывается как взаимодействия представителей различных этнокультурных образований в процессе обмена информацией [23; 24]. На передний план выходит *культура перекрёстков* как поиск оптимальных путей реализации собственной интенции в процессе межъязыкового, межнационального, межличностного и шире – межкультурного общения. Мало быть понятым, надо быть правильно понятым до мельчайших нюансов, чтобы информация, поданная как эксплицитно, так и имплицитно, была однозначно и адекватно декодирована.

Большую роль в реализации данного положения играет, по меткому выражению С. Г. Тер-Минасовой, *иностранное слово как перекрёсток культур* [23: 64]. Оно, как ничто другое, в полном объёме отражает философию процесса межкультурной коммуникации. Любое заимствование скрывает в себе важность как для носителей одной, так и другой культуры. Ключевые концепты одной культуры имплантируются в другую. Это, в первую очередь, касается передачи фоновых знаний, что расширяет объём семантики, заложенной в концепте. Это также влечёт за собой изменения в ассоциативном шлейфе, вызванные взаимодействием преобразованного концепта с иной ментальностью. Данные трансформации отражаются в концептуальной и языковой картинах мира, создавая проблемы для последующей межкультурной коммуникации, практики перевода и обучения иностранному языку, напр., псевдоинтернационализмы или «ловушки» типа *газ, gas; симпатия, sympathy* и т. д.

Не удивительно, что в речь носителей разных языков, в том числе и русского, вместе с целым рядом терминов (*стайлинг, кастинг* и т. д.) вошли междометия *OK!, Wow!*, *Oops!,* иные заимствования (*гламур, перформанс, хостес, реэлтор* и др.).

Данный процесс напоминает социализацию и инкультурацию индивида в обществе, когда человек усваивает определенные особенности отражения окружающего мира [19: 140], присущие тому этнокультурному образованию, в котором он живет.

Предпосылки глобализации «по-американски»

Успешность глобализации «по-американски» следует видеть не только в однополярности современного мира, но и в традициях американского общества, основанного представителями разных этнических и социальных групп, которые решили найти для себя лучшую жизнь в Новом свете. История США как страны эмигрантов основывается на постоянном противоречии между стремлением к унификации этнокультурных норм поведения и пониманием

невозможности полного искоренения традиций, присущих людям на их исторической родине. В эпоху становления США как государства официальные власти уделяли больше внимания интеграционным процессам в обществе, что выражалось в так называемой политике *melting pot*, которая предусматривала полную ассимиляцию граждан к новым культурным традициям, заметно отличавшимся от тех, которые бытовали у них на родине. К началу II мировой войны эта цель была достигнута - было принципиально сформировано американское общество с его неповторимыми традициями, стереотипами поведения, особенностями мировосприятия, осознанием своего единства и уникальности.

Именно на основе своеобразного этнокультурного договора на первый план вышла концепция *salad bowl*, раскрывшая возможности бывшим эмигрантам и их потомкам вернуться к своим историческим корням. При этом не ставятся под сомнение превалирование всего американского и официальное использование английского *(American English)* как языка межкультурного общения.

В связи же с осознанием необходимости контактов с другими народами для предотвращения возможных враждебных действий путем пропаганды своего языка и культуры после II Мировой войны в США получила развитие теория межкультурной коммуникации (см., напр., [27; 29; 30]). Подчеркнутое культивирование плюрализма в культуре и декларирование бытовой толерантности сделало это государство привлекательным для нового притока эмигрантов, социализация и инкультурация которых проходила последовательно, на серьезной научной основе. Для обеспечения успеха в этом направлении активно привлекались и бывшие соотечественники новых эмигрантов, которые уже стали носителями американской культуры. Так называемые диаспоры и до сего времени активно используются с этой целью, равно как и в качестве инструмента глобализации в мировом пространстве.

Стремление воспроизвести во всемирном масштабе опыт создания единой американской нации из выходцев из разных стран мира является основой формирования так называемой «глобальной деревни», где на равных будут сосуществовать представители различных этнических групп. Для американцев такая «деревня» в известном смысле уже существует. Обратим внимание на некоторые названия городов этой страны, кстати, состоящей из штатов (*states*), т. е. государств.

В современном мире многое делается для усиления процесса глобализации, подконтрольного англо-саксонской культурной традиции и спонсируемого США. В подобной версии глобализации основой служит в целом справедливая мысль о том, что Америка – это страна, построенная на мечте, на мечте о свободе. Именно поэтому концепт МЕЧТА приобретает в американском варианте английского языка особое значение. Следовательно, концепт МЕЧТА имеет ценностные признаки, предопределенные историей, традициями единой американской нации, ее духовно-психологической

направленностью. Он воплощает представление человека о возможности достижения успеха в новой стране независимо от своего социального статуса и финансового состояния [11: 123].

Место МЕЧТЫ в ценностной картине мира носителей американского варианта современного английского языка существенно. Он не только составляют основу сугубо национального концепта АМЕРИКАНИЗМ, но и другого – не менее значимого – АМЕРИКАНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ. Их объединяют НАДЕЖДА, СВОБОДА, УСПЕХ, ДОСТАТОК, ЕДИНСТВО, БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ. Если же МЕЧТА выделяет эти слоты в качестве перспективы и маркирует будущее, т. е. определяет приоритеты членов данного этносоциума, то АМЕРИКАНИЗМ фиксирует их наличие и важность для объединения нации. Что же касается концепта АМЕРИКАНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ, то он определяет своеобразный результат деятельности индивида, достижение им желанной цели – полной интеграции в американское общество. Неоспоримой остаётся и аксиологическая значимость рассмотренных концептов. В американской картине мира они обладают лишь положительной коннотацией, что рассматривается как очевидный контраст между жизнью в США и в других странах, благодаря широкому спектру новых возможностей. В широком понимании американские ценности занимают огромный спектр от амбициозных – до мечты о собственном доме. Эта идея передается абстрактными понятиями (*freedom, liberation, survival, patriotism, optimism, mobility, desire, hope, belief)* и теми, которые обозначают материальные потребности *(home, job, work, money, family, children, car, dog, garden*), т. е. все, обладание которым расценивается как успех [6: 7-8; 25: 100-101]. Авторы "Американы" считают, что это – идеалы свободы и открытых возможностей для всех, которые основываются на вере в неограниченные возможности США и их особом месте в мире [32]. Именно поэтому как глобальные воспринимаются концепты американской *культуры*, например, ГОЛЛИВУД, МЫЛЬНАЯ ОПЕРА, *быта*, к примеру, КОКА-КОЛА, МАКДОНАЛЬДС, *политики*, например, ДЕМОКРАТИЯ, PR. В бытующем ныне подходе к глобализации они представляются как безусловно необходимые каждому человеку для коррекции своего знания о мире.

Американская идеология, основанная на единении ВОЗВЫШЕННОГО и ЗЕМНОГО, открывает широкие перспективы для вербальной репрезентации концепта ГЛАМУР, возникшего в результате взаимодействия ментальных структур более высокого уровня абстракции – УСПЕХ, СОВЕРШЕНСТВО, РОСКОШЬ, ВОСХИЩЕНИЕ. Он позволил по-новому «рассказать» сказку о Золушке (Cinderella myth), основанной на возможности реализации самой несбыточной мечты. В современном мире ГЛАМУР играет важную роль рекламы АМЕРИКАНСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ и МЕЧТЫ по-американски с глобализационным подтекстом, призванным путём распространения по миру сделать притягательными, заложенные в них идеалы. Вот почему на карте США можно встретить широкий спектр топонимов, отражающих ценности

американского общества. Среди них: базовые для общества *Empire, Freedom, Liberty, Union, Unity, Republic, Independence, Concord, Liberal, Alliance, Industrial, Justice, Man,* важные для существования человека в обществе *Friendship, Friendly, Welcome, Pride, Champion, Success, Power, Blessing, Energy, Veteran, Telephone, Telegraph, Village,* указывающие перспективу *Paradise, Pioneer, Hope, Eden, Winner, Ideal, Happy, Enterprise, Endeavor,* сугубо личные *Eros, Surprise, Trade, Art, Loving, Comfort.*

Поскольку американская культура объективно формировалась на основе открытости и толерантности к разным культурам, для нее характерно некое «одомашнивание» элементов ЧУЖОГО и создание СВОЕГО на данной основе. Превращение ЧУЖОГО в СВОЁ из-за отсутствия единого для всех генетического СВОЕГО позволило членам нового культурного сообщества добровольно отказаться от генетического СВОЕГО. Лишь его элементы включаются в создание НОВОГО СВОЕГО, возникшего в результате межкультурной коммуникации с новыми, чужими в этнокультурном плане соотечественниками. Вне сомнения, переселенцы демонстрировали значительную восприимчивость к чужим культурам, что на фоне незначительной дифференциации общества переселенцев первых волн и неотвратимости межкультурных контактов, их интенсивности, не могло не привести к эффективности и высокой степени адаптации населения к культурным заимствованиям. Восприимчивость же человека к другим культурам духовно его обогащает, «расширяет горизонты, даёт новый взгляд на мир» [24: 264].

Современная американская культура зиждется, таким образом, на синтезе, представляющем собой взаимодействие и соединение разнородных культурных элементов, в результате которого возникает новое культурное явление. Такой синтез и составил, в конечном счёте, самобытность американской культуры, ее готовность к экспорту, т. е. склонность к глобализации.

С другой же стороны, рельефно проявляется и недостаток подобного одомашнивания. Он вытекает из того, что оторванные от целостного этнокультурного образования синтезированные элементы культуры, начинают функционировать по-новому, например, празднование Дня Святого Валентина в США, суть которого не соответствует европейским и католическим традициям. Американские традиции воспринимаются на своей исторической родине как ЧУЖИЕ, поскольку взаимодействуют с чужеродными компонентами в рамках новой культурной системы. Таким образом, можно говорить о вторичности адаптированных элементов некой культуры в новой американской.

Названия городов США как зеркало глобализации «по-американски»

Названия городов в пространстве США отражают связи государства и его

граждан с более, чем 30 странами мира, выступая маркером взаимодействия представителей разных этносов. Кроме того, действенность процесса межкультурной коммуникации на территории США способствовала в эпоху государственного строительства не только становлению новой этнокультурной общности, но и сыграла значительную роль в формировании готовности американской нации к глобализации. Именно поэтому, США выступили основателями нынешней философии глобализации, влияющей на современную литературу, искусство и другие сферы жизни всего человеческого общества.

При номинации иноязычными словами населённых пунктов во главу угла ставится интенция носителей культуры-донора, либо культуры-реципиента. Таким образом, процесс межкультурной коммуникации происходит как бы опосредованно. В истории США действовали следующие ключевые модели номинации населенных пунктов. Согласно первой, носители определённой культуры способствовали называнию населённого пункта СВОИМ именем. К примеру, уважаемый горожанин Питер Дименс назвал *Saint Petersburg (Florida)* в честь города, где прожил половину жизни, – столицы Российской империи. А *Moscow (Pennsylvania)* появился из-за того, что большое количество выходцев из России настояли на этом названии. Согласно второй модели, сами жители межкультурного образования (многие американские населенные пункты являются именно такими) выбирают некую ЧУЖУЮ номинацию, которая должна, по их мнению, наиболее полно отражать их идеологические, политические, социальные или индивидуально-личностные устремления. Так, восхищенные героической обороной Малахова кургана в Крымской войне американцы решили назвать свой город *Malakoff (Texas)*, проявляя свою сопричастность с подвигом русских солдат. Жители же *Moscow (Maine)* до сих пор гордятся подвигом москвичей в войне 1812 году. В результате действия третьей модели номинация связана со страной, с которой имелись наиболее тесные торгово-экономические контакты. Так, из-за тесных контактов с русскими купцами и большого к ним уважения появился *Sebastopol (Texas)*. Имели место также случаи, когда судьбу номинации решали голосованием или всё определял слепой жребий, как произошло с *Moscow (Michigan)*.

Неслучайно пространство США богато значительным количеством «близнецов» многих европейских и азиатских городов. Однако же для нас они всё равно воспринимаются как чужие. Так, на географических картах США, изданных в России, нет городов *Москва* и *Санкт Петербург*, а есть *Москоу* и *Сейнт Питерсберг*.

Наибольшая часть городов-близнецов в США имеет английское происхождение, за исключением Луизианы, Нью Мексико, Аризоны, Аляски и Гавайских островов. В первых двух штатах доминируют французские и испанские номинации соответственно, а на картах последних трёх английские города-близнецы вообще не представлены. В Неваде, Делавэре и Вайоминге английские номинации не превалируют над другими группами топономов-заимствований. Что же касается Нью Гемпшира, Вермонта, Массачусетса и Род

Айленда, то там, наоборот, подавляющее большинство таких городов имеет английские корни. В остальных же штатах это превосходство не столь велико, хотя и очевидно.

Итак, многие заимствованные топонимы восходят к британским прототипам: английским – *London, Carlisle, Manchester, Bath, Cambridge, Oxford, Newcastle, Chester* и др.; валлийским – *Glynn, Gwinn, Swansea* и др.; шотландским – *Aberdeen, Glasgow, Dundee* и др. Учитывая известность многих европейских городов и значительный поток переселенцев из Ирландии, Франции, Германии, Италии, на карте США находим *Dublin, Belfast, Dunkirk; Paris, Orleans, Lyons, Calais; Berlin, Hamburg, Jena, Bremen, Lubec, Hanover, Dresden; Genoa, Parma, Venice, Palermo, Naples, Verona, Florence* и др. О Португалии, Швейцарии, Швеции, Бельгии, Нидерландах, Сербии, Чехии, Австрии, Польши, Люксембурге, Сербии, Индии, Филиппинах, ЮАР, Сирии, Ливии, Египте, Турции, России и странах Ближнего Востока напоминают *Lisbon; Geneva, Lozano, Zurich; Stockholm, Malmo; Ghent; Amsterdam, Hague; Prague; Vienna, Warsaw, Krakow, Lublin; Luxemburg; Belgrade; Delhi, Bangor; Manila; Johannesburg; Damascus; Tripoli; Cairo; Edina; Moscow, Saint Petersburg, Odessa; Nazareth, Hebron;* и многие другие города.

Сложные отношения с Испанией, которая вела войну с Англией за новые земли в Северной Америке, все же не помешали оставить на карте США топонимы *Madrid, Granada, Toledo, Malaga* и др.

Восхищение античной культурой отразилось в назывании большого количества городов США, напр., *Alexandria, Memphis, Palmyra, Syracuse*. Эта тенденция вместе со значительным притоком греческих иммигрантов привела к появлению на карте США таких городов, как *Athens, Troy, Sparta, Arcadia, Helena, Elyria, Laconia, Olympia*.

Написание ряда топонимов является вариативным, подвергаясь либо диалектному произношению (*Salisbury :: Saulsbury*), либо изменяется под влиянием языка-донора (*Cecilia :: Sicily, Roma :: Rome; Braunschweig > Brunswick, Ankara > Angora, Cordoba > Cordova, Milano > Milan*), либо упрощается, как бы показывая стремление местных жителей отличить данный населенный пункт от его прототипа: *Marlborough :: Marlboro, Luzerne :: Lucerne, Ellsinore :: Elsinore; Uppsala > Upsala, Strasbourg > Strasburg, Tokyo > Tokio*. Этой же цели служит добавление перед названием города элемента *New* (новый), что по сути доказывает, с одной стороны, определенное родство между двумя городами, а с другой – свидетельствует о стремлении американцев сделать свой город лучше: ср. *York :: New York, Orleans :: New Orleans, Brighton :: New Brighton, London :: New London, Prague :: New Prague, Florence :: New Florence, Berlin :: New Berlin, Troy :: New Troy* или даже «улучшить» целую страну (*New Sweden, New Germany, New Holland)*.

Некоторые группы переселенцев как бы воссоздают в названиях городов на новом месте не только родной и / или известный город, но и отдельные наиболее знаковые места *(Kremlin, Versailles, Westminster, Hyde Park,*

Kensington, Chelsea), местности или административные единицы (*Livonia, Transylvania, Brittany, Normandy, Caledonia, Riviera, Somerset, Westphalia, Lothian, Kent, Marlborough, Yorkshire, Cumberland, Midland, Cashmere*), реки *(Volga, Danube, Severn, Avon, Jordan),* озера *(Ladoga, Balaton),* горы *(Ararat, Etna, Vesuvius, Atlas),* острова *(Isle of Wright, Jersey, Java, Caribou, Corsica, Cecilia)*.

Обобщения могут быть настолько значительными, что населённый пункт может вмещать название целой страны (*Lebanon, Russia, Angola, Peru, Panama, Mexico, China, Denmark, Holland, Poland, Norway, Scotland, Jamaica, Wales, Finland, Cuba, Haity, Malta, Egypt, Cypress, Italy, Ireland, Belgium*), народа (*Arabi, Des Allemands, Welsh, Mayo, Swiss, Scotts, Gypsy*) или еще более обширной территории (*Iberia, Scandinavia, Palestine*), доводя «глобализацию» до всемирного (*Earth*) и вселенского масштаба (*Altair*).

Отметим также наличие ряда этнонимов в названиях некоторых населенных пунктов, например, *Indian Head, Indian River, Indian Valley, Indian Mound, Spanish Fork, Mexican Hat, China Spring, French Camp, French Settlement, French Village*, что свидетельствует о контактах с представителями соответствующих народов.

Поскольку освоение новых территорий проводилось представителями разных этносов, это не могло не отразиться на назывании североамериканских городов. Среди них немецкие номинации (напр., *Kinder, Schertz, Kountze),* итальянские (напр., *Delmar, Belzoni, Primera)*, испанские (напр., *Conception, Buena Vista, Blanco, El Campo, Eldorado, Amigo, Costa, Buena)*, славянские (напр., *Mila Doce*), французские (напр., *Beaumont, Leroy, Belle, Benoit, Fond du Lac, Dubios, Choteau, Portage des Sioux, Havre de Grace, Bejou, Pointe a la Hache, Isle au Haut, Meraux*). Вместе с тем, на карте США продолжают существовать топонимы, заимствованные переселенцами от местных аборигенных племен (напр., *Kawkawlin, Atoka, Kewanee, Yukon, Okabena, Owanka, Ocoee, Cherokee, Quechee, Keokee, Minnehaha, Ojibwa, Okauchee*).

Названия ряда американских городов носят имена выдающихся, с точки зрения их жителей, людей-представителей разных национальностей: первооткрывателя Америки *(Columbus),* коронованных особ *(Prince Frederick, Princess Anne, Queen Anne, Prince George*), борцов за независимость США и ее лидеров (*Lafayette, Cleveland, Perry, Washington, Ben Franklin, Lincoln)*, видных представителей других держав (*Napoleon, Bismarck, Nelson, Bolivar)*, выдающихся литераторов (*Gibbon, Racine, Dumas, Dante, Tolstoy, Kosciusko, Byron, Dickens, Tennyson*). Рядом с последними находятся герои литературных произведений (*Hamlet, Desdemona, Otello, Ivanhoe*), а также личные имена (*Irene, Helen, Ruth, Rebecca, Emma, Adolph, Otto, Andreas, Isabel, Pablo, Manuelito, Ivan*) и фамилии (*Baker, Gonzales, Pitkin*), маркирующие национальную принадлежность их владельцев.

Наличие приведенных выше номинаций также позволяет сделать вывод о существовании в США основ для проведения политики мировой глобализации.

Россия и Украина на карте США

В приведенный выше перечень одомашненных американцами топонимов вписываются и названия населённых пунктов с восточно-славянскими «корнями». Они были выделены и описаны на основании данных, представленных на официальных сайтах ряда городов США, а также www.city-data.com; www.epodunk.com; www.experiencefestival.com; www.usacitylink.com; www.zipskinny.com.

Широкий интерес к России и Украине, их традициям, истории отмечен в номинациях 89 населённых пунктов. По этому показателю Россия входит в восьмёрку крупнейших стран-доноров в ономастическом пространстве США. Топонимы с русскими корнями обнаружены в 39 штатах, расположенных на всех территории США – от Гавайских островов на западе до Мена на востоке и от Аляски на севере до Флориды на юге. Больше всего их зарегистрировано на Аляске – 7, в Миссисипи и Техасе – по 6.

Наиболее популярным прототипом для возникновения топонимов-близнецов является Москва. На карте США она имеет 24 «двойника», по этому показателю соперничать с Москвой могут лишь такие европейские столицы, как Лондон, Париж, Берлин, Афины, Рим и Мадрид.

В тоже время есть и случай, когда топоним *Moscow (Colorado)* просто приблизительно совпал по звучанию с именем одного из испанских первопроходцев этого штата, который входил в экспедицию Франсиско Васкеса де Коронадо. В остальных же случаях русское происхождение топонима сомнения не вызывает. Довольно интересна история номинации *Moscow (Idaho)*, связанной со столицей России лишь опосредованно. Дело в том, в 1875 году жители решили переименовать посёлок, называвшийся *Paradise Valley,* но не пришли к консенсусу. Тогда почтальон Сэмюэль Нефф, родившийся в *Moscow (Pennsylvania)* и впоследствии переехавший в *Moscow (Iowa),* самочинно переименовал данный населённый пункт. Сейчас *Moscow (Idaho)* является наибольшим Москоу среди своих американских близнецов, насчитывающим по переписи 2000 года 21 291 жителя. Среди наиболее крупных городов, названных так же, можно назвать *Moscow (Rhode Island),* где проживает 6 386 человек, *Moscow (Michigan)* – 1 445 человек, *Moscow (Illinois)* – 1 210 человек и *Moscow (Wisconsin)* – 1 145 человек. Данные номинации в штатах Айова, Техас, Миссисипи, Индиана, Мериленд относятся к районам в более крупных городах. В штате Алабама таких района – 2. Москоу – это пригород Цинциннатти в Огайо, Берлингтона в Вермонте. Самая же маленькая Москоу находится в Арканзасе и является пригородом столицы этого штата Литтл Рок. В ней живёт 8 человек.

Самая молодая – *Moscow (Idaho)*, средний возраст жителей которой составляет 24,4 года, а самая старая – *Moscow (Iowa)*, жителям которой в среднем 40,8 лет. Больше всего женщин проживает в *Moscow (Arkansas)* – 61,5% жителей, а меньше всего в *Moscow (Maine)* – 46,6%. По расовому составу

во всех городах с данным названием превалируют европеоиды, но в *Moscow (Arkansas)* их 100%, а в *Moscow (Tennessee)* – 68%.

Moscow входит также как элемент комплексной номинации в *Moscow Hill (New York), Moscow Mills Hill (Ohio)* и *Moscow Mills (Wisconsin)*.

В ономастическом пространстве США также находятся четыре Сейнт Питерсберга, из которых один – город во Флориде, один – посёлок в Колорадо и два пригорода – Тампы во Флориде, Питтсбурга в Пенсильвании. *Saint Petersburg (Florida)* – четвёртый по населению (248 232) город штата, крупный центр индустрии отдыха и туризма. Средний возраст его жителей – 57,1; женщины составляют 51%, а европеоиды – 71% жителей.

Нами также зарегистрирован случай совпадения номинации российского и американского городов – *Тула* и *Tula (Mississippi)*. К сожалению, отсутствуют данные о происхождении данного топонима. В ходе проведенного анализа также было обнаружено ещё три населённых пункта с таким именем в Мексике, Кении и на Сардинии.

Кроме, городов для номинаций населённых пунктов США в качестве прототипов используются наиболее важные и знаковые места. Россию здесь представляет *Kremlin*, расположенный в Монтане, Оклахоме, Висконсине, Виржинии и Миссисипи, с населением от 1 430 до 126 человек.

Среди знаковых также следует упомянуть реку Волгу и озеро Ладога. Одна из рек в Айове названа в честь великой русской реки, а топонимов с этим именем насчитывается пять. Наибольший населенный пункт находится в Кентукки (6 669 жителей), а наименьший – в Айове (247 жителей). Все населённые пункты названы в честь реки Волга, протекающей по территории России, лишь *Volga (South Dakota)* имеет к Волге опосредованное отношение, поскольку названа в честь *Volga (Iowa)*. Из пяти же населённых пунктов, названных *Ladoga*, лишь в одном случае отмечена связь с российским прототипом – *Ladoga (Indiana)*. Его основатель Джон Мейерс в 1836 году принял решение, что этот город не должен оканчиваться на *–burg* или на *–ville* и не повторять название ни одного города. По свидетельству краеведов, он взял карту мира и выбрал название Ладожского озера. Топоним *Ladoga (Wisconsin)* обязан своим происхождением аборигенным языкам, по поводу же прототипов *Ladoga (Michigan), Ladoga (North Dakota)* и *Ladoga (Iowa)* данные отсутствуют.

В топонимическом пространстве США существует значительное число городов, носящих названия целых стран. Россия здесь не является исключением. Восемь населённых пунктов носят это имя. Среди них встречается атрибутивное употребление *Russian Mission (Alaska), Russian River Terrace (California), Russian Village (Hawaii), Russian Village (Connecticut). New Russia (New York)* и *Russia (New Jersey)* являются районами крупнейших городов данных штатов, а *Russia (Ohio)* – пригородом Дейтона. В *Russian Mission (Alaska)* официально проживает всего 5 человек, а в *Russian Village (Hawaii)* – 25 782 жителей.

Среди личностей, оставивших след в русской истории и культуре,

американцы выбрали писателя Льва Толстого – *Tolstoy (South Dakota)*. Имя капитан-лейтенанта Глеба Шишмарёва также осталось в памяти потомков. *Shishmaref (Alaska)* является городом, в котором 93% жителей – представители коренного населения (инупиаты). Его 562 обитателя имеют средний возраст 24 года, а женщины составляют 44,3%.

К сожалению, отсутствуют данные о человеке, чьё имя было дано городу *Kasilof (Alaska)* и реке *Kasilof River (Alaska)*. Единственное, что знают местные жители, это – то, что он был русским. Известно также только русское происхождение села *Nikolsky (Alaska)*.

Среди американских топонимов встречаются и русские имена *Nikolai (Alaska), Wasilla (Alaska), Ivan (Arkansas), Lena (Illinois), Lena (Washington), Lena (Louisiana), Lena (Mississippi)*. В чью честь они названы, остаётся неизвестным, но русские имена *Natalia (Texas)* и *Olga (Washington)* принадлежали дочери инженера Фредерика Старка Пирсона и жене первого почтальона этого города в Вашингтоне соответственно.

И, наконец, русские корни также прослеживаются в топониме *Soldotna (Alaska)*, получившим своё название лишь в 1947 году в честь советских солдат, воевавших на полях Второй Мировой войны. Это – один из крупных населённых пунктов на Аляске: 3 807 жителей со средним возрастом 34,9 лет, процентом женского населения 52,4% и подавляющим большинством европейского происхождения – 86,2%.

Города в топонимическом пространстве США, имеющие «близнецов» в современной Украине, отмечены в номинациях 20 населённых пунктов, которые находятся в 17 штатах – от Калифорнии на западе, до Нью-Йорка на востоке и от Вашингтона на севере, до Флориды на юге. Это – *Odessa* (10 номинаций на карте США)*, Sebastopol* (6) и *Kief* (2). Первый из них обязан в основном выходцам из «жемчужины у моря» своим местом в американском ономастическом пространстве. Все Одессы в США, за исключением посёлка в Канзасе и района в Сиракьюзе (Нью-Йорк), являются городами. Наибольший из них расположен в Техасе (90 943 жителей), а наименьший – в Делавэре (286 жителей). По составу населения американские Одессы характеризуются следующим образом: самая молодая – в Небраске (27,3 года), а самая возрастная – в Миннесоте (49,5 лет); наибольший процент женского населения – в Небраске (51,9%), а наименьший – во Флориде (48%); потомков европейцев больше всего в Миннесоте (100%), а меньше всего – в Техасе (75,5%). Кроме того, американские одесситы отличаются остроумием и любовью к родному городу, как и жители города-порта на берегу Чёрного моря. Он называют свой город в Техасе «городом контрастов», а в Миссури – «городом IV класса».

Героические страницы истории Севастополя в годы Крымской войны не могли оставить равнодушными американцев. Севастопольцы из Калифорнии и Миссисипи с гордостью констатируют этот факт. В пяти городах с этим именем и одном фермерском хозяйстве проживает от 8 411 до 233 жителей. Малахов курган как часть Севастополя также стал основой топонима *Malakoff (Texas)*.

Это – город, в котором проживают 2 300 жителей; их средний возраст – 36 лет, женщины составляют 54%, а потомки выходцев из Европы – 72%.

Фонетический принцип орфографии отражён в двух топонимах, производных от Киева > *Kief (North Dakota), Kief (New Jersey)*. Наиболее крупный из них находится в Нью Джерси – 86 327 жителей, из которых 51,9% женщин, европеоидов – 94,4%, со средним возрастом – 39,7 лет. Его близнец в Северной Дакоте гораздо меньше. Это – город, в котором проживает всего 13 человек, средний возраст – 45,08 лет, процент женщин и европеоидов соответственно – 61,5 и 100.

В своём ономастическом пространстве Американцы также оставили место для гетмана Мазепы – *Mazeppa (Minnesota)*. В этом городе проживают 778 человек, которые в основном работают в соседнем Рочестере.

Выводы

Вашему вниманию предложен новый ракурс рассмотрения территориального пространства США как основы реализации глобализационных тенденций. Антропоцентрический подход позволил раскрыть его с позиций лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Кроме того, представляется возможным по-новому подойти к анализу концептуализации мира в аспекте межкультурной коммуникации. Перспективы данного подхода основываются как на исследованиях, проведенных в русле теории межкультурной коммуникации (см., напр., [2; 3; 4; 7; 13; 15; 19; 23; 24]), так и на постулатах современной когнитивной лингвистики, активно занимающейся вопросами ословливания окружающего мира (см., напр., [9; 20]).

При анализе я исходил из того, что имя собственное, в частности, топоним – это способ представления ономастического знания. Возникновение и функционирование топонима трактуется, таким образом, как акт вербализации мысли и обобщённое отражение действительности [26: 40]. Иными словами, доказывается мысль об отсутствии абсолютно немотивированных имён собственных [22: 98]. Важно, «какой квант информации выделен телом знака из общего потока сведений о мире» [9: 498]. Номинации населённых пунктов в пространстве США фиксирует результаты когнитивной переработки информации социумом. Они отражает сознание лингвосоциума, его идеологию, философию и, в конечном счёте, культуру. Однако связь здесь не односторонняя, имена собственные и, в частности, топонимы выступают также движущей силой формирования целостности лингвокультуры, ее базовых признаков, являясь ориентирами для человека в восприятии мира.

Проведенное исследование ещё раз доказывает ту значительную роль, которую сыграл в формирования американской нации фактор объединения людей, относящихся к разным этнокультурным образованиям. Отметим также роль межкультурной коммуникации для объединения нации, с одной стороны, и основ американской версии глобализации, наряду с ростом привлекательности образа страны и культивируемых в ней идей – с другой.

«Восточно-славянский след» наряду со «следами» других национальных образований присутствует в американской культуре, менталитете ее носителей и выступает одним из маркеров глобализации по-американски, которая является определяющей в формировании культуры начала XXI века.

Литература

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М.: Просвещение, 1989. – 254 с.

2. Голубовская И. А. Этнические особенности языковых картин мира. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2002. – 294 с.

3. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 336 с.

4. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 287 с.

5. Карасик В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». – М.: Гнозис, 2006. – 240 с.

6. Карпова К. С. Вербалізація національно-специфічних концептів американського суспільства XX – початку XXI століття: Автореф. … дис. канд. філол. наук. – К., 2008 . – 21 с.

7. Корнилов О. А. Языковая картина мира как отражение национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

8. Кочерган М. П. Основи зіставного мовознавства. – К.: Академія, 2006. – 424 с.

9. Кубрякова Е. С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

10. Левицкий А. Э. Квазиреальное в восточнославянских и западногерманских картинах мира // Учёные записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 22 (61). – №2. – Симферополь: Изд-во ТНУ им. В. И. Вернадского, 2009. – С. 462 – 467.

11. Левицкий А. Э. Мечта по-американски // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: Сб. научных трудов в честь В. Ф. Новодрановой. – М.: Авторская академия, 2010. – С. 117 – 125.

12. Левицький А. Е. , Святюк Ю. В. Етноніномінації у дзеркалі міжкультурної комунікації. – К.: Логос, 2011. – 192 с.

13. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.: Гнозис, 2007. – 368 с.

14. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. – К.: Знання, 2004. – 326 с.

15. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2004. – 208 с.

16. Потапенко С. І. Зіставна медіалінгвістика: перспективи дослідження новинного Інтернет-дискурсу // Сучасна англомовна публіцистика:

лінгвістичний аспект. – Ніжин: Вид-во НДУ ім. Миколи Гоголя, 2010. – С. 229-239.

17. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 328 с.

18. Русское лингвокультурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. 1 / И. С. Брилёва, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков и др. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.

19. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. – 288 с.

20. Степанов Ю. С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. – М. – Калуга, 2007. – С. 19-26.

21. Сравнительная типология английского, немецкого, русского и украинского языков / Под ред. А. Э. Левицкого: Учебное пособие. – К.: Освита Украины, 2009. – 360 с.

22. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

23. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

24. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 с.

25. Томенчук М. В. Варіантно зумовлена концептуалізація дійсності у сучасній англійській мові: Дис. … канд. філол. наук. –Ужгород, 2008. – 229 с.

26. Щербак А. С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – 197 с.

27. Chrissochoou X. Cultural Diversity. Its Social Psychology. – Oxford: Blackwell Publishing, 2004. – 217 p.

28. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. – L.: Hodder, 2004. – 424 p.

29. Kidd W. Culture and Identity. – N.Y.: Grave Publishers, 2002. – 227 p.

30. Kramsch C. Language and Culture. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 134 p.

31. Tarnopolsky O., Sklyarenko N. Lifestyle Communicative Behavioral Patterns in the USA. – K.: INKOS, 2003. – 208 p.

32. The Encyclopedia Americana. Internet edition. – Grolier, 1997. – Vol. 8.

1.5. ТИПОЛОГИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОСТРАНСТВ В АСПЕКТЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

В.К. Щербин

Если определить исходное понятие *интеграция* как «сближение, объединение организаций, отраслей, регионов или стран» [13: 778], а другое исходное понятие *пространство* – как «1) форму созерцания, восприятия,

представления вещей, основной фактор высшего, эмпирического опыта; 2) способ существования объективного мира, неразрывно связанный со временем» [37: 370], то объединяющий содержание этих двух исходных понятий концепт **интеграционное пространство**, на наш взгляд, следует понимать как ‘форму или способ постепенного сближения и объединения тех или иных вещей (реалий), явлений, процессов, организационных форм и виртуальных феноменов из жизни разных стран и народов в нечто единое, целое’. Объединение или совмещение в одном концепте (интеграционное пространство) двух достаточно разных понятий (*интеграция* и *пространство*) с неизбежностью предполагает, что понятийное содержание нового концепта включит в себя только те части указанных исходных понятий, которые совместимы друг с другом в соответствии с законами логики и правилами семантического согласования.

В частности, из приведенного выше определения понятия *интеграция* видно, что это понятие относится к сфере социогуманитарного знания. В свою очередь, понятие *пространство* носит более универсальный характер. Так, с одной стороны, оно широко используется в социальных и гуманитарных науках, где выделяются такие типы пространств, как *виртуальное пространство, географическое пространство, жизненное пространство, идеологическое пространство, инновационное пространство, информационное пространство, конфликтогенное пространство, культурное пространство, медийное пространство, ментальное пространство, мифологическое пространство, научное пространство, образовательное пространство, политическое пространство, предпринимательское пространство, семантическое пространство, социальное пространство, текстовое пространство, экономическое пространство, юридическое пространство, языковое пространство* и др. С другой стороны, достаточно широко понятие *пространство* применяется в естественных и технических науках, в рамках которых описываются такие типы пространств, как *абсолютное пространство, бесконечное пространство, геометрическое пространство, единое четырехмерное пространство-время Минковского, космическое пространство, математическое пространство, межпланетное пространство, трехмерное пространство, физическое пространство* и др. По вполне понятным причинам концепт интеграционное пространство опирается главным образом на понятие *интеграция* и те части понятия *пространство* (те типы пространств), которые описываются в рамках социальных и гуманитарных наук.

Вместе с тем, отдельные типы пространств (например, биосферное пространство, геологическое пространство, технологическое пространство, физическое пространство и ряд других), изучаемые естественными и техническими науками, тесно связаны с географическим, жизненным, социальным, экономическим и другими пространствами социогуманитарного характера, а потому тоже должны учитываться в процессе рассмотрения

интеграционных пространств разных типов. В частности, выдающийся отечественный естествоиспытатель В.И. Вернадский раскрывал взаимосвязь между указанными выше классами пространственных понятий следующим образом: «Человечество, как живое вещество, неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки земли – с ее биосферой. Оно не может физически быть от нее независимым ни на одну минуту» [7: 172]. В свою очередь, современные белорусские исследователи В.К. Лукашевич и Т.Е. Новицкая считают, что «физическое пространство, с одной стороны, является почвой для существования социального пространства, а с другой – оно как среда обитания человека является проекцией социальных отношений. Кроме того, сформировавшиеся позже подходы к социальному пространству изначально содержат в себе положения философских концепций пространства в силу аппликирования некоторых свойств физического пространства на социально-пространственную организацию общества» [28: 104]. Таким образом, рассмотрение понятийного содержания концепта **интеграционное пространство** с необходимостью должно охватывать достаточно широкий и разнообразный спектр пространственных явлений, изучаемых в рамках самых разных классов наук.

Причины формирования интеграционных пространств в разных странах и регионах мира

Появление феномена интеграционных пространств в разных странах и регионах мира обусловлено весьма отличающимися причинами. К примеру, для стран Западной Европы создание Евросоюза и формирование в его рамках множества интеграционных пространств разных типов (*единого европейского пространства* [43], *европейского информационного пространства* [31], *общеевропейского научно-технологического пространства* [46], *общеевропейского пространства высшего образования* [56] и др.) было средством повышения общей конкурентоспособности экономик этих стран в их борьбе с экономиками США и Японии за мировые рынки. Об этом прямо говорят представители различных организационных структур Евросоюза. По свидетельству Главы делегации Европейского Союза в Украине, Посла Л. Морено, «сегодня Европейский Союз – это самый крупный торговый партнер в мире, объединяющий более 350 млн человек. Анализ экономических и промышленных последствий введения евро как международной валюты наряду с долларом США и японской йеной показывает, что на международной валютной сцене Европа получит позицию, которая в большей степени будет отвечать ее экономическому и торговому весу, и это в свою очередь приведет к более сбалансированным международным валютным отношениям, в результате чего члены зоны евро будут меньше зависеть от внешних трудностей» [9: 5, 7].

Столь же амбициозные цели и задачи ставит генеральный директор Генерального директората по вопросам науки Европейской комиссии А. Митсос: «Мы хотим, чтобы к 2010 г. Европа стала регионом самой динамичной экономики, основанной на знаниях. Первый и пока что самый очевидный момент заключается в недофинансировании исследований, и нам необходимо увеличить их финансирование. Положение дел, о чем постоянно упоминает Европейская комиссия в повседневной работе, здесь таково, что США и Япония тратят на исследования соответственно 2,6 и 3,1% своих ВВП, тогда как средняя величина по ЕС лишь 1,9%. Таким образом, наша первая цель состоит в том, чтобы повысить государственные затраты на исследования» [32: 51-52]. Кроме того, по мнению А. Митсоса, «необходимо интенсифицировать международное сотрудничество. Если исследователь располагает «исследовательским рынком» размером лишь с территорию его собственной страны, тогда он будет лишен тех возможностей и, следовательно, конкурентных преимуществ, которые предлагает более обширный «исследовательский рынок». Вновь созданное учреждение – Европейский совет по исследованиям – пытается в корне изменить ситуацию при помощи новой Рамочной программы. Иными словами, мы пытаемся создать такую схему, которая обеспечит финансирование лучших исследователей независимо от их местожительства и, таким образом, поднимет конкуренцию между исследователями и их квалификацию» [там же, 53].

В свою очередь, в бывших советских республиках рождение феномена интеграционных пространств было связано с формированием Содружества Независимых Государств (СНГ) и объяснялось желанием многих постсоветских государств скорее восстановить утраченные экономические, политические, культурные, информационные, научные, образовательные и прочие связи, которые ранее связывали их в рамках одного общего государства с федеративным устройством (Советский Союз) и которые были в один момент разрушены. Как известно, Советский Союз исчез с политической карты мира 8 декабря 1991 г. в результате подписания Б. Ельциным, Л. Кравчуком и С. Шушкевичем беловежских соглашений в Вискулях. Эти соглашения в одночасье разрушили политические, экономические, научные, культурные и прочие связи республик былого СССР, поскольку на месте последних образовались новые независимые государства, которым предстояло определить свои взаимоотношения, а также взаимоотношения входящих в их состав субъектов (предприятий, организаций, учреждений и др.) на принципиально новой когнитивной основе. Однако, как свидетельствует Б.Н. Ельцин, «очень быстро рассеялись иллюзии, что бывшие союзные республики сами по себе быстрее преодолеют трудности. Наоборот, ни одна из них в одиночку не стала жить лучше. В то же время войти быстро и на равноправных условиях в уже существующие региональные объединения оказалось невозможно. Жизнь подсказала, что единственный реальный путь достижения прогресса – это интеграция в рамках СНГ» [51: 9].

Поскольку нас, в первую очередь, интересуют типы интеграционных пространств, сформированных в рамках СНГ, то в дальнейшем нами будут рассматриваться главным образом интеграционные пространства, объединяющие те или иные реалии, явления, процессы, организационные формы и виртуальные феномены из жизни государств Содружества. Однако вначале следует хотя бы кратко проанализировать те когнитивные процессы, которые сопутствовали формированию на территории стран СНГ ряда интеграционных пространств разных типов. На наш взгляд, в начале 1990-х годов на территории СССР произошла не только глобальная геополитическая катастрофа, разрушившая государственно-политическое устройство этой мировой супердержавы, но также был произведен когнитивный взрыв огромной мощности, который нанес сокрушительный удар по советской идеологической доктрине. Между тем, именно наличие этой доктрины и последовательно проводившего её в жизнь аппарата КПСС было главным фактором политической и социально-экономической стабильности в стране: «Первопричинами распада Советского Союза, на мой взгляд, было изъятие из Конституций нормы о руководящей роли КПСС и принятие республиками решений о суверенитете. Отсутствие партийной ответственности (нет партии – не перед кем и отвечать) привело к тому, что масштабы суверенизации союзным центром и республиками трактовались каждым по-своему» [35: 22].

Механизм когнитивного взрыва состоит в том, что он «разрушает три вида закономерностей, формирующих картину мира массового сознания:

- факты;
- правила;
- метаправила.

Изменение факта – это разовое разрушение, изменение правил является системным изменением. Накопив измененные факты, можно изменить систему, но это слишком длительный процесс. Изменение правила или метаправила предоставляет возможность легче оперировать с фактами, признавая их либо недостоверными, либо нехарактерными, если они противоречат правилу. Факт при такого вида аргументации перестает быть важнее, чем заранее заданная закономерность. Когнитивный взрыв разрушает все виды закономерностей, затрагивая даже определенные метаправила. Приходят новые политические игроки, которые предлагают новые виды правил» [42: 71-72]. Используемая этими новыми политическими игроками «стратегия состоит в создании нового пути или даже, условно говоря, нового пространства, если в рамках имеющегося нельзя достичь своих целей. Стратегия трансформирует пространство так, чтобы осуществить переход к планируемому будущему. То есть отсутствие готового пространства перехода не является препятствием для движения» [там же, 69]. Поскольку внешне такое движение выглядит весьма хаотичным, стратегия, лежащая в основе такого движения, получила название «стратегии создания управляемого хаоса» или «стратегии осуществления когнитивного взрыва». По существу, «когнитивный взрыв представляет собой

вариант управляемого хаоса, направленного на разрушение имеющихся структурностей» [там же, 73].

Г.Г. Почепцов описывает последствия когнитивного взрыва, вызванного использованием стратегии создания управляемого хаоса, следующим образом: «Когнитивный взрыв нарушает взаимосвязи между физическим, информационным и когнитивным пространствами. В результате становится принципиально невозможным принятие адекватных решений, поскольку они будут базироваться на искривленной картине мира. Выработка решений не может прекратиться, но они становятся все менее адекватными имеющейся ситуации» [там же, 70]. Яркой иллюстрацией к вышесказанному является рождение в начале 1990-х годов на страницах отечественных СМИ ключевого концепта **постсоветское пространство,** синонимичных ему концептов пространство СНГ и постсоюзное пространство, а также длинного ряда тесно связанных с ними более специализированных понятий или концепт-переменных: *единое экономическое пространство, единое информационное пространство, единое научно-технологическое пространство, единое социально-экологическое пространство, единое оборонное пространство, единое культурное пространство, единое таможенное пространство, единое платежное пространство, единое гуманитарное пространство* и т.п. До развала Советского Союза особой потребности в формировании и использовании вышеперечисленных концептов и понятий не было, поскольку обозначаемые ими интеграционные образования, структурирующие реалии постсоветской действительности, с успехом заменяла отраслевая организация единого народно-хозяйственного комплекса большой страны, работавшего по единому народно-хозяйственному плану и управлявшегося главным образом из центра, который представляли ЦК КПСС, Совет Министров и Госплан СССР, а также союзные министерства.

Во всяком случае в научной литературе советского периода, посвященной проблемам интеграции, в качестве основного объекта изучения рассматривался именно единый народно-хозяйственный комплекс СССР: «Реальное становление народно-хозяйственного комплекса, объединение хозяйств отдельных республик и районов в единое целое началось с образованием Союза ССР. Этот процесс осуществлялся в соответствии с закономерностями развития советского общества на основе разделения и кооперации труда народов нашей страны и выразился в общесоюзной производственной и территориальной специализации республик, областей, экономических районов и территориально-производственных комплексов. Развитие единого народно-хозяйственного комплекса стало материальной основой братской дружбы народов СССР, способствовало и способствует их социальному и культурному росту» [5: 71].

Более того, и спустя пять лет после ухода СССР с политической арены белорусскими учеными-экономистами особо отмечалась «необходимость проведения глубокого и всестороннего сравнительного анализа создания, становления и развития бывшего единого народно-хозяйственного комплекса

Советского Союза и Европейского Экономического Сообщества» [30: 46-47]. При этом первые же попытки проведения такого сравнительного анализа системных характеристик народно-хозяйственного комплекса СССР и рыночных экономик западного типа обнаружили принципиальную несовместимость этих двух систем хозяйствования: «С теоретической точки зрения, экономическое пространство бывшего СССР представляло собой жесткую, замкнутую, практически лишенную свойств саморегулирования систему, состоявшую из крупных отраслевых и национально-территориальных подсистем. Они экономически дополняли друг друга и с помощью структуры стабильных межотраслевых и межреспубликанских связей, формировавшихся под воздействием команд единого центра, были объединены в целостный народно-хозяйственный комплекс. Сложился своего рода «механизм», основные части которого жестко пригнаны друг к другу. Он принципиально отличается от экономических систем с развитыми рыночными отношениями саморегулирования, которые можно свести в единый тип, условно назвав его «организм». Попытка одним «большим скачком» превратить «механизм» в «организм» путем повсеместного использования в экономической системе бывшего СССР классических рыночных отношений сделала объективно неизбежными разрушение целостности единого народно-хозяйственного комплекса, распад его отраслевой и республиканской структуры. На деле ориентация на такой «скачок» привела к тому, что реально сложившийся в ходе реформ хозяйственный механизм стал, если не пытаться сглаживать формулировки, механизмом разрушения экономики и общества» [50: 523].

В качестве исходной точки в процессе модернизации экономики стран СНГ рассматривают единый народно-хозяйственный комплекс СССР и современные российские экономисты: «Модернизация экономики стран СНГ складывается из совокупности процессов, с одной стороны, нацеленных на адаптацию бывших частей единого народно-хозяйственного комплекса СССР к суверенному существованию, а с другой – к поиску нового места в глобальной экономике» [33: 19].

Весьма показательным в этом отношении является то, что концепты типа советское пространство [24], единое научное пространство СССР [38: 55], единое научно-образовательное пространство СССР [17: 113], единое экономическое пространство СССР [21: 80; 22: 444; 26: 40] и им подобные стали появляться спустя многие годы после распада СССР. Более того, созданы были эти концепты по аналогии с уже существовавшими к тому времени концепт-переменными единое научное пространство СНГ [10: 7], единое постсоветское пространство [38: 58], общее научное и культурное пространство СНГ [11: 8], общее экономическое пространство Беларуси и России [30: 50], единое экономическое пространство СНГ [65: 4] и аналогичными понятиями. Косвенным подтверждением тому, что концепт-переменные подобного типа не использовались в СССР, может служить следующий факт. В последние месяцы и дни существования СССР наиболее дальновидные исследователи уже

предвидели распад страны и высказывали в связи с этим беспокойство относительно того, что придет на смену союзным структурам разных типов (внешнеполитической, пограничной, таможенной и прочим службам): «Если границы СССР с соседними государствами большей частью точно определены международными договорами и соглашениями, то практически все границы между союзными и автономными образованиями внутри СССР являются совершенно произвольными, «кабинетными» демаркациями. При делегитимации Союза ССР, которым границы эти гарантировались, образуется не ряд независимых «суверенных» государств, а *громадное недемаркированное пространство*, по которому начнут перемещаться миллионы людей в поисках спокойной жизни среди своих соотечественников или, точнее, сородичей; вспыхнут сотни ныне тлеющих очагов территориально-этнических конфликтов» [20: 45].

К сожалению, многие из высказывавшихся в то время опасений подтвердились: в огне межнациональных конфликтов, вспыхнувших в ряде бывших советских республик, погибли сотни тысяч наших сограждан, миллионы из них стали беженцами. Конечный итог всех этих деструктивных, центробежных процессов был достаточно закономерным: «В тот период на постсоветском пространстве появились государственные границы, соответственно таможенные и пограничные службы, национальные валюты. На смену общему для всех государств советскому законодательству пришли новые национальные правовые системы. Для всех суверенных стран СНГ тогда первоочередными стали стремление к интеграции в мировую экономику, поиск новых рынков и партнеров за счет ослабления связей с соседями» [26: 39].

В связи с указанными выше новейшими реалиями постсоветской действительности появились и новейшие концепты с весьма неопределенным понятийным содержанием: на смену предельно четкому и отшлифованному за 70 лет совместной жизни концепту Союз Советских Социалистических Республик (Ср.: «…следует признать, что понятие «СССР» … явилось в определенном смысле моделью того, что сейчас делает Европа» [1: 30]) пришел во многом декларативный концепт **Содружество Независимых Государств** и тесно связанный с ним понятийно весьма непрозрачный концепт **постсоветское пространство**, который сплошь и рядом не определяется даже в материалах «круглых столов» и научных конференций, посвященных рассмотрению обозначаемой этим концептом совокупности постсоветских реалий стран СНГ [41: 36].

Между тем, отсутствие в научной литературе и периодике стран СНГ каких-либо вразумительных определений концепта **постсоветское пространство** и других связанных с ним понятий не способствует институционализации исследований, в которых рассматриваются те или иные реалии постсоветского пространства. Как справедливо заметил по аналогичному поводу украинский исследователь В.В. Дементьев, «начинать анализ следует с отдельных определений понятия как исходного пункта

исследования. Другой исходной точки просто нет. Во-первых, именно определения делают данное понятие достоянием мышления. Во-вторых, без этого отсутствуют границы предметной области исследований» [14: 76-77].

К сожалению, найденные нами в отдельных работах по проблемам интеграции определения концепта **постсоветское пространство** совсем не проясняют его сути и не устанавливают границы предметной области исследований: «Постсоветское пространство – это фактически открытая система, которая очень уязвима для внешних воздействий» [62: 23]; «Постсоветское пространство – зона острой конкурентной борьбы основных геоэкономических центров силы ЕС, США, Китая, а также по-прежнему играющей заметную роль в странах СНГ России» [12: 348]. Впрочем, столь же невнятно сегодня определяется и формальный исторический предшественник данного концепта: «Советское пространство – своего рода множество непространственных задач, упавших на территорию, преобразовавших, подчинивших и сформировавших в ней особые ячейки; советское пространство порождено из внепространственной (надпространственной) позиции» [24: 92]; «Советское пространство – интерференция административно-региональных и военно-промышленных структур» [там же, 99].

Можно назвать и другие причины, по которым понятийное содержание концепта **постсоветское пространство** должно быть однозначно определено. Во-первых, это необходимо сделать хотя бы потому, что этот концепт обобщает целый ряд различных реалий постсоветской действительности и обозначающих их более специализированных понятий или концепт-переменных (*единое экономическое пространство, единое информационное пространство, единое научно-технологическое пространство* и др.), которые обладают так называемым семейным сходством, позволяющим объединить их в общую «зонтичную понятийную категорию» [23: 9]. По нашим подсчетам, в рамках такой зонтичной понятийной категории, как **постсоветское пространство**, в настоящий момент можно рассматривать уже несколько десятков различных типов «единых» и «общих» интеграционных пространств с более специализированным понятийным содержанием.

Во-вторых, сама специфика гуманитарного знания с необходимостью предполагает постоянное уточнение понятийного содержания используемых для его представления единиц анализа (концептов, понятий, идей и иных теоретических конструктов): «Строение гуманитарного знания сложнее и не столь прозрачно, как в точных и эмпирических (опытных) науках. …гуманитарное знание имеет ряд специфических черт, делающих его логическую формализацию и представление в виде теорий трудно выполнимой задачей. Гуманитарное знание опирается не на понятия (точно определимые), а на идеи (часто понимаемые альтернативно), требующие уточнения», т.е. «уточнения идей, превращаемых в понятия» [60: 53]. Аналогичным образом, постоянного уточнения требует и такая нередко используемая в гуманитарных исследованиях единица анализа, как концепт, – это «начальная, первичная

стадия «схватывания» понятия, формирования его, за чем следует концептуализация и появление концепции» [47: 15]. На наш взгляд, исследователи интеграционных процессов, протекающих в странах СНГ, еще только формируют свой категориально-понятийный аппарат, т.е. от изучения самых общих идей интеграции участники таких исследований всего лишь переходят к выделению ключевых категорий и концептов интеграционного характера, а до формирования исследовательских концепций изучаемой области дело пока не дошло.

В-третьих, в современном социогуманитарном познании (особенно в политологии) все большую популярность приобретает конструктивистский подход к описываемым явлениям, в рамках которого «особую роль начинают играть когнитивные составляющие политического процесса, идеи, которыми люди руководствуются в политике. То, что идеи оказывают влияние на политику, является в данном случае довольно банальным утверждением; новым является рассмотрение идей в качестве значимых объяснительных причин политических процессов и событий. До этого идеи всегда сводились к интересам, функциям, структурам, институтам, мирам, т.е. к чему-то объективно данному, реальному и аналитически выводимому из наблюдений, и эти объективированные факты рассматривались в качестве основы наблюдений. Идеи требовалось объяснить, но сами они редко выступали в качестве фактора объяснения. Инструменталистское понимание идей для политики сегодня заменяется субстанциональным пониманием политических идей и их значимого внедрения в процесс конструирования интересов, функций, структур, институтов, миров, режимов» [52: 120]. Вот почему так важно максимально полно эксплицировать понятийное содержание концепта **постсоветское пространство** и его концепт-переменных.

Наконец, для более точного определения понятийного содержания концепта **постсоветское пространство** и его концепт-переменных вполне можно использовать те категоризации понятийного континуума базового концепта **пространство**, которые уже наработаны в рамках отдельных гуманитарных дисциплин. К примеру, в рамках социальной философии исследование понятийного содержания указанного концепта ведется сразу по нескольким направлениям, общее онтологическое основание которых «заключается в том, что пространство выступает способом существования социальных объектов, социальных субъектов, институтов и ментальных систем, объединенных общностью территории или единым духовным простиранием, сотворенным культурой своего времени. В рамках выделенных направлений исследуем концепты: **пространство-территория**, **пространство-субстанция**, **пространство-структура**, **пространство-центр**» [49: 39]. Как будет показано ниже, практически все выделенные в рамках социальной философии типы пространственных концептов имеют свои логические корреляты среди различных концепт-переменных ключевого концепта **постсоветское пространство.**

Таким образом, появление феномена интеграционных пространств на территории бывших советских республик объясняется целым рядом причин политического, экономического, культурного и даже когнитивного характера. Вместе с тем, уровень изученности этих интеграционных пространств оставляет желать лучшего. В частности, до настоящего времени не описаны формальные и содержательные характеристики интеграционных пространств, выделяющие их среди пространств иных типов.

Чем интеграционные пространства отличаются от иных типов пространств

Прежде всего, необходимо сказать о том, что интеграционные пространства составляют весьма небольшую часть от общего количества различных типов пространств, которые могут выделяться практически в любой области деятельности и использоваться с целью локализации или структурирования содержания рассматриваемого понятия, явления, процесса или предмета. Чтобы наглядно представить все многообразие существующих типов пространств, перечислим в алфавитном порядке более сотни названий разнотипных пространств, выделяемых в работах разных авторов (в целях экономии текстового пространства раздела указываем только фамилии этих авторов в скобках после каждого названия): *абсолютное пространство* (И.Т. Касавин, Д.В. Никулин); *абстрактное пространство* (А.В. Солдатов); *антропоцентрическое пространство* (Д.А. Щукина); *безграничное пространство* (И.Т. Касавин); *береговое пространство* (А.Г. Дугин); *бесконечное пространство* (Д.В. Никулин); *бесконечномерное гильбертово пространство* (А.В. Солдатов); *бесхозное пространство* (А.Н. Быков); *биологическое пространство* (В.И. Вернадский, А.В. Солдатов); *виртуальное образовательное пространство вуза* (Е.А. Рак); *виртуальное пространство* (Д.Н. Замятин, И.Т. Касавин, Е.И. Кузнецова, Д.А. Марушко, Г.Г. Почепцов); *внешнее пространство* (К. Беккер); *внутреннее пространство* (К.В. Лощевский, Д.А. Щукина); *внутриконтинентальное пространство* (А.Г. Дугин); *водное пространство* (Г.А. Примачёнок); *военно-стратегическое пространство* (Ю. Шишков); *воздушное пространство* (Г.А. Примачёнок, В.Б. Рушайло, Н.Н. Шумский); *географическое пространство* (Д.Н. Замятин, П.Г. Косых); *геокультурное пространство* (Д.Н. Замятин); *геометрическое пространство* (Д.В. Никулин); *гео-образное пространство* (Д.Н. Замятин); *геополитическое пространство* (А.Г. Дугин); *геосемиотическое пространство* (Д.Н. Замятин); *гидрометеорологическое пространство* (М.А. Гольберг); *глобальное цивилизационное пространство* (С.П. Глинкина); *городское пространство* (Ю. Дергунов); *денотативное пространство* (С.М. Толстая); *динамическое пространство* (Д.Н. Замятин); *евклидово пространство* (А.В. Солдатов); *евразийское пространство* (К. Брутенц, А.Н. Быков, М.Е. Гулиев, А.Г. Дугин, В.А. Захаров, И.М. Титенко); *жизненное пространство* (С.В.

Лапина); *звуковое пространство* (К. Беккер); *идейное пространство* (Л.М. Крюков)*; идеологическое пространство* (К. Беккер); *имперское пространство* (С.И. Барзилов); *инновационное пространство* (Е. Бухвальд, Н.Б. Исакова, В.К. Лукашевич, Т.Е. Новицкая, В.К. Щербин); *инновационно-технологическое пространство* (С.П. Котько); *интеллектуально-экономическое пространство* (И.Л. Андреев); *инфокоммуникационное пространство* (В.В. Шахгильдян); *инфопространство* (К. Беккер); *информационное пространство зарубежных СМИ* (К. Белоусов, Л. Илимбетова, Н. Ляшенко, Е. Чернышева); *информационное пространство Республики Беларусь* (О.Г. Слука); *историческое пространство* (С.И. Барзилов); *киберпространство* (Е.И. Кузнецова); *когнитивное пространство* (Г.Г. Почепцов); *компьютерное пространство* (Д.Н. Замятин); *контрфактуальное пространство* (В.А. Гуреев); *концептуальное пространство* (Д. Нейсбит, А.В. Солдатов); *культурное пространство корпорации* (В.Г. Антонов, Г.В. Серебрякова); *культурно-туристское пространство* (Н.С. Сиченко); *культурно-языковое пространство* (А.Д. Орлов); *ландшафтное пространство* (И.Ю. Колесов); *линейное пространство* (Д.А. Щукина); *личное пространство* (И.Ю. Колесов, А.З. Хусаенова); *математически структурированное пространство* (К.В. Лощевский); *математическое пространство* (Д.В. Никулин); *материковое пространство* (А.Г. Дугин); *медиапространство* (В. Мясников); *медийное пространство* (А.Н. Гришанина); *межгосударственное пространство доверия* (Е.А. Елисеев); *межпланетное пространство* (Б. Сомов); *ментальное пространство* (К. Беккер, В.А. Гуреев, Н.Ю. Замятина); *n-мерное пространство* (Б.А. Коробицын, В.Н. Чуканов); *мёртвое пространство* (Ю.Д. Апресян); *метапространство* (Д.Н. Замятин); *мирское пространство* (Д.Н. Замятин); *мифологическое пространство* (Л.Е. Бляхер); *многомерное пространство* (Д.Н. Замятин); *мультикультурное пространство* (Л.С. Косикова); *неизменное пространство* (М.Д. Ахундов, Л.Б. Баженов); *нормотворческое пространство* (Л.О. Мурашко); *обособленное пространство* (Г.А. Примачёнок); *образно-географическое пространство* (Д.Н. Замятин); *общественное пространство* (А. Илларионов); *околоземное космическое пространство* (Б. Сомов); *ономастическое пространство* (Т.П. Слесарева); *ориентационное пространство* (С.И. Потапенко); *открытое пространство* (А.А. Желнина); *относительное пространство* (Д.В. Никулин); *политическое пространство* (Н.Ю. Замятина, Г.Ю. Семигин); *польское языковое пространство* (А.Д. Орлов); *правовое пространство* (А.А. Кутало); *престижное загородное пространство* (Ю. Дергунов); *приграничное подземное пространство* (Г.А. Примачёнок); *признаковое пространство культуры* (С.М. Толстая); *пространство административного деления* (В. Каганский); *пространство бывшего СССР* (Ф.Г. Войтоловский, М.В. Демурин, Л.З. Зевин, Л.С. Косикова, Н.В. Работяжев); *пространство виртуальности* (Г.Г. Почепцов); *пространство восприятия, переживания, деятельности и коммуникации* (И.Т. Касавин); *пространство действия* (Г.Г. Почепцов);

пространство-граница (Д.Н. Замятин); *пространство дома* (Д.Н. Замятин); *пространство знания* (М. Фуко); *пространство изображения* (Д.А. Щукина); *пространство инноваций* (И.И. Ашмарин); *пространство Интернет* (Д.Н. Замятин); *пространство исторической России* (М.В. Демурин); *пространство исторической Российской империи* (М.В. Демурин); *пространство кризиса* (Ю. Дергунов); *пространство-локализатор* (Е.В. Пупынина); *пространство медийного дискурса* (С.И. Потапенко); *пространство мирового индустриализма* (А. Сафронов); *пространство мысли* (В.Н. Малышев); *пространство мышления* (Д.Н. Замятин); *пространство перехода* (Г.Г. Почепцов); *пространство повседневного взаимодействия* (Д.А. Васильева); *пространство политической конструкции* (К.В. Лощевский); *пространство потоков* (В.К. Лукашевич, Т.Е. Новицкая); *пространство послереволюционной жизни* (Г.Г. Почепцов); *пространство постперестроечного бизнеса* (С. Кордонский); *пространство потребления* (А.А. Желнина); *пространство притяжения того или иного геоэкономического центра силы* (С.П. Глинкина); *пространство «простых удовольствий»* (А.А. Желнина); *пространство противодействия* (Г.Г. Почепцов); *пространство реальности* (Г.Г. Почепцов); *пространство революции* (Г.Г. Почепцов); *пространство региона* (В. Каганский); *пространство решений* (Г.Г. Почепцов); *пространство российской цивилизации* (И.Ф. Селиванова); *пространство свободы, безопасности и правосудия Евросоюза* (Ю.А. Рябов); *пространство тавтократии* (К.В. Лощевский); *пространство торгового центра* (А.А. Желнина); *пространство универсальных миров* (А. Сафронов); *пространство художественного текста* (Д.А. Щукина); *пространство центра* (В. Каганский); *пространство Южного Кавказа* (В.А. Захаров); *психологическое пространство восприятия* (С.В. Кондратьев); *публичное пространство* (А.А. Желнина); *пустое пространство* (И.Т. Касавин, Ф. Котлер); *реальное пространство* (Н.Д. Арутюнова, В.А. Гуреев, С.И. Потапенко); *регионализованное пространство* (В. Каганский); *региональное экономическое пространство* (Л.З. Зевин); «*реляционное» пространство* (И.Т. Касавин); *риманово пространство* (А.В. Солдатов); *русское языковое пространство* (А.Д. Орлов); *русскоязычное пространство* (А.Д. Орлов); *сакральное пространство* (Д.Н. Замятин); *семантическое пространство* (И.Т. Касавин, Н.М. Новоставская, В.Ф. Петренко, С.М. Толстая); *сетевое пространство* (Е.И. Кузнецова, Дж. Ло); *символическое пространство массовой культуры* (И.В. Гибелев); *смешанное (или интегрированное) пространство* (В.А. Гуреев); *событийное пространство* (Д.А. Щукина); *социальное пространство* (П. Бурдье, Н.И. Лапшина, В. Парамонова, Г.А. Примачёнок); *социально-ритуальное пространство* (И.В. Гибелев); *социально-символическое пространство* (В. Парамонова); *социокультурное пространство* (Д.А. Васильева, Б.К. Злобин, И.Р. Кикичев); *текстовое пространство* (Д.А. Щукина); *территориальное пространство* (В. Каганский); *традиционное пространство* (Д.Н. Замятин); *транзитное энергетическое пространство* (С.П. Глинкина); *транскультурное*

пространство (О.В. Красина); *транснациональное пространство* (О.В. Красина); *трансцендентное пространство* (Д.Н. Замятин); *трехмерное пространство* (А.В. Солдатов); *тропологическое пространство* (И.Т. Касавин); *универсальное политическое пространство* (А. Сафронов); *условное пространство* (В.А. Гуреев); *фазовое пространство* (В. Каганский, А.В. Солдатов); *физическое пространство* (Н.Ю. Замятина, А.В. Солдатов, Д.А. Щукина); *финансово-экономическое пространство* (С.Ю. Глазьев); *хозяйственное пространство* (Р.Х. Ев, С. Кетова, Е. Сарбашева, Ю. Шишков); *цивилизационное пространство* (Е.Г. Борисова); *чужеродное пространство* (К.В. Лощевский); *экологическое пространство* (Э. Эванс-Причард); *эколого-образовательное пространство* (В.П. Соболев); *электоральное пространство* (Н.Ю. Замятина); *языковое пространство русского языка* (А.Д. Орлов); *языково-культурное пространство экс-СССР* (А.Д. Орлов) и др.

От перечисленных выше разнотипных пространств изучаемые нами интеграционные пространства отличаются наличием специфических формальных и содержательных характеристик. В частности, к числу таких формальных характеристик можно отнести включение в состав названий интеграционных пространств прилагательных в форме среднего рода *единое, общее, посткоммунистическое, постсоветское, постсоюзное, русско-белорусское* и др. (в скобках после названия пространства указываем только фамилии использующих его исследователей). В частности, к числу **единых** относятся следующие типы интеграционных пространств: *единое валютное пространство* (А.В. Захаров); *единое военно-политическое пространство* (И.Ф. Селиванова); *единое геополитическое пространство* (Х.А. Саубянов); *единое духовное пространство* (В.К. Щербин); *единое евразийское экономическое пространство* (Е.А. Семак); *единое евроазиатское научное пространство* (Л.М. Сущеня); *единое европейское инновационное пространство* (Н.В. Шелюбская); *единое европейское исследовательское пространство* (Н.В. Шелюбская); *единое европейское экономическое пространство* (В.Н. Ермашкевич); *единое инновационное пространство* (Е. Бухвальд, В.К. Щербин); *единое информационное пространство* (В.А. Белых, Ж.Н. Вергейчик, Н.И. Кикешев, Л.П. Козик, П.А. Кохно, Д.А. Марушко, С.В. Пронин); *единое информационно-экономическое пространство* (В.А. Белых); *единое криминогенное пространство* (С.В. Пронин); *единое миграционное пространство* (А.М. Архипов, В.А. Попов); *единое научно-технологическое пространство* (П.А. Витязь, Л.П. Козик, П.А. Кохно, М.В. Мясникович, В.К. Щербин); *единое нормативно-правовое пространство* (Р.Х. Ев, С. Кетова, Е. Сарбашева); *единое оборонное пространство* (Ю. Рубцов, А.С. Синайский); *единое образовательное пространство* (И.Л. Андреев, Ю.Н. Иванов, Л.Е. Криштапович, И.Ф. Мацкевич, В.Н. Новиков, О. Пролесковский, Т.С. Садыков, В.И. Стражев,); *единое платежное пространство* (С.Ю. Глазьев, А.А. Петрович, А. Суздальцев); *единое правовое пространство* (В.А. Бобков, С.В. Пронин, О.В. Сидоренко, В.С. Степин, М.Н. Худая); *единое производственное*

пространство (Р.М. Дошаев); *единое пространство для развития межгосударственных и межнациональных культурных контактов* (Н.Ж. Жотабаев, А.А. Марышев); *единое пространство доверия* (Е.А. Елисеев); *единое рыночное пространство* (У.К. Шеденов, Е.Н. Сидоренко); *единое с ЕС институционально-правовое пространство соседних стран* (С.П. Глинкина); *единое социальное пространство* (С.В. Пронин); *единое таможенное пространство* (Л.П. Козик, П.А. Кохно, И.А. Филькевич, С.С. Шухно); *единое транспортное пространство* (Н.Г. Кучевский, М.В. Мясникович, В.Т. Семченко); *единое экологическое пространство* (С.В. Пронин); *единое экономическое пространство* (С.В. Антуфьев, Г.К. Балтрушевич, В. Бондаренко, В.Г. Гавриленко, Н.И. Еркович, Т.И. Иванова, С.А. Киселев, Л.П. Козик, Л.С. Косикова, В.В. Крук, А.Н. Лузгина, С.М. Миронов, А. Молчанов, М.В. Мясникович, Ж.И. Овсепян, В.Б. Рушайло, И.Ф. Селиванова, Е.А. Семак, А. Суздальцев, А.В. Шурубович, О.А. Якубович); *единое экономическое пространство имперского типа* (Е.А. Семак); *единое энергетическое пространство* (В.А. Язев); *единое языковое пространство* (А.А. Лукашанец, А.Д. Орлов) и др.

В свою очередь, группа **общих** пространств объединяет следующие типы: *общее военно-стратегическое пространство* (В.Б. Рушайло); *общее духовное пространство* (В.К. Щербин); *общее европейское экономическое пространство ЕС и России* (С.П. Глинкина, Л.З. Зевин, Л.С. Косикова, А.А. Требков); *общее инвестиционное пространство* (И.П. Давыдов); *общее информационное пространство* (В.А. Болгов, В.Н. Степанов, М.Н. Худая, В.В. Шахгильдян, С.С. Шухно); *общее культурное, образовательное, научно-техническое и информационное пространство* (Л.С. Косикова); *общее научное пространство* (П.А. Витязь, Л.М. Сущеня, В.К. Щербин), *общее научно-технологическое пространство* (А.С. Онищенко); *общее образовательное пространство* (С.П. Полутина); *общее общественное пространство* (Е.И. Пивовар); *общее политическое пространство* (Е.И. Пивовар); *общее природоохранное пространство* (М.Н. Худая); *общее пространство внешней безопасности* (С.П. Глинкина, А.А. Требков); *общее пространство науки, исследований, образования и культуры* (С.П. Глинкина); *общее пространство свободы, безопасности и правосудия* (С.П. Глинкина, А.А. Требков); *общее социально-экономическое пространство* (М.Н. Худая); *общее таможенное пространство* (А.Г. Караткевич); *общее ценностное пространство* (Е.И. Пивовар); *общее экономическое пространство* (А.Е. Дайнеко, Л.З. Зевин, Л.П. Козик, П.А. Кохно, М.В. Мясникович, Е.И. Пивовар, Е.А. Семак, Ю. Шишков, Н.Н. Шумский) и др.

Далее, разряд **постсоветских** пространств охватывает следующие типы: *научное постсоветское пространство* (Л.М. Сущеня); *постсоветское образовательное пространство* (В.И. Стражев); *постсоветское экономическое пространство* (Л. Вардомский, С.П. Глинкина, Р.С. Гринберг, Л.З. Зевин, Ю. Шишков); *экономически либерализованное постсоветское пространство* (Б.А.

Шмелев) и др. Наконец, единичными пока примерами представлены следующие группы пространств: а) **белорусско-русские и русско-белорусские** пространства: *русско-белорусское языковое пространство* (Н.И. Шабулдаева); б) **посткоммунистические** пространства**:** *посткоммунистическое пространство* (Е.В. Бродовская); в) **постсоюзные** пространства: *постсоюзное экономическое пространство* (Р. Гринберг); г) **постсоциалистические** пространства: *постсоциалистическое пространство* (С.П. Глинкина, Р.С. Гринберг) и др.

Кроме того, на интеграционный характер того или иного типа пространства может указывать стоящее в постпозиции к слову *пространство* название (в родительном падеже) соответствующего интеграционного объединения: *«Большой четверки» (Россия, Беларусь, Казахстан, Украина); ЕврАзЭС; СНГ; Союзного государства Беларуси и России*; *Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России* и др. В частности, для **«Большой четверки» (Россия, Беларусь, Казахстан, Украина)** выделяются следующие типы интеграционных пространств: *единое экономическое пространство Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации и Республики Украина* (Н.В. Бекетов, С.Ю. Глазьев, Ф.Н. Клоцвог, Л.С. Косикова, Л.И. Тарарышкина, Б.А. Шмелев, И.С. Шунько); *единое экономическое пространство четырех стран СНГ* (А.В. Захаров) и др.

В свою очередь, в рамках **ЕврАзЭС** формируются следующие типы пространств: *единое евразийское геополитическое пространство* (Б.А. Шмелев); *единое научно-технологическое пространство стран Сообщества* (М.В. Мясникович); *единое социальное пространство ЕврАзЭС* (Н.Ж. Жотабаев, А.А. Марышев); *единое экономическое пространство ЕврАзЭС* (Р.С. Гринберг, В.Б. Долголёв, Е.А. Елисеев, М.В. Мясникович, Г.Г. Рахматуллина, Д.И. Ушкалова, М.Н. Хурс); *общее библиотечное пространство евразийского региона* (Н.П. Игумнова); *общее и единое евразийское энергетическое пространство* (П.Б. Зверев); *общее образовательное пространство в ЕврАзЭС* (С.П. Полутина); *общее правовое пространство ЕврАзЭС* (П.П. Миклашевич); *общее экономическое пространство ЕврАзЭС* (С.Ю. Глазьев) и др.

Наибольшее количество различных типов интеграционных пространств выделено для описания реалий **СНГ**: *духовно-культурное пространство в рамках СНГ* (Т.И. Адуло); *евразийское пространство СНГ* (А.Ю. Плотников); *единое валютное пространство СНГ* (А.В. Захаров); *единое валютно-финансовое пространство СНГ* (А.В. Захаров); *единое гуманитарное пространство СНГ* (А. Молчанов); *единое информационное пространство СНГ* (В.А. Белых, А.В. Захаров, С.И. Пирожков); *единое научное пространство в рамках Содружества* (А.С. Онищенко); *единое научно-технологическое пространство СНГ* (В.И. Недилько, Б.С. Стогний, Ю.Ф. Яров); *единое образовательное пространство СНГ* (П.С. Аветисян, В.Г. Машлыкин, В.Б. Рушайло, Е.И. Торохова); *единое платежное пространство СНГ* (А.В. Захаров, А.А. Петрович); *единое правовое пространство СНГ* (А.В. Захаров,

А.А. Требков); *единое пространство для бизнес-проектов в энергетике и транспорте* (Л.С. Косикова); *единое торговое пространство СНГ* (А.В. Захаров); *единое финансовое пространство СНГ* (А.В. Захаров); *единое фондовое пространство СНГ* (А.В. Захаров); *единое экономическое пространство СНГ* (Т.С. Вертинская, Р.С. Гринберг, Р.М. Дошаев, Л.С. Косикова, В.Б. Рушайло); *культурное пространство Содружества* (В.Б. Рушайло); *научное пространство СНГ* (Л.М. Сущеня); *научно-техническое пространство СНГ* (В.Г. Машлыкин); *общее инновационное пространство в рамках СНГ* (С.П. Глинкина); *общее информационное и культурное пространство Содружества* (Л.С. Косикова); *общее научное пространство в рамках СНГ* (В.В. Русакевич, Л.М. Сущеня); *общее научно-технологическое пространство СНГ* (А.С. Онищенко, Л.М. Сущеня, В.К. Щербин); *политическое пространство СНГ* (Ю. Шишков); *правовое пространство СНГ* (В.Г. Машлыкин, И.И. Рогов); *рыночное пространство Содружества* (Ю. Шишков); *экономическое пространство СНГ* (Л. Зевин, Ю. Шишков) и др. Сам факт наибольшей разработанности спектра интеграционных пространств СНГ по сравнению с аналогичными пространственными спектрами других интеграционных объединений может объясняться общим характером СНГ и более длительной историей его существования: «Вначале образовалось СНГ, затем сформировались более «продвинутые», «специализированные» структуры – Союзное государство Беларуси и России, ЕврАзЭС, Таможенный союз, ОДКБ. Но именно СНГ было первым межгосударственным объединением, на политическом уровне отразившим стремление наших народов к объединению в качественно новых условиях глобализации» [29: 6].

Значительное количество разнотипных интеграционных пространств сформировано в рамках **Союзного государства Беларуси и России**: *единое образовательное пространство Союзного государства* (С.С. Шухно); *единое экономическое пространство Союзного государства* (В. Григорьев, Л.П. Козик, В.В. Козловский, П.А. Кохно, А.Д. Орлов, В.А. Попов, С.С. Шухно); *законодательное пространство Союзного государства* (И.А. Филькевич); *информационное пространство Союзного государства Беларуси и России* (В. Григорьев, О.Н. Корело); *межрегиональное образовательное пространство Союзного государства* (А.Н. Карташевич); *научное пространство Союзного государства* (В. Григорьев, М.В. Мясникович); *единое оборонное пространство Союзного государства* (В. Григорьев) и др. Наконец, ряд интеграционных пространств используется при описании реалий **Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России**: *единое экономическое пространство Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России* (С.Ю. Глазьев, Р.С. Гринберг, А.В. Кобяков, У.Б. Мухамеджанов, Д.И. Ушкалова); *образовательное пространство в странах Таможенного союза* (Е.Г. Аверьянова, Т.В. Климова) и др.

Перечисленные интеграционные пространства отличаются от иных типов не только формальными показателями, но и понятийным содержанием. Все без

исключения интеграционные пространства относятся к сфере международной деятельности, поскольку они объединяют реалии, явления, процессы, организационные формы и виртуальные феномены из жизни разных стран и народов. Во всяком случае попытки отдельных исследователей использовать концепт-переменные *единое экономическое пространство, единое нормативно-правовое пространство* (Р.Х. Ев, С. Кетова, Е. Сарбашева), *единое информационное пространство* (В.Г. Машлыкин) и ряд других для анализа реалий одной страны (даже такой большой, как Россия) не выглядят убедительными.

В частности, в основе сделанного авторами статьи «Есть ли у России единое экономическое пространство?» вывода о том, что «СССР имел единое экономическое пространство», а «в России есть экономическое пространство, но оно неоднородно, т.е. единого экономического пространства у России в пределах ее географической территории сегодня нет» [21: 80-81], по существу лежит не динамический процесс развивающейся международной экономической интеграции, а статическое состояние экономически неоднородной территории конкретной страны. Об этом прямо свидетельствует следующее определение из указанной выше статьи: «*Единое экономическое пространство* – особое состояние национального хозяйства, для которого характерно наличие одинаковых или тождественных/идентичных институциональных, технико-технологических, организационно-хозяйственных и административных условий функционирования субъектов хозяйствования на всем географическом (административном) пространстве государства/страны. Иными словами, это наличие идентичных условий хозяйствования на территории страны» [там же, 73].

Между тем, определенная степень экономической неоднородности характерна для любой территориально крупной страны: и в СССР различные регионы отличались между собой по уровню цен на товары повседневного спроса, по наличию или отсутствию повышающих (полярных и прочих) коэффициентов при начислении заработной платы, по доступности для населения транспортных, банковских и прочих услуг. Однако в основу определения единого экономического пространства кладется не степень его экономической однородности, а совсем иные (правовые, международные, кооперационные и прочие) критерии. Для сравнения: экономика Китая вообще строится по формуле «одна страна – две экономические системы», но это не мешает Китаю демонстрировать всему миру стремительный экономический рост своего единого народно-хозяйственного комплекса. Кроме того, во многих странах мира успешно работают многочисленные свободные экономические зоны, условия хозяйствования в которых существенно отличаются от общенациональных условий хозяйствования, однако наличие таких зон только способствует росту экономик этих стран.

На наш взгляд, если рассматривать концепт-переменную *единое экономическое пространство* не саму по себе, а как неотъемлемую часть

ключевого концепта **постсоветское пространство**, тесно взаимодействующую с другими его частями, такими концепт-переменными как *единое политическое пространство, единое правовое пространство, единое социальное пространство, единое культурное пространство, единое научное пространство, единое образовательное пространство, единое оборонное пространство* и др., то вряд ли у кого-нибудь возникнут сомнения относительно того, что совокупный уровень интегрированности перечисленных выше типов пространств в России значительно выше, чем в целом по СНГ. Особенно если учесть, что в последние годы «уровень производственной кооперации на постсоветском экономическом пространстве стал снижаться. Доля частей и компонентов в российском экспорте машин, оборудования и транспортных средств в страны СНГ снизилась с 13,6% в 1994 г. до 8,6% в 2004 г. Больше того, в мае 2005 г. российское правительство в одностороннем порядке отменило собственное постановление, обеспечивавшее в соответствии с Ашхабадским соглашением налоговые льготы участникам подобного сотрудничества. (Другие страны-партнеры, в частности Белоруссия и Украина, таких льгот не отменяли.) Тем самым Россия сама разрушает важнейший инструмент взаимодействия экономик стран Содружества» [63: 124-125].

В российской научной литературе представлены также попытки ранжировать по уровням содержание концепт-переменной *единое экономическое пространство* в зависимости от размеров территории, охваченной процессом экономической интеграции [18: 13-15]. В рамках такой уровневой организации единого экономического пространства первые три уровня охватывают внутренние процессы объединения региональных, межрегиональных и национальных хозяйственных систем и только на четвертом уровне происходит международная интеграция хозяйственных систем разных государств. При этом создателями таких описаний приоритет явно отдается первым трем уровням единого экономического пространства, а четвертый уровень существования данного типа пространства (например, в виде единого экономического пространства СНГ) вообще пытаются лишить экономического содержания: «России и другим странам СНГ в ближайшей перспективе придется определиться с функциями и задачами объединения СНГ в новых условиях. Было бы необходимым и правильным, если возложить на плечи этого объединения решение только политических задач, нежели экономических, связанных с развитием национальных хозяйств, в том числе интеграции. И еще раз и навсегда именовать СНГ не интеграционным объединением, а просто политическим органом, решающим вопросы мирного сосуществования стран постсоветского пространства» [там же, 210].

Хотя первичность экономической интеграции стран СНГ перед всеми остальными типами их интеграции осознавалась многими отечественными исследователями уже в первые годы существования данного интеграционного объединения: «Военные союзы держатся общей внешней опасностью. В отличие от военных союзов, экономическая интеграция обусловлена

внутренними потребностями государств на определенной стадии их развития. Сознательно обостряя конкуренцию, она совершенствует системы жизнеобеспечения общества и поднимает его благосостояние. Видимо, поэтому экономическая интеграция первична, обладает приоритетом над остальными аспектами интеграционного процесса – политическими, военными, социальными, правовыми. Появление единого хозяйственного комплекса со временем порождает естественную потребность в возникновении политической, военной, правовой и других надстроек. Попытки же поставить пирамиду острием вниз, изменить естественный ход интеграции обычно кончались неудачей» [45: 64].

Аналогичную позицию по вопросу первичности экономической интеграции среди всех существующих типов и видов интеграционных процессов многие белорусские исследователи занимают и в настоящее время: «Основной и движущей силой интеграционных процессов в Содружестве может быть только взаимовыгодное экономическое сотрудничество. Политические и военные альянсы различных государств многократно создавались и распадались на протяжении всей истории и только за редким исключением приводили к экономической интеграции. Интеграция предполагает, прежде всего, экономическое взаимодействие государств. При этом потребность в экономической интеграции реальных хозяйствующих субъектов, независимо от формы собственности, и является основным условием ее поступательного движения. Принятие политических решений должно способствовать созданию необходимых экономических предпосылок» [64: 235-236].

Учитывая многочисленность выявленных интеграционных пространств разных типов и видов, а также многообразие существующих подходов к их пониманию, углубленное рассмотрение в рамках одного раздела каждого из этих пространств является практически невыполнимой задачей. Поэтому постараемся рассмотреть хотя бы основные классы этих пространств.

Различные классы интеграционных пространств

Как уже отмечалось выше, все типы интеграционных пространств, сформированных в рамках СНГ, можно условно разделить на два класса: а) постсоветское пространство и его исторические аналоги (советское пространство, евразийское пространство и др.); б) отраслевые, специализированные интеграционные пространства. Для репрезентации первого класса интеграционных пространств чаще всего используется концепт **постсоветское пространство**, а также близкие к нему концепты **пространство СНГ** и **постсоюзное пространство.** Другие представители данного класса интеграционных пространств ассоциируются, соответственно, с концептами **советское пространство, евразийское пространство, евроазиатское пространство, посткоммунистическое пространство** и др.

Отличительной особенностью концептов, используемых для репрезентации членов данного класса интеграционных пространств, является то, что все они относятся к числу так называемых *комплексных* или *пакетных.* По мнению А.И. Ракитова, специфика пакетных понятий «заключается в том, что один и тот же термин, по существу, обозначает целое семейство, или пакет, в каком-то отношении сходных понятий, разграничить которые по чисто формальным, структурным характеристикам, как правило, невозможно» [44: 28]. Другие российские исследователи (например, М.В. Ильин) называют подобные комплексные концепты *зонтичными понятийными категориями*, считая, что за любым из них «скрывается не одно ясно концептуализируемое явление или предмет изучения, а целый набор разнородных явлений и предметов. Фактически мы имеем дело не с понятиями, а с понятийными категориями, объединяющими множество значительно отличающихся друг от друга понятий» [23: 9]. Более того, результатом изучения таких зонтичных категорий (концептов) со временем стало формирование новой, «зонтиковой», науки – когнитологии. Поводом для такого названия, по свидетельству авторов «Краткого словаря когнитивных терминов» (М., 1997), послужило то, что она тесно связана «с другими отраслями знания и другими дисциплинами» и что «тот, кто занимается когнитивной наукой или хочет ею заниматься, сталкивается с самого начала с трудностями ее понимания именно из-за изобилия новых понятий, пришедших из разных наук и получивших здесь свою собственную интерпретацию» [27: 4-5].

На наш взгляд, отсутствие до настоящего времени более или менее оптимального определения концепта **постсоветское пространство** во многом объясняется тем, что он выступает своеобразной когнитивной рамкой для объединения нескольких десятков концепт-переменных (*единое экономическое пространство, единое политическое пространство, единое социальное пространство, единое культурное пространство* и др.), обладающих семейным сходством, но изучаемых разными гуманитарными и социальными науками. Поэтому решить задачу толкования данного комплексного концепта могут только исследователи, работающие в рамках различных междисциплинарных направлений (когнитологии, науковедения, инноватики, синергетики и др.) и опирающиеся на исследования представителей разных гуманитарных и социальных наук.

В свою очередь, отраслевые, специализированные интеграционные пространства, обозначаемые при помощи различных концепт-переменных ключевого концепта **постсоветское пространство**, представляют в настоящее время открытый класс, постоянно пополняемый новыми типами и видами таких пространств, которые выделяются порой по аналогии с уже существующими разновидностями интеграционных пространств, без особой на то необходимости. Между тем, даже в отношении определения понятийного содержания давно сформировавшихся и широко используемых концепт-переменных, таких как *единое экономическое пространство, единое*

политическое пространство, единое социальное пространство, единое культурное пространство, единое научное пространство и др., нет полного согласия между исследователями интеграционных процессов, протекающих в странах СНГ. Продемонстрируем сказанное на примере представленных в научной литературе стран СНГ определений таких концепт-переменных, как *единое (общее) экономическое пространство* и *единое (общее) научно-технологическое пространство*.

В частности, понятийное содержание первой концепт-переменной (*единое (общее) экономическое пространство*) определяется в работах белорусских и российских исследователей, помимо уже приводившихся выше определений из статьи Р.Х. Ев, С. Кетовой, Е. Сарбашевой и книги Р.М. Дошаева, следующим образом: это 1) «совокупность внутренних товарных рынков Сторон, подписавших Договор о проведении согласованной антимонопольной политики» [25: 271]; 2) этап интеграционного процесса, следующий за этапом формирования и функционирования зоны свободной торговли [48: 14]; 3) способ «создания равных условий для субъектов хозяйствования» [34: 49] в разных странах СНГ; 4) средство для того, чтобы «восстановить кооперационные связи между предприятиями бывших союзных республик и воспользоваться рынками соседей для спасения собственного производства»; 5) «общий рынок результатов и факторов производства, дополняемый рядом элементов экономического союза» [2: 4] и др.

Если соотнести приведенные выше определения концепт-переменной *единое экономическое пространство* с понятийным содержанием выявленных в рамках социальной философии основных концепт-переменных базового концепта **пространство** (*пространство-территория, пространство-субстанция, пространство-структура, пространство-центр*), то можно прийти к выводу, что в первом и пятом определениях единое экономическое пространство описывается как концепт-переменная *пространство-территория*, во втором определении – как концепт-переменная *пространство-субстанция*, в третьем и четвертом определениях – как концепт-переменная *пространство-структура*. Отмеченный концептуально-понятийный разнобой в определениях концепт-переменной *единое (общее) экономическое пространство* усугубляется использованием для обозначения указанной концепт-переменной целого ряда весьма отличающихся терминов: *единое (рыночное) экономическое пространство* [36: 852], *общее экономическое пространство* [35: 22], *единое экономическое и таможенное пространство* [34: 40], *экономическое региональное пространство стран СНГ* [19: 149], *постсоветское экономическое пространство* [там же, 152] и др.

Еще большее концептуально-понятийное и терминологическое многообразие наблюдается в определениях концепт-переменной *единое (общее) научно-технологическое пространство*, представленных в официальных документах научных организаций и публикациях исследователей стран СНГ. Первоначально (в середине 1990-х годов) данная концепт-переменная

обозначалась с помощью термина *общее научное пространство*. В частности, на сессии Совета Международной ассоциации академий наук (МААН), которая состоялась в мае 1995 г. в Минске, рассматривались три варианта проекта Соглашения о создании общего научного пространства государств-участников Содружества Независимых Государств, подготовленные академиями наук Беларуси, России и Украины. При этом в каждом представленном варианте проекта данный тип интеграционного пространства определялся по-разному.

В частности, белорусский вариант проекта содержал следующее определение: «Под *общим научным пространством* в настоящем Соглашении понимается создаваемая усилиями Сторон (в том числе и совместными) среда обеспечения функционирования и развития науки, включающая в себя программы научных исследований и отдельные научные проекты, а также те элементы научной инфраструктуры, которые способствуют реализации программ исследований и отдельных научных проектов (бюджетные средства, выделяемые на науку; научные кадры; система их подготовки, переподготовки и аттестации; научное законодательство и научно-техническая политика; органы управления наукой; система научных учреждений; научно-информационные системы, банки и базы данных и т.п.). *Общее научное пространство государств-участников СНГ* будет считаться созданным, когда каждая из Сторон получит свободный доступ в научное пространство других Сторон в результате заключения соответствующих законодательных актов в каждом государстве Содружества, обеспечивающих осуществление такого сотрудничества, а также реализации каждой Стороной конкретных правительственных и ведомственных мер по поддержке своей национальной науки и ее широких контактов с наукой других Сторон» [53: 84-85].

В свою очередь, в российском варианте проекта Соглашения данный тип пространства обозначался при помощи термина *общее научно-технологическое пространство* и определялся следующим образом: «В настоящем Соглашении под *научно-технологическим пространством* подразумевается создаваемая государством среда обеспечения функционирования и развития науки и технологий, включающая в себя разработку научно-технической политики, приоритетное финансирование науки, систему подготовки и аттестации научных и инженерных кадров, нормативно-правовое обеспечение, систему научно-технической информации, стандартизацию, метрологию, сертификацию и охрану промышленной собственности, а также органы управления научно-технологическим развитием. Создание *общего научно-технологического пространства* предполагает предоставление каждому государству-участнику Соглашения возможности использовать научные и технологические пространства других государств, подписавших Соглашение, определив при этом конкретные механизмы и условия реализации этих возможностей путем заключения соответствующих межгосударственных соглашений, принятие правовых документов в каждой стране, являющихся предпосылками для сотрудничества, а также конкретные правительственные и ведомственные

решения и действия в каждой стране СНГ, обеспечивающие правовые, экономические и организационные условия, позволяющие реализовать эти предпосылки» [54: 92].

Наконец, авторы украинского варианта проекта толковали данный тип пространства так: «В настоящем Соглашении под *научным пространством* подразумевается создаваемая государством среда обеспечения функционирования и развития науки, которая включает в себя научно-техническую политику, бюджетные средства, выделяемые на науку, научные и инженерные кадры, систему их подготовки и аттестации, соответствующее нормативно-правовое обеспечение, органы управления наукой, систему научно-технической информации. Создание *общего научного пространства* предполагает предоставление каждому государству-участнику Соглашения возможности использовать научные пространства других государств, подписавших Соглашение, определив при этом конкретные механизмы и условия реализации этих возможностей через заключение соответствующих межгосударственных соглашений, принятие правовых документов в каждой стране, являющихся предпосылками для сотрудничества, а также конкретные правительственные и ведомственные решения и действия в каждой стране СНГ, обеспечивающие правовые, экономические и организационные условия, позволяющие реализовать эти предпосылки» [55: 103]. В окончательном варианте Соглашения были учтены наиболее сильные формулировки всех трех представленных проектов, а сам тип интеграционного пространства стал именоваться *общим научно-технологическим пространством стран СНГ*.

Далее, по мнению президента НАН Украины, академика Б.Е. Патона, «работу по созданию общего научно-технологического пространства стран СНГ следует рассматривать в качестве масштабного комплексного мегапроекта» [39: 144], поскольку само СНГ рассматривается «как гигантский интеграционный проект» [59: 76]. В свою очередь, отдельные белорусские исследователи считают, что «такое общее научно-технологическое пространство на территории сегодняшних государств Содружества ранее уже существовало. Оно имело общее название «советская наука» [8: 68]. Однако в результате развала СССР и разделения (дезинтеграции) его научно-технического потенциала между новыми независимыми государствами указанное общее научно-технологическое пространство перестало существовать. Поэтому сегодня «только создание единого научно-технологического пространства позволит странам СНГ получить кумулятивный эффект от науки, устранить неэффективные расходы на ее обеспечение, связанные с дублированием НИОКР разными государствами СНГ, а главное, позволит максимально использовать их объединенный научный потенциал для преодоления кризисных явлений в национальных экономиках и обеспечения устойчивого развития последних» [там же, 77].

Наконец, в рамках Союзного государства России и Беларуси «формирование единого научно-технологического пространства предполагает

объединение и развитие научно-технических потенциалов России и Беларуси, включая национальные инновационные системы, в интересах ускоренного использования достижений науки и технологий в инновационной деятельности, последовательного роста конкурентоспособности экономики России и Беларуси и укрепления основ Союзного государства» [34: 52]. Вместе с тем, процесс формирования указанного типа интеграционного пространства в рамках Союзного государства еще весьма далек от своего завершения: «Несмотря на тесные связи Беларуси и России, между двумя странами пока еще не сформировано единое научно-техническое и интеграционное пространство» [4: 2].

Созданию в рамках Союзного государства единого научно-технологического пространства, на наш взгляд, препятствует (в числе иных причин) недостаточно корректная формулировка задачи по его формированию в Договоре о создании Союзного государства, согласно которой сотрудничество в области создания «единого научно-технологического и информационного пространства Союзного государства Беларуси и России» [16: 77] обозначено как одно из основных направлений, относящихся к совместной компетенции Сторон. Однако, как справедливо отмечает М.В. Мясникович, «нереально формирование неопределенного («общего» или «единого») комплексного «научного, технологического и информационного пространства», поскольку в данном случае имеют место тесно взаимосвязанные, но относительно самостоятельные виды пространств: а) научного; б) технологического как части научного; в) информационного, базирующегося на науке и новейших технологиях» [34: 48].

Недостаточной концептуально-понятийной проработкой характеризуется процесс формирования не только единого экономического пространства и единого научно-технологического пространства стран СНГ, но и многих иных типов специализированных интеграционных пространств. При этом, если содержание определений и терминологические обозначения отдельных из этих специализированных интеграционных пространств (*единое экономическое пространство, единое информационное пространство, единое научно-технологическое пространство, единое культурное пространство, единое образовательное пространство* и др.) являются достаточно стабильными и используются в работах многих исследователей проблем постсоветской интеграции, то такой стабильности не наблюдается в отношении содержания определений и состава терминологических обозначений других типов специализированных интеграционных пространств: *единое валютное и финансовое пространство СНГ; единое геополитическое образовательно-научное пространство; единое информационное, образовательное и научно-технологическое пространство; единое информационно-правовое пространство; единое информационно-экономическое пространство; единое научно-образовательное пространство; единое научно-технологическое инновационное пространство; единое образовательное и воспитательное*

пространство; единое социально-культурное пространство; единое социально-экологическое пространство; единое транспортное и энергетическое пространство; единое финансово-информационное пространство; единое экономическое и таможенное пространство; единое экономическое, правовое, научное, образовательное, культурное пространство; общее геополитическое и экономическое пространство; общее научное и культурное пространство; общее научное и технологическое пространство; общее научное, технологическое и информационное пространство; общее образовательное и культурное пространство; общее образовательное и правовое пространство; общее образовательно-культурное и информационное пространство; общее экономическое и социальное пространство и другие «смешанные» пространства. Их использование в конкретных научных и общественно-политических текстах нередко носит индивидуально-авторский характер.

Еще ранее две аналогичные группы определений в процессе изучения региональной интеграции выделила О.В. Буторина: «Определения региональной интеграции образованы двумя способами. В одном случае в формулировке обобщается фактический опыт и проводится его экстраполяция, в другом – определение вытекает из готовой теоретической модели или конструкции. Причем такие модели во многом «живут собственной жизнью», лишь частично связанной с реальной действительностью. Определения первого типа имеют много общего. Они получили наибольшее распространение благодаря своей эмпирической природе, ясности и заложенному в них здравому смыслу. Вторая группа определений неоднородна по своему составу, как неоднородны и теории интеграции» [6: 136-137].

Отмеченная выше концептуально-понятийная неупорядоченность в определениях и терминологических обозначениях разных типов специализированных интеграционных пространств, контекстуальное отсутствие их привязки к конкретным странам СНГ (к примеру, концепт-переменная *единое экономическое пространство* (ЕЭП) нередко используется для обозначения в одном и том же контексте самых разных типов интеграционных пространств: 1) ЕЭП стран СНГ; 2) ЕЭП «Большой четверки» (Беларуси, России, Казахстана и Украины); 3) ЕЭП Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России; 4) ЕЭП Союзного государства Беларуси и России; 5) ЕЭП России и даже 6) ЕЭП России, Союзного государства и стран СНГ) дают основания отдельным российским исследователям делать следующий достаточно обоснованный вывод: «Отсутствие целостного концептуального представления о том, какое место должны занять страны постсоветского пространства во внешнеэкономической стратегии России, какую роль они могут сыграть в модернизации ее экономики (а последняя – в модернизации их национальных хозяйственных систем), безусловно, негативно отражается как на развитии взаимных отношений, так и на конкурентных позициях обеих сторон в мировой экономике» [19: 151].

На катастрофическую нехватку ключевых идей в процессе постсоветской интеграции указывает и российский дипломат М.В. Демурин: «Основной причиной того, что СНГ не выполнило и, видимо, уже не выполнит своей функции, является, на мой взгляд, непривлекательный имидж самой России, ее недостаточно внятная внешняя и внутренняя политика. Отсутствие на общегосударственном уровне ясно сформулированной собственной национальной идеи, и, как следствие, ясных внешнеполитических целей порождает слабость и конъюнктурность политики в отношении соседей, мешает согласовать внешние интересы государства, бизнеса и личности. Между тем у многих стран СНГ все эти годы существовала и отчасти продолжает существовать потребность именно в интеграционном объединении, а не в «клубе глав государств». Москва на подсознательном уровне все еще воспринимается как столица, а не как бывшая метрополия. Но чем больше проходит времени, тем дальше инертность Москвы заталкивает эти страны в орбиту чужого для России влияния» [15: 53-54].

Наконец, известный российско-белорусский философ, академик РАН В.С. Степин убедительно показал, как под влиянием либеральных экономических идей и западных духовных ценностей (индивидуальная свобода, ослабление роли государства, материальный успех любой ценой и др.) были постепенно утрачены ключевые исторические ориентиры в начатом процессе модернизации российского и всего постсоветского пространства в целом: «Поиск новых стратегий развития, обеспечивающий переход к постиндустриальному обществу, представляет собой исторический вызов, который был предъявлен России в конце XX века. Перестройка и последующие реформы, если их рассматривать с учетом этого исторического вызова, имели своей стратегической целью создание условий для перехода к постиндустриальной цивилизации. К сожалению, приходится констатировать, что в ходе перестройки и современных реформ постепенно был утрачен главный исторический ориентир» [57: 95-97] – всесторонняя модернизация жизни постсоветских государств, осуществляемая на основе их самой тесной и многосторонней интеграции.

И это при полном осознании руководителями всех постсоветских республик того, что «стратегической задачей стран СНГ является модернизация (а в некоторых странах – создание) ряда базовых отраслей для восстановления индустриального потенциала и формирования жизнеспособных национальных хозяйственных комплексов, эффективной организации экономического регионального пространства с тем, чтобы осуществить процесс расширенного воспроизводства преимущественно на собственной основе. В противном случае включение в международное разделение труда вместо стимула индустриального развития может стать фактором закрепления стран Содружества в качестве одного из ресурсообеспечивающих регионов мирового хозяйства и деиндустриализации собственных территорий» [19: 149]. А что происходит на самом деле на постсоветском пространстве? Вместо решения

общими усилиями указанной стратегической задачи в странах СНГ сегодня активно идет поиск всевозможных альтернатив внутренним интеграционным процессам на постсоветском пространстве [40: 61]. Хотя достаточно очевидной истиной является то, что «ни одна из стран СНГ, даже Российская Федерация, в одиночку не в состоянии успешно интегрироваться в мировую экономику. Поэтому развитие многоуровневой и разноскоростной интеграции стран СНГ во всех сферах общественной жизни – существенное условие модернизации в государствах Содружества» [26: 39].

Все сказанное выше о неудовлетворительном качестве и слабой динамике интеграционных процессов, протекающих на постсоветском пространстве, является еще одним подтверждением того, что создаваемые в ходе таких процессов интеграционные пространства разных типов и видов остро нуждаются в своей теоретической проработке, четком определении и однозначном отнесении к тому или иному топологическому классу. О сущности последнего К. Беккер пишет следующее: «Топология как наука, произошедшая из геометрии, имеет дело с физическими и абстрактными объектами, которые не изменяются при искажении или деформации, при ударе или натяжении, а только если они разломаны или разорваны. По определению, если пространства могут быть извлечены друг из друга путем последовательной деформации, без разрывов или разрезов, то они принадлежат к одному топологическому классу» [3: 39]. С этой точки зрения все типы и виды интеграционных пространств, объединяемые в рамках постсоветского пространства, относятся к одному топологическому классу; все типы и виды пространств, выделяемые в рамках советского пространства, – к другому топологическому классу; все разновидности пространства, которые существуют в рамках европейского пространства, – к третьему топологическому классу и т.д. И как показывает мировая интеграционная практика, переходов тех или иных типов и видов интеграционных пространств из одного топологического класса в другой без значительных разрывов и разломов в их структуре не бывает.

Выводы

Проведенный нами контент-анализ значительного массива (более одной тысячи названий) научных и публицистических текстов, опубликованных отечественными и зарубежными авторами по пространственно-интеграционной проблематике, позволил выявить несколько сотен различных типов и видов пространств. При этом разнотипные интеграционные пространства составляют только небольшую часть от общего количества выявленных типов пространств. **По критерию сложности (комплексности)** все существующие интеграционные пространства можно сгруппировать в три класса:

1) класс глобальных интеграционных пространств, суть которых выражают ключевые пространственные концепты (пакетные понятия,

зонтичные понятийные категории): **советское пространство, постсоветское пространство, посткоммунистическое пространство, постсоциалистическое пространство, европейское пространство** и т.п.;

2) класс смешанных (интегрированных) пространств, для обозначения которых нередко используются индивидуально-авторские терминологические словосочетания и сложные номинативные группы: *единое геополитическое образовательно-научное пространство; единое информационное, образовательное и научно-технологическое пространство; единое транспортное и энергетическое пространство; единое финансово-информационное пространство; единое экономическое и таможенное пространство; единое экономическое, правовое, научное, образовательное, культурное пространство; общее образовательное и культурное пространство; общее образовательное и правовое пространство; общее образовательно-культурное и информационное пространство* и т.п.;

3) класс моноаспектных, специализированных интеграционных пространств, интерпретируемых посредством использования концепт-переменных тех или иных ключевых пространственных концептов: *единое валютное пространство СНГ; единое культурное пространство Союзного государства; единое научное пространство СНГ; единое таможенное пространство ЕврАзЭС; единое экономическое пространство Союзного государства; общее инновационное пространство в рамках СНГ; общее правовое пространство Содружества; общее экономическое пространство ЕврАзЭС* и т.п. При необходимости любое из интеграционных пространств данного класса легко, без видимых структурных разрывов трансформируется в более широкое или более узкое интеграционное пространство (в качестве примера такой трансформационной цепочки можно назвать единые экономические пространства СНГ; «Большой четверки» (Беларуси, России, Казахстана и Украины); Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России; Союзного государства Беларуси и России).

В свою очередь, по **критерию структурной целостности** выделяется целый ряд отличающихся топологических классов интеграционных пространств: советское пространство, постсоветское пространство, посткоммунистическое пространство, постсоциалистическое пространство, европейское пространство и др. При этом внутри каждого такого топологического класса пространственного характера выделяются десятки более специализированных, моноаспектных интеграционных пространств (например, внутри европейского пространства формируются общеевропейское информационное пространство, общеевропейское научное пространство, общеевропейское правовое пространство, общеевропейское экономическое пространство и др.).

Наконец, по **когнитивно-лингвистическому критерию** можно различать классы интеграционных пространств, понятийное содержание которых интерпретируется посредством использования следующих

когнитивных единиц: а) ключевых пространственных концептов (**советское пространство, постсоветское пространство, посткоммунистическое пространство, постсоциалистическое пространство, европейское пространство** и т.п.); б) смешанных (интегрированных) понятий (*единое экономическое, правовое, научное, образовательное, культурное пространство; общее образовательное и культурное пространство; общее образовательное и правовое пространство; общее образовательно-культурное и информационное пространство* и т.п.); в) концепт-переменных тех или иных ключевых пространственных концептов (*единое экономическое пространство Союзного государства; общее инновационное пространство в рамках СНГ; общее правовое пространство Содружества; общее экономическое пространство ЕврАзЭС* и т.п.).

Все три классификации выявленных интеграционных пространств, построенные с использованием критериев сложности (комплексности) и структурной целостности, а также когнитивно-лингвистического критерия, в значительной мере пересекаются друг с другом. Подобные зоны пересечения различных классификаций, на наш взгляд, как раз и могут служить основой для выделения различных типов интеграционных пространств, а затем и построения их обоснованной типологии. Вместе с тем, проведенное нами изучение содержания концепта **постсоветское пространство**, который сформировался в условиях когнитивного взрыва начала 1990-х годов, а также содержания многочисленных концепт-переменных этого ключевого концепта дает основания сделать вывод о том, что содержание концепта **постсоветское пространство** и его концепт-переменных эксплицировано явно недостаточно для того, чтобы они могли служить надежными операциональными единицами текущего анализа интеграционной практики стран СНГ. Для улучшения инструментальных качеств указанного концепта и его концепт-переменных, а также повышения их роли в решении назревших проблем постсоветского пространства необходимо осуществление следующих мероприятий:

1) ускоренная разработка теории формирования интеграционных пространств разных типов и механизмов их взаимодействия;

2) построение общей типологии выявленных интеграционных пространств, определение места и роли каждого конкретного интеграционного пространства в рамках указанной типологии;

3) проведение сравнительного анализа основных показателей, характеризующих степень развития интеграционных пространств разных типов в конкретных странах СНГ;

4) научная разработка практических рекомендаций органам государственного управления стран СНГ, а также руководству многочисленных международных организаций по вопросам более эффективного использования возможностей и результатов современных интеграционных процессов на постсоветском пространстве;

5) законодательная кодификация понятийного содержания концепта **постсоветское пространство** и его концепт-переменных.

Литература

1. Акопов Л.В. О правовых основаниях создания Союзного государства // Развитие сотрудничества между Республикой Беларусь и регионами Российской Федерации в социально-экономической сфере: Материалы постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России по вопросам строительства Союзного государства. – Минск, 2006. – С. 30-32.

2. Бекетов Н.В. Проблемы формирования единого экономического пространства Беларуси, России, Казахстана и Украины // Гуманитарные науки. Сборник научных трудов. Серия «Экономика». – Вып. 15. Актульаные проблемы экономической интеграции в мировой экономике / Под науч. ред. М.В. Мясниковича, П.Г. Никитенко. – Минск, 2010. – С. 3-8.

3. Беккер К. Словарь тактической реальности: Культурная интеллигенция и социальный контроль / Пер. с англ. – М., 2004. – 224 с.

4. Беларускія і расійскія вучоныя працуюць над стварэннем адзінай навукова-тэхнічнай прасторы дзвюх краін //Настаўніцкая газета. – 21 сакавіка 2007 г. – С. 2.

5. Боровик Ф.В. В едином народно-хозяйственном комплексе // В союзе нерушимом / Науч. ред. Е.М. Бабосов. – Минск, 1982. – С. 69-111.

6. Буторина О.В. О понятии региональной интеграции // СНГ, Россия и Европа: Сборник статей / Сост. А.В. Захаров. – М., 2006. – С. 131-144.

7. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. – М., 1989. – 704 с.

8. Витязь П.А., Щербин В.К. Активизация межакадемического сотрудничества – реальный путь к созданию общего научно-технологического пространства стран СНГ // Вестник Фонда фундаментальных исследований. – 2001. – № 4. – С. 68-87.

9. Вступительное слово Главы делегации Европейского Союза в Украине, Посла Л. Морено // Европейский Союз: история, политика, экономика, право. Международная научно-практическая конференция: Сб. науч. тр. – Минск, 1998. – С. 4-7.

10. Выступление Президента Российской академии наук, академика Ю.С. Осипова при обсуждении доклада вице-президента МААН, академика Л.М. Сущени // Международная ассоциация академий наук. Бюллетень № 6. – Минск, 1995. – С. 7-10.

11. Выступление Председателя Высшего Совета Союза Беларуси и России, Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко // Международная конференция «Шесть лет Содружества: проблемы и перспективы» (материалы конференции). – Минск, 1998. – С. 4-16.

12. Глинкина С.П. Методология анализа постсоциалистических трансформаций // Трансформации на постсоциалистическом пространстве / Отв. ред. С.П. Глинкина; сост. И.И. Орлик. – СПб., 2009. – С. 336-349.

13. Данилов А.Н., Щербин В.К. Интеграция // Республика Беларусь: Энциклопедия: В 6 т. – Т. 3. – Минск, 2006. – С. 778-780.

14. Дементьев В.В. Что мы исследуем, когда исследуем институты? // Экономическая теория (Киев). – 2009. – № 3. – С. 75-92.

15. Демурин М.В. Изменения на постсоветском пространстве: цивилизационный вызов // Постсоветское пространство: реалии и перспективы / Под общей ред. Б.А. Шмелева. – М., 2009. – С. 49-56.

16. Договор о создании Союзного государства Беларуси и России от 8 декабря 1999 г. – Ст. 18, абз. 13.

17. Достанко А.П. Интеграция подготовки и аттестации научных кадров – основа единого геополитического образовательно-научного пространства // Перспективы интеграции на рубеже тысячелетий: Материалы Международной научно-практической конференции. – Минск, 2001. – С. 105-115.

18. Дошаев Р.М. Единое экономическое пространство – форма интеграции в условиях рынка. – М., 2005. – 224 с.

19. Зевин Л.З. Политические и экономические аспекты организации постсоветского экономического пространства // Постсоветское пространство: реалии и перспективы / Под общей ред. Б.А. Шмелева. – М., 2009. – С. 143-164 с.

20. Зубов А.Б., Салмин А.М. Союзный договор и механизм выработки нового национально-государственного устройства СССР // Полис. – 1991. – № 1. – С. 42-57.

21. Ев Р.Х., Сарбашева Е., Кетова С. Есть ли у России единое экономическое пространство? //Общество и экономика. – 2008. – № 10-11. – С. 67-83.

22. Илларионов В.В. Украина в рамках СНГ: реформы и интеграция // Перспективы интеграции на рубеже тысячелетий: Материалы Международной научно-практической конференции. – Минск, 2001. – С. 444-454.

23. Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука: Сборник научных трудов. – Вып. 4: Империи, государства, нации: Многообразие политий в современном мире / Ред.-сост. М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина. – М., 2008. – С. 8-41.

24. Каганский В.Л. Советское пространство: конструкция и деструкция // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / Ред.-сост. С.Б. Чернышев. – В 4 т. – Т. 1. Россия как предмет. – М., 1995. – С. 89-130.

25. Козик Л.П., Кохно П.А. СНГ: реалии и перспективы. – М., 2001. – 304 с.

26. Кротов М. Взаимовыгодная интеграция – условие модернизации в Содружестве // Свободная мысль. – 2010. – № 9. – С. 39-52.

27. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1997. – 245 с.

28. Лукашевич В.К., Новицкая Т.Е. Структура и динамика инновационного пространства // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага універсітэта. – 2010. – № 5. – С. 103-111.

29. Лукашенко А.Г. «Более надежного партнера и преданного друга, чем Беларусь и беларусы, у вас не будет…» // Свободная мысль. – 2010. – №10. – С. 5-18.

30. Лыч Г.М. Межгосударственная экономическая интеграция: проблемы и пути их решения // Национальное возрождение, цивилизационная специфика и процессы международной интеграции (СНГ и опыт развивающихся стран): Материалы международной конференции. – М., 1996. – С. 42-51.

31. Машлыкин В.Г. Европейское информационное пространство. – М., 2001. – 95 с.

32. Митсос А. Европейская стратегия движения к экономике и обществу, основанных на знаниях //Общество, основанное на знаниях: новые вызовы науке и ученым: Материалы международной конференции. – К., 2006. – С. 51-56.

33. Модели модернизации в странах с переходной экономикой. – М., 2009. – 158 с.

34. Мясникович М.В. Союзное государство: создание и перспективы устойчивого развития. – Минск, 2006. – 280 с.

35. Мясникович М.В. Инновационное развитие Содружества – основа эффективной интеграции и устойчивого развития // Материалы Международной научно-практической конференции по вопросам дальнейшего развития СНГ. – Минск, 2006. – С. 21-28.

36. Национальная экономика: учебник / Под ред. П.В. Савченко. – 2-е изд. – М., 2007. – 863 с.

37. Никулин Д.В. Пространство //Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2001. – Т. 3. – С. 370-372.

38. О состоянии и перспективах развития фундаментальной науки и создании единого научного пространства в рамках Международной ассоциации академий наук (МААН). Доклад вице-президента МААН, академика Л.М. Сущени на сессии Совета МААН, 29 мая 1995 г., г. Минск // Международная ассоциация академий наук. Бюллетень № 6. – Минск, 1995. – С. 52-71.

39. Патон Б.Е. Международная ассоциация академий наук и развитие науки в странах СНГ // Наука и образование на пороге III тысячелетия: Материалы Международного конгресса. – Минск, 2001. – С. 142-151.

40. Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. – СПб., 2008. – 320 с.

41. Постсоветское пространство: реалии и перспективы / Под общей ред. Б.А. Шмелева. – М., 2009. – 462 с.

42. Почепцов Г.Революция.com: Основы протестной инженерии. – М., 2005. – 532 с.

43. Проблемы интеграции России в единое европейское пространство. – М., 2003. – 74 с.

44. Ракитов А.И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. – М., 1982. – 303 с.

45. Решетников С.В. Беларусь-Россия: проблемы и перспективы интеграционной динамики // Национальное возрождение, цивилизационная специфика и процессы международной интеграции (СНГ и опыт развивающихся стран): Материалы международной конференции. – М., 1996. – С. 63-71.

46. Роль международных организаций в развитии общеевропейского научно-технологического пространства: Материалы международного симпозиума. – К., 2002. – 340 с.

47. Романовский Н.В. Понятийные проблемы социологии: поиск адекватной интерпретации // Социс. – 2010. – № 4. – С. 13-22.

48. Рушайло В.Б. Содружеству Независимых Государств 15 лет // Материалы Международной научно-практической конференции по вопросам дальнейшего развития СНГ. – Минск, 2006. – С. 11-21.

49. Рыбалка Е.А. Концепты пространства в социальной философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2009. – № 3. – С. 39-44.

50. Семак Е.А. Диалектика интеграционных процессов в строительстве Союзного государства // Перспективы интеграции на рубеже тысячелетий: Материалы Международной научно-практической конференции. – Минск, 2001. – С. 519-528.

51. Слово к читателю председателя Совета глав государств СНГ, Президента Российской Федерации Б. Ельцина // Содружество Независимых Государств: портрет на фоне перемен / Под ред. И.М. Коротчени. – Минск, 1996. – С. 9-11.

52. Сморгунов Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Полис. – 2009. – № 1. – С. 118-129.

53. Соглашение о создании общего научного пространства государств-участников Содружества Независимых Государств (проект АН Беларуси) // Международная ассоциация академий наук. Бюллетень № 6. – Минск, 1995. – С. 84-90.

54. Соглашение о создании общего научного пространства государств-участников Содружества Независимых Государств (проект Российской академии наук) // Международная ассоциация академий наук. Бюллетень № 6. – Минск, 1995. – С. 91-101.

55. Соглашение о создании общего научного пространства государств-участников Содружества Независимых Государств (проект НАН Украины) //

Международная ассоциация академий наук. Бюллетень № 6. – Минск, 1995. – С. 102-108.

56. Создание общеевропейского пространства высшего образования. Коммюнике Конференции министров, ответственных за высшее образование (Берлин, 19 сентября 2003 г.) // Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В., Пшенко К.А. Международное гуманитарное взаимодействие и Содружество Независимых Государств: В документах и материалах: Хрестоматия. – СПб., 2005. – С. 106-112.

57. Степин В.С. Интеграция и перспектива постиндустриального развития // Перспективы интеграции на рубеже тысячелетий: Материалы Международной научно-практической конференции. – Минск, 2001. – С. 94-104.

58. Суздальцев А. Политика впереди экономики: Риски и перспективы Таможенного союза ЕврАзЭС // Россия в глобальной политике. – 2010. – Т. 8. – № 1. – С. 80-90.

59. Требков А.А. Некоторые вопросы формирования единого правового пространства // Материалы Международной научно-практической конференции по вопросам дальнейшего развития СНГ. – Минск, 2006. – С. 75-84.

60. Финн В.К. Интеллектуальные системы и общество: Сборник статей. – 3-е изд. – М., 2007. – 352 с.

61. Хейфец Б.А., Либман А.М. Корпоративная интеграция. Альтернатива для постсоветского пространства. – М., 2008. – 162 с.

62. Чергинец Н.И. Координация внешнеполитической деятельности России и Беларуси – приоритетное направление союзного строительства // Актуальные проблемы строительства Союзного государства: Материалы постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России по вопросам строительства Союзного государства. – Минск, 2006. – С. 22-32.

63. Шишков Ю. СНГ: полтора десятилетия тщетных усилий // Вопросы экономики. – 2007. – № 4. – С. 113-126.

64. Шумский Н.Н. Стратегия и основные направления развития Содружества Независимых Государств // Материалы Международной научно-практической конференции по вопросам дальнейшего развития СНГ. – Минск, 2006. – С. 232-246.

65. Экономика СНГ: 10 лет реформирования и интеграционного развития. – М., 2001. – 420 с.

ГЛАВА 2
НОМИНАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

2.1. ЧАСТЕРЕЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА

А. Э. Левицкий

Для осуществления разных видов деятельности, в частности, эффективного моделирования своего поведения человек воссоздает образ мира, в котором он обитает. Именно поэтому и возникает необходимость в категоризации новых объектов, с которыми индивид неизбежно соприкасается. В целом, стремление к категоризации действительности составляет одну из важнейших сторон его мыслительной активности. Операция категоризации отражает реальную ментальную способность человека (см., напр., [31; 59]), требуя весьма серьезного отношения к себе. «Трудно найти что-то более важное для нормального функционирования нашего мышления, восприятия, деятельности и речи» [28: 144]. Познавая материальный мир, люди выделяют различные объекты, их свойства, объединяя рассматриваемые сущности в естественные категории на основании анализа обработанной информации. Естественные категории, по Е. С. Кубряковой [25: 310], объединяют такие единицы, признаки которых, повторяясь попарно, не повторяются по своему полному набору у каждого из их членов. Находясь в материальном мире, люди автоматически категоризируют свои чувства, одушевленные и неодушевленные объекты, их признаки, состояния, действия. Таким путем предметы, явления, состояния или признаки объединяются в естественные классы.

О каких бы сущностях не шла речь, мы обращаемся к категориям. Проблема категоризации языковых единиц на протяжении всей истории лингвистики продолжает оставаться актуальной. Именно для обеспечения эффективности процесса коммуникации индивиду необходимо знать, каким образом и до какой степени данная языковая сущность отвечает его требованиям, и как / когда он может на нее полагаться, т. е. использовать в своих целях для достижения максимальной адекватности передачи вербализованной информации. Исходя из особенностей мыслительной и коммуникативной деятельности, индивид должен быть максимально правдив по отношению к себе самому, потому что ложная категоризация языковых единиц, их неадекватная оценка или искаженное представление способны привести к существенным ошибкам и затруднить процесс общения.

Механизм процесса категоризации

Сам же процесс категоризации можно представить как «сегментацию и комбинацию» [48: 402]. В результате их действия происходит объединение ментальных репрезентаций, которые стоят за познаваемым, в группы (т. е.

категории) открытого характера, с последующим заполнением этих образований новыми сущностями [55: 104], имеющими определенное сходство (функциональное, содержательное, формальное или даже ситуативное [47]), основанное на знаниях онтологии мира и эмпирическом опыте его познания [6: 54], логике [51: 348], чувствах, эмоциях индивида [63: 33], наличии причинно-следственной связи [58] с прототипом – наиболее полно отражающим свойства данного ряда и являющимся его характерным представителем с позиций социума [59: 36] в аспекте стереотипизации процесса восприятия и последующей номинации. Собственно благодаря существованию таких мыслительных и языковых категорий происходит познание человеком мира. Кроме того, индивиды имеют возможность наилучшим образом с помощью ментальных репрезентаций воссоздать структуру реального [64: 13] или возможного мира, включить в состав категории только те элементы, которые ей соответствуют. При этом, мы учитываем наличие контрастирующих категорий [51: 349] и их возможную нейтрализацию [43] в определённых случаях.

На основе процесса категоризации, таким образом, происходит объединение ментальных репрезентаций как его продуктов, которые стоят за познаваемыми сущностями, в категории, т. е. определённые рубрики опыта или знания [25: 307]. Таким образом, перцептивные категории являются основой для абстрактных концептов [61: 1278-1279]. Именно поэтому категоризации подвергаются не только сами сущности, но и наши знания о них [63: 33].

Фундаментальные категории категориальной семантики образуют необходимую основу классификации, так как в них находит проявление единство общечеловеческих законов мышления и отражение объективной действительности. Данные категории являются источником, откуда носитель языка черпает готовые значения, соотнесенные с определенными формальными средствами и их комбинациями. Индивид не только воспроизводит, но и создаёт с их помощью бесчисленные новые комбинации смыслов.

Сознание и мышление суть функции человеческого мозга как материальной системы. В результате её действия создается максимально возможно полная картина объективной реальности. Мы воспринимаем предметы внешней среды как примеры внутренне репрезентативных понятий. Обусловленное объектами окружающей действительности воздействие на зрительную систему позволяет без особых усилий отнести их к соответствующим категориям. В результате такого непосредственного отнесения воспринимаемых объектов к понятиям обеспечивается экономия когнитивных усилий. Операция отнесения к категории делает доступным зафиксированный в памяти человека опыт, приобретенный при взаимодействии с аналогичными объектами. Вследствие действия процессов познания человек обеспечивает категориальную идентификацию воспринимаемого.

Использование когнитивной операции категоризации позволяет воспринять определенные сущности как элементы, входящие в один класс на основании имеющихся у них свойств эталонного репрезентанта, т. е. прототипа

[59: 30]. Таким образом, в основе определения принадлежности некоего объекта или его свойства к определённой категории находится сравнение, позволяющее сопоставить имеющиеся знания о прототипе с данными, полученными о познаваемой сущности в процессе ее восприятия.

Многое в процессе восприятия, а также последующего осмысления и интерпретации полученных знаний зависит от того, что выступает для человека фигурой (сознанием), а что фоном (подсознанием), главным и второстепенным профилем [53]. На это отношение опирается распределение внимания индивида [40: 376], поскольку для эффективного действия процесса категоризации необходим детальный, возможно всесторонний анализ *(fine tuning)* рассматриваемых сущностей [60: 47], задействующий разные уровни абстракции [62: 142-143].

Категоризационная деятельность напрямую связана с выявлением сущностных свойств определенных предметов, явлений, состояний, действий и признаков (см., напр., [44; 58]), которые взаимодействуют с процессами обработки полученной информации и ее интерпретации в соответствии с целями, задачами, желаниями, устремлениями и условиями, в которых индивид действует [26: 4-13]. Механизм категоризации основывается на ассоциативном восприятии окружающего мира и «работает» в направлении поиска некоего прототипа, наиболее полно соответствующего её ключевым параметрам, а несущественные свойства выводятся из фокуса внимания [18: 72]. Речемыслительные процессы отражают не только знания, но и фиксируют распространенные в обществе нормы сравнения. Понятие нормы в процессе категоризации познаваемых сущностей отражает способности индивида к проведению когнитивной операции сравнения. Норма неизбежно включает понятие ординарного уровня и отклонения от него. Рассматривая некую сущность, мы сталкиваемся с видовой нормой, определяя сходства и отличия; нормой пропорции при сравнении положения в пространстве и соотношений параметров определенного свойства; нормой ожидания; ситуативной нормой, зависящей от конкретных особенностей ситуации познания мира. Прототип же как нормативный ориентир не обязательно осознается в процессе категоризации, но учитывается индивидом в ходе практической деятельности. Наиболее существенными признаками для определения понятия *прототип* являются: 1) специфичность – концентрация специфических признаков объекта; 2) способность к воздействию на производные варианты; 3) высокая степень регулярности функционирования [8: 18]. Поэтому, прототип – это эталонный репрезентант, эталонный вариант определенного инварианта среди прочих его представителей (вариантов) [7: 265].

В реальных ситуациях познания окружающего мира когнитивная операция сравнения базируется на поиске сходства, тождества и подобия [2]. Её использование, что определенные сущности восприняты как элементы, входящие в один класс. Элементами индивидуального сознания являются практические знания, составляющие жизненный опыт человека, а также его

воображение – особенности восприятия, моторной активности, культуры, ментальной образности. В зависимости от степени развитости указанных качеств в сочетании с важностью некой сущности, т. е. активизацией всех знаний о ней в данный момент времени, индивид может существенно детализировать выделенные категории на основе отмеченных свойств. Ценность же объекта сравнения не обязательно осознается в процессе его восприятия, но учитывается в ходе последующей деятельности.

К числу наиболее сложных проблем когнитивистики относится выделение естественных категорий тех сущностей, для которых необходим учет целого ряда критериев, т. е. совершенно недопустимо отнесение некоего феномена сразу к двум и более контрастным категориям (ср. [45: 1597]). Более детальный анализ необходим также для категоризации явлений, процессов, состояний и действий, сочетающих в себе целый ряд различных признаков. Результаты их изучения позволяют выделить кластерные категории, что даёт возможность учесть каждый из рассматриваемых признаков. К примеру, как кластер выступает определение напитка по вкусовым качествам, рецептуре, составу, цвету, содержанию алкоголя. Их использование служит основанием выделения *водки, вина, пива* и других напитков как кластерных субстанций. Вычленение фразеологизмов в отдельную группу единиц номинации также подразумевает учёт целого ряда критериев [27] – раздельнооформленности, переосмысленности, немоделированности, сверхсловности, эмотивности – позволяет сделать вывод о том, что языковые единицы, несоответствующие хотя бы одному из данных признаков не могут считаться таковыми. Так, *железная дорога, детский сад*, *sincerely yours*, *hello* и др., лишённые отмеченных выше критериев считаются устойчивыми словосочетаниями нефразеологического характера.

Иными словами, происходит выделение нескольких фигур (в терминах Р. Ленекера [53]), сходных с предметом категоризации. Такой «пучок» критериев должен полностью совпасть для определения некой сущности как элемента определённой категории. Зачастую же происходит лишь приближение к выделенной фигуре. К примеру, вопрос об отнесении напитков *Longer, Red Bull, Burn,* или *Coca-Cola* к алкогольным или безалкогольным может быть решен лишь после запроса дополнительной информации, ознакомления с их составом, поданным на этикетке, или на основании собственного опыта. Категоризация же *decaffeinated coffee* как *кофе* приходит в противоречие с нашими знаниями о данном напитке, который должен содержать кофеин; или отнесение к номинативным единицам английского сленгизма *о*, обозначающего «опиум» и по форме совпадающего с фонемой [о], которая, как известно, в состав номинативных единиц не может входить по определению.

Действенность языковой категоризации

Описанные выше особенности действия механизма выделения

естественных (онтологических) категорий, на наш взгляд, в полном объёме совпадают с процессами категоризации языковых данных. Отметим значительные потенциальные возможности передачи естественных (бытийные) категорий, предоставляемые системой и нормой языка, которые шире их реализации в тех или иных комбинациях языковых средств. Продуценты высказываний оперируют множеством сложнейших реляционных понятий, которые отражаются в тончайших прагматических и семантических оттенках. Эксплицитно естественные категории приобретают значение в том случае, если они максимально связаны с практическим опытом выделения определенных отношений объективной действительности. Этот опыт может быть непосредственно использован при планировании речевого и деятельностного поведения в отношении конкретного не встречавшегося ранее объекта, явления, состояния, признака и т. п. Таким образом, система номинативных средств языка, в первую очередь, определяется лингвокогнитивными данными.

Именно на этом уровне происходит разделение внутреннего лексикона на определенные группы, отражающие наиболее общие понятия, которые связаны с потребностями личности, ее поведенческими и речемыслительными особенностями. Происходит своеобразная фокусировка оттенков той или иной номинативной единицы и ее выбор для более адекватного выражения конкретного понятия. Мы вправе утверждать, что придание внеязыковым понятиям языкового оформления начинается на когнитивном уровне. Происходит операция соотнесения полученной внеязыковой информации и системы номинативных единиц языка. В результате данного процесса происходит первичная классификация полнозначных языковых единиц. Далее происходит детализация языковых данных, т. е. более точный отбор необходимых средств выражения конкретного значения. Тем самым, продуцент высказывания спускается с лингвокогнитивного на ономасиологический, а затем и на конкретно-семантический уровень.

Представляется важным подчеркнуть универсальность речемыслительных категорий, на основе которых строятся принципы категориальной семантики. Универсально-языковые функции возникают на базе универсальных актов речевой коммуникации и проективных свойств языка. Контекстуальные особенности, сопутствующие коммуникации, и проективные свойства языка взаимодействуют в ходе речетворчества с механизмом семантической интерпретации позиционных функций номинативных единиц. Важнейшим системообразующим фактором, организующим множество единиц номинации в рамках определенной системы, является совокупность языковых понятий – «картин мира». Источник упорядоченности единиц номинации следует искать в системе сигнификатов, поскольку не опыт, накопленный языковым коллективом, существует для того, чтобы у знаков появился столь необходимый для их существования компонент – означаемое, а языковые единицы нужны для конкретно-языкового представления знаний об окружающем нас мире. Направление от содержания к

средствам его выражения позволяет отразить «скрытую основу» закономерностей классификации единиц номинации в сфере существующих сигнификатов как системе коллективного опыта. Причем, единицы, эксплицирующие одну языковую категорию, выступают как функционально тождественные. Иными словами, основным системообразующим фактором, порождающим и организующим систему знаков, является совокупность языковых – коммуникативно предназначенных – понятий. Добавим, что языковая категоризация, вслед за Е. С. Кубряковой [26], понимается нами как сложный мыслительно-языковой процесс, направленный на выявление различных типов категорий грамматики и лексики в организации языка как когнитивной системы.

Частеречное пространство сквозь призму теории категоризации

Наиболее древним способом классификации лексикона является его членение на части речи, которые следовало бы назвать объективными категориями в противоположность субъективным (например, модальность, временная отнесенность и др.). Действительно, части речи, несмотря на существующие отличия в самих принципах их выделения, представляют собой стабильные категории, характеризующиеся объективными показателями. Однако до сих пор не утихают дискуссии вокруг необходимости выделения частей речи; их инвентаря; их иерархии; основ категоризации. Задача последовательного и исчерпывающего распределения языковых единиц по частям речи является чрезвычайно трудоёмкой, потому что любая категоризация есть результатом когнитивной операции, состоящей из: 1) выделения категориальных признаков; 2) отсутствия взаимоисключающих случаев; 3) включения в нее единиц данного языка. Кроме того, открытый динамический характер системы языка, в котором наблюдается не только процесс возникновения новых и отмирания старых элементов, но и перегруппировки уже имеющихся, а также их переосмысления, приходит в противоречие со строгой классификацией, лишённой переходных и неочевидных случаев.

Части речи как лексико-грамматические категории слов устанавливаются для каждого языка в отдельности на основе общности грамматического значения, т. е. категориальной семантики, присущей полнозначным языковым единицам, с учётом морфологических особенностей слова; характеристикам, выполняемым синтаксическими формами и функциям. Итак, основными критериями классификации лексем современного английского языка, в основном, выступают значение, форма, и функция (см., напр., [9: 37-38]). Естественно, вне взаимодействия грамматическое и лексическое значения не играют важной роли в процессе категоризации.

Очевидной также представляется связь категориальной семантики с категориями мышления, поэтому первый из трех традиционных признаков

определяется не как значение, а как понятийный признак (см., напр., [36: 253]), лежащий в основе выделения категорий. Его также можно трактовать, как лексическое значение, характерное для целой группы слов, например, вещности для существительных, не принимая во внимание конкретное значение слова. При этом, семантический критерий предполагает эволюцию генерализованного значения, которое свойственно всем группам слов, составляющих часть речи. Таким образом, основные части речи, являются определяющими потому, что своей семантикой они покрывают ключевые мыслительные категории. Именно выражение этих мыслительных категорий отображает и раскрывает основные сферы материальной, социальной и психической деятельности человека, что свидетельствует об обусловленности грамматического строя языка логической системой мышления. Именно поэтому с точки зрения онтогенеза, последовательность появления частей речи свидетельствует о направлении развития анализа объективной действительности, а изменение объема его содержания, соответствующего части речи, показывает направление развития синтеза объективной действительности [20: 49].

Анализируя части речи в ономасиологическом ракурсе Е. С. Кубрякова выделяют следующие аспекты, присущие каждой из частей речи: а) наличие объединяющих речемыслительных категорий; б) разная языковая интерпретация понятийных категорий; в) связь характера смыслового содержания слова и его функцией в той или иной сфере языковой деятельности; г) наличие функционально-семантических разрядов в основе выделения частей речи; д) зависимость функций от выражения структур мышления; е) возникновение частей речи в акте коммуникации [23: 25-36]. Данный подход позволяет установить типологические отличия между синтетическими (восточно-славянскими) языками, с одной стороны, и аналитическими (английским), с другой. Для первых ведущим является смысловое содержание слова и роль имени, для второго – функция в той или иной сфере деятельности, а также глагол как основная категория.

Проблемы категоризации в частеречном пространстве

Кластерный характер частеречной категоризации, т. е. проведение категориально-семантического, морфологического и синтаксического анализа, как и в случае с естественными категориями, не всегда приводит к успешному результату. Значение, форма и функция зачастую одновременно соответствуют прототипам той или иной части речи, существующим в нашем сознании и объективированным в языке. Речь скорее идёт о возможном полевом представлении результатов частеречной категоризации, где ядро составляют единицы, которые одновременно наиболее полно соответствуют каждому из прототипов. Относительно любой части речи возможно сделать вывод о наличии в ней более типичных (прототипических) единиц, которые наиболее полно охватывают семантические, синтаксические свойства каждой части речи,

а для менее типичных (непрототипических) единиц свойственны отдельные черты, традиционно характерные другим частям речи. К ним, например, относятся существительные, наделённые семантикой вещности; имеющие формы словоизменения, характерные для каждой грамматической категории (в русском языке – род, число, падеж); выполняющие одну из синтаксических функций, традиционных для существительного (подлежащее, предикатив, дополнение). Остальные же единицы, не соответствующие хотя бы одному прототипу, обречены находиться на периферии данной части речи (для русского языка это в основном морфологически неизменяемые слова типа *метро, какаду* и т. п.). Полевая стратификация категории позволяет признать части речи «нежесткой» системой, которая определяется наличием промежуточных форм; существованием переходов слов одной части речи в другую, а также нейтрализацией отдельных признаков в дискурсивных проявлениях.

Форма и функция. Закрепленность данных единиц в одном из классов может быть связана с формой, которая позволяет пренебречь их функцией, противоречащей форме, или регулярностью образования формы в каком-то одном классе слов, когда при этом также регулярно сохраняются основные грамматические признаки другого класса, ср. русск. *заправила, запевала, недотепа, кривляка, плакса, лапша, ворона* [19: 21-27]. Синкретизм подобных существительных отражает сложность мира вещей. Коммуникативные потребности носителей языка определили наличие единиц, совмещающих в себе признаки разных частей речи. За такими единицами закрепился термин «гибридные» [3: 511; 10: 254, 295, 304, 308], или “flexible” [54: 349].

Можем констатировать, что практически всё частеречное пространство современного английского языка носит гибридный характер. Сложность разрешения проблемы частеречной категоризации доказывается и тем, что даже в синтетических языках не все критерии традиционного подхода в достаточной степени релевантны, например, *хорошо* может в определённых высказываниях выступать как прилагательное или наречие, а *больной* – как существительное и прилагательное. Отметим также, что значительная часть неизменяемых слов служебных, относящихся к служебным частям речи, остается как бы вне категоризационного процесса.

Для современного же английского языка основные проблемы создаёт полифункциональность словарной единицы, которая без изменения своей морфологической структуры или ее частичной изменяемости может выступать в различных качествах, например, *I saw a round corner of the house (adj)*, *She made a round of toast (n)*, *all the year round (adv)*, *round the clock (prep)*, *Let’s make it round (v*). Очевидно следует признать, что категориальная омонимия в примерах типа *sleep (v :: n)* устанавливается не потому, что подобные слова рассматриваются на фоне пар, члены которых связаны отношением словообразовательной производности, но потому, что *sleep (n)* и *sleep (v)* обладают разным набором синтаксических признаков, т. е. входят в разные

синтаксические парадигмы, а также значительно различаются в семантическом, словообразовательном, валентностном и морфологическом аспектах (ср. [37: 76]). В любом случае, изолированная форма не может практически ничего сообщить о принадлежности английской словарной единицы к одной из частей речи. Лишь в изолированной позиции, к примеру, *still* может быть прилагательным, существительным и наречием, а конкретный языковой материал, связанный с ситуацией общения позволит определить не только лексико-грамматические характеристики исследуемой языковой единицы, но и найти ее место в системе частей речи. Приведённые выше примеры свидетельствуют, что вне речи слово выражает отвлеченное понятие, а актуализируясь. оно подчиняется действующим законам конкретного языка, отражая на себе все многообразие его строения. Следовательно, необходимо учитывать роль дискурсивного фактора, как делает Е. С. Кубрякова, рассматривая части речи с когнитивной точки зрения [24; 25]. Иными словами, речь идёт о соединении функционально-семантического и когнитивно-коммуникативного показателей языковой единицы в высказывании, что позволяет учесть окказиональное, т. е. речевое, употребление языковых единиц. Дискурс раскрывает их мобильную сущность в синтагматике. В этом смысле дискурс может быть охарактеризован как речевое произведение и как знаковое образование, план выражения которого включает, по крайней мере, два слоя: трансфрастический, реализующийся как упорядоченная и интегрированная в единое целое последовательность образующих ткань высказывания, синтаксис и семантика которых зависит от синтаксиса и семантики соположенных высказываний (реплик собеседников) и таксономический (см. [13; 38; 41; 57]). Речевой же аспект дискурса регулируется правилами межфразового синтаксиса, включающими прономинальную соотнесенность, форические связи, согласование времен, функциональную перспективу, пресуппозитивную зависимость и прочее, которые, допуская варьирование, относительно жестко обусловлены особенностями грамматического строя конкретного языка, характером дискурсивно-синтагматической зависимости того или иного элемента и ситуативными особенностями построения конкретного акта коммуникации. Иными словами, речь идет о функциональности любого коммуникативного акта (ср. [57: 43]), функциональных многообразиях речевой деятельности человека (ср. [56: 17]) и о влиянии коммуникативных контекстов на формирование дискурса [46]. В этом нам видится один из мощных стимулов к анализу поведения и, самое главное, развития языковой системы и ее классов. В то же время части речи как явление морфологического порядка дают именно ту парадигматическую сетку, которая извлекается из речевых, т. е. Синтагматических, структур и представлена в своей качественной неподвижности. С позиции анализа языковых единиц в рамках дискурса весомость критериев частеречной категоризации напрямую отражает потенции слов выражать динамику своего функционирования, а именно помогает раскрыть их содержательные возможности в процессе вербальной

объективации. Именно когнитивные и коммуникативные потребности носителей языка определили наличие единиц, совмещающих в себе признаки разных частей речи.

Семантика и синтагматика. Каждая сема в слове имеет право на синтагматическую реализацию в контексте посредством актуализации с соседними словами. Однако парадигматическое неравноправие сем находит отражение в синтагматике. Чем важнее данная сема для слова, тем больше у нее шансов быть реализованной в контексте [35: 87]. Данная реализация не всегда осуществляется по моделям, хранящимся в памяти носителя языка, т. е. по его коммуникативному опыту. Иными словами, разрушается своеобразная устойчивость словосочетания, привычность актуализации лексемой или сочетанием лексем, своих функционально-семантических характеристик в высказывании. «Оказывается психологически невозможным услышать или увидеть два слова вместе, не постаравшись сколько-нибудь связным образом их осмыслить» [35: 49]. Даже случайное соположение изначально не связанных друг с другом лексем провоцирует образование в сознании коммуникантов синтагматической цепочки, которая может быть легко воспроизведена в схожем контексте. Таким образом, как носителю английского языка, так и человеку, начинающему его изучать, приходится в структуре значения, основанного на языковом опыте, объединять собственно семантический и синтаксический компоненты.

Парадигматика и синтагматика. Поведение элементов языковой структуры в высказывании, ее сущность в аспектах парадигматики и синтагматики имеют также свои особенности. Если парадигматический аспект связан с выбором той или иной единицы из множества, способной занять данную синтаксическую позицию в высказывании, то синтагматический аспект, в свою очередь, также тесно связан с контекстом, но уже в плане взаимодействия со своим окружением в высказыванием. Таким образом, функциональный анализ языковых единиц в высказывании, хотя и представляет собой комплексное исследование, все же опирается на использование данных, поставляемых контекстом.

В структуре высказывания номинативные единицы способны занимать разные позиции в предикативных цепочках, иметь отличительную валентность, характеризоваться разной информативной нагрузкой, степенью автономности, обязательности. Все эти отличия тесно связаны с особенностями функционирования языковых единиц в высказывании и их семантики в конкретных речевых актах. Подобные изменения, хоть и не всегда отражаются в плане выражения единицы языка, обладают разными семантическими и лексико-грамматическими показателями: ср. *fast (adj.)* и *fast (adv.), daily (adj.)* и *daily (adv.)*. В них наиболее концентрировано проявляется грамматическая омонимия, фиксирующая различные лексико-грамматические показатели у единиц, обладающих аналогичной материальной оболочкой *alone (adj.)* и *alone (adv.), far (adj.)* и *far (adv.)*.

Функция номинативной единицы в высказывании сигнализирует о ее морфологической отнесенности, а взаимодействие с функциями соседних единиц, входящих в состав словарного состава языка, позволяет снять ее многозначность. Таким образом, функциональный подход способствует распознанию омонимичных единиц в высказываниях типа *He was quite alone* и *He belonged to her alone*. Слово способно актуализировать заложенные в нем потенциальные возможности только при определенных контекстуальных условиях. Следовательно, "классические" омонимы могут быть определены как совпадающие по форме и различающиеся по значению слова, не имеющие общего этимона. Они могут принадлежать как одной части речи (например, *mole (n) «крот» :: mole (n) «родинка»*), так и разным (*bear (v) "нести":: bear (n) «медведь»)*, отличаясь в этом случае своими знаковыми, семантическими и синтаксическими функциями.

Только в ходе своей реализации единицы языка могут обнаруживать потенции к актуализации новых характеристик, что собственно и способствует не только динамичности языковой системы, но и размываемости ее границ, а следовательно, и находящихся в ней классов.

В области частей речи прослеживаются полифункциональные и синкретичные явления. Представление о диффузности, т. е. нечетких границах частеречных категорий, варьируется в зависимости от контекста и от индивида. Диффузность категорий приводит к появлению «зоны синкретизма». В языке существуют лексические единицы, которые имеют признаки двух и более классов слов, но это не связано с развитием в них новых качеств и не отражает переходности как таковой. Речь идет об изменении их значений, функций и т. д. Синкретичные группы в системе частей речи характеризуются различными комбинациями признаков категоризации. В ходе выделения частей речи проявляются переходные звенья, объединяющие части речи в динамическую систему взаимодействующих единиц [5; 14].

Развивая данный подход, Е. П. Калечиц делает вывод о сопровождении вторичными значениями грамматических категорий, что создает вокруг последних своеобразный ореол, когда граница между первичными и вторичными значениями оказывается размытой. Тем самым, связи между вторичными и первичными единицами в частях речи, лексико-грамматических разрядах и грамматических категориях – это межкатегориальные связи. Все они имеют грамматическую природу, хотя в парадигматических отношениях могут проявляться по-разному [19: 6-8].

Проблема изменений в частеречном пространстве

Что же касается проблемы переходности в системе частей речи, мы склонны рассматривать данное явление как частный случай более обширного

явления – функциональной переориентации, т. е. непрототипической реализации языковой единицей своего потенциала, что приводит к изменениям ее лексической и грамматической валентности, а также частеречной принадлежности (см. подр. [30]).

В функционирующем языке состав частей речи не остается неизменным. В частях речи – основных классах слов в языке – изменения могут быть довольно многообразными. Изменения в категориальной семантике, которые сказываются на изменении сочетаемости слов, способствуют активности функционирования единиц, генетически относящихся к одной части речи, в качестве единицы другой части речи. Накопления подобного рода способствовали возникновению слов категории состояния, междометий, вспомогательных и модальных глаголов, служебных слов, артиклей в английском языке, большему количеству классов существительных, глаголов, наречий, прилагательных. Происходит реализация языковой единицей ее потенциальных функций, которые не проявлялись ранее. Подобная актуализация является результатом функциональной переориентации единицы в нетипичном окружении. Наиболее наглядно, на наш взгляд, данный процесс прослеживается на примере разноуровневых языковых единиц при удовлетворении функциональных потребностей высказывания. Весьма трудно также признать, что основу подобной трансформации составляет синтаксис, а уже затем подвергаются изменению морфологические показатели (ср. три ступени перехода частей речи: 1) синтаксический; 2) морфологический; 3) семантический [11: 20]).

Главным фактором, на наш взгляд, в данной ситуации выступает все же форма передачи информации реципиенту высказывания для адекватного понимания. Отметим также, что в современном английском языке лексические единицы характеризуются значительной позиционной подвижностью, что способствует семантико-синтаксическому варьированию в рамках реализации их функциональных потенций.

Именно поэтому теория интеграции частей речи Б. Е. Зернова [17: 48-50] представляется не вполне соответствующей языковой действительности. Более соответствует истине, по нашему мнению, позиция В. М. Никитевича, указавшего, что „стремление во всех случаях многофункциональности увидеть некий необратимый исторический процесс приводит к объединению под общей рубрикой „взаимоперехода" фактов подлинного перехода (например, в нареч. *навеки, вволю*, в прил. *неумолимый, будущий*) с употреблением лексемы в несобственной синтаксической функции, даже с окказиональным употреблением типа „*без всяких "но"*" [12: 178]. К примеру, *Всякий начинающий мемуарист обязан объяснить читателю, почему он стал "не могумолчальником* ("Комсомольская правда" 5/IX, 1997)*; The music wa-wa-was out, fifties-style, in a movie-title sequence that ends on a big, geitzy juke box* (D. Potter); *Faintly at first, or even mockingly, a familiar boo-wah-ba fifties pop-chorus*

begins (Ibid).

На резонный вопрос М. Ф. Лукина „Переход частей речи или их субституция?" [32] мы отвечаем: «Субституция, наблюдаемая на синхронном срезе развития языка». Функционирование в новом значении, т. е. нехарактерное для слова заполнение конкретной синтаксической позиции в высказывании скорее определяется фактами синтаксического употребления речи, а не языка. Таким образом, это – не переход, а качественно новое лексико-грамматическое явление, которое может быть квалифицировано как субституция, т.е. образование словами, относящимися к тем или иным частям речи, новых лексико-грамматических форм и относительно регулярное использование в качестве заместителей потенциальных словоформ других частей речи. В акте коммуникации мы имеем дело не со словом - лексемой в полном объеме его значений, а только с его отдельными словоформами, которые при субституции выступают исходными. В результате подобной субституции появляется вторичное (производное) значение, которое ведет к функциональной омонимии, допускающей различные степени ассимиляции.

О субституции, т. е. замене определенной окказиональной синтаксической позиции, в результате чего возникают синкретичные образования, свидетельствует реализация потенциальных характеристик, в частности, на материале междометий [16], модальных слов [21], частиц [39], предлогов [1]. К примеру, традиционный предлог *on* в заглавии статьи *Surrogancy not on* (Daily Express, 13/II, 1996) служит для замещения глагола; междометие *brouhaha* замещает позицию существительного в *We do not want a brouhaha, investigation, stones turned over* (J. Symons); целый ряд языковых единиц способен замещать традиционные прилагательные: *How was the James Joyce conference?* (J. Symons); *But its very nature the pop group has become an ever-changing symbol of today's throw-away culture /.../ gives their heroes a built-in odsolescence* (Daily Express, 13/II, 1996)*; groups of bachelor young men have always engaged in end-of-rites of passage ceremonies, all-male activities* (Ibid). Отметим, что даже отдельные глаголы способны на нерегулярное замещение позиции существительного*: How ecstasy can lie in wait to kill* (Daily Express, 13/II, 1996). Довольно велики возможности и промежуточных образований, принадлежащих к зоне «слово – словосочетание»: *Rent-a-mother on NHS* (Daily Express, 13/II, 1996) (замена позиции существительного) и *Doctors are planning the first rent-a-mother birth on the National Health Service* (Ibid) (замена позиции традиционного прилагательного).

Итак, современный английский язык – язык аналитического типа с элементами агглютинации и примыканием, а также отсутствием фузии на стыках морфем, что значительно расширяет возможности функции-потенции языковой единицы в высказывании, делает возможным использование одной и той же языковой формы в роли, несвойственной ей ранее. Именно поэтому английское слово в плане его понимания коммуникантами значительно больше зависит от его контекстного окружения, чем в языках преимущественно

синтетической структуры, и, следовательно, менее автономно в семантическом плане и более автономно в плане ономасиологическом в сопоставлении с такими языками, как, например, русский, украинский или белорусский. В результате этого зачастую бывает проблематично определить лингвистический статус тех или иных языковых единиц: *The sergeant had shrugged with a you-know-now-how-it-is expression* (R. M. Stern); *«Shall we consider this our first marital disagreement?» «Agreed», he said* (I. Shaw); *And if you feel you should be recomplished for your time, I daresay that could be managed* (J. Symons); *There is going to be one helluva row* (The Express, Jan. 12, 1997); *The conversation was typical Headfield chat, moving over such matters as the threat of a new road coming into the town as an accomplishment to a by-pass being built five miles away, the Alan Ayckbourn play on at the Margaret Thatcher* (J. Symons). Если к этому списку добавить выполнение отдельными полнозначными единицами функций неполнозначных слов (*owing Part I > owing conj.; provided Part II > provided Prep*), то станет ясной та определяющая роль, которую играет функциональный критерий, в структурировании системы единиц номинации современного английского языка.

Природа изменений в частеречном пространстве

Динамика языковой системы. Динамические процессы, происходящие в языке, приводят к тому, что реализация функций-потенций отдельных лексических единиц сопровождается постепенным отмиранием старого качества и накоплением нового, что делает возможным выполнение словом функций, несвойственных данной части речи. Новообразованные единицы совмещают в своей грамматической структуре (в грамматическом значении, морфологических и синтаксических свойствах) в той или иной степени признаки двух или более частей речи (см., напр., [19; 22; 29; 34]). Поэтому наиболее многочисленные случаи возникновения полифункциональных лексем свидетельствуют об их индивидуальной предрасположенности к выполнению тех или иных функций в высказывании, поскольку они обладают разной степенью наличия признаков конкретной части речи, становясь функциональными омонимами в рамках определенного контекста. Узуализация употребления языковой единицы в рамках определённого контекста способствует закреплению нехарактерного для неё ранее категориального значения, валентностных свойств и новой синтаксической функции.

У функциональных омонимов фиксируются свойства разных частей речи. Рассмотренное многообразие форм функциональной омонимии отражает действенность постоянного процесса обогащения языка и изменений в структуре его словарного состава. Синхронные же функциональные омонимы синкретичны по своей природе. Используемый нами подход доказывает, что

полифункциональность и синкретизм основаны на асимметрии языкового знака (ср. [15]), т. е. формально содержательной асимметрии языка и категорий, им порождаемых. Потенциальная способность одной лексической единицы выполнять несколько функций демонстрирует асимметрический характер языкового знака, проявляющийся в данном случае в несоответствии границ слова как в статике, так и в динамике. Иными словами, в языке могут сосуществовать разные единицы с одинаковым планом выражения, но существенно отличающиеся по своим знаковым характеристикам. Данное явление объясняется способностью языкового знака к асимметрии и находит свое отражение в функциональных особенностях системы современного английского языка. Подобные явления наблюдаются в функционировании как знаменательных частей речи [*pin (n, v), deep (adj, adv*)], так и внутри служебных частей речи [*over (adv, prep), in (n, prep, adj.)*], а также между знаменательными и служебными словами, модальными словами и междометиями [*rabbit (n, inter), must (n, mod v)*].

Кроме того, что одна языковая единица может выполнять целый ряд функций, возможен и обратный случай, когда одна функция реализуется элементами разных лексико-грамматических образований. Так, определение может быть представлено прилагательным (*a nice house*), инфинитивом (*the desire to work*), герундием (*the reason for coming there*), причастием (*the person wanted*), наречием (*the day before*), существительным (*Mr. White, our headmaster*), предложно-именной группой (*the life in Britain*).

Учитывая **гибкость системы** современного английского языка, подчеркнем возможность выполнения единицами, традиционно относящимися к одной части речи, синтаксических функций, присущих другим частям речи. Так, для существительного наиболее характерно выполнение синтаксических функций: подлежащего (*The book I was reading was this book I took out of the library* (J. Salinger)), дополнения (*they never had any chairs in their room* (J. Salinger), предикатива (*God knows frank was a real Casanova by this time* (E. Segal)); кроме того, им присуще выполнение не столь типичных функций, например, определения в *a stone wall, a speed limit,* обстоятельств в *in the park, without help, in summer* и т. д. Основной функцией прилагательного является определение (*Ted, if it'll help any in the existential dilemma, I want you to know that you've always got tenure with me* (E. Segal)*;* однако менее типично выполнение им функций предикатива (*All sensible people are selfish* (E. Segal)), подлежащего (для субстантивированных прилагательных). Традиционные числительные и местоимения способны занимать позиции, свойственные существительным и прилагательным (*If it could be ratified by two-thirds of the states, the equality of male and female would become the law of the land* (E. Segal); *My Harvard twenty-fifth Reunion is next month and I'm scared to death* (Ibid); *Dan's too young and clever to let himself get hooked so soon»* (Ibid)). Для наречий традиционно выполнение синтаксической функции обстоятельства, хотя в результате функциональной переориентации они способны заполнять и другие позиции.

Несмотря на то, что личные формы глагола замещают лишь позицию предиката, их отдельные элементы входят в состав составного глагольного сказуемого (*remained silent, began laughing* и т. п.), а неличные формы глагола довольно широко варьируют свои функции (от подлежащего и части составного сказуемого, до дополнения, определения и обстоятельства). Отметим существование случаев выполнения функций, присущих знаменательным частям речи, служебными словами (*«But» is a conjunction; Do not but; But there was always a but, wasn't there* (T.Clancy)*; In fact she didn't know for sure that it was a they doing it* (T.Clancy)).

Нетрадиционная синтаксическая функция языковой единицы в высказывании также может считаться контекстуальной. Подобная позиция основана на том, что в контексте возможно уточнить синтаксическую роль определенной единицы, лишенной особого морфологического оформления. Слова в современном английском предложении приобретают различные качества в зависимости от того, в каком синтаксическом построении и с какой функцией они выступают. На этом основании синтаксическая функция превращает синтаксический показатель слова в лексико-синтаксический, или просто в лексический. Отношения между соположенными словами в рамках „узкого" контекста усложняются, поскольку одни слова выполняют в высказывании свою основную функцию, другие же — нехарактерную.

Лексическая единица своеобразно „давит" на контекст по двум основным направлениям: 1) выбору лексической единицы в зависимости от ее семантических характеристик; 2) выбору семантической позиции слова в рамках контекста. Если первое из них особенно характерно для языков преимущественно синтетической структуры, то второе – наиболее типично для языков аналитического типа. В современном английском языке, таким образом, частеречные характеристики слова отодвигаются на второй план в контексте, а на передний план выдвигаются особенности функциональные, которые связаны с семантическими, морфолого-синтаксическими показателями.

Вопрос о синтактике слова как основной номинативной единицы в интересующем нас аспекте сводится к одной из магистральных в семантике проблем – соотношению между лексическим значением слова и его сочетаемостью, поскольку любая единица номинации в процессе порождения высказывания не является изолированной. Ее предметно-понятийное содержание требует для своей реализации определенной сочетаемости (узуальной – для нормативного воплощения и окказиональной – для переосмысленного). Кроме того, грамматическая валентность языковой единицы обусловливает строение всей конструкции.

Антропоцентрический фактор. В процессе номинации формируется лишь лексическое значение слова, его же грамматическое значение не всегда обусловлено. Мы безошибочно определяем, что причина возникновения единиц типа *to water, to face, to hand* и т. д. заложена в номинации исходных для них существительных, а их существование обусловлено производностью в

номинативном плане и характерной синтаксической функцией в высказывании.

Существует корреляция между различиями в значении слова и различиями в синтаксической конструкции, включающей данное слово. Мозг человека репрезентирует значение слова и проецирует его на грамматику [52].

В *Thoughts father ideas* понимание всего высказывания в целом зависит от понимания предиката. Иными словами, в контексте реализуются закрепленные в языке регулярные синтагматические связи слова, обуславливающие его функциональные особенности. Первостепенную роль контекста для выяснения значения слова в высказывании Э. М. Медникова [33: 46] видела в том, что контекст не показывает, а предопределяет семантику, грамматику и прагматику слова, которые в нем реализуются в комплексе. Парадигматические и синтагматические связи слова, не могут рассматриваться изолировано, поскольку весь комплекс его синтагматических отношений обуславливает его принадлежность к конкретной парадигме. Изучение и определение правил и возможностей функционирования слов в высказывании может в самом общем виде называться синтагматикой, хотя синтагматические свойства слова также являются его языковой характеристикой. Следовательно, функционируя в новом контексте, слово каждый раз раскрывает лишь некоторые из своих парадигматических признаков. Иначе говоря, в своих синтагматических связях слово реализуется и как парадигматическая единица.

В структуре же логического значения необходимо уделить внимание не только логике употребления конкретной языковой единицы, но и логике её употребления в данном контекстуальном окружении. Такая многообразная картина, бесспорно, приводит к повышению роли функционального и самого контекстуального аспектов значения слова.

В этой связи интересно проследить работу данного механизма с позиций слушающего. Высказывание *Cracking good story* (J. Symons) ставит перед ним проблему декодирования, т. к. опыт изучающих английский язык основывается, прежде всего, на словарных данных, а в конкретном случае они оказываются недостаточными. Позиция же в высказывании безошибочно указывает на выполнение искомым словом функции обстоятельства степени. Это позволяет актуализировать логическое значение его употребления, а широкий контекст помогает определить личное отношение говорящего, т. е. коннотацию, которую данное слово вносит. Знание всей ситуации общения даёт ключ к пониманию текстового и подтекстового значений. Итак, все они вместе позволяют слушателю/читателю безошибочно определить контекстуальное значение знакомой языковой единицы, которая употребляется в незнакомой функции.

Данный подход способствует распознаванию омонимов. Например, *crackers* в разных контекстах выполняет различные функции, следовательно, имеет разные семантические характеристики: *He's* <u>*crackers*</u> (H. Robbins); *Mary indicated the scotch pancakes and a plate of cream* <u>*crackers*</u> (J. Symons). В первом случае предикативная функция связывается с семантическим значением *сумасшедший*, а во втором – дополнение со значением *печенье* в форме

множественного числа.

Достаточно опоры на контекст при определении основных характеристик лексемы *off* либо как наречия, либо как предлога (функций, фиксируемых словарями), а также глагола *off* со значением *убить* и существительного *Off! – средство от комаров*. Такие случаи довольно многочислены в повседневной разговорной речи: *But there was always a but, wasn't there* (T. Clancy); *In fact she didn't know for sure, that it was a they doing it* и т. п.

Контекстуализированное (речевое) значение единицы номинации представляет собой актуализацию ее языкового значения в высказывании, т. е. конкретизацию его лексико-грамматических потенций. К примеру, лексически полноценные слова (*to have, to be, to do, can, shall, will, may, must*, и др.), которые, несмотря на свою лексическую полноценность в системе языка, по смысловому заданию высказывания могут выступать в служебной роли, которая заключается в том, что будучи полноценными сами по себе, взятые в пределах определенного контекста, они приобретают функциональное назначение уточнителя функции другого слова в высказывании. Такая служебная функция может обращать их в функциональные форманты, назначение которых проявляется в функции другого слова, не изменяющего свою ориентацию.

Подобно грамматическим категориям, которые носят объективный и субъективный характер, лексические средства делятся на объективные и субъективные (полнозначные и функциональные языковые знаки). Следовательно, для человека как мыслящего субъекта наряду с реальной действительностью существует идеальный мир (образы, понятия, представления), который отражает и обозначает реальность. Поэтому объективная природа языковой единицы, ее онтологический статус, заключается в репрезентации окружающего мира, выражении при помощи механизма ассоциативной связи двух сторон знака, определении понятий и их комбинаций.

На примере синтетических языков особенно заметно, что принадлежность трансформированной части речи к определенному морфологическому классу не изменяется. В результате этого возникает несоответствие между принадлежностью слова к морфологическому классу и его синтаксической функцией. Лексическое значение слова может определять как его синтаксическую функцию, так и степень способности к трансформации в другую часть речи. Чем более прочная связь между первичной синтаксической функцией и лексическим значением, тем стабильнее в таком случае значение первичных синтаксических функций и лексико-грамматические свойства как части речи [4: 39].

В современном английском языке, если исходить их этого подхода, синтаксическая функция является главным признаком принадлежности слова к какой-либо части речи при общем лексическом значении основы: *We equal our rights (v); Dress them equal (adv); He has no equal (n); We are on equal terms (adj).*

Синтаксическая функция английской языковой единицы определяет ее семантику.

В любом случае, главная задача высказывания – передача необходимого содержания. Единицы языка, кроме того, что несут значение, вступают также в парадигматические и синтагматические отношения между собой. Они ведут себя, как и подобает языковым знакам – двусторонним материально-идеальным сущностям. Более того, как показывает анализ истории английского языка, в ходе ее исторического развития изменяется не только набор классов, т. е. их основные категориальные особенности, но и грамматические качества. Важна также и связь синтаксических особенностей номинативной единицы с определенными категориями мышления. Однако она проявляется несколько по-другому, а именно – структура высказывания закладывается уже в мозге человека, т. е. наряду с построением смысловой цепи акта коммуникации, мы моделируем и их аранжировку, а также заполнение позиций, которые необходимы для передачи соответствующей информации говорящим.

Соответствующая модель, сформированная в ходе исторического развития языка, каждый раз наполняется новым индивидуальным содержанием. В ходе ее реализации, что является важной типологической чертой современного английского синтаксиса, ее наполняемость может существенно отличаться. Иными словами, одна и та же словоформа способна занимать различные позиции. Точное понимание функциональных особенностей номинативной единицы позволяет, таким образом, снять проблемы, связанные с закреплением за определенной единицей номинации некой синтаксической функции.

Если использовать диахронический подход к последствиям взаимодействия частеречных функций, то синкретичными следует признать имя числительное, местоимение, неличные формы глагола, слова категории состояния, которые возникли как следствие контактов единиц, относящихся к разным лексико-грамматическим классам. У ряда служебных слов «стертое» лексическое значение до сих пор влияет на их сочетаемость со знаменательными словами [49; 50].

Причины, приведшие к размытости частеречных критериев, Е. С. Кубрякова видит в том, что общие категории, составившие основу частей речи, были близки «физике мира» и совпадали с категориями натуральной логики познания мира. Затем же, в связи с развитием языков сами общие категории, будучи абстракциями речемыслительными, претерпели значительные изменения и лишились своей первоначальной однозначности [23: 26]. Отметим, что объективно асимметрия языкового знака, а также причины синтагматического и парадигматического характера создают трудности в ходе частеречной категоризации. Если парадигматический аспект связан с выбором той или иной единицы, способной занять некую синтаксическую позицию в высказывании, то синтагматический – также тесно связан с контекстом, но уже в плане взаимодействия со своим окружением в дискурсе. Таким образом,

открываются широкие возможности для перекатегоризации языкового знака, т. е. придания ему нового статуса как в рамках частеречной категории в целом, так и в плане узуализации его морфологических и синтаксических особенностей. Если отмечается тенденция к упрощению словоизменений, в частности, сокращению количества словоформ, с последующим редуцированием состава морфологических категорий, что сопровождается актуализацией потенциальных синтаксических функций в высказывании и изменением категориальной семантики, то мы вправе говорить о развитии аналитизма в языке, как зафиксировано в ходе развития современного английского языка.

Выводы

Реализация языковым знаком своей нетипичной (хоть и потенциальной) функции в коммуникативном акте способна существенно повлиять на такие его стороны, как синтаксическую (т. е. изменить отношения между знаками в процессе речепроизводства), семантическую (т. е. изменить отношения между знаком, сигнификатом и конкретным референтом), прагматическую (т. е. способствовать свежести восприятия адресатом интенции адресанта, а также интенсификации перлокутивного эффекта путём введения в коммуникативный акт языковой единицы, ранее употреблявшейся в другой функции).

Подводя итоги, отметим, что перекатегоризация языкового знака тесно связана с явлением функциональной переориентации и ее форм (грамматикализации и лексикализации), что непосредственно ведёт к развитию диффузности, синкретизма и функциональной омонимии языковых единиц. В этих условиях по-новому начинает работать когнитивный механизм категоризации языковых единиц как частей речи, особенно в плане отхода от обозначения естественных категорий, индивид уделяет больше внимания формализации речевых данных, в частности, дискурсивных особенностей их объективации. Рассмотренные явления в системе частей речи отражают противоречивость процессов познания и номинации объектов и явлений окружающего мира. Проведенный анализ языковых данных доказывает, что части речи являются важным способом категоризации мира. Они позволяют нам дифференцировать предметы, явления, действия, состояния, признаки и отношения между ними. Части речи выступают языковой категорией, отражающей наши понятия, суждения и умозаключения о нас и о мире, в котором мы живём.

Все пространство частеречной вербальной сети занимает мир человека, его языковая картина мира. Тем самым, части речи как дискурсивно-когнитивные образования в современном английском языке способны относительно свободно функционировать в дискурсе.

В заключение отметим, что части речи имеют тройную связь – с языком, мышлением и объективным миром, интегрируя гносеологические концепции языка с онтологическими. Включение номинативной единицы в состав некой

части речи предполагает учёт её категориальных характеристик и возможной дискурсивной реализации. Последнее связано с лингвокреативной деятельностью человека в результате его взаимодействия с внешним миром, что отражает сложность процессов категоризации, концептуализации и номинации. Развитие мышления, отражённое в креативности индивида, способствует возникновению новых единиц языка и новых контекстов употребления узуально закрепленных образований.

Решение проблем частеречного пространства возможно только на основе изучения взаимодействия процессов мышления и сознания с объективным миром и языком как средством человеческого общения. Проблема частей речи выявляет роль языка в отражении мира, высвечивая, с одной стороны, мыслительную и коммуникативную деятельность человека, а, с другой, маркируя цивилизационные, этнокультурные и социальные особенности его жизни в обществе.

Литература

1. Алиева В. Н., Сидоренко И. Я. Эмиграционная трансформация наречий как один из способов пополнения предлогов в русском языке // Функциональная лингвистика. Принципы организации текста. – Симферополь: CLC, 1996. – С. 3-5.

2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений (оценка, событие, факт). – М.: Наука, 1988. – 341 с.

3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.

4. Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1989. – 159 с.

5. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.

6. Болдырев Н. Н. Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики. Семантика инвариативности / вариативность. – СПб: Наука, 2003. – С. 54-74.

7. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

8. Бондарко А. В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Семантика инвариативности / вариативность. – СПб: Наука, 2003. – С. 5-36.

9. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 1994. – 381 с.

10. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

11. Вихованець І. Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті. –

К.: Наукова думка, 1988. – 256 с.

12. Вопросы теории частей речи (на материале языков разных типов) / Отв. ред. В. М. Жирмунский, О. П. Суник. – Л.: Наука, 1968. – 343 с.

13. Воробьева О. П. Текстовые категории и фактор адресата. – К.: Выща школа, 1993. – 200 с.

14. Высоцкая И. В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. – М.: МПГУ, 2006. – 304 с.

15. Гак В. Г. Грамматика и тип словаря // Слово в грамматике и словаре. – М.: Наука, 1984. – С. 42-50.

16. Григорян А. А. Междометия в системе частей речи английского языка (аспекты взаимодействия классов): Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1988. – 16 с.

17. Зернов Б. Е. Взаимодействие частей речи в английском языке (статико-динамический аспект). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 126 с.

18. Ирисханова О. К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. – М. – Калуга: ИП Кошелев А. Б., 2007. – С. 69-80.

19. Калечиц Е. П. Взаимодействие слов в системе частей речи (межкатегориальные связи). – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. – 160 с.

20. Караулов Ю. Н. Ассоциативные поля и активная грамматика // Функциональная семантика (язык, семиотика знаковых систем и методы их изучения). – М., 1997. – Ч. I. – С. 18-20.

21. Князева Н. Л. Модальные слова в системе частей речи современного английского языка (аспекты взаимодействия классов слов): Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Санкт-Петербургск. гос. ун-т. – СПб, 1993. – 15 с.

22. Козлова Л. А. Проблема функционального сближения частей речи в современном английском языке. – Барнаул: Изд. БГПУ, 1997. – 200 с.

23. Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. – М.: Наука, 1978. – 115 с.

24. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М. – Тамбов: ИЯ РАН; Изд-во ТГУ, 1997. – 327 с.

25. Кубрякова Е. С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

26. Кубрякова Е. С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2006. – Т. 65, № 2. – С. 3-13.

27. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. Опыт систематизированного описания. – М.: Международные отношения, 1972. – 288 с.

28. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12-51.

29. Левицкий А. Э. Функциональные подходы к классификации единиц современного английского языка. – К.: АСА, 1998. – 362 с.

30. Левицкий А. Э. Функциональная переориентация номинативных единиц современного английского языка. – Житомир: Редакционно-издательский отдел ЖГПУ, 2001. – 168 с.

31. Лиепинь Э. К. Категориальные ориентации познания. – Рига: Зинатне, 1986. – 210 с.

32. Лукин М. Ф. Переход частей речи или их субституция? // Филологические науки. – 1982. – №2. – С. 78-80.

33. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. – М.: Высшая школа, 1974. – 202 с.

34. Муругова Е. В. Взаимодействие частей речи и способов их образования в лингвокреативной деятельности человека. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ АПСН, 2007. – 460 с.

35. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. – СПб.: Изд-во СПбУ, 1994. – 228 с.

36. Общее языкознание. Структура языка. Типология языков и лингвистика универсалий / Под ред. А. Е. Супруна. – Минск: Вышэйшая школа, 1995. – 336 с.

37. Панфилов В. С. О разных подходах к выделению частей речи // Вопросы языкознания. – 1990. – №5. – С. 74-89.

38. Петров В. В. Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний // Вопросы языкознания. – 1990. – №6. – С. 102-109.

39. Рассоха М. Н. Становление разряда частиц в английском языке (диахроническое исследование): Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1982. – 20 с.

40. Рахилина Е. В. Основные идеи когнитивной семантики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 370 – 389.

41. Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

42. Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – 207 с.

43. Backer, de M. Lexical Neutralisation: a case of lexical opposition ‘day / night’ // Language Sciences. – 2010. – Vol. 32, № 5. – P. 545-562.

44. Barsalou L. W., Huttenlocher J., Lamberts K. Basing Categorization on Individuals and Events // Cognitive Psychology. — 1998. — Vol. 36, № 3. – P. 203-272.

45. Bloomquist J. Lying, Cheating, and Stealing: A study of categorical misdeeds // Journal of Pragmatics. – 2010. – Vol. 42, № 6. – P. 1595-1605.

46. Bucciarelli M. Proffering a Discourse in Different Communicative Contexts // Journal of Pragmatics. – 2010. – Vol. 42, № 5. – P. 1311-1320.

47. Colcombe S. J., Wyer R. S., Jr. The Role of Prototypes in the Mental Representation of Temporally Related Events // Cognitive Psychology. – 2002. – Vol. 44, №1. – P. 67-103.

48. Gershkoff-Stowe L., Goldin-Medow S. Is There a Natural Order for Exploring Semantic Relations // Cognitive Psychology. – 2002. – Vol. 5, № 3. – P. 375-412.

49. Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. Grammaticalization: A Conceptual Framework. – Chicago: University of Chicago Press, 1991. – 318 p.

50. Hopper P. J., Traugott E. C. Grammaticalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 256 p.

51. Housley W., Fitzgerald R. Membership Categorization, Culture and Norms in Action // Discourse & Society. – 2009. – Vol. 20, № 3. – P. 345-362.

52. Jackendoff R. S. Patterns in the Mind. Language and Human Nature. – N. Y.: Basic Books, 1994. – 246 p.

53. Langacker R. W. Concept, Image and Symbol: The cognitive basis of grammar. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1990. – 395 p.

54. Luuk E. Nouns, Verbs and Flexibles: implications for typologies of word classes // Language Sciences. – 2010. – Vol.32, № 3. – P. 349-365.

55. Medin D. L., Heit E. Categorization // Cognitive Science. – San Diego, Calif.: Academic, 1999. – P. 99-144.

56. Neubert A. Text and Translation. – Leipzig: VEB – Verlag Enzyclopädie, 1985. – 168 S.

57. Norlyk B. Communicative Culture in Small to Medium-sized Companies // Functional Communication Quality. – Amstredam: Rodopi, 1994. – P. 42-53.

58. Rehder B. Categorization as Causal Reasoning // Cognitive Science. – 2003. – Vol. 27, № 5. – P. 709-748.

59. Rosch E. Principles of Categorization // Cognition & Categorization. — Hillsdale, N. J.: L. Erlbaum Associates, 1978. – P. 27-48.

60. Rumelhart D. E., Norman D. A. Accretion, Tuning, and Restructuring // Semantic Factors in Cognition. – Hillsdale, N. J.: L. Erlbaum, 1978. – P. 37-54.

61. Sloutsky V. From Perceptual Categories to Concepts: What develops? // Cognitive Science. – 2010. – Vol. 34, № 7. – P. 1244-1286.

62. Smith E. E., Balzano G. J., Walker J. Nominal, Perceptual, and Semantic Codes in Picture Categorization // Semantic Factors in Cognition. – Hillsdale, N. J.: L. Erlbaum Associates, 1978. – P. 137-168.

63. Sobel C. P. The Cognitive Sciences: An Interdisciplinary Approach. – L.: Mayfield Publishing Co., 2001. – 327 p.

64. Zelinsky-Wibbelt C. Discourse and Continuity of Reference. Representing Mental Categorization. – B., N. Y.: Mouton de Gryuter, 2000. – 354 p.

2.2. НОМИНАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО “ИГРОВОЙ ВИД СПОРТА” (на материале английского языка)

И.В. Недайнова

Создание и развитие любого нового вида человеческой деятельности неизбежно влечет за собой необходимость наречения составляющих эту деятельность компонентов определенными именами. В каждом новом процессе жизнедеятельности создаются новые концепты, которых ранее не существовало, и, как следствие, отсутствовали и слова, их называющие. Поскольку неназванными понятиями оперировать трудно, всякая новая деятельность сопровождается процессом образования новых лексических средств. Для осуществления своей основной – коммуникативной – функции, новые лексические средства должны найти свое место в системе языка, в котором они появляются и превратиться из “неизвестного в известное” [19: 72]. Обращение фактов внеязыковой действительности в достояние системы и структуры языка происходит с помощью номинативной техники, которая имеет в своем арсенале целый ряд механизмов, помогающих превращать эти факты в значимые языковые единицы (слова, формы и предложения), а также адаптировать появившиеся новые концепты к конкретным коммуникативным данным.

Анализируя лексические средства номинации игровых видов спорта в современном английском языке, мы имеем дело с той частью общественно-полезной информации, которая в когнитивном аспекте изучения языка дает нам возможность рассматривать отобранный лексический материал как элементы понятийных структур, классифицирующих объекты действительности соответственно представлениям, сложившимся в определенной языковой культуре. Однако, для того, чтобы информация была понятной, лексическая единица должна участвовать в построении определенной языковой парадигмы, с помощью которой хранятся и передаются знания, то есть, любая лексическая единица должна занимать определенную позицию в номинативном пространстве, в котором она проявляется в своей функции.

Функционально-семантические основы организации номинативного пространства “Игровой вид спорта” в современном английском языке

Рассматривая функционально-семантические основы организации номинативного пространства “Игровой вид спорта” в современном английском языке, мы подразумеваем некую экстралингвистическую область, с которой соотносится анализируемый нами материал и внутри которой наблюдается определенная упорядоченность элементов.

В силу того, что в отличие от слов общей лексики специальный вокабуляр, как правило, понятен лишь лицам, интересующимся или занимающимся деятельностью в той же области, то к специальной лексике в

полной мере приложимо понятие поля, разработанное немецким лингвистом Й. Триром, утверждающим, что вне своего поля специальная лексика остается либо совсем непонятной, либо употребляется в ином значении и имеет иную валентность, иные системные связи [37: 39]. Такие лексические единицы возникают в особом акте номинации: индивидуальное имя любого нового объекта или понятия создается специально для него, независимо от того, используется ли при этом слово уже существовавшее в языке или придумывается совершенно новое. Иногда анализ лексических значений элементов, входящих в слово, не дает достаточно точного знания о понятии, а максимально приближенным словесным истолкованием того или иного понятия служит его дефиниция – попытка объяснить это понятие с помощью других слов. При этом специальная лексика характеризуется изначально заданной слову семантикой. Сама же лексическая единица иногда совершенно условно связывается с понятием, ею обозначаемым. Иными словами, для того, чтобы быть понятными, лексические средства, номинирующие в английском языке понятия игровых видов спорта, должны быть организованы в определенное поле, доминантой которого будет его экстралингвистическая направленность, в соответствии с чем и организуются рассматриваемые языковые средства. Так, для людей, далеких от сферы рассматриваемых нами игровых видов спорта – футбола, крикета и бриджа – вряд ли будут понятны спортивные термины *injury time, foot trap, sudden death, banana kick* (футбол); *agricultural shot, good length, finger spin*, *chinaman* (крикет); *jump raise, revoke, overcall, void* (бридж). Приведенные выше примеры объяснимы только при помощи дефиниций:

injury time – time added to the end of any period according to the referee's judgement of time lost due to player injuries or intentional stalling by a team;

foot trap – a player's use of the bottom or sides of his shoe to control a rolling or low-bouncing ball;

sudden death – a type of overtime where the first goal scored by a team ends the game and gives that team the victory;

banana kick – a type of kick that gives the ball a curved trajectory;

agricultural shot – a batting strike which is anything other that standard [48; 50; 56];

good length – a bowling delivery that pitches in such a position that it will confuse the batsman as to whether the ball should be played off the front or back foot;

finger spin – a method used by a bowler to deliver a ball which will spin off the surface of a pitch;

chinaman – a delivery by a left arm spinner which to a right hand batsman appears as if it will spin from off to leg, however, spins in the opposite direction [47; 55; 60];

jump raise – to bid partner's suit at a higher level than necessary*;*

revoke – to fail to follow suit when you actually hold one or more cards in the

suit led;

overcall – a bid made after an opponent has opened the bidding;

void – to have none of a suit in your hand [51; 54; 61].

Таким образом, полем для единиц, составляющих понятие “Игровой вид спорта” в современном английском языке, есть система понятий, к которой принадлежит каждый из конституентов, строящий определенную семантическую парадигму того или иного уровня. С точки зрения функционального аспекта в полевой организации анализируемой нами лексики, выделяются слова и словосочетания, как денотаты, варьирующие понятийные связи слов в рамках упорядоченной полевой системы. В данном случае их системность выражается в подаче дефиниций, которые объясняют какое-либо понятие с помощью смежных слов сферы игровых видов спорта.

Структура функционально-семантического поля “Игровой вид спорта” в современном английском языке

Система фреймового моделирования позволяет представлять любую сферу жизнедеятельности человека в рамках определенных структур. Поэтому, руководствуясь принципами этой системы, мы можем рассматривать всю человеческую жизнь как совокупность различных моделей деятельностей, сменяющих друг друга. Фреймовая схема этих видов человеческой активности по большому счету одинакова для большинства людей, например, биография может представляться следующей схемой: рождение – школа – трудовая деятельность – создание семьи – пенсия – смерть. Наполняемость же этих звеньев индивидуальна у каждого человека, поскольку отражает его конкретный жизненный опыт, особый вид деятельности. Приноравливаясь к этим ситуациям, мы создаем внутри них особые схемы поведения, которые являются принципиально новыми [13: 96].

Реализация этих схем в коммуникативной ситуации происходит в тесном контакте с языковыми процессами, и вполне приемлемым, на наш взгляд, выглядит представление лексики исследуемых нами игровых видов спорта в виде определенной структуры, отражающей огромную, сложную сеть лексических единиц внутри некой логической модели. Иначе говоря, мы попытаемся представить организацию лексики рассматриваемых нами игровых видов спорта в рамках концептуального фрейма, и внутри его выстроить определенные функционально-семантические поля, в которых прототипические характеристики их составляющих работают на упрощение процесса когнитивной обработки поступающей информации.

Для решения данной проблемы среди лексических единиц, номинирующих футбол, крикет и бридж, мы попытались выявить случаи, в которых исследуемая единица имеет общие черты с когнитивным прототипом, то есть ориентирована на способы языковой категоризации предметов мира и может вписаться в семантическую структуру понятия. Согласно этим

критериям фрейм концепта “Игровой вид спорта” имеет в английском языке следующий вид:

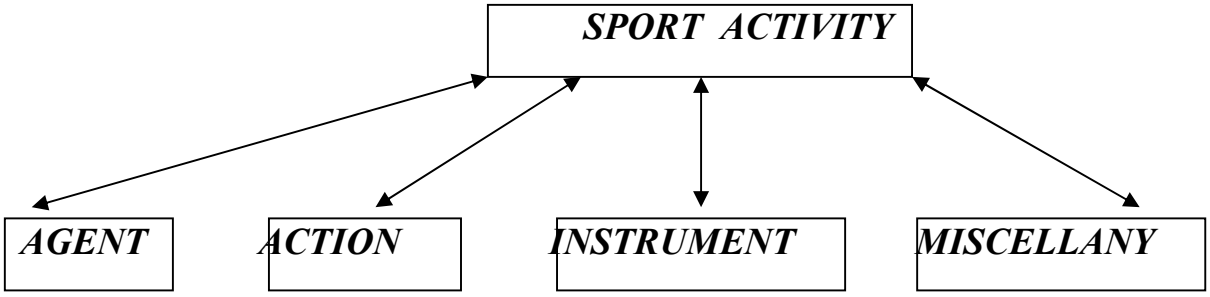

Рис. 1. Фрейм концепта “Игровой вид спорта”

Такая модель дает возможность любому вовлеченному в ту или иную игровую область человеку иметь более быстрый способ выстроить или распознать лексическую единицу, используемую при коммуникации, стать более профессиональным адресатом или информантом в контексте спортивного действия.

В представленной фреймовой модели лексемы “игровой вид спорта” и примерах, поданных ниже, четыре выделенных концептуальных звена понимаются таким образом:

1. AGENT – агент игрового действия, принимающий активное или пассивное типичное для данного вида спорта участие в игре (игроки, судьи, зрители), напр., attacking midfielder – *the most forward-playing midfielder, playing right behind the forwards;* dribbler – *a player who advances the ball while controlling it with his feet;* four-two-four – *a formation that consists of 4 defenders, 2 midfielders and 4 forwards* (в футболе) [50; 56; 57], back up – *the batsman at the bowling end who leaves his crease after the bowler has released the ball in preparation for making a run;* fieldsman – *a player strategically placed within the field of play with the object of stopping the batting team from scoring runs;* quickie – *a bowler of fast pace* (в крикете) [47; 55; 60], opener – *the player who makes the opening bid;* dummy - *declarer’s partner, who doesn’t participate in a play;* responder – *the player who makes response bidding* (в бридже) [51; 54; 59];

2. ACTION – типичное (нетипичное) действие участника игровой ситуации, напр., bicycle kick – *when a player kicks the ball in mid-air backwards and over his own head, usually making contact above waist level;* chip pass – *a pass lofted into the air from a player to a teammate;* shielding – *a technique used by a ball carrier to protect the ball from a defender closely marking him* (в футболе) [50; 56; 57], beamer – *a bowling delivery aimed at the head of the batsman;* full blooded – *a batting stroke played with the full physical power of the batsman;* toss – *the toss of a coin which is used to determine whether a particular team will initially bat or bowl to open a match* (в крикете) [47; 55; 60], discard – *to play a non-trump card when you cannot follow to the suit led;* overcall – *making a bid after an opponent has opened*

the bidding; revoke – *to fail to follow suit when you actually hold one or more cards in the suit led* (в бридже) [51; 54; 59];

3. INSTRUMENT – средства, с помощью которых производится типичное спортивное действие, либо оборудование, необходимое для реализации спортивной ситуации: goal posts – *the two vertical beams located 24 feet apart which extend 8 feet high to form the sides of a goal and support the crossbar;* cleats – *the metal, plastic or rubber points in the bottom of a soccer shoe used to provide a player with traction;* yellow card – *a playing card-sized card that a referee holds up to warn a player for dangerous or unsportsmanlike behavior* (в футболе) [50; 57], armguard – *protective padding located on the batsman's front forearm;* pad – *a protective device used to protect the legs of both batsmen and wicketkeepers from being struck by the ball;* sightscreen – *a screen placed near the boundary behind the line of the bowlers arm in order to aid the batsman's sighting of the ball when bowled* (в крикете) [47; 55; 60], honors – *Ace, King, Queen, Jack (and sometimes Ten);* singleton – *a one-card suit;* doubleton – *a two-card suit* (в бридже) [51; 54; 59];

4. MISCELLANY – любой другой термин, не имеющий своей категориальной группы и несоответствующий по своим семантическим признакам трем группам, описанным выше, например: advantages – *situations where a team has possession of the ball and outnumbers the opposition near the opposing goal;* draw - *a game that ends with a tied score;* overtime – *the extra periods played after a regulation game ends tie* (в футболе) [50; 56; 57], aggregate – *refers to the total number of runs made, catches taken or dismissals completed by a player during a season or career;* century - *one hundred runs scored by a single batsman in a single innings;* session – *refers to a period of play during a cricket match* (в крикете) [47; 55; 60], auction – *the entire round of bidding on a deal;* penalty - *a score given to the defenders when a declarer fails to make his contract;* not vulnerable – *having no game in the rubber* (в бридже) [51; 54; 59].

Значущие элементы концепта "Игровой вид спорта" (ИВС) – "агент игрового действия", "действие участника игровой ситуации", "средства для реализации игрового действия" и не имеющий своей категориальной группы спортивный термин игр в футбол, крикет и бридж – позволяют нам представить образ-схему лексической реализации понятия, которая построена на определении места лексических средств (ЛС), выражающих эти элементы, в организации единиц языка и основана на лексическом значении этих средств, в следующем виде:

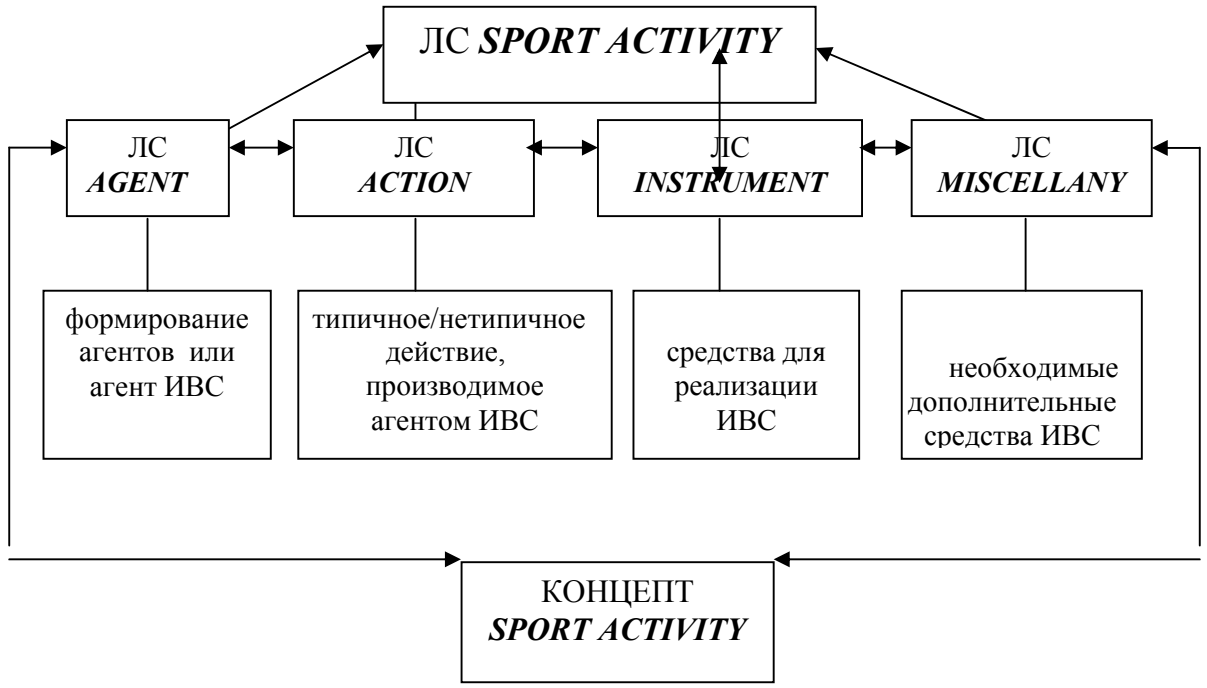

Рис. 2. Семантическая структура лексемы “Игровой вид спорта” в современном английском языке

Представленное деление анализируемого лексического глоссария игровых видов спорта – футбола, крикета и бриджа – позволяет выделить центральные элементы в организации лексической структуры рассматриваемого концепта и считать их своего рода основными категориальными группами внутри самого понятия “Игровой вид спорта”, где лексические единицы выстраивают свои парадигмы на основе той семантической роли, которую участники, оперирующие ими, или реалии, которые ими названы, играют в типичной игровой ситуации (либо в контексте, описывающем эту ситуацию).

Лексика первых трех групп – AGENT, ACTION, INSTRUMENT – внутри своей категории объединяется общим фрагментом действительности, который она описывает в рамках той или иной игровой ситуации. Последняя четвертая группа – MISCELLANY – не может быть описана категориально, поскольку она определяет понятия, необъединенные общим семантическим признаком и описывающие фрагментарно возникающие в том или другом виде спорта ситуации.

Имея повышенную денотативную направленность и будучи созданной для именования специальных денотатов специальная лексика продвинута в своем развитии по сравнению с общей лексикой и утрачивает связь с традиционными денотатами и не может быть понята вне связи с новыми

специальными денотатами [15].

Структурируя функционально-семантическое поле анализируемого вида спорта раскладываем рассмотренные выше главные концептуальные звенья (категориальные группы) на более узкие составляющие, облегчающие ориентацию вовлеченных в игровую ситуацию участников. Внутри категориальных групп мы определяем тот общий семантический компонент функционального значения лексической единицы, который обладает более специфическим дескриптивным потенциалом и дает возможность детализировать описываемый денотат.

При анализе лексического материала британских видов спорта, включающих футбол, крикет и бридж, в звеньях концепта "Игровой вид спорта", мы установили следующие узуальные семантические компоненты:

1. В концепте "AGENT": **AGENT 1 – experiencer –** агент, производящий действие, например, в футболе [48; 49; 50; 52; 56; 56]: starter – *a player who is on the field to play at the start of a game;* stopper – *the defender that marks the best scorer on the attacking team, often the opposition's striker;* two-way midfielder – *the versatile midfielder most responsible for organizing play in the midfield area;* в крикете [47; 55; 58; 60]: attack – *the variety of available bowlers at the disposal of the fielding captain;* bowler – *a player who primarily excels at delivering a ball or a player in the process of delivering the ball;* groundsman – *the person who prepares and maintains the pitch and playing field;* в бридже [51; 53; 54; 59; 61]: defenders – *opponents of declarer;* hand – *one of the players;* opponent – *a player of the opponent part*) и **AGENT 2 – possessor** – агент, обладающий (или не обладающий) необходимым для реализации спортивного акта снаряжением, полномочиями или условиями, например, в футболе [48; 49; 50; 52; 56; 57]: attacker – *any player on the team that has possession of the ball;* defenders – *the players on the team that does not have possession of the ball;* on offense - *a team in possession of the ball*; в крикете [47; 55; 58; 60]: arm **–** *the accuracy and strength of a fielder who is very good at returning a ball from the outfield;* good eye – *the ability of a batsman to assess and sight a delivery much quicker than would normally occur;* skipper **–** *the Captain of a cricket team;* в бридже [51; 53; 54; 59; 61]: balanced hand **–** *having no void or singleton suits and (usually) no more than one doubleton;* leader **–** *the opening leader who has the card that starts the first trick*; RHO – *right-hand positioned opponent*. Все лексические единицы групп **AGENT 1** и **AGENT 2** объединены общей категориальной семой «агент игрового действия», а выделение дифференцирующих сем «деятельность агента» и «принадлежность агенту» позволило нам определить внутри представленной структуры две вышеупомянутые группы лексико-семантического поля "AGENT".

2. Концепт "ACTION", внутри которого лексические единицы обладают интегрирующей семой "типичное/нетипичное действие", мы делим на три группы согласно дифференцирующим семам: ***ACTION 1 – manner –*** **"**манера действия: в футболе [48; 49; 50; 52; 56; 57]: header – *the striking of a ball in the air by a player's head;* instep drive – *a straight shot taken with the instep of a player's*

foot; tackling – *the act of taking the ball away from a player by kicking or stopping it with one's feet;* в крикете [47; 55; 58; 60]: back foot – *refers to the movement of the batsman who has placed his center of gravity onto the back foot*; lofted shot – *a delivery struck in such a way it travels high in the air for some distance*; sitter – *refers to a catch that would under normal circumstances to be very easy*; в бридже [51; 53; 54; 59; 61]: double – *to make a special bid that can be made only over an opponent's bid*; notrump – *to play a contract without a trump suit when the highest card of the suit led wins the trick;* pass-out – *a deal where all four players pass and the hand is redeal*, ***ACTION 2 – goal –*** "цель действия": в футболе [48; 49; 50; 52; 56; 57]: overlap – *when a winger moves away from the sideline towards the center of the field to create space for a teammate to advance the ball undefended along the side of the field*; passing – *when a player kicks the ball to his teammate trying to move the ball closer to the opposing goal;* shot – *a ball kicked or headed by a player at the opponent's net in an attempt to score a goal*; в крикете [47; 55; 58; 60]: cover drive – *an attacking batting stroke directed towards the covers areas or protective covering placed over the pitch during adverse weather conditions*; bouncer – *a bowling delivery of fast pace and pitched short with the purpose of rising to around chest height when arriving at the batsman*; walk **–** *the physical acting of walking away from the stumps used by a batsman to indicate his acceptance of a dismissal without waiting for the decision of an umpire*; в бридже [51; 53; 54; 59; 61]: finesse – *making an attempt to trap an opponent's high card in a suit and thus avoid losing a trick to it;* single (or simple) raise – *to bid partner's suit at the lowest level;* jump raise – *to bid partner's suit at a higher level than necessary* и ***ACTION 3 – position*** – "позиция действия": в футболе [48; 49; 50; 52; 56; 57]: penalty shot – *a kick taken from the penalty spot by a player against the opposing goalie without any players closer than 10 yards*; throw-in – *a type of restart where a player throws the ball from behind his head with two hands while standing with both feet on the ground behind a sideline*; zone – *a type of defense that assigns each defender to a particular area in front of or around his team's goal in which he is responsible for marking any attacker that enters;* в крикете [47; 55; 58; 60]: block – *the position taken by the batsman when waiting for a ball to be bowled*; infield – *the grouping of fieldsmen normally placed with 30-40 metres of the batsman*; plumb – *when a batsman is standing directly in the line of the stumps;* в бридже [51; 53; 54; 59; 61]: lead through – *to play from the right of*; lead up to – *to play from the left of.*

3. В концепте INSTRUMENT с интегрирующей семой "средства для проведения игрового действия", лексические единицы объединены в две группы по наличию дифференцирующих сем, а именно: "местоположение игрового средства" **–** ***INSTRUMENT 1 – location***: в футболе [48; 49; 50; 52; 56; 57]: corner arc **–** *a quarter-circle with a radius of 1 yard located at each of the 4 corners of the field;* goal line (or end line) – *the field boundary running along its width at each end;* territory – *the half of the field which a team defends;* в крикете [47; 55; 58; 60]: bowling crease – *the line which runs directly through the area at the base of the stumps and for 48 inches either side and bounded by the return*

crease; length – *used to describe the part of the pitch where the ball either struck or would have struck prior to reaching the batsman*; outfield – *the part of the playing surface of the arena closest to the boundary;* в бридже [51; 53; 54; 59; 61]: table – *the board on which the bridge game is played*) и "средство для реализации игрового действия" – ***INSTRUMENT 2 – source***: в футболе [48; 49; 50; 52; 56; 57]: crossbar – *the horizontal beam that forms the top of a goal and sits on top of the two posts*; red card – *a plying card-sized card that a referee holds up to signal a player's removal from the game*; shinguards – *pads that strap onto a player's lower leg to protect the shins should he or she be kicked there*; в крикете [47; 55; 58; 60]: bowling machine – *a mechanical device used to deliver the ball to a batsman;* flannels – *the white clothing worn by a cricketer*; toe – *the very bottom edge of the bat*; в бридже [51; 53; 54; 59; 61]: cuebid – *an artificial, strength showing bid of an opponents suit*; controls – *holdings that will take the first or second trick of a suit is led*; deck – *the collection of fifty-two cards, four suits of thirteen cards each, used in bridge.*

4. Концепт MISCELLANY вызывает особый интерес, поскольку в него включены единицы, не объединенные категориально в силу того, что данная лексика описывает понятия, возникающие фрагментами в том или ином из анализируемых видов спорта и не обладает признаками категориальности, хотя наличие общих семантем прослеживается по следующим компонентам: ***MISCELLANY 1*** – ***time*** – "время протекания игрового действия": в футболе [48; 49; 50; 52; 56; 53]: injury time – *time added to the end of any period according to the referee's judgement of time lost due to player injuries or intentional stalling by a team;* periods – *the segments of time into which a game is divided*; regulation game – *two completed periods of a game, prior to any overtime or tiebreaker*; в крикете [47; 55; 58; 60]: drinks – *a refreshment break during a session of play where fluids are brought onto the ground*; innings – *the period of time spent batting by a team or an individual*; test – *a cricket match of International standard lasting for 5 days;* в бридже: *примеров не выявлено*, ***MISCELLANY 2*** – ***condition*** – "особые условия проведения действия": в футболе [48; 49; 50; 52; 56; 57]: consolation match – *a tournament game played between the losers of the semifinal matches to determine the third place team;* playoff – *a tournament that takes place after a season's schedule has been completed (used to determine a champion)*; tiebreaker – *a way to choose the winner of a match when teams are tied after overtime*; *in FIFA tournament play, a series of penalty kick are taken by players from both teams, and the team that scores on more of them is declared the winner*; в крикете [47; 55; 58; 60]: appeal – *a plea made to the umpire by the fielding side when they believe a decision is needed to clarify whether a batsman has been dismissed*; close – *a declaration by the batting team of a closure to an innings or the end of the days play;* partnership – *the batting performance by two particular batsmen whilst batting together during any particular innings;* в бридже [51; 53; 54; 59; 61]: bidding – *the phase of bidding in which the players bid for the right to name the final contract*; rubber – *two games (the partnership that bids and makes the first two games receives bonus points for*

winning the rubber); small slam – *any contract of six in a suit or notrump*, ***MISCELLANY 3 – score*** – "количество набранных очков": в футболе [48; 49; 50; 52; 56; 57]: draw – *a game that ends with a tied score*; hat trick – *3 or more goals scored in a game by a single player*; tie game – *when two teams have scored the same number of goals in a match; if the game ends tied, it is a draw;* в крикете [47; 55; 58; 60]: duck – *a score of zero believed to have got its name from the shape of the numeral*; run – *the method of scoring during a game or a single unit of a score;* overthrow – *the extra runs scored when a ball missed by the fielder or wicketkeeper when returned to the stumps by a fielder*; в бридже [51; 53; 54; 59; 61]: honors – *a score awarded when declarer holds 4 or 5 of the top honors in his trump suit;* minor-suit contract – *clubs and diamonds that score 20 pts. per trick*; trick score – *the points awarded for each trick (over book) taken by declarer if the contract is made*), ***MISCELLANY 4 – number*** – "любая сумма, итог, но не счет игры": в футболе [48; 49; 50; 52; 56; 57]: advantages – *situations where a team has possession of the ball and outnumbers the opposition near the opposing goal*; points – *a team statistic indicating its degree of success, calculated as follows: 2 points for a win (3 in the 1994 World Cup), 1 point for a tie, 0 points for a loss; also, an individual statistic for a player, calculated by totaling 2 points for each goal and 1 point for each assist*; win-draw-loss record – *a summary of the outcomes of a team's matches*; в крикете [47; 55; 58; 60]: bite – *the amount of turn a spin bowler can obtain from the surface of the pitch*; hat trick – *three wickets taken in successive balls*; over – *the set number of balls bowled by a bowler*; в бридже [51; 53; 54; 59; 61]: bid – *a number of tricks from 1 to 7 combined with a strain (notrump, spades, hearts, diamonds or clubs);* book – *the number of tricks the defenders must win before they can begin earning a score for defeating a contract*; vulnerable – *having bid and made one game in the current rubber*).

Данные примеры иллюстрируют наличие минимальных интегральных и дифференциальных признаков внутри каждого понятия и являются материалом для представления более расширенного фрейма лексемы "Игровой вид спорта" [см. схему 1.2], что дает нам возможность заполнить слоты фреймовой модели любой лексемы, относящейся к одному из четырех выделенных концептов (*Agent, Action, Instrument, Miscellany*), посредством сочетания значения слова с ассоциируемыми с ним явлениями.

Представляемое распределение полевых основ категорий анализируемого нами концепта "Игровой вид спорта" и узуальных звеньев внутри них по методу компонентного анализа позволяет наиболее выгодно структурировать знания участника коммуникативной ситуации при помощи неформального описания оперируемых понятий и облегчает когнитивный процесс извлечения специфически-ориентированного опыта коммуниканта.

Данный подход был положен в основу составления терминологических словарей футбола, крикета и бриджа [23: 197-134], при структурировании которых обнаружено, что лексические описания базовых понятийных категорий в каждом из представленных видов спорта имеют различные

количественные соотношения, что напрямую связано с отражением общих, но крайне значимых характеристик самих видов спорта. В словаре футбола, например, большой группой представлена лексика, номинирующая концепты *AGENT/experiencer*, *ACTION/manner* и *MISCELLANY/condition*, и это говорит о том, что в этом игровом виде спорта многое зависит от того, кто, как и при каких особых условиях производит действие. В крикете эти концепты представлены такой же большой группой, поскольку индивидуальные способности в этом виде спорта более важны для реализации игрового действия. Однако при этом в футболе находим больший процент слов в группе *ACTION/goal* и *ACTION/position*, в то время как в крикете их гораздо меньше, так как игроки меньше передвигаются по полю и их позиции более фиксированы.

Бридж – наименее активная из трех в физическом плане игра с ограниченным количеством игроков, поэтому здесь наблюдаем крайне мало слов, относящихся к категории *AGENT/experiencer*, *AGENT/possessor*, *ACTION/position*, а лексика, номинирующая концепты *ACTION/manner* и *ACTION/goal*, указывает на абстрактный характер игры – действия игроков являются результатом умственных вычислений и предположений. Отличительной характеристикой словаря бриджа от словарей футбола и крикета также является и то, что нами не выявлено терминов, относящихся к концептам *MISCELLANY/time* (игра не ограничена по времени), в то время как многочисленной является группа слов, представляющих категорию *MISCELLANY/score*, так как записи очков ведутся после каждой отдельно взятой сдачи и, в принципе, являются единственным показателем успешности действий игроков [23: 197-134].

Приведенные нами выше наблюдения свидетельствуют о том, что в лексическом выражении понятийных категорий спортивных терминов футбола, крикета и бриджа четко прослеживается иерархическая структура, направленная на отражение отношений между связями понятий в области социальных отношений, затрагивающих вид деятельности человека, именуемый как “Игровой вид спорта”.

Компоненты ядерной зоны ФСП “Игровой вид спорта” в современном английском языке

Полевой принцип организации знаний в определенную структуру предполагает выделение ядра и периферии исследуемых концептов. Понятийные категории, которыми пользуется человек в процессе когнитивной обработки поступающей к нему информации, являются одним из наиболее удобных способов структурирования [23: 70], однако их содержательная сложность и разноплановость приводит, на наш взгляд, к необходимости обращения к семантическим категориям языка.

Если считать смысловое ядро понятийных категорий универсальным,

поскольку именно ядро категории выражает диалектическое соотношение общего и особенного, а периферию понятия рассматривать как некий дополнительный фон, используемый представителем определенной культурно-исторической общности для представления знаний о мире [16], то необходимо изучать категориальные признаки ядра и периферии концепта “Игровой вид спорта” в современном английском языке в процессе анализа лексического значения терминов, выражающих ядро того или иного понятия, установить периферийные способы выражения категориального значения.

При установлении ядерно-периферийных компонентов внутри ФСП “Игровой вид спорта” в современном английском языке наиболее выгодным представляется анализ отношений между терминами, которые именуют понятие, по признаку функциональной нагрузки элементов данного понятия.

Вслед за А.В. Бондарко [5: 4] в ядро структуры каждого из рассматриваемых нами видов спорта мы будем включать термины, передающие наиболее специализированные признаки, однозначно отражающие сущность концепта и систематически используемые для передачи значения понятия анализируемого спортивного действия.

Среди множества лексических единиц, входящих в концептуальную общность концепта **“футбол”,** в **ядерной** зоне мы выделяем:

1) глаголы, обладающие семантикой “воздействия на кого-либо или на что-либо” и имеющие значение “ударять”, “двигать”, “контролировать”: *to assist, to beat, to break, to kick, to pass, to shot, to penetrate;*

2) существительные, обладающие семантикой агентивности и являющиеся своеобразным маркером отображения постоянной функции игрока в команде (как в нападении, так и в защите): *defender, defensemen (fullbacks), forward, midfielder, defensive midfielder (midfield anchor), wingers (wings)*. В ближайшее околоядерное пространство данной группы слов входят существительные *goalkeeper (goalie)* и *officials (referee, linesmen)*, поскольку наше экстралингвистическое знание о правилах игры предполагает несостоятельность матча при отсутствии данной категории участников игры;

3) существительные, обладающие семантикой “акта произведения удара” и называющие разновидности удара либо по способу его произведения, либо по месту, где он происходит: *banana kick, bicycle kick, corner kick, direct free kick, drop kick, free kick, goal kick, indirect free kick, kickoff, loft (lob), penalty kick, scissors kick;*

4) существительные, обладающие семантикой “передачи мяча партнеру” и описывающие как способ передачи, так и ее направление: *center, chip pass, cross (crossing pass), forward pass, lead pass, outlet pass, push pass, square pass, through pass, wall pass*.

В **ядерную** зону, представляющую игровой вид спорта **“крикет”**, вошли следующие лексические средства:

1) существительные с общим значением “подача мяча”: *ball, beamer, bowling delivery, bouncer, break, chinaman, cut, flipper, full toss, good length,*

grubber, half volley, (in) swinger, leg break, leg cutter, lofted shot, yorker;

2) прилагательные и существительные со значением “позиции”, описывающие местоположение игрока или преимущества/недостатки его позиции: *backward, block, cover-run, extras, field, fine, infield, leg (leg side), middle order, plumb, silly, square man, third man*;

3) существительные и существительные с определением, охватывающие семантическую область “физическое умение, способность”: *all rounder, back foot, beaten (batsman), fiery (bowler), good eye, hat-trick (bowler), pie thrower, quickie.*

В анализируемом глоссарии спортивных терминов игры **бридж** в **ядерную** зону входят:

1) существительные со значением “заявление, сделка”: *bid, call, pass, double, overcall, redouble, response, revoke*;

2) существительные с семантикой “карточный расклад”: *controls, (balanced/unbalanced) hand, quick tricks, stoppers, tenace, void*;

3) глаголы с конструктивной семантикой: *to bid, to deal, to discard (to pitch), to double, to raise, to revoke.*

Ядерные компоненты, обнаруженные нами в лексике футбола, крикета и бриджа, описывают наиболее существенные для каждого из этих игровых видов спорта понятия и отличаются высоким уровнем семантической информативности внутри лексической структуры того концепта, который они номинируют.

Компоненты периферийной зоны понятия “Игровой вид спорта” в современном английском языке. Значение периферийных компонентов в структуре ФСП “Игровой вид спорта” также представляется важным, поскольку именно с их помощью ядро понятия конкретизируется и уточняется. Нами установлено, что периферию понятия “игровой вид спорта “футбол” обозначают:

а) существительные, называющие различные способы ведения мяча или его передачи с помощью частей тела спортсмена, например, *back tackle, chest trap, foot trap, instep drive, obstruction, shoulder charge, side tackle, sliding tackle*;

б) существительные, обозначающие спортсменов, обладающих мячем, но не имеющих четких маркеров своего функционального предназначения в команде, например, *ball carrier, dribbler, receiver, scorer, starter, striker*; в) отглагольные существительные (герундий), описывающие общие приемы техники ведения игры, например, *hacking, juggling, shielding (screening), shooting, stealing, tackling, trailing*. Дальнюю периферию понятия составляют термины, соответствующие разметке линий футбольного поля: *center area (circle, line, spot), corner area (arc), goal area (line), penalty area (arc, spot)*, а также слова, номинирующие инструменты, необходимые для проведения игры: *ball, field, goal posts, net, red card, venue, yellow card.*

Периферию лексических средств, описывающих понятие “игровой вид

спорта **“крикет”,** представляют а) существительные с семантическим значением “часть крикетного поля” (pitch) с определяющим словом, которое описывает состояние данного места, например, *artificial pitch, batsman’s paradise, crumbling pitch, flat (pitch), slow wicket, sticky wicket*; б) существительные, содержащие информацию о функциональной роли игрока в команде, например, *bowler, fieldsman, nightwatchman, non striker, skipper, striker, tail, twelfth man*. Дальнюю периферию понятия “крикет” могут составлять существительные с семантическим значением “единица счета” (score), номинирующие различные методы учета результативности того или иного крикетного приема, например, *aggregate, average, bite, bye, cover, duck, extra (**2**), knock, maiden (**1**), over, run (**1,2**), sundries)*.

На **периферии** понятия “Игровой вид спорта **“бридж”** оказываются: а) существительные с семантическим значением “игрок”, например, *declarer, dummy, defenders, (left-hand/right-hand) opponent;* б) существительные и существительные с определяемым словом, семантический признак которых проявляется в значении “взятка” (trick), например, *honor tricks, playing tricks, losing-trick count.* Дальняя периферия здесь может быть представлена словами, в лексическое значение которых входит компонент значения “контракт”: *game, minor-suit contract, major-suit contract, notrump contract, partscore, (small/grand) slam.*

Таким образом, ядерные элементы лексических средств футбола, крикета и бриджа представлены фондовыми единицами, составляющими целостность понятия и формирующими основу концептуальной семантики каждого из анализируемых видов спорта. Периферийные же средства служат лишь конкретизаторами ядра и способствуют функционированию механизмов ассоциативной семантики. В конечном итоге, комплекс “ядро+периферия” направлен на отождествление найденного смысла понятия с определенными языковыми единицами, выражающими это понятия, а также помогает построению типичного сценария и развитию представления типового образа фрейма–понятия.

Особенности номинации компонентов ФСП “Игровой вид спорта” в современном английском языке

Познавательная деятельность человека приводит к созданию неких моделей, структурирующих знания о мире и обобщающих опыт индивида и социума. В своей повседневной жизни человек руководствуется простыми естественными категориями, отражающими его опыт и знания о той сфере деятельности, которая его интересует [14]. Поскольку социальные интеракции непосредственно связаны с речевым воздействием на их участников, то для нас в первую очередь важным является, какие единицы английского языка называют спортивные понятия, какова их мотивационная основа и насколько отражены характерные черты понятия в акте именования. Ввиду того, что мы

анализируем специальную лексику, номинирующую спортивные понятия, мы оцениваем ее с позиций системности, а также логической и языковой обоснованности ее компонентов в системе определенной спортивной деятельности. В нашем анализе мы ставим задачу, выявить соотношение понятий и знаков в конкретной языковой сфере, а также раскрыть объективные внутренние закономерности, управляющие становлением определенной терминологической системы.

Мотивационные основы процесса номинации игровых видов спорта

Номинация постоянно сопутствует познанию человеком окружающего мира. Процесс именования тесно связан с узнаванием, которое основывается на сопоставлении объектов и представлений о них с целью выявления их общих и отличительных свойств и признаков. Однако, говоря о спортивной лексике, мы имеем дело с особым пластом языка, так как игровая деятельность носит в себе элемент особого, созданного по неким правилам действия, и на протяжении многих лет и веков совершенствуется и исправляется.

В нашем исследовании мы воспользуемся ономасиологическим подходом к анализу лексических единиц, входящих в спортивные словари футбола, крикета и бриджа, что позволяет нам рассматривать содержательную сторону языковых единиц, номинирующих спортивные понятия, с точки зрения их предметной направленности, т.е. “соотнесенности с внеязыковым предметным рядом как средством обозначения, именования последнего” [28: 346].

При образовании спортивной лексики такая соотнесенность имеет особое значение. Само называние здесь должно опираться на определенные аналогии и ассоциации, которые в языковом мышлении идут очень далеко. Поэтому их исследование необходимо при изучении любой номинации, особенно специальной. Благодаря ассоциациям существуют такие языковые закономерности, как полисемия, метафора, метонимия и различные тропы, являющиеся не прямым названием вещи, а лишь образным.

Поскольку спортивные термины вторичны по отношению к словам общей лексики, в них преобладает условность, базирующаяся на некоторых естественных связях слов и именуемых с их помощью объектов, то при формировании плана выражения терминов из слов естественного языка их мотивированность приобретает особо важное значение. Полностью мотивированных терминов, однако, не существует, что объясняется как вторичностью терминов по отношению к общей лексике, так и тем, что каждое понятие характеризуется разными признаками, а в его имени отражается лишь один, при этом не всегда ведущий.

Мотивировка спортивного термина – область экстралингвистическая. Мотивированный термин как особое слово объединяет две экстралингвистические данности, мотивирующее и мотивируемое понятие. Полученный таким образом термин начинает свою самостоятельную жизнь в

своем терминологическом поле. Исследование процесса закрепления значения за звуковым комплексом раскрывает ассоциативные пути, которые соединяют в сознании именующего представления об одном предмете с представлениями о другом, в результате чего они включаются в качестве значений в смысловое содержание нового слова. При этом наблюдаются следующие явления:

а) ограничение значения слова (специализация);

б) расширение значения слова (генерализация);

в) включение в значение одного слова элементов значения другого;

г) сложение значения двух слов.

Приступая к изучению мотивационных механизмов спортивной номинации, мы устанавливаем ономасиологический базис лексических единиц, номинирующих ключевые понятия рассматриваемых нами видов спорта.

При анализе спортивной лексики нами обнаружены примеры сужения (специализации) значений некоторых слов английского языка, при этом само спортивное понятие ограничивается дефиницией (второе значение – спортивный термин):

to clear: *to free from obstruction → to kick the ball away from the goal;*

defence: *the act of resisting attack→ a team's function of preventing the opposition from scoring;*

feint: *any deceptive movement→ a movement by a player meant to deceive an opposing player (a defender);*

intermission: *an interval between acts of play or parts of any performance→ the 5-minute rest period between periods of a game* – в футбольной терминологии [49; 56; 57; 62];

arm: *the upper limb of the human body, from shoulder to the hand → the accuracy and strength of a fielder who is very good at returning a ball from the outfield;*

flight: *the act or ode of flying → the loop in the path of the ball after being bowled by a spin bowler into the breeze;*

flipper: *a limb for swimming with → a delivery used by a leg spin bowler which presents to the batsman in a flatter and faster delivery to the normal leg spin delivery;*

toe: *any of the five digits of the human foot → the very bottom edge of the bat* – в крикете [47; 58; 62];

contract: *an agreement, a covenant → the number of tricks the declaring side must take to earn a plus score;*

double: *something twice as much → a special bid that can be made only over an opponent's bid;*

jump: *to rise momentarily into the air by springing with the aid of leg or foot muscles → to bid at a higher level than necessary;*

trick: *an act or action designed to deceive → four cards, one contributed by each player in turn* – в бридже [51; 53; 59; 62].

Некоторые спортивные понятия получили свои лексические именования путем сложения двух слов и их значений. Такой способ номинации представлен немногочисленной группой слов во всех трех видах спорта, но, на наш взгляд, является наиболее удачным номинативным приемом в плане декодирования информации о спортивном понятии, передаваемой лексическим соответствием, например: *counterattack, crossbar, fullback, goalkeeper, goalpost, halfback, halftime, overtime, tiebreaker, timekeeper, touchline* – в футболе [49; 56; 57; 62]; *armguard, bat-pad, hat-trick, sightscreen* – в крикете [47; 58; 62]; *cuebid, jump-shift, overcall, partscore* – в бридже [51; 53; 59; 62].

Большую группу спортивной лексики представляют термины, представленные в виде описательных фраз, в которых различаются ономасиологический базис и признак. Созданные таким образом термины также более точно передают сущность обозначенного понятия и помогают участнику игры ориентироваться в спортивном действии. Так, в **футболе** основными признаками в описательных фразах являются:

1) траектория или направление полета мяча: *corner kick, bicycle kick, direct free kick; chip pass, cross pass, forward pass, through pass;*

2) приемы ведения мяча: *back header, front header; back tackle, side tackle, front tackle; chest trap, foot trap, thigh trap;*

3) размещение на поле одних объектов относительно других: *goal line, goal area; centre line, centre spot, centre circle; penalty arc, penalty area, penalty spot;*

4) положение мяча на поле: *in bounds, out of bounds; in play, out of play;*

5) владение мячом: *attacking team, defending team; offensive player; on offence, on defence* [49; 56; 57; 62].

В словаре **крикета** признаками, уточняющими специализацию крикетного понятия, могут быть следующие:

1) направление полета мяча и его положение при падении на площадку: *away swinger, bump ball, caught behind, full blooded, full toss, out swinger;*

2) манера подачи или приема мяча (в некоторых случаях отражающая часть тела игрока, с помощью которой подача производилась или принималась): *arm ball, back foot, cover drive, finger spin, half volley, good length, leg break, leg cutter, lofted shot;*

3) состояние площадки: *slow wicket, sticky wicket;*

4) положение игрока на поле или в команде: *around the wicket, middle order, third man, twelfth man, over the wicket* [47; 58; 62]*;*

В составе словаря, номинирующего понятия игры в **бридж**, подобных примеров гораздо меньше. Они наблюдаются лишь в названии базисного понятия “карты”, где единственным признаком является “функциональность карточного расклада”: *balanced hand, distributional points, high-card points, honor tricks, losing-trick count, playing tricks, quick tricks, unbalanced hand* [51; 53; 59; 62].

В качестве способов номинации, мотивирующих спортивный термин в исследуемых игровых действиях, выступает метафорический перенос. Используя специфический состав английского языка, имеющий массу коротких слов и их свойство легко складываться в словосочетания, спортивная терминология обращается к образным сравнениям с уже существующими предметами по их внешнему сходству со смежным спортивным понятием или отображает совпадения части некоторых признаков, закодированных в предшествующем значении. Так, среди лексических единиц, номинирующих понятия **футбола**, установлены следующие примеры метафоры:

banana kick: ассоциация вызвана сходством формы траектории полета мяча с формой плода;

scissors kick: сходство движения ног футболиста в момент удара по мячу и движения ножниц;

chest (thigh, foot) trap: ассоциация по результату действия, приводящего к удержанию кого-либо, чего-либо, в данном случае мяча;

cleats: ***in soccer:*** *the metal, plastic or rubber points in the bottom of a soccer shoe used to provide a player with traction*, ср. [42]: *shoes themselves* – ассоциация по предназначению;

goal mouth: *the front opening to each goal:* ассоциация по предназначению;

hook: сходство формы траектории полета мяча и формы предмета*;*

sudden death: a type of overtime where the first goal scored by a team ends the game – неожиданно быстрое окончание игры, временная ассоциация;

wall: a line of 2 to 6 defending players pressed together shoulder-to-shoulder to protect their goal against a close free kick, ср. [42]: *usually a vertical structure, built to enclose, support, divide, protect, retain:* частичное совпадение функций [49; 56; 57; 62].

Термины **крикета** изобилуют метафорическими переносами еще в большей степени, чем футбольная терминология:

arm ball: ассоциация по предназначению;

back foot: ассоциация с частью тела, производящей движение;

batsman's paradise: ассоциация с состоянием спокойствия, удовлетворенности;

beamer: a bowling delivery aimed at the head of the batsman: ассоциация с физической реакцией на удар в голову;

bite: the amount of turn a spin bowler can obtain from the surface of the pitch, ср. [42]: *the nibbling of bait by a fish*: частичная схожесть функций;

bouncer: ассоциация по предназначению;

bye: a run scored through any means other than being struck by the bat, ср. [42]: *something subordinate or incidental* – частичная схожесть функций;

cherry: сходство по цвету;

chinaman: подача, которую ввел игру игрок китайского происхождения – персонификация;

feather: ассоциация по форме;

duck: a score of zero: ассоциация по форме;

nightwatchman: ассоциация с временным признаком – *the end of the day/play*;

maiden: метафорический перенос оттенка неопытности;

pie thrower: a bowler of poor quality: по схожести с результатом действия;

plumb: ***in cricket:*** *a batsman's position directly in the line of the stumps*, ср. [42]:

a small, heavy piece of metal, usually lead, attached to a line and used to

indicate the vertical – метафорический перенос по предназначению и форме;

seam bowler: ассоциация по действию;

stumps (sticks): ассоциация по форме;

streaker: ассоциация по действию;

tail: movable part at the end of the body of a bird, animal or reptile. Ср.*: the last 4 batsmen on the batting side* – частичное совпадение функций;

toe: ***in cricket:*** *the very bottom edge of the bat*, ср. [42]: *each of the five divisions of the front part of the foot* – ассоциация по местоположению [47; 58; 62].

Термины, обозначающие понятия игры в **бридж**, не так подвержены механизмам переноса, поскольку участники игрового действия проводят довольно сложные логико-вычислительные процессы, а наиболее соответствующее передаче содержания лексическое значение слова только облегчает игру. В словаре бриджа выявлено всего 5 примеров метафоры:

cuebid, ср. [42]: *a hint meant to guide behaviour* – ассоциация по предназначению;

dummy, ср. [42]: *imitation* – ассоциация по функции;

honor: ***in bridge:*** *a holding that will entitle its possessor to an honour bonus*, ср. [42]: *an award or distinction, privilege* – совпадение функций;

stopper: ***in bridge:*** *protected honor one holds in a suit an opponent has bid*, ср.: *an object which fits into and closes an opening* – совпадение функций;

void: in bridge: to have none of a suit in your hand, ср. [42]: *empty, vacant* – ассоциация по функции [51; 53; 59; 62].

Очевидно, что метафора мотивирует термин и с бóльшим успехом служит для его истолкования неспециалистами в данной сфере деятельности, нежели для передачи основных черт и сущностных характеристик именуемого явления. Особенностью метафоры в спортивной терминологии является и то, что она выполняет не художественно-стилистическую, а номинативную функцию.

Лингвистические особенности номинации игровых видов спорта в современном английском языке. У специальной лексики вместо целостности слова, с его фонетическими, лексико-семантическими, грамматическими характеристиками имеется план содержания и план выражения, то есть их значение не складывается из суммы значений составляющих их элементов, а

приписывается им в системе [4; 24; 25]. В силу нарушения в специальной лексике закономерностей связи “слово (имя) – предмет (объект) – понятие”, мы пытаемся проследить, как в процессе номинации спортивных терминов проявляются механизмы, присущие общеупотребительной лексике: заимствования в спортивных глоссариях, изменение или уточнение плана выражения или плана содержания, полисемия, омонимия, установление синонимических и антонимических отношений между лексемами, выражающими спортивные понятия.

Заимствование спортивных терминов, как и любой другой терминологии, происходит в тех случаях, когда в соответствующих системах принимающего языка отсутствуют понятия, определенные и названные на языке-источнике. Хотя анализируемые нами виды спорта имели свои прототипы в других культурах [23], все же футбол, крикет и бридж являются исконно британскими играми, поскольку их развитие и становление их правил находилось под влиянием британской культуры [23]. Именно поэтому английская футбольная, крикетная и бриджевая терминологии сами являются источниками заимствования для других языков. Единственным в футбольном глоссарии неанглийским термином является акроним FIFA – Международная федерация футбольных ассоциаций, созданная в 1904 году по инициативе Франции. Так, в русском языке термины называют спортивные понятия, полностью соответствующие плану их содержания: *аут (of play), гол, голкипер, онсайд, офсайд, пас, пенальти, плейоф, рефери, фол, форвард* – в футболе; *боулер, сандри, страйкер, овер, ран, чакер* – в крикете; *гейм, даблтон, онер, пас, пенальти, робер, сингельтон, шлем (slam)* – в бридже. Сами названия игр *футбол, крикет, бридж* также заимствованы многими языками.

Искусственность выделения денотатов, обозначаемых спортивными терминами, и условность их связи со словесными обозначениями приводит к тому, что термины обладают возможностью **изменения или уточнения плана выражения**, а их денотаты – способностью к переименованию. Некоторые изменения были зафиксированы в терминологии футбола, крикета и бриджа при постепенном усовершенствовании правил этих игр.

Например, термин *caution* уступил место единице *yellow card (a playing card-sized card that a referee holds up to warn a player for dangerous or unsportsmanlike behaviour)* при появлении в руках судьи желтых и красных карточек в футболе. Футбольному британскому термину *pitch* предпочли единицу *field (the rectangular area where soccer matches are played),* так как первый используется в других спортивных играх (гольф, крикет, бейсбол), отражая различные по смыслу понятия. Благодаря закреплению термина *field,* более популярным стал термин *midfielders,* который вытеснил единицу *linkmen* со значением *“players who link together offensive and defensive functions of a team”* [40; 41; 45].

В крикетной терминологии единица *captain* уступает место слову *skipper (the captain of a cricket team)*, а вместо термина *stumps (the three upright timber*

sticks at each end of the pitch) все чаще используется слэнговое слово *sticks* [38].

В период формирования правил бриджа изменилось само название игры *bridge* на *auction bridge* из-за нового приема – аукциона (процесса торговли между игроками), а модификации, связанные со старшинством мастей привели к расширению плана содержания понятия, обозначенного термином *spades* – в обиход вводится единица *"Royal spades"* (королевские пики, дающие игроку право на две взятки). Британский термин *no bid* постепенно вытесняется более нейтральным словом *pass* [43; 44].

Изменение или уточнение плана содержания при номинации спортивных реалий происходит, например, при создании новых концепций, если сохраняются прежние словесные обозначения, в которые вкладывается одинаковое содержание.

Так, в футболе термин *referee*, который определяется как *"the chief official who makes final decisions, acts as a timekeeper, calls all fouls, starts and stops play"* [57], в XIX веке имел несколько неполное по сравнению с современным термином значение. Судья впервые вышел на поле в 1878 году; до этого времени он находился вне поля и решал спорные моменты лишь в том случае, когда к нему обращались, и только в 1900 году решение судьи стало окончательным. Понятие *goalkeeper* претерпело в своем развитии следующие изменения: в 1902 году вратарь получил право играть руками, в 1905 году ему запретили выбегать из ворот при 11-метровом ударе. Термин-слово при этом остался прежним. Изменились и ключевые понятия игры – *ball* и *goal* (ворота). Если раньше мяч мог быть различной формы и не иметь фиксированного веса, то в современном футболе мяч имеет строго стандартные вес и диаметр, установленные FIFA. Кроме того, в 1863 году была изложена основная формула футбола: игроки, кроме вратаря, не могут бежать во время игры с мячом в руках. Наименование *goal (the 8-foot high, 24-foot wide structure consisting of two posts, a crossbar and a net into which all goals are scored)* [57] несколько раз изменяло свое значение в течение XIX века: в 1866 году между двумя стойками была натянута веревка, ограничивающая их высоту; в 1875 году веревку заменили перекладиной; в 1891 году на воротах появилась сетка. Термин-слово не подвергся при этом изменениям [40; 41; 45].

В крикете и бридже имеются типичные примеры, связанные с постепенными изменениями параметров игры (например, такие как: *over, inning, wicket, pitch* – в крикете; *the bidding, honors, vulnerable* – в бридже), при этом слова, обозначающие эти понятия, не подверглись никаким изменениям.

Полисемия, широко представленная в общей лексике, реализуется в специальной несколько иначе. В общей лексике у одного слова параллельно формируются близкие и разные значения, или помимо основного развивается добавочное. Контекст помогает размежевать эти значения, благодаря чему происходит расширение и обогащение словарного состава языка. В терминологии же наоборот ведется борьба с полисемией и отстаивается идея однозначности термина [25]. Однако практика показала, что даже в пределах

одного поля термин обнаруживает многозначность, следовательно, однозначность – не свойство термина, а лишь предъявляемое к нему требование. Примеры из терминологии спорта подтверждают вышеупомянутое свойство термина:

Футбол:

direct free kick:

1) a kick awarded to a player for a serious foul committed by the opposition;

2) a goal which is scored directly from this kick without the ball touching another player;

free kick:

1) a kick awarded to a player for a foul committed by the opposition;

2) kicking a stationary ball without any opposing players within 10 feet;

goal line:

1) the field boundary running along its width at each end;

2) the line which a ball must completely cross for a goal to be scored;

penalty:

1) a kick taken from the penalty spot by a player against the opposing goalie without any players closer than 10 yards away;

2) a punishment given by the referee for a violation of the rules;

score:

1) to put the ball into the net for a goal;

2) the tally of goals for each team playing in a game [48; 56; 57].

Крикет:

cut:

1) a stroke played to the off side between the covers area and the wicketkeeper;

2) the deviation of a delivery, caused by the bowler imparting various types of spin on the ball;

maiden:

1) an over where no runs have been scored by the batsman from any delivery;

2) a maiden inning or a maiden century both being the very first occasion of each;

run:

1) the method of scoring during the game;

2) a single unit of a score;

wicket:

1) the structure of 3 vertical stumps and 2 horizontal bails at either end of the pitch;

2) the batsman's right to be on the field;

3) the batting and the bowling area [47; 58; 60].

Бридж:

book:

1) the first six tricks taken by a declarer;

2) tricks (possibly zero) taken by the defense leaving it one short of defeating

the contract;

bid:

1) a bet to take the specified number of tricks above six, in the specified strain;

2) a number of tricks from one to seven combined with a strain (notrump, spades, hearts, diamonds or clubs);

play:

1) *the phase of bridge in which the players try to take tricks to determine the outcome of bets made during the bidding;*

2) act as a declarer;

point:

1) a unit of scoring;

2) a unit of hand valuation [51; 54; 61].

Омонимия также широко представлена в спортивной лексике. Подобно общеупотребительной лексике ее основными источниками в данном случае является размежевание двух значений многозначного слова. При этом характерная черта омонимов состоит в принадлежности обозначаемых ими понятиях к разным семантическим полям, что препятствует их столкновению в сходных контекстах и способствует правильности понимания спортивных терминов. Внутри терминологии футбола, крикета и бриджа омонимы немногочисленны.

Футбол:

penalty:

1) a kick taken from the penalty spot by a player against the opposing goalie without any players closer than 10 yards away (штрафной удар)*;*

2) punishment given by the referee for rule violation (пенальти)*;*

wing:

1) the outside forwards who play to the sides of the strikers and whose primary task is to provide them with accurate crossing passes so they shoot at the goal (крайний нападающий)*;*

2) a side of the field (край поля).

marking:

1) guarding a player to prevent him from advancing the ball towards the net, making an easy pass or getting the ball from a team-mate ((персональная) защита)*;*

2) the arrangement of marks on a field (разметка) [48; 56; 57].

Крикет:

ball:

1) a spherical thing consisting of a leather case with cork interior generally bound with fine cord (крикетный мяч)*;*

2) a delivery from a bowler (подача боулера)*;*

edge:

1) the outermost perimeter of the bat (край биты)*;*

2) a ball only just struck by the edge of the bat by a batsman (мяч, едва коснувшийся края биты)*;*

pad:

1) a protective device used to protect the legs of both batsmen and wicketkeepers from being struck by the ball (приспособление, защищающее от удара мячом ноги игроков с битой и игроков, защищающих воротца)*;*

2) the manner in which a batsman may deflect the ball away from the stumps by thrusting the leg and striking the ball (отведение мяча от попадания в воротца толчком ноги)*;*

pitch:

1) the mown area, 22 yards long and ten feet wide, with the wickets and creases at either end; the pitch (травяной газон с воротцами и зоной игрока с битой)*;*

2) the point on the pitch at which the ball pitches (место приземления мяча) [47; 58; 60].

Бридж:

deal:

1) the 52 cards as distributed (сдача карт на руки)*;*

2) the entire course of bidding and play (процесс объявления взяток)*;*

cuebid:

1) an artificial, strength-showing bid of an opponent's suit (обманная взятка с целью показа сильной масти в раскладе)*;*

2) a high-level bid that shows a specific ace (высокая взятка с помощью козырного туза)*;*

honors:

1) ace, king, queen, jack, ten (онеры: туз, король, дама, валет, десятка)*;*

2) a holding that will entitle its possessor to an honor bonus (карточный расклад, дающий его обладателю дополнительные очки за онеры) [51; 54; 61].

Несмотря на уникальность каждой из исследуемых терминологических систем, нами выявлено существование своего рода "межотраслевых омонимов", которые номинируют различные понятия, отражающие специфику того вида спорта, в словаре которого они функционируют:

defender:

футбол: *a player on the team that does not have possession of the ball;*

бридж: *an opponent of the declarer;*

field:

футбол: *the rectangular area where soccer matches are played;*

крикет: *the placement of fieldsmen within the playing area;*

hook:

футбол: *the curved trajectory of a ball due to spin imparted on it by a kicker*;

крикет: *a batting stroke played to the on side as a result of a short pitched delivery from a bowler;*

offside:

футбол: *a violation called when a player in an offside position receives*

a pass from a teammate;

крикет: *the area immediately to the front of a batsman when waiting for a bowler to deliver the ball;*

penalty:

футбол: *a punishment given by the referee for a violation of the rules;*

бридж: *a score given to the defenders when a declarer fails to make his contract;*

pitch:

футбол: *a field where soccer matches are held;*

крикет: *the wicket where the batting and bowling is performed;*

striker:

футбол: *a team's most powerful and best-scoring forward who plays towards the center of the field;*

крикет: *a batsman who is facing a bowler;*

stopper:

футбол: *the defender that marks the best scorer on the attacking team;*

бридж: *a protected honour one holds in a suit an opponent has bid;*

В спортивной терминологии рассматриваемых нами игровых видов спорта отмечается явление **синонимии**, при котором слова обозначают один и тот же предмет или явление в футболе, крикете и бридже с разных позиций, что объясняет равноправные взаимозамещения спортивных терминов в одной и той же функциональной позиции.

Несмотря на требование однозначности, предъявляемое к терминам (в том числе и спортивным) [21; 24; 25], **футбольная** терминология в своей системе содержит некоторые ряды синонимичных понятий. Наличие синонимов здесь может быть объяснено либо широтой распространения данной игры, либо тем, что процесс отмирания "лишних" терминов происходит медленно. Так, синонимами являются следующие слова и выражения: *back/defender; bicycle kick/scissors kick; yellow card/ caution; centre line/midfield line; corner arc/corner area; defensemen/fullbacks; end line/goal line; fake/feint; field/pitch; halfback/midfielder/linkman; halves/periods; loft/lob; defensive midfielder/midfield anchor; offensive player/attacker; offensive team/attacking team; screening/shielding; sideline/touchline; draw/tie game* [48; 56; 57].

Менее заметны проявления синонимических отношений в терминологических словарях крикета и бриджа. Так, **в крикете** обнаружено всего три синонима: *away swinger/out swinger; batting crease/popping crease; edge/snick* [47; 58; 60], а в бридже – пять: *single raise/simple raise; to discard/to pitch/to sluff; to revoke/to renege; trump/ruff; unbalanced hand/ distributional hand* [51; 54; 61].

Кроме синонимов, анализируемые спортивные словари имеют в своем составе варианты одного и того же слова. Выявленные нами примеры вслед за А.А. Реформатским мы считаем дуплетами – аффиксальными вариантами слов [24], однако они полноправно функционируют в устном и письменном

спортивном контексте, что позволяет нам отнести их к разряду синонимов с акцентом на специфическом изменении ими синонимической основы обозначаемого понятия. В нашем исследовании мы наблюдаем морфологические, эллиптические и полные варианты одних и тех же слов, а также акронимы и аббревиатуры, например: *cross/crossing pass* (эллиптический и полный), *goalkeeper – goalie* и реже *keeper (*морфологический), *penalty/penalty kick (*эллиптический и полный), *wingers/ wings (*морфологический), *F.E./ English Football Association* (усеченная аббревиатура и полнословный), *FIFA/Federation Internationale de Football Association* (акроним и полнословный), *IFAB/International Football Association Board* (аббревиатура и полнословный) – **в футболе** [48; 56; 57]; *extra/extra cover* (эллиптический и полный), *Howzat/How's that?* (орфографический и полный)*; leg/leg side* (эллиптический и полный)*; LBW/Leg Before Wicket* (аббревиатура и полнословный)*; lofted/lofted shot* (эллиптический и полный)*; off/off side* (эллиптический и полный)*; pace/pace bowling* (эллиптический и полный)*; seam/seam bowler* (эллиптический и полный) – **в крикете** [47; 58; 60]. В словаре **бриджа** нами найдены всего два варианта типа "акроним и полнословный": *LHO/Left-Hand Opponent* и *RHO/Right-Hand Opponent* [51; 54; 61].

В спортивной лексике **антонимические отношения** образуют устойчивые пары и помогают обозначить крайние точки понятийного поля, установить логические возможности терминологической системы, хотя лексика сфер футбола, крикета и бриджа неохотно вступает в отношения такого плана. Нами обнаружено четыре пары антонимических словосочетаний в **футболе** [48; 56; 57]: *in bounds/ out of bounds, in play/out of play; on defence/on offence, on-side/off-side;* всего одна пара **в крикете** [47; 58; 60]: *over the wicket/around the wicket;* и две пары в **бридже:** *balanced hand/ unbalanced hand, LHO (Left-Hand Opponent)/RHO (Right-Hand Opponent)* [51; 54; 61].

Подводя итог анализу, проделанному с целью выявления лингвистических процессов в лексике футбола, крикета и бриджа, отметим, что внутри этих терминологических систем имеются определенные ограничения. Однако рассмотренные примеры подтверждают наличие системных взаимодействий между словарным составом каждого из рассматриваемых видов спорта, что дает нам возможность говорить о спортивном лексиконе, нашедшем свое место в системе английского языка, открытой как для внутренних, так и для внешних воздействий. Терминология футбола, крикета и бриджа отвечает запросам человеческой практики, направленным на игровую деятельность, и развивается в соответствии с усовершенствованием вышеупомянутых видов спорта.

Выводы

Поскольку игровая деятельность человека постоянно развивающийся и совершенствующийся процесс, при становлении футбола, крикета и бриджа возникали новые понятия, которые, являясь фактами внеязыковой

действительности, вызывали потребность в лексическом наименовании как можно более приближенного к выражению сути самого спортивного понятия. Именно благодаря лексической форме такие внеязыковые понятия могли строить свои парадигмы, входящие в знания человека.

Как и любой другой вид активности человека, спортивная деятельность – это особая экстралингвистическая область, обозначенная лексическими единицами и имеющая собственную структуру. Лексические средства, номинирующие понятия футбола, крикета и бриджа, объединяются в функционально-семантические поля, где системность организации лексических средств раскрывается дефинициями, которые объясняют то или иное спортивное явление с помощью других слов-терминов.

С привлечением фреймового моделирования лексический материал, номинирующий понятия футбола, крикета и бриджа представлен совокупностью комбинацией концептов: AGENT, ACTION, INSTRUMENT, MISCELLANY. Такая модель отражает когнитивные механизмы переработки информации и позволяет любому участнику игрового действия ориентироваться в системе спортивных понятий данных видов спорта. Выделение внутри концептуальных групп узуальных звеньев по общим семантическим компонентам позволяет еще более детализировать денотат, описываемый лексической единицей.

Считая смысловое ядро понятия универсальной категорией, а его периферию – дополнением наших знаний о предмете (явлении) элементом, мы выделяем категориальные признаки ядра и периферии концепта “Игровой вид спорта” в современном английском языке по признаку функциональной нагруженности терминов, описывающих данное понятие. Соответственно, в каждом спортивном глоссарии выявлены термины, однозначно передающие сущность понятия, – ядро, и слова, конкретизирующие, уточняющие первые. Ядро каждого игрового вида спорта составляют лексические элементы, номинирующие значимые для каждого вида спорта понятия, которые передают суть игры, ее базовые правила: в футболе это фиксированные функции игроков, их движения, названия передач с мотивацией намерений; в крикете – физические умения спортсменов, их позиции на игровой площадке и способы подачи мяча; в бридже, где все зависит от умственных вычислений и расклада карт, это фиксация карточных раскладов, заявки на взятки и малый процент глаголов, поскольку действия здесь носят более абстрактный характер, чем в предыдущих двух играх.

В силу того, что спортивная номинация и формирование систем терминов оказывается явлением вторичным и более поздним по сравнению с первичной номинацией вещей, окружающих нас, важная роль при образовании спортивных глоссариев отводится мотивации названия. Большинство лексических средств, составляющих терминологические системы футбола, крикета и бриджа представлены в виде описательных фраз, где четко наблюдаются ономасиологический базис и признак. В качестве мотивационных

основ для номинации понятий спортивная терминология приемлет различные приемы, однако базисной здесь, по нашему мнению, является номинативная активность вокруг ключевых инструментальных понятий (футбольный и крикетный мячи, карты на руках у игроков), а также позиционные и функциональные ориентировки. Такие номинативные мотивировки естественным образом облегчают коммуникацию, однако метафора как мотивационный прием служит наиболее выгодным средством, так как позволяет участнику коммуникации (особенно не специалисту в определенной спортивной области) извлечь из своего когнитивного опыта уже известные ему признаки и соотнести их с новым спортивным понятием.

Лексические единицы, номинирующие спортивные понятия, входят в особый состав английского языка, потому что являются членами определенной терминологической системы. Такая принадлежность предполагает однозначность термина (одно понятие – один термин), некую его ограниченность: отсутствие у него полисемантических отношений, омонимов, синонимов.

Исходя из анализа отношений внутри терминологической системы, представляющей понятия футбола, крикета и бриджа, мы установили, что хотя характер формирования лексического словаря данных видов спорта базируется на позициях конвенциальности их терминосистем, они развиваются и функционируют внутри современного английского языка по тем же законам, что и слова повседневного языка. Удивительным свойством спортивной терминологии футбола, крикета и бриджа является то, что, создаваясь специально, названия спортивных понятий открыты к новым нормам современного английского языка.

Литература

1. Адмони В. Г. Полевая природа частей речи (на материале числительных) // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). – Л.: Наука, 1968. – С. 42–64.

2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – М.: Языки рус. культуры, 1995. – Т.1. – 472 с.

3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.

4. Белая А. С. Роль терминологии в формировании культурологической компетенции носителей языка // Язык и культура: Материалы шестой международной научной конференции: в 5 т. – К.: КНУ, 1998. – Т.2: Культурологический компонент языка. – С. 28–29.

5. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л.: Наука, 1983. – 206 с.

6. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.

7. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков; пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 780 с.

8. Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации): [монография]. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 128 с.

9. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. – М.: Наука, 1971. – С. 78–96.

10. Гафарова Г. В., Кильдибекова Т. А. Когнитивные аспекты лексической системы языка. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1998. – 180 с.

11. Демьянков В. З. Семантические роли и образы языка // Язык о языке: [ред. Н. Д. Арутюнова]. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – С. 193–270.

12. Дубчинский В. В. Термин/нетермин // Язык и культура: Материалы шестой международной научной конференции: в 5 т. – 1997. – Т.2: Культурологический компонент языка. – С. 51-52.

13. Ильенков Э. В. Соображения по вопросу об отношении мышления и языка (речи) // Вопросы философии. – 1977. – №6. – С. 92-96.

14. Иссерс О. С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // Вестник Омского университета. – Вып. 1. – 1999. – С. 74–79.

15. Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. – М.: Наука, 1977. – 167 с.

16. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: Институт языкознания РАН, 1992. – 330 с.

17. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 158 с.

18. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1981. – Вып. X. – С. 350–368.

19. Левицкий А. Э. Функциональные подходы к классификации единиц современного английского языка: [монография]. – Киев, 1998. – 362 с.

20. Лингвистический аспект стандартизации терминологии: [ред. Д. В. Болотников]. – М.: Наука, 1993. – 127с.

21. Мельников Г. П. Основы терминоведения. – М.: Наука, 1991. – 115 с.

22. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.

23. Недайнова И. В. Номінативний простір „Ігровий вид спорту” в сучасній англійській мові: лінгвокогнітивний та лінгвокультурний аспекти: дис. ... кандидата філол. наук: 10.02.04. – К., 2004. – 233 с.

24. Реформатский А. А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. – М.: Наука, 1986. – С.115–128.

25. Риггз Ф. В. Терминология в социальных науках. – Гонолулу-Москва: Ротапринт, 1979. – 118 с.

26. Стрижевская О. И. О семантической структуре терминов // Филологические науки. – 1976. – № 6. – С. 81–89.

27. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

28. Языковая номинация. Общие вопросы: [ред. Б. А. Серебренников]. – М.: Наука, 1977. – 360 с.

29. Andrews A. D. Lexical Structure // Linguistics: The Cambridge Survey: Linguistic Theory: Foundations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – V. 1. – P. 60–88.

30. Cavazza M., Zweigenbaum L. Lexical Semantics: Dictionary or Encyclopedia? // Computational Lexical Semantics: Studies in Natural Language Processing. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – P. 336– 347.

31. Cruse D. Lexical Semantics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 246 p.

32. Davis A. Lexical Semantics and Linking in the Hierarchical Lexicon: Ph.D. Thesis. – Stanford: Stanford University Press, 1996. – 305 p.

33. Davis A. et al. The Structure of Lexical Variation. Meaning, Naming, and Context. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. – 456 p.

34. Miller G. The Science of Words. – Chicago: Scientific American Press, 1991. – 282 p.

35. Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. – Hillsdale, NJ.: Erlbaum, 1982. – 315 p.

36. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 857 p.

37. Trier J. Altes und Neues vom sprachlichen Feld // Duden Beitraege zu Frage der Rechtschreibung, der Grammatik und des Stils. – Zuerich: Baum, 1968. – S. 34–57.

Справочная литература

38. Arnold P. The Best Book of Cricket Facts and Stats Ever! – L.: Carlton Books, 1999. – 351 p.

39. Hanlon T. The Sport Rules Book. – Champaign, Il.: Human Kinetics, 1998. – 372 p.

40. Heidenstam D., Meier P., Wilkinson J. The Official World Encyclopedia of Sports and Games. – NY.: Paddington Press, 1979. – 543 p.

41. Lever J. Soccer Madness. – NJ: Prentice–Hall Inc., 1983. – 173 p.

42. New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language. – Danbury, CT.: Lexicon Publications, Inc., 1993. – 390 p.

43. Phillips H. Card Games. – Cambridge, MA.: MIT Press, 1997. – 209 p.

44. Root W.S. The ABC of Bridge. – Chicago: Three Rivers Press, 1998. – 304 p.

45. The Encyclopedia of Sports [ed. by Menke F.]. – NJ.: Cranberry, 1975. – 1125 p.

46. The Oxford Companion to World Sports and Games [ed. by London J.A.]. – N.Y.: Oxford University Press, 1975. – 923 p.

Иллюстративная литература

47. Buss F. The Devil's Dictionary of Cricket. – Winston: Tunbridge Wells, 1998. – 205 p.

48. Cameron F. Soccer Dictionary by Soccer Coach Cameron. – N.Y.: Forester Press, 2000. – 131 p.

49. Canoe G. Soccer Canoe Dictionary. – N.Y. : Forester Press, 1998. – 157 p.

50. Dictionary of Sports [ed. by Cox G.]. – L.: Carlton Books, 1999. – 564 p.

51. Goren C. Goren's New Bridge Complete. – N.Y.: Doubleday, 1985. – 705 p.

52. McElroy R. Football Memorabilia. – L.: Carlton Books, 1999. – 192 p.

53. Mould A. Step-by-Step Slam Bidding. – L.: Batsford, 1998. – 144 p.

54. Nelson J. A Small Covered Bridge Glossary. – Chicago: Three Rivers Press, 1996. – 50 p.

55. Paine P. Cricket Innings Complete. – L.: Vista, 1999. – 244 p.

56. Sharpe G. The Book of Football.– L.: Robson, 2000. – 250 p.

57. Soccer Made Simple: [ed. by Dobson J.]. – Chicago: First Base Sports Inc., 2002. – 127 p.

58. The Book of Rules: a Visual Guide to the Laws of Every Commonly Played Sport and Game: [ed. by Fergusson H.]. – N.Y.: Checkmark Books, 1998. – 224 p.

59. The Bridge World: review. – August, 2003.

60. The Dictionary of Cricket Terminology: [ed. by Foley K.]. – Lewiston Edwin Meller Press, 1998. – 441 p.

61. Walker K. Beginners' Bridge Glossary. – Chicago: Three Rivers Press, 1998. – 40 p.

62. Webster's Third New International Dictionary, 1986.

2.3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО "ИРРЕАЛЬНОЕ НЕЖИВОЕ" (на материале современного английского и украинского языков)

Т.Н. Никульшина

Объективная реальность, существующая независимо от каждого отдельного человека, отражается и описывается с помощью языковых средств. Как справедливо отмечает Умберто Эко, человек "обитает в языке. Всякое понимание бытия происходит через язык" [13: 18].

Язык как явление социальное выполняет различные функции, связанные с той или иной сферой общения, сообщения или воздействия. Он обслуживает сферы эмоциональной, речемыслительной и коммуникативной деятельности человека [9: 8]. В языке, как и в динамике человеческого познания, действует тенденция к расширению миров [12: 117]. Достигнув высочайшего уровня в своем эволюционном развитии, человек стоит у границы, за которой находится мир воображаемый. Что заставляет людей фантазировать? Почему они

занимаются вымыслом? По многим причинам. Трудно не согласиться с высказыванием, что “вымысел захватывает, поучает и приносит пользу, так как позволяет заглянуть туда, где реальность бессильна, позволяет планировать и принимать меры предосторожности, думая при этом “Что, если?”, позволяет расширить наше понимание посредством умственных, мыслительных экспериментов и проверки гипотез” [19: 243]. Деятельность воображения рассматривается нами не как примитивное мышление, а как одновременно и творческая, и познавательная деятельность. Мы разделяем точку зрения Я. Э. Голосовкера, рассматривающего деятельность воображения как “высшую форму мышления” [3: 12].

Вымышленный, или “возможный”, мир может получать различное вербальное представление – в сюжетном пространстве мифов, сказок, былин, легенд, загадок и т. д. Он воспринимается как “мир вторичный, организованный на иных общесистемных принципах, чем обычный мир, но его восприятие становится возможным лишь с опорой на мир нормальный” [4: 85], поскольку, будучи квазиэкзистенционым и не имея собственного независимого онтологического статуса, вымышленный мир не может существовать независимо. Мы не часто обращаемся к истокам, задумываясь о том, что предвосхитило появление воображаемого мира. Важно помнить и понимать, что у любого ирреального понятия есть свой генезис или прототип. И все чудеса в вымышлено возможном мире имеют свои истоки. Факт всегда сложнее придуманного: вымысел – это “плод работы мозга, его мыслительных операций, а его возможности ограничены. Природа же гораздо сложнее, чем наш мозг” [19: 14]. В реальном мире “факты должны согласовываться друг с другом. Это свойство заложено в их природе – один факт не может противоречить другому. Для вымышленного мира данное условие не является обязательным” [19: 12].

Несмотря на серьезные различия, касающиеся онтологического статуса, реальность и ирреальность тесно переплетены. Как отмечает D. S. Staley [20, с.117], “продукты воображения оказывают влияние на наше мышление и наши действия в реальном мире”.

Ирреальный мир – это пространство, где осуществляется неосуществимое, исполняется неисполнямое и возможно невозможное. В таком мире существуют неотъемлемые от него черты. Это абсолютность качеств и функций. Недостижение цели или невыполнение функций лишает ирреальные понятия смысла и означает бессмысленность, а значит, аннулирование их существования.

В вымышленном мире одновременно допускаются любые чудеса, т.е. становится возможным все. Одни изменения носят скачкообразный характер, другие – плавный. Ирреальное вводится в реальность, сохраняя иногда житейский облик, добавляя к нему новые черты.

В лингвистики середины и конца XX века особое место отводится семантике возможных миров, которая “различна – как по сущности, так и по

способам ее воплощения в языке" [12: 109]. Понятие возможного мира является "одним из наиболее старых и наиболее полезных понятий логической и философской теории модальностей" [11: 228]. Как утверждает один из основоположников семантики возможных миров Я. Хинтикка, "возможные миры – это вероятное положение дел по отношению к субъекту, находящему в мире реальном и который свое реальное "я" проецирует в иные мыслительные пространства" [11: 229]. Семантика возможных миров опирается на допущение о том, что "не все возможные миры равно важны для наших целей – не все возможные миры равновозможные" [11: 228].

Как и мир реальный, мир воображаемый, изучается в различных плоскостях. В широком понимании "в понятие ирреальности входит то, что не относится к реальности" [17: 243] или "ситуации, которые мы представляем и желаем, чтобы они произошли, относятся к миру ирреальности" [18: 172].

Проблема нереальных возможностей и несуществующих предметов стала объектом исследований не только в лингвистике, но и в *истории* – D. S. Staley [20], *психологии* – M. L. Bigge, M. P. Hunt [15] и даже *политике* – M. Auge, A. Jacobs [14].

К настоящему времени семантика возможных миров как объект лингвистического исследования рассматривалась на морфологическом и синтаксическом уровнях, репрезентируясь через модальные слова и выражения, союзы, частицы, различные конструкции. Однако мы полагаем, что модальность ограничивает изучение семантики возможных миров, сужая границы исследования ирреального. Ведь возможный мир – это не только модальность. Он может быть проанализирован за счет вовлечения других языковых средств и рассматриваться в различных аспектах, в частности, функционально-семантическом, как в нашем исследовании.

Языковые единицы моделируют различные виды пространств, которые активно исследуются в современной лингвистике: номинативное пространство – И. В. Недайнова [7], ориентационное пространство – С. И. Потапенко [8], идиоматическое пространство – Ю. И. Фещенко [10], лингвокультурное пространство – А. В. Головня [2], ментальное пространство – G. Fauconnier [16].

Данная работа посвящена исследованию особенностей **функционально-семантического пространства (ФСП) "Ирреальное неживое"** в сопоставительном аспекте на материале современного английского и украинского языков.

Как справедливо отмечает А. Э. Левицкий [5: 142], "раньше основной интерес в рамках сравнительно-исторической лингвистики был сосредоточен на выявлении родственных языков путем реконструкции прадревних источников. На дальнейших этапах развития лингвистики наибольшее внимание уделяется синхронному исследованию языков. Вот почему подход к языку как к системе и структуре с учетом родственности с другими языками и изучением собственных типологических характеристик составляет основу для решения проблем сравнительной лингвистики на современном этапе ее развития".

Номинация понятий ирреального неживого мира осуществляется с помощью имен существительных, большинство из которых обладают лишь внутренними – семантическими – признаками. Индикаторы ирреальности входят во внутреннюю семантическую структуру номинативных единиц. В целом, нет внешних формальных показателей ирреальности, хотя некоторыми формальными признаками у имен существительных могут служить префиксы *ir-*, *im-* и другие: *irreality*. Однако эти признаки не являются точными показателями вымышленного мира, в отличие, например, от условного наклонения глагола.

Лексические единицы ФСП “Ирреальное неживое” объединены интегральным семантическим признаком – принадлежностью к вымышленному неживому миру и могут быть сведены к **5** тематическим группам:

- тематическая группа “Местность”;
- тематическая группа “Понятия”;
- тематическая группа “Предмет”;
- тематическая группа “Растительный мир”;
- тематическая группа “Еда”.

I. Тематическая группа “Местность”.

В древности люди верили, что мир состоит из трех частей: небо, где обитают боги, земля, на которой живут люди, и подземный мир. Вертикальное противопоставление “верх – низ” символизирует Верхний и Нижний миры, которые, соответственно, связаны с небесными (Heaven; рай) и подземными (Hades; ад) глубинами. Между ними находится Земной мир. Именно таким образом можно классифицировать выдуманную местность, упомянутую в лексикографических источниках:

HEAVEN	**НЕБЕСА**
the place where God is believed to live and where good people are believed to go when they die	считается, что здесь живут боги; сюда попадают хорошие люди после смерти
↑	↑
P u r g a t o r y a place in which the soul of a dead person must be made pure by suffering wrong-doing on earth, until it is fit to enter heaven	Ч и с т и л и щ е место, где душа умершего очищается от грехов перед тем, как попасть в рай
⋮	⋮

LAND	**ЗЕМЛЯ**
the place where people live	место, где живут люди
⇣	⇣
HADES	**ПОДЗЕМНЫЙ МИР**
the place under the ground where the spirits of dead people live	место под землей, где находятся души покойников

1. По **степени абстракции** вымышленная местность делится на **2** группы:

– ***1-я группа:*** реально существующему прототипу, например, саду или речке, приписываются реальне черты (в саду живут люди, не зная греха; у речки кисельные берега): *Eden* – ‘garden where the first humans (Adam and Eve) lived. Eden was a beautiful place where they lived happily with no knowledge of sin’ [28: 416] – «Эдем – это сад, где жили первые люди – Адам и Ева. Эдем был прекрасным местом, где они жили счастливо, ничего не зная о грехе»; *молочна ріка з кисільними берегами* символизирует ‘неможливий світ, земний рай’ [21: 503; 24 (2): 514];

– ***2-я группа:*** отсутствие реального прототипа – вымысел, плод фантазии человека: *hell* – ‘a place where the souls of bad people are believed to be punished after death’ [29: 759] – „Ад – место, куда, как считают многие, попадают души умерших грешников для наказания после смерти); *рай* – ‘місце (той світ), де блаженствують праведники після смерті’ [21: 493].

2. Лексические единицы могут иметь разные виды **коннотации:**

– *положительную:* *dreamland* – ‘a happy place or situation that exists only in your imagination’ [29: 477] „счастливое место или ситуация, которые существуют лишь в Вашем воображении”; *ефір* – ‘найвищий шар чистого й прозорого повітря, в якому нібито жили боги’ [26 (2): 493];

– *отрицательную:* *dystopia* – ‘an imaginary place where life is extremely difficult and a lot of unfair or immoral things happen’ [29: 491] „выдуманное место, где жизнь чрезвычайно тяжела, и где имеет место много нечестных или аморальних верей”; *кагла* – ‘за народними уявленнями, місце перебування чортів і відьом’ [1: 214].

Положительному восприятию лексем *dreamland* и *ефір* способствуют положительно ориентированные языковые единицы – прилагательные *happy; чистий, прозорий* и существительное *боги*. Отрицательное значение образов, вербализованных лексемами *dystopia* и *кагла,* обусловлено существительными *чортів, відьом* и прилагательными *difficult, unfair, immoral*, которые

ассоциируются со злом.

3. С точки зрения **семантики** лексические единицы делятся на

– *моносемантические,* состоящие из одной лексемы: *Never-never Land* – ‘an imaginary and wonderful place; a fantasy or dream land’ [28: 913] „прекрасное придуманное место; место фантазий или мечты” *буваличі* – ‘фантастична місцевість, де з людиною трапляються різноманітні пригоди’ [27: 104];

– *полисемантические,* имеющие в своем составе не менее одной лексемы: *fairyland* – ‘**1** an imaginary place where fairies live; 2 a place that looks very beautiful and special’ [29: 564] „**1)** вымышленное место, где живут феи 2) необычайно красивое место”; *Дунай* – ‘**1** міфічний образ головної річки 2 міфічний образ богатиря у билинах’ [1: 167].

Большинство (85%) лексических единиц в исследуемых языках являются моносемантическими, потому что воображение человека порождает лексические единицы, преследуя определенную цель.

4. По **структурной организации** лексемы подразделяются на

– *монокомпонентные:* *limbo* – ‘a place which is neither Heaven nor hell where the souls of those who have done evil may go after death even though they were not Christians during their life’ [28: 764] „место, которое не является ни раем ни адом; сюда после смерти попадают души грешников, даже если при жизни они были христианами”; *чистилище* – ‘місце, куди потрапляють душі покійників “не зовсім злих” і “не зовсім добрих”, де вони очищають свої гріхи вогнем, аби потім опинитись у раю’ [1: 587];

– *поликомпонентные:* *dream world* – ‘a world of impractical or unreal ideas’ [28: 397] „мир невозможных и нереальных идей”; *Зміїне царство* – ‘тридесяте царство’ [1: 192].

Поликомпонентные лексические единицы в английском языке имеют 9 словообразовательных моделей:

– **N + prep. + N:** *City of David*;
– **N + N (possessive case) + N:** *Davy Jone’s locker;*
– **N + N:** *Fantasy Island;*
– **N + Num.:** *cloud nine;*
– **Num. + N:** *Seven Heaven;*
– **N (possessive case) + N:** *Alladin’s Cave;*
– **Adj. + N:** *ivory tower;*
– **Adv + Adv + N:** *Never-never Land;*
– **Part. II + N:** *Promised Land.*

В украинском языке структурная организация поликомпонентных единиц имеет следующий вид:

– **N + N:** *острів Буян;*
– **V + N:** *Забудь-річка;*
– **Num. + N:** *тридесяте царство;*
– **Adj. + N:** *вогненна річка.*

Самая многочисленная поликомпонентная лексическая единица –

молочна ріка з кисільними берегами – зарегистрирована в украиноязычных лексикографических источниках и имеет такую модель: **N + N + prep. + N + N.** В английском языке самые многочисленные лексемы, обозначающие придуманную местность, включают три компонента – *Forest of Arden, Davy Jone's locker*. Анализ исследуемого материала свидетельствует о его большем структурном разнообразии в английском языке.

5. Лексические единицы употребляются в

– ***единственном числе:*** *Camelot* – 'the place where Arthur and his knights lived. It is believed to have been in Somerset in SW England, and is thought of as a magical, beautiful, and peaceful place' [28: 176] „Камелот – место, где жили король Артур и его рыцари. Полагают, что оно находится в графстве Сомерсет на юго-западе Англии. Считается, это прекрасное магическое и спокойное место"; *рай-ріка* символізує 'вічність, життєдайність' [23: 201];

– ***множественном числе:*** *буваличі* – 'фантастична місцевість, де з людиною трапляються різноманітні пригоди' [27 (1): 104].

В английском языке также зарегистрированы лексические единицы во множественном числе, попавшие из античной литературы: *Elysian Fields* – 'a place of complete happiness; paradise. According to ancient Greek stories, Elysium is the place where good people go after their death' [28: 424] „Елисейские поля – место полного счастья, рай; в греческой мифологии – место, куда попадают хорошие люди после смерти".

Английская выдуманная местность во множественном числе не зарегистрирована.

В исследуемых языках большинство лексем (95%) для обозначения вымышленной местности используется в единственном числе.

6. В английском языке группу существительных, имеющих сему "Местность", формируют следующие единицы: *area, bottom of the sea, capital, city, country, garden, island, land, mountain, place, planet, street, town, village.* В украинском языке в группу существительных с семой "Местность" входят такие лексические единицы, как *гора, держава, країна, місцевість, місцини, острів, річка, царство.*

Структура исследуемой тематической группы в английском и украинском языках делится на парцеллы – более мелкие составляющие, представленные тематическими подгруппами:

а) лексические единицы, обозначающие территориальное деление;

б) лексические единицы, раскрывающие особенности рельефа;

в) лексические единицы, характеризующие специфику организации Вселенной;

г) лексические единицы, дающие представления об инфраструктуре движения.

А. Лексические единицы, обозначающие **территориальное деление:**

– **страну:** *Lilliput* – 'an imaginary country in the book "Gulliver's Travels" by J. Swift, where all the people, animals and buildings are very small' [28: 764]

«Лиллипутия – в романе Дж. Свифта “Путешествия Гулливера” – вымышленная страна, в которой все люди, животные и здания были очень маленькими»; *Кам'яна держава* – ‘держава, що знаходиться під землею […] А немає ні людей, ні звірів і ні птахів – усе обернено на камінь. Володар країни – дідуган віком понад дві тисячі років’ [1: 588];

– город: *Gotham* – ‘the city where the character Batman lives in the stories about him’ [28: 570] „город, в котором живет Бетмен – персонаж историй про Бетмена”;

– **село:** *Ambridge* – ‘an imaginary village in the English countryside where the characters of “The Archers radio” programme, live and work’ [28: 34] „вымышленная местность в сельской местности Англии, в которой живут и работают персонажи радиопередачи “The Archers radio”.

Наименование	**Английская картина мира**	**Наименование**	**Украинская картина мира**
country	+	*страна*	+
city, town	+	*город*	–
village	+	*село*	–

Таблица 1.1. Лексические единицы, обозначающие территориальное деление

Б. Лексические единицы, раскрывающие **особенности рельефа**:

– **остров:** *Avalon* – ‘a holy island, which some people believe is near Glastonbury in SW England, where Arthur was buried’ [28: 71] „святой остров, который, как считают некоторые люди, находится на юго-западе Англии, и где похоронен король Артур”; *Макарійські острови* – ‘міфічні блаженні місцини, де ріки медові і молочні, а береги кисільні’ [1: 86];

– гору: *Cynthus* – ‘mountain on Delos where Cynthia was born [36: 284] „гора на острове Делос, где родилась Синтин”; *Хорив* – ‘міфічна гора у центрі світу, навіть Всесвіту. Вершина її сягає Полярної зірки, низ указує вхід у потойбічний світ. Основа гори на землі, там, де проходить її вісь, тобто це “пуп землі’ [1: 562];

– **долину:** *Shangri-La* – ‘a distant, beautiful, imaginary place where everyone is happy, from the book “Lost Horizon” by J. Hilton, about an imaginary valley in Tibet’ [28: 1236] „вымышленное прекрасное далекое место, где все счастливы; из книги Дж. Хилтона “Потерянный горизонт” про вымышленную долину в Тибете”;

– речку: *Phlegethon* – ‘a river of fire in Hades’ [36: 861] (речка огня в подземном мире); *Забудь-річка* – ‘вважається, що, перейшовши у сороковий день Забудь-річку, померлий забуває все, що з ним було на цім світі’ [1: 181].

Наименование	Английская картина мира	Наименование	Украинская картина мира
island	+	*остров*	+
mountain	+	*гора*	+
valley	+	*долина*	–
river	+	*речка*	+

Таблица 1.2 – Лексические единицы, раскрывающие особенности рельефа

В. Лексические единицы, характеризующие особенности организации Вселенной: *Krypton* – ‘the imaginary planet where the character Superman is supposed to have been born’ [28: 731] „Криптон – вымышленная планета; считается, что на ней родился Супермен”; *пекло* – ‘потойбічне місце під землею, куди потрапляють душі померлих грішників для вічних мук’ [21: 436].

Г. Лексические единицы, дающие представления об инфраструктуре движения: *Ramsay Street* – ‘the imaginary street in which the main characters live in the Australian television soap opera “Neighbours” [28: 1101] „вымышленная улица, на которой живут главные герои австралийской “мыльной” оперы “Соседи”; *Божа дорога* – ‘дорога в Рай (Вирій)’ [21: 46].

Зарегистрированы лексические единицы, которые могут одновременно относиться к **разным тематическим группам**: *utopia* – ‘an imaginary place or situation in which everything in society is perfect’ [30: 1585] „вымышленное место или ситуация, когда в обществе все совершенно”; *inferno* – ‘a place or a state that resembles or suggests hell’ [36: 591] „место или состояние, напоминающее ад”.

Состав тематической группы “Местность” отличается разнообразием, так как она представлена группой слов, объединенных разными отношениями: как синонимическими, так и антонимическими. Синонимия лексем *place, area, land; місце, місцевість* базируется на общем семантическом признаке.

В соответствии с лексикографическими источниками, синонимические отношения имеют такие лексемы: *Hell – gehenna, limbo, abyss, Tartarus, Sheol, Pandemonium, Tophet, Hades, Avernus, Erebus, place of torment, bottomless pit, everlasting fire, infernal regions, shades below, realms of Pluto, the lower world, underworld, inferno, abode of the damned* [35: 220]; *пекло – ад, геєна, тартар* [24 (2): 129], *рай – едем* [24 (2): 514].

Лексические единицы, связанные синонимическими отношениями, делают более выразительным тот же смисл с учетом вариантности и параллельности употребления.

Между лексемами *рай – ад* зафиксированы внутренние антонимические отношения – они обозначают диаметрально противоположные сущности. Такие лексические единицы воспринимаются в противопоставлении позитивного (*Heaven; рай*) и негативного (*Hell; ад*). Антонимическая оппозиция имеет экзистенциональное значение как для отдельного человека, так и для

лингвокультурного сообщества в целом.

Между лексическими единицами тематической группы “Местность” зарегистрированы вертикальные и горизонтальные связи.

Вертикальные связи основываются на иерархических отношениях между единицами исследуемой тематической группы:

Горизонтальные связи наблюдаются между смежными лексемами: *island, mountain, valley, river.*

7. Источники появления лексических единиц тематической группы “Местность” характеризуются разнообразием:

а) мифология: *Arcadia* – ‘an area with mountains and beautiful countryside in ancient Greece where people lived pleasant, simple life’ [28: 53] „Аркадия – в Древней Греции – горная местность, имеющая прекрасный вид, в которой люди живут счастливо); *Парнас* – ‘великий гірський масив у Греції, який, за старогрецькою міфологією, служив одним з місць перебування Аполлона і муз’ [26 (6): 71];

б) религия: *Golgotha* – ‘the place near Jerusalem where, according to the Testament of the Bible, Jesus Christ died by being crucified’ [28: 566] „Голгофа – местность в окрестностях Иерусалима, где, согласно Библии, был распят Иисус”; *Обітована земля* – ‘райська країна, куди після довгих поневірянь пророк Мойсей вивів свій народ’ [21: 405];

в) литература:

– с к а з к а: *тридесяте царство* – ‘дуже віддалена (далека, чужа) країна, земля; також царство мертвих, яке іноді знаходяться під землею, іноді на горі або під водою; там, проте, є сади, дерева, і ці дерева родять’ [21: 605];

– р о м а н: *Brobdingnag* – ‘ the land of giants in Jonathan Swift’s “Gulliver’s Travels” [34: 764] „в романе Дж. Свифта “Путешествия Гулливера” – фантастическая местность, где живут гиганты”;

– п о э м а: *cloud nine* – ‘the ninth and highest heaven of Dante’s Paradise, whose inhabitants are most blissful because nearest to God’ [36: 212] „девятый, наивысший слой в произведении Данте про рай, жители которого являются самыми счастливыми, так как они ближе всего находятся к Богу”; *острів Буян* – на цьому острові ‘перебувають усі могутні сили весняних дощів, гроз, громів, бур’ [21: 424];

г) теле- и аудио простор: *Wimbledon Common* – ‘an area where there is

grass and trees in London; imaginary creatures covered in fur live on Wimbledon Common' [28: 1535] „территория в Лондоне, где растут деревья, трава; здесь обитают вымышленные существа, покрытые шерстью"; *Ambridge* – 'an imaginary village in the English countryside where the characters of "The Archers" radio programme, live and work' [28: 34] „вымышленная английская сельская местность, где живут и работают персонажи радиопередачи "The Archers";

д) компьютерные технологии: *cyberspace* – 'the imaginary place that emails and other pieces of information pass through when they are going from one computer to another' [30: 345] „вымышленное пространство, через которое проходит электронная почта и другие виды информации от одного компьютера к другому".

8. В результате исследования выявлена **вариативность в номинации** понятий, вербализованных лексическими единицами: *Heaven – Abraham's bosom, Paradise, the New Jerusalem; Underworld – Hades; Забудь-ріка – вогненна річка; кагла – комин; пекло – ад, геєна, Гелена, геєна вогненна, ереб, тартар; острів Буян – острів Киян, Курган-острів, Буєвий острів; рай – едем, небо, небеса.*

Иллюстративный материал свидетельствует также о существовании нескольких ***орфографических вариантов:*** *EL Dorado – ElDorado*; *Білозерна – Білозірка*; *вирій – вирай, ирій, ірій, урай, ір, ірей, тепличина*.

В отличие от украинского языка, где доминирует номинативное разнообразие, для английского языка характерна семантическая вариативность.

Тематическая группа "Местность" является самой многочисленной в английском языке, насчитывая 122 лексические единицы (45.52%), но занимает второе место в украинском языке – 80 лексем (32.0%).

Количественные показатели свидетельствуют о большем разнообразии состава анализируемой группы в английском языке по сравнению с украинским языком. Обогащение лексики тематической группы "Местность" в английской картине мира происходит благодаря теле- и аудиопространствам, а также компьютерным технологиям.

Проведенный анализ позволят сделать следующие **выводы:**

– тематическая группа "'Местность" структурирована на основе общего семантического признака, объединяющего все лексические единицы, и выражена лексемой с общим значением *place* в английском языке и *місцевість* в украинском языке;

– тематическая группа "'Местность" моделируется в исследуемых языках на основе лексических единиц, объединенных в четыре тематические подгруппы: 1) территориальное деление, 2) особенности рельефа, 3) особенности организации Вселенной, 4) инфраструктура движения. Лексические единицы тематических подгрупп специфицируют понятия, входящие в общую категорию;

– в лексикографических дефинициях доминируют определенные языковые единицы для изображения вымышленных мест – прилагательные

idyllic, *imaginary, holy, hypothetical, magic, mysterious; фантастичний, уявний, неможливий, потойбічний* и наречие *ніби-то;*

– характерной чертой вымышленной местности в украинском языке является неточность и размытость: нет точных координат, указывающих на ее местоположение. Что касается английского языка, то вымышленная местность географически более конкретизирована.

II. Тематическая группа "Понятия".

Исследуемая тематическая группа является второй по репрезентативности в английском языке (74 лексические единицы или 27.61%), и самой многочисленной в украинском языке (86 лексических единиц или 43.4%).

Тематическая группа "Понятия" делится на **3** подгруппы в соответствии с семантическим компонентом – ***абстрактные понятия, явления*** и ***географические понятия.***

Лидирующее место занимает подгруппа, обозначающая абстрактные понятия – 46 лексем в английском языке, 51 – в украинском языке.

1. А б с т р а к т н ы е п о н я т и я. Лексические единицы данной подгруппы обозначают

– *свойство:* *holiness* – 'the quality of being holy' [31: 462] „святость – свойство быть святым"; *демонізм* – 'властивість за знач. демонічний (власт. демону, злий)' [26 (2): 239];

– *действие:* *Creation* – 'God's act of creating the Universe, the Earth, and all living things on Earth' [28: 303] „действие Бога, направленное на создание Вселенной, Земли и всех живых существ"; *провидіння* – 'дія уявної надприродної істоти, бога; вища сила' [26 (8): 131];

– *способность:* *imagination* – 'the ability to imagine' [28: 660] „способность выдумывать"; оборотництво – 'у стародавніх віруваннях – перетворення (магічне перевтілення) людей на звірів, птахів і навпаки; таку здатність мають передусім чаклуни, відьми' [21: 407];

– *силу:* *karma* – 'the force generated by a person's actions held in Hinduism and Buddhism to perpetuate transmigration and its ethical consequences to determine his destiny in the next existence' [36: 630] „в иудаизме и буддизме сила, вызванная жизненными действиями человека, и их этические последствия на определение судьбы человека в дальнейшем"; *фатум* – 'у давніх римлян – таємнича сила, що нібито наперед визначає долю всього існуючого; неминучість; хрест, рокованість, приреченість, фатальність' [22 (3): 649];

– *состояние:* *eternity* – 'the state after death' [36: 392] „вечность – состояние после смерти"; *нірвана* – 'блаженний стан спокою "людської душі", що досягається шляхом повного відмовлення від усіх життєвих турбот, чуттєвих бажань' [26 (5): 426].

Некоторые лексические единицы в английском языке могут обозначать несколько абстрактных понятий:

– ***состояние или/и свойство:*** *sainthood* – ‘the state or quality of being a saint’ „состояние или свойство быть святым» [31: 879]; *хаотичність* – ‘стан і властивість за знач. хаотичний, хаотичний’ [26 (11): 18];

– ***силу или процесс:*** *fantasy* – ‘the power or process of creating especially unrealistic or improbable mental images’ [36: 415] „фантазия – процесс или сила создания необычайно ирреальных и невозможных ментальных образов”.

Фактический материал исследуемой подгруппы позволил дифференцировать лексические единицы по оценочному критерию:

– ***положительная оценка:*** *redemption* – ‘the state of being freed from the power of evil, believed by Christians to be made possible by Jesus Christ’ [29: 1375] «состояние быть свободным от силы зла; христиане считают, что это стало возможным благодаря Богу»; *раювання* – ‘дія за знач. раювати – міф. бути в раю’ [26 (8): 460]);

– ***отрицательная оценка:*** *Passion* – ‘the suffering and death of Christ’ [28, с. 984 (страдание и смерть Христа); *гріхопадіння* – ‘порушення першими людьми, Адамом і Євою, завітів, даних їм богом’ [26 (2): 171]).

2. Подгруппа **“Я в л е н и я”** занимает второе место по численности – 15 лексем в английском языке и 27 в украинском языке.

Единицы анализируемой подгруппы обозначают

– природные явления;

– явления, вызванные сверхъестественной силой – действием Бога, волшебников;

– явления, обусловленные состоянием организма человека.

А. Природные явления. Некоторые природные явления можно частично отнести к миру ирреальности, поскольку их следствием является появление наземных образований и т.д.:

– з р и т е л ь н о е я в л е н и е: *illusion* – ‘something that seems to be different from the way it really is’ [29: 809] «иллюзия – неправдивое восприятие действительности»; *марево* – ‘зорове явище в атмосфері, при якому біля горизонту з’являються уявні зображення наземних предметів або ділянок неба; міраж’ [26 (4): 626];

– о п т и ч е с к о е я в л е н и е: *mirage* – ‘an optical phenomenon in which remote objects are seen inverted, as if mirrored in water, or suspended in midair’ [31: 637] (оптическое явление, при котором удаленные предметы изображаются инвертированно, как-будто оражаясь в воде); *міраж* – ‘оптичне явище в атмосфері, при якому на горизонті з’являються уявні зображення наземних предметів або ділянок неба’ [26 (4): 745].

Б. Сверхъестественные явления, появление которых обусловлено сверхъестественными силами, могут иметь 2 степени абстракции:

– 1-я степень абстракции: в ее основе лежит реальный прототип: *Flood* – ‘a story in the Old Testament of the Bible about a great flood that covered the whole world. According to the story, God caused the Flood because he was angry with people on Earth and wanted to punish them’ [28: 497] «Потоп – в Ветхом Завете –

история о большом потопе, который покрыл всю землю. Согласно Завету, Бог, разгневавшись на людей, вызвал появление потопа, чтобы наказать людей»; *потоп* – ‘повінь, яку через гріхи людей надіслав бог, щоб затопити землю’ [26 (7): 416];

– 2-я степень абстракции: явления, вызванные ирреальной силой и не имеющие реального прототипа, обозначают желаемое, но не реальное: *miracle* – ‘a supernatural event regarded as due to divine action’ [31: 637] «чудо – сверхъестественное событие, вызванное божественной силой»; *чудасія* – ‘явище, викликане надприродною, божою силою або чаклунством’ [25: 965].

В. Явления, обусловленные состоянием организма человека: *hallucination* – ‘seeing sth that is not really there (because you are ill or have taken a drug’ [33: 289] „галлюцинации – ложное восприятие действительности по причине болезни или потребления наркотиков”, *phantasm* – ‘a thing seen in the imagination’ [32: 946] „мысленное воображение”; *примара* – ‘те, що приснилося, примарилося’ [26 (7): 665]; *галюцинація* – ‘неправдиве сприйняття людиною довколишнього світу різними органами чуття, зумовлене порушенням діяльності мозку або хворобливим станом організму’ [25: 178].

Лексические единицы подгруппы “Явления” образуют **синонимические ряды:**

– в английском языке: *Fata Morgana – mirage* [37: 76], *phantasm – illusion* [32: 946];

– в украинском языке: *видіння – марево, примара, видиво, дивовиддя, фантасмагорія* [24 (1): 166], *ілюзія – омара, фантазія* [24 (1): 642], *міраж – мрево, мево* [24 (1): 811], *омана – обман, ілюзія, злуда* [24 (2): 66].

3. Наименее репрезентативной (в английском языке – 12 лексем, в украинском языке – 8) является подгруппа, состоящая из единиц, обозначающих **г е о г р а ф и ч е с к и е п о н я т и я:**

– ***ось:*** *axis* – ‘an imaginary line through the middle of an object that turns’ [33: 39] „ось – воображаемая линия, проходящая через середину поворачивающегося предмета”; *вісь* – ‘уявна пряма лінія, що проходить через середину якогось тіла або простору’ [25: 152];

– ***екватор:*** *equator* – ‘imaginary line encircling the earth halfway between the North and South poles and from which degrees of latitude are measured’ [34: 344] „экватор – воображаемая линия, проходящая на одинаковом расстоянии от Северного и Южного полюсов; от экватора измеряется долгота”; *екватор* – ‘уявна лінія, що проходить навколо земної кулі на однаковій віддалі від обох полюсів і ділить її на Північну та Південну півкулі’ [25: 276];

– ***меридиан:*** *meridian* – ‘an imaginary line drawn from the top point of the Earth (North Pole) to the bottom used on maps to show position’ [28: 852] „меридиан – воображаемая линия, проходящая от наивысшей точки Южного (Северного) полюса к наименьшей для указания местоположения”; *меридіан* – ‘уявна лінія, що утворюється при перетині земної кулі площиною, що проходить через будь-яку точку земної поверхні і вісь обертання Землі’ [26 (4):

677];

– *тропик:* *tropic* – ‘either of the two imaginary lines drawn round the world at about 23 $^{1\backslash 2}$ north’ [29: 1777; 32: 1390] „тропик – одна из двух воображаемых линий, удаленных от экватора приблизительно на 23 $^{1\backslash 2}$ к северу”; *тропік* – ‘уявне коло на поверхні земної кулі, паралельне екватору, віддалене від нього на 23^{0} 27 на північ або на південь’ [25: 866].

Исследуемый материал позволил сделать следующий **вывод:**

– лексические единицы тематической группы “Понятия” объединены общим семантическим признаком и структурируются в 3 тематические подгруппы: природные явления; явления, вызванные сверхъестественной силой – действием Бога, волшебников и явления, обусловленные состоянием организма человека.

III. Тематическая группа “Предмет”.

Тематическая группа “Предмет” является одной из самых репрезентативных групп ФСП “Ирреальное неживое” (55 единиц или 20.52%) в английском языке, а в украинском языке занимает третье место (61 лексема или 24.4%).

В процессе возникновения новых – выдуманных – предметов происходит лишь частичное абстрагирование от жизненных реалий, поскольку имеет место объединение реального и вымышленного миров.

1. По **степени абстракции** выдуманные предметы делятся на **3** подгруппы:

– ***1-я подгруппа*** *“Искусственные конструкции”* объединяет предметы, появившиеся как результат ментальных и физических усилий человека: *manikin* – ‘a model of the human body that is used for teaching art or medicine’ [32: 780] „манекен – модель человеческого тела, используемая при обучении рисованию или медицине”; *манекен* – ‘людська фігура з дерева або пап’є-маше й т. ін. для примірки тощо’ [6].

Искусственные конструкции могут подразделяться в зависимости от сложности их внешнего оформления. Самым простым в английской картине мира является предмет, обозначенный лексемой *scare-crow* – ‘an object (often old clothes hung on sticks) in the shape of a person, set up in a field to keep birds away from crops’ [28: 1464] „предмет, одетый в старые вещи, внешне очень похожий на человека; обычно его устанавливают на поле для отпугивания птиц”. В украинской картине мира *опудало* – ‘подоба людської статі з накинутого на хрестовину або начиненого соломою старого одягу, яку ставлять у садках і на городах для відстрашування птахів’ [24 (2): 6; 26 (5): 733]. Такие конструкции не разговаривают и не двигаются. Они являются примитивными как по внешнему виду, так и по выполняемой функции.

Более сложные организмы **частично** похожи на человека: *кіборг* – “кібернетичний організм; пристрій, у якому певною мірою здійснено симбіоз фізичних та інтелектуальних здібностей людини й технічних засобів автоматики” [25: 397] или **полностью:** *android* – ‘a robot that looks completely

human' [29: 48] „андроид – полностью похожий на человека робот".

Похожие на человека конструкции выполняют сложные функции. Например, *robot* – 'a mechanical device designed to do the work or part of the work of one or more of human beings, especially such a device activated by radiant energy, sound waves etc.' [31: 60] „робот – механическое устройство, предназначенное для выполнения вместо человека всей работы или же ее части, особенно это касается работы, связанной с радиоактивностью, звуковыми волнами и т.д."

Развитие науки и техники привело к созданию качественно новой конструкции – искусственного организма, являющего результатом комбинаторных действий человека – его мыслительных операций и физических усилий. Определенным толчком к созданию таких конструкций является желание людей познать загадочные явления и, как результат, наблюдается дальнейший прогресс науки, стимулирующий и генерирующий развитие человеческой фантазии.

Сложность исследования лексических единиц, обозначающих искусственные конструкции, связана с их очень незначительным количеством. В английском и украинском языках группа таких лексем является наименее репрезентативной: в английском языке зарегистрировано 4 лексические единицы – *android, cyborg, manikin, robot* в украинском языке 5 лексем – *андроїд, кіборг, манекен, опудало, робот.*

В украинском языке преобладающее большинство (80%) лексических единиц, обозначающих искусственную конструкцию, являются заимствованиями: *android – андроїд, cyborg – кіборг, manikin – манекен, robot – робот.* Украинцы не создают свои номинации, а заимствуют чужие.

Лексические единицы, обозначающие искусственную конструкцию, составляют бинарную оппозицию "естественный – искусственный". Структурная организация лексических единиц доказывает их полную моносемантичность в английском и украинском языках.

– 2-я подгруппа объединяет лексемы, обозначающие предметы, которые появились как плод воображения человека с частичным абстрагированием от реальности: *Epistle* – 'any one of the letters written by an Apostle' [34: 343] „одно из писем, написанное апостолом".

Письма как форма выражения мыслей существуют на самом деле. Тот факт, что они могут быть написаны последователем Иисуса Христа – апостолом, является результатом мыслительного процесса, осуществляемого человеком.

Единицы ***3-ей подгруппы*** гиперболизуют желаемые качества – обычным предметам приписываются чудодейственные качества: *magic lamp* – '[…] a lamp from a secret cave, which full of jewels and valuable objects. When Aladdin finds out the lamp and rubs it, a genie appears and says to Aladdin, "Your wish is my command" [28: 25] „волшебная лампа – лампа из секретной пещеры, наполненная драгоценностями и дорогими предметами. Когда ее нашел Аладдин и потер, то появился джин, готовый выполнить любое желание

Аладдина: “Чего желаете, господин?”; *скатертина-самобранка* – ‘чарівна скатертина, на якій за бажанням її власника можуть з’являтися різні страви, напої тощо’ [26 (9): 29].

2. Согласно семантического критерия, преобладающее большинство лексем тематической группы “Предмет” (в английском языке – 74%, в украинском языке – 80%) являются моносемантическими, так как предметы были придуманы человеком для достижения определенной цели:

– быстро переносить на дальние расстояния: *magic carpet* – ‘a carpet that can fly and carry people’ [32: 772] „волшебный ковер – ковер, который умеет летать и перевозить людей”; *чоботи-скороходи* – ‘чарівні чоботи, які швидко переносять на велику відстань того, хто їх взуває’ [26 (9): 303];

– защищать: *Excalibur* – ‘King Arthur’s magic sword, in the Arthurian legend’ [31: 329] „в легендах про короля Артура – волшебный меч короля”; *меч-кладенець* – ‘чарівна зброя, що її викопує лицар (богатир) з-під високої гори, де цей меч лежав як скарб. Той, хто знайшов цей скарб, згідно з повір’ям, стає невразливим до стріл і мечів. Меч-кладенець має дивовижну здатність: вражаючи ворогів, народжувати власне військо (за О. Афанасьєвим)’ [23: 167];

– служить для определения статуса: *aegis* – ‘a shield or breastplate emblematic of majesty that was originally associated chiefly with Zeus but later mainly with Athena’ [36: 18] „щит или защита для груди, показатель величия; сначала асоциировался с Зевсом, а потом – с Афиной”; *егіда* – ‘назва щита бога Зевса’ [26 (2): 454].

3. Исследование лексических единиц по **коннотативному критерию** позволило поделить их на 2 типа:

– имеющие ***положительную оценку:*** *Hippocrene* – ‘a fountain believed to be a source of poetic inspiration’ [36: 542] „фонтан, его считают источником поэтического вдохновения”; *чудесна дудка* – ‘свідок та викривач учиненого злочину’ [1: 580];

– имеющие ***отрицательную оценку:*** *Augean stables* – ‘according to ancient Greek stories, the very dirty buildings where a king named Augean kept thousands of cattle’ [28: 68] „Авгиевы конюшни – в греческой мифологии – очень грязные строения, в которых король Авгий содержал огромное количество животных”; *Вавілонська вежа* – ‘з біблійної легенди про те, як люди хотіли побудувати у Вавилоні вежу до небес, але Бог змішав їхні мови, щоб вони не розуміли один одного’ [25: 87]).

4. По **структурной организации** лексемы делятся на

– ***монокомпонентные,*** состоящие из одной лексической единицы: *mirror* – ‘mirror, mirror on the wall, who’s the fairest of them all? A question asked by the wicked queen in the story of Snow White’ [28: 867] “Зеркальце, зеркальце, скажи, кто на свете всех милее?”. Вопрос задан злой королевой в истории про Белоснежку”; *тирс* – ‘жезл бога виноградарства й виноробства Діоніса та його супутників, увитий плющем і виноградним листям, із шишкою піні на верхньому кінці’ [22 (3): 535];

– ***поликомпонентные,*** имеющие в своем составе не менее двух лексем: *golden egg* – ‘an egg made of gold laid by the Golden Goose’ [28: 565] „золотое яйцо – яйцо, снесенное Золотой Укой”; *калинова сопілка* – ‘казковий образ чарівної (дивної) сопілки, вирізаної з калини, що виросла на місці пролитої крові’ [21: 568].

Поликомпонентные единицы в английском языке имеют 7 словообразовательных моделей:

– **N + prep. + N:** *Tower of Babel;*
– **N + N:** *glass slipper;*
– **Part. I + N:** *Flying Dutchman;*
– **N (possessive case) + N:** *Pandora’s box;*
– **Adj. + N:** *Holy Grail;*
– **Adv + N:** *Daily Planet;*
– **Part. II + N:** *golden fleece.*

В украинском языке структурная организация поликомпонентных единиц выявила 3 модели:

– **N + N:** *острів Буян;*
– **Adj. + Adj. + N:** *чарівна лісова хатинка;*
– **Adj. + N:** *вогняна колісниця*.

Самая многочисленная поликомпонентная единица тематической группы “Предмет”, зарегистрированная в лексикографических источниках украинского языка, включает 5 компонентов: **N + conj. + Pronoun + V + N** – *столик, що сам готує їжу*.

В английском языке самые многокомпонентные единицы, обозначающие выдуманные предметы, состоят не более, чем из трех компонентов: *Tower of Babel* – ‘a tower in a story in the Old Testament of the Bible’ [28: 1426] „Вавилонская башня – башня, упомянутая в Ветхом Завете”.

Характерной чертой структурной организации украинских лексем является сложение компонентов: *килим-самоліт, скатертина-самобранка, торбинка-волосянка, торбинка-дротянка, яйце-райце*.

В английском и украинском языках структурная организация большинства лексических единиц, обозначающих выдуманные предметы, репрезентируется с помощью двух лексем, одна из которых раскрывает сущность называемого предмета, например, *magic wand* и *чарівна паличка*. Прилагательные *magic* и *чарівна* обозначают ирреальное свойство, приписывая его обычному предмету *wand; паличка*. Таким образом у обычной палочки появляются волшебные свойства, а также возникает новый предмет.

Поликомпонентные лексемы имеют внешний признак для выражения ирреальности, так как один из компонентов имеет “говорящую” номинацию. Прилагательные *magic*; *дивний, казковий, уявний, чарівний, чудодійний* расширяют границы концептуализации реальных предметов, приобретая иной смысл – более сложный и богатый.

Анализ структурного потенциала выявил большие возможности

английского языка в сравнении с украинским языком. Структурная вариативность разнообразнее, что подтверждается суммарным сравнением структурных моделей: в английском языке – 7, в украинском – 4.

Характерной номинативной особенностью украинского языка является "говорящая" номинация выдуманных предметов: *дубинка-самобий; столик, що сам готує їжу; чоботи-скороходи; шапка-невидимка.* Этимология данных номинаций вполне проста и понятна, поскольку у всех присутствует внутренняя логическая форма, а словообразовательная типология, за исключением лексемы *столик, що сам готує їжу,* характеризуется однотипностью.

5. Хотя в украинском языке лексические единицы могут употребляться как в ***единственном числе*** (*Подорожній стовп* – 'персонаж казок та билин' [1: 378]), так и во ***множественном числе*** (*Небесні мости* символізують 'зв'язок між небом і землею, божеством і людиною' [1: 329]), большинство лексем (74%) используется в единственном числе. В английском языке зарегистрированы лексемы, используемые только в единственном числе.

6. Выдуманные предметы в английской и украинской картинах мира характеризуются разнообразием:

– о р у ж и е: *ray gun* – 'an imaginary gun in science fiction stories that fires rays instead of bullets' [30: 1171] „в произведениях по научной фантастике – придуманное оружие, стреляющее огнем, а не пулями"; *меч-кладенець* – 'чарівна зброя, що її викопує лицар (богатир) з-під високої гори, де цей меч лежав як скарб' [23: 167];

– к а м е н ь: *Kryptonite* – 'a type of rock that comes from the planet Krypton in the Superman Stories. It is harmful to the Superman' [28: 731] „криптонит – в историях о Супермене – тип камня с планеты Криптон, наносящий вред Супермену"; *зміїний камінь* – 'за повір'ям, володіє магічною силою. Деякі змії мають його на голові або у нутрощах. За допомогою такого каменя вони можуть оживляти подібних собі' [1: 192];

– к о р а б л ь: *Flying Dutchman* – 'a phantom ship of ill omen alleged to appear to sailors in the waters surrounding the Cape of Good Hope' [31: 363] „Летучий Голландец – корабль-призрак, имеющий дурную славу и который чудится морякам в водах возле мыса Доброй Надежды"; *Летючий голландець* – 'легендарний образ капітана, приреченого на вічне плавання в морі, а також корабель цього капітана' [26 (4): 481];

– п а л о ч к а: *magic wand* – 'a stick used by a magician' [28: 990] „волшебная палочка – палочка, используемая волшебником"; *чарівна паличка* – 'предмет у вигляді невеликого жезла, який має чудодійні властивості' [26 (6): 29].

Во время анализа словарных дефиниций лексических единиц, обозначающих выдуманные предметы, мы пришли к выводу о доминировании прилагательных *magic*; *дивний, казковий, уявний, чарівний, чудодійний*. В английском языке семантической доминантой является прилагательное *magic*,

тогда как в украинском языке зафиксирован значительно более богатый синонимический ряд для выражения семы ‘ирреальность’.

7. Вымышленные предметы в исследуемых языках появляются из разных **источников:**

– ***мифология:***

– г р е ч е с к а я: *aegis* – ‘a shield or breastplate emblematic of majesty that was originally associated chiefly with Zeus but later mainly with Athena’ [36: 18] „щит или защита для груди, показатель величия; сначала ассоциировался с Зевсом, а потом – с Афиной”; *егіда* – ‘назва щита бога Зевса’ [26 (2): 454];

– н о р в е ж с к а я: *Bifrost* – ‘the rainbow bridge between Asgard, home of the gods, and Midgard, the earth’ [34: 95] „мост-радуга между домом богов и землей”;

– с л а в я н с к а я: *вогняна колісниця* – ‘візок як засіб пересування святого Іллі-пророка, з ім’ям якого пов’язують грім, блискавку, дощ’ [21: 104];

– ***религия:*** *Noah’s ark* – ‘the large boat built by Noah to save his family and the animals from a flood that covered the earth’ [29: 1112] „Ноев ковчег – большой корабль, построенный Ноем для спасения семьи и животных от всемирного потопа”; *ковчег* – ‘судно, в якому урятувався від усесвітного потопу Ной зі своєю родиною та тваринами’ [26 (4): 206];

– ***фольклор:*** *glass slipper* – ‘a special glass shoe worn by Cinderella’ [28: 557] „хрустальный башмачок – специальный стекляный туфель Золушки; *Колобок* – ‘казковий персонаж’ [25: 408];

– ***научная фантастика:*** *Nautilus* – ‘a fantastic submarine “Nautilus” in the novel “Twenty Thousands Leagues Under the Sea” (1870) by Jules Verne’ [37: 40] „Наутилус – фантастический подводный корабль в романе Ж. Верна “Двадцать тысяч лье под водой”; *ray gun* – ‘an imaginary gun in science fiction stories that fires rays instead of bullets’ [30: 1171].

Результаты анализа свидетельствуют, что в английской картине мира преобладают выдуманные предметы, взятые с классической мифологии и религии, тогда как в украинской – с фольклора.

Принимая во внимание временной показатель, можно говорить о динамике развития источников:

научная фантастика

↑

фольклор

↑

религия

↑

мифология

Язык живо реагирует на любое переосмысление человеком объективной реальности, отображая данный процесс посредством слов. Влияние современных технологий отражается в появлении в английской картине мира новых понятий – *Kryptonite, ray gun*. В украинской картине мира не отражены результаты современных технологий.

8. По результатам исследования в украинском языке выявлена ***вариативность в номинации*** лексических единиц, обозначающих придуманные предметы: *кий-бий – дубинка-самобий, сокира-саморуб, меч-кладенець* [23: 130]; *надібка – казкове яйце* [27 (2): 482]; *опудало – пугало* [26 (8): 384] – *страхопуд* [26 (9): 757] – *опуд* [22 (2): 476] – *опуда* [22 (2): 476].

Кроме номинативных вариантов, выявлены и ***орфографические вариации:*** *manikin – mannikin* [30: 870], *Snowman – snowman* [32: 1223]; *яйце-райце – Яйце-Райце* [21: 662; 27 (4): 4]*, чарівна паличка – чарівна палиця* [26 (6): 29].

По результатам исследования можно сделать следующие **выводы:**

– по степени ирреальности предметы исследуемой тематической группы делятся на 3 подгруппы: первая включает предметы, появившиеся в результате мыслительных и физических усилий человека. Вторая группа состоит из предметов с частичным абстрагированием от реальности. Возникновение предметов третьей группы связано с гиперболизацией желаемых качеств, т.е. приписыванием волшебных свойств обычным объектам;

– возникновение большинства вымышленных предметов связано с гиперболизацией желаемых качеств;

– номинативная и орфографическая вариативность доминируют в украинском языке, тогда как структурное разнообразие характерно для английского языка.

IV. Тематическая группа “Растительный мир”.

Желание человека познать природу, в частности ее растительный мир, выступает объектом реализации творческих сил. Растительный мир воспринимается как внутренне, так внешне изменяемая в своем развитии система. Обращаясь к миру растений, человек пытался передать волновавшие его мысли и ощущения.

В основе трансформации обычных растений в волшебные лежат ассоциации, сопоставление и сравнение мира природы и человеческого общества, свойств растительного мира и качеств человека.

1. По **степени абстракции** вымышленный растительный мир делится на **2** подгруппы:

– 1) существующим представителям растительного мира приписываются ирреальные свойства: *subrosa* – ‘the rose was associated with the ancient Greek god of silence’ [34: 994] „роза, которая ассоциируется древним греческим богом тишины”; *чароцвіт* – ‘квіти (цвіт) дикої папороті, які нібито мають щось від

чарів’ [26 (11): 273];

– 2) несуществующим растениям приписываются свойства существующих представителей флоры и ирреальные качества: *Tree of Knowledge* – ‘a tree in the garden of Eden whose fruit Adam and Eve were forbidden by God to eat. When they disobeyed God and ate the fruit of God forced them to leave The Garden of Eden’ [28: 1435] „Дерево знаний – дерево в Эдеме, плоды которого запрещали употреблять в пищу Адаму и Еве. Когда они ослушались Бога и съели фрукт с этого дерева, то Бог заставил их покинуть Рай”; *прадуб* – ‘першодерево світу, що виросло з золотого жолудя, котре зніс Сокіл-Род […] плодоносить молодильними яблуками, які дають богам безсмертя’ [23: 195].

Проанализируем лексикографическое определение единицы *прадуб* как последовательность событий:

Сокіл-Род → желудь → молодильные яблоки → бессмертие

Такая последовательность в реальном мире невозможна, ибо противоречит практическому опыту человека:

– абстрагируется появление: Сокіл-Род – откуда?

– яблоки не могут быть плодами желудя, так как принадлежат к разным видам растений;

– последовательность – ***желудь → дуб*** – является реальным фактом, так как дуб плодоносит желудями;

– яблоки не могут омолодить человека и дать бессмертие, так как у них другая функция.

2. Структурная организация подразделяет лексемы как на ***монокомпонентные*** (*Yggdrasil; зілля*), так и ***поликомпонентные*** (*Tree of Knowledge; Треблаженне дерево*).

3. В исследуемых картинах мира у растительного мира **“говорящие”** наименования – *apple of knowledge, apple of discord*; *розрив-трава, Міфічне дерево*.

В украинском языке зафиксированы **номинативные варианты:** *дурман – дурзілля* [24 (1): 478]; *прадуб – стародуб, першодуб* [23: 195]. В английском языке указанная вариативность не зарегистрирована.

Сложность исследования конституентов тематической группы “Растительный мир” обусловлена их незначительным количеством. В сопоставляемых языках зарегистрировано по 10 лексических единиц: *Apple, the forbidden fruit*, *apple of knowledge, apple of discord*, *lotus, magic beans, subrosa, Tree of Knowledge, triffid, Yggdrasil*; *дурман, дурзілля, зілля, Міфічне дерево, прадуб, стародуб, першодуб, розрив-трава; Треблаженне дерево, чароцвіт*.

Проведенное исследование позволяет сделать **вывод** о незначительной роли тематической группы “Растительный мир” в ФСП “Ирреальное неживое”.

V. Тематическая группа “Еда”.

Придание желаемых свойств послужило причиной для создания таких вымышленных образов, как волшебная еда, появление которых противоречит

жизненным реалиям.

Анализ тематической группы “Еда” в функционально-семантическом пространстве “Неживое ирреальное” свидетельствует о непродуктивности исследуемой группы, поскольку количественно она значительно уступает другим тематическим группам, занимая последнее место в английской картине мира (2.62%) и предпоследнее в украинской картине мира (5.2%).

1. По **степени абстракции** еда в ирреальном мире делится на **3** группы:

– *1 группа:* абстрагируется химический состав: *elixir* **–** ‘a magic liquid that is believed to cure illnesses or to make people live for ever’ [32: 407] „эликсир – чудодейственный напиток; считается, что он лечит болезни и позволяет людям жить вечно; *еліксир* – ‘чудодійний напій, який намагалися одержати алхіміки, щоб продовжити людське життя, зберегти молодість’ [26 (2): 474];

– *2 группа:* гиперболизируются химические свойства: *philtre* – ‘a magic drink intended to make a person fall in love’ [28: 1008] „магический напиток, способный заставить человека влюбиться”; *мертва вода* – ‘фольклорний образ води, яка забирає сили’ [21: 107];

– *3 группа:* абстрагируется химический состав и гиперболизируется появление: *manna* – ‘the food that God provided for the people of Israel during for their 40 years in the desert’ [32: 780] „манна – еда, которой Бог обеспечил израильтян в пустыне на протяжении 40 лет”; *манна* – ‘їжа, що падала євреям із неба під час їх мандрівки по пустелі’ [26 (4): 623].

2. Исследование **коннотации** выявило в украинском языке лексические единицы как с ***положительной*** (*амброзія* – ‘ароматна їжа олімпійських богів, що давала їм вічну молодість, красу і безсмертя’ [25: 26]), так и с ***отрицательной*** оценкой (*мертва вода* – ‘фольклорний образ води, яка забирає сили’ [21: 107]).

В английской картине мира зарегистрированы лексемы с положительной оценкой (*ambrosia, elixir, Eucharist, manna, nectar, philtre*) и единица, имеющая как положительную, так и отрицательную оценку: *potion* – ‘a drink of medicine or poison; a liquid with magic powers’ [32: 987] „медицинский напиток или отрава; жидкость, имеющая чудодейственные свойства”.

3. По **структурной организации** лексические единицы в английском языке, в отличие от украинского, являются ***монокомпонентными.***

4. Функциональный аспект подчеркивает желание человека вырваться за пределы своего мира, отождествляя себя с вечным и бесконечным, обрести вечную молодость и бессмертие.

Чудодейственная пища обладает целебными или губительными свойствами, также она является источником магических способностей.

Пища классифицируется в зависимости от выполняемых функций:

– магическое действие: *philtre* – ‘a magic drink intended to make a person fall in love’ [28: 1008; 32: 947] „магический напиток, способный заставить человека влюбиться”; *дання* – ‘чарівне приворотне зілля’ [21: 167];

– исцелять: *elixir* **–** ‘a magic liquid that is believed to cure illnesses or to make

people live for ever’ [32: 407] „эликсир – магический напиток; считается, что он лечит болезни и позволяет жить вечно”; *жива вода* – ‘фольклорний образи води, яка надає сили’ [21: 107];

– вредить: *мертва вода* – ‘фольклорний образ води, яка забирає сили’ [21: 107].

Антонимические отношения между лексическими единицами *жива вода* и *мертва вода* дают оценку соответствующим понятиям, выражая это в контрастной форме. Они определяют значения крайними противоположными точками в системе однородных понятий.

Пища дифференцируется по ***социальной значимости***: некоторые (*ambrosia, nectar; амброзія, нектар*) предусмотрены для богов, другие (*elixir; еліксир, дання*) – для людей.

5. Зарегистрированы случаи, когда

а) автор известный:

– знахари: *дання* – ‘знахарський напій, який нібито впливає на поведінку людини, приворожує або відвертає кого-небудь і т. і.; чари’ [26 (1): 211];

– алхимики: *еліксир* – ‘чудодійний напій, який намагалися одержати алхіміки, щоб продовжити людське життя, зберегти молодість’ [26 (2): 474].

б) автор неизвестный: *manna* – ‘the food that God provided for the people of Israel during their 40 years in the desert’ [32: 780] „манна – еда, которой Бог обеспечил израильтян в пустыне на протяжении 40 лет”; *манна* – ‘їжа, що падала євреям із неба під час їх мандрівки по пустелі’ [26 (4): 623].

6. Источники появления вымышленной пищи отличаются разнообразием:

– ***религия:*** *Eucharist* – ‘the holy bread and wine which represent the body and blood of Jesus Christ, and which people eat and drink in church in a Christian ceremony’ [28: 443] „святой хлеб и вино, олицетворяющие плоть и кровь Иисуса Христа; люди кушают хлеб и пьют вино в церкви во время церемонии”; *манна* – ‘їжа, що падала євреям із неба під час їх мандрівки по пустелі’ [26 (4): 623];

– ***мифология:*** *ambrosia* – ‘food that tastes very good. In ancient Greek and Roman stories, ambrosia was the food of the gods’ [30: 41] „амброзія – вкусная еда; в античной мифологии – пища богов»; *нектар* – ‘напій богів, що зберігав їм вічну молодість, безсмертя’ [26 (5): 329];

– ***фольклор:*** *молодильне молоко* – ‘казковий символ вічної туги людини за молодістю’ [21: 375].

7. В украинском языке зарегистрирована **номинативная вариативность** лексических единиц: *жива вода – живильна вода, живуща вода; цілюща вода – зцілюща вода; мертва вода – безсила вода* [21: 107].

Лексемы данной группы количественно доминируют в украинском языке. В английском языке их – 7 единиц (*ambrosia, elixir, Eucharist, manna, nectar, philter, potion*), в украинском – 13, пять из которых являются номинативными вариантами (*амброзія, безсила вода, дання*, *еліксир, жива вода, живильна вода,*

живуща вода, зцілюща вода, манна, *мертва вода, молодильне молоко, нектар, цілюща вода*).

В английском языке 71% лексических единиц идентичны лексемам греческого и латинского происхождения. В украинском языке на их долю приходится 30.76%.

Проведенный анализ позволят сделать следующие **выводы:**

– последнее место в английской картине мира и предпоследнее место в украинской картине мира свидетельствуют о периферийности тематической группы “Еда” в функционально-семантическом пространстве “Ирреальное неживое”;

– в украинском языке, в отличие от английского языка, ограничено количество заимствованных слов, формирующих исследуемую группу, поскольку предпочтения отдаются исконной лексике.

Выводы

Лексические единицы функционально-семантического пространства “Ирреальное неживое” объединены интегральным семантическим признаком – принадлежность к вымышленному неживому миру. Лексические единицы функционально-семантического пространства “Ирреальное неживое” могут быть сведены к 5 основным тематическим группам – “Местность”, “Понятия”, “Предмет”, “Растительный мир” и “Еда”.

Одинаковая тематическая классификация единиц, обозначающих ирреальное неживое в английской и украинской картинах мира, свидетельствует, с одной стороны, об общности образной семантики продуктов ассоциативной деятельности жителей Великобритании и Украины, а с другой стороны, о подобии и аналогии мышления этносов, говорящих на разных языках.

Разнообразие представления функционально-семантического пространства “Ирреальное неживое” в английском и украинском языках обусловило дифференциацию лексических единиц по многим аспектам – номинативному, семантическому, аксиологическому, структурному и лингвокультурному.

Соотношение лексических единиц по критерию оценочной оппозиции “положительное/отрицательное” позволяет утверждать о негативной интерпретации ирреального неживого в английской и украинской картинах мира. Превалирование в исследуемых языках лексических единиц, имеющих отрицательную оценку, объясняется тем, что в процессе существования человека реальность рассматривается как нормальное, обычное явление, тогда как ирреальность ассоциируется с неизвестностью, страхом и ужасом перед открывшимся новым бытием с его непонятными законами.

Фукционально-семантическое пространство “Ирреальное неживое” в современной английской и украинской картинах мира базируется на общечеловеческих представлениях о мире и человеке, что подтверждается

существованием универсальных черт, имеющих, однако, специфическое национально-культурное осмысление.

Поскольку окружающий человека мир эволюционирует, вместе с ним изменяется и знание о нем. Анализируя источники появления лексических единиц, обозначающих вымышленный мир в украинской картине мира, следует отметить их отличие от английской картины мира, которое проявляется в "устарелости" и ограниченности, ибо источником служат сказки и Библия. Современные мировые и украинские литературные, а также медиа тенденции не нашли своего отражения в украиноязычных лексикографических источниках, несмотря на то, что многие из них были опубликованы уже в XXI веке.

В дальнейшем представляется перспективным исследование когнитивных аспектов языковой деятельности, что позволит проследить эволюцию языковой единицы – от ее словарной ипостаси до гипертекстуальной.

Литература

1. Войтович В. Українська міфологія. – К.: Либідь, 2005. – 664 с.

2. Головня А. В. Лінгвокультурний простір художньої прози Редьярда Кіплінга: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови". – Донецьк, 2008. – 19 с.

3. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987. – 218 с.

4. Ильинова Е. Ю. Концептология вымысла в тексте авторской сказки // Филологические науки. – 2007. – № 1. – С. 85-93.

5. Левицький А. Е. Зіставний аспект дослідження мовних даних: проблеми та перспективи // Мовні і концептуальні картини світу: зб. наук. праць. – 2007. – Вип. 21. – Ч. 2. – С. 142-148.

6. манекен / Словник-net [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.slovnyk.net].

7. Недайнова І. В. Номінативний простір "Ігровий вид спорту" в сучасній англійській мові: лінгвокогнітивний та лінгвокультурний аспекти: дис. … канд. філол. наук: 10.02.04. – Луганськ, 2004. – 233 с.

8. Потапенко С. І. Орієнтаційний простір сучасного англомовного медіа-дискурсу (досвід лінгвокогнітивного аналізу): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора. філол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови". – К., 2008. – 32 с.

9. Уфимцева А. А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Уфимцева А. А., Азнаурова Э. С., Кубрякова Е. С. Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 7-98.

10. Фещенко Ю. І. Ідіоматичний простір "Homo Socialis" у сучасній англійській мові: лінгвокогнітивний та комунікативно-функціональний аспекти: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови". – К., 2007. – 20 с.

11. Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования [ред. д. филос.

н. В. Н. Садовский, д. филос. н. В. А. Смирнов]. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.

12. Черемысина Н. В. Семантика возможных миров и лексико-семантические законы // Филологические науки. – 1991. – № 2. – С. 111-117.

13. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – ТОО ТК: “Петрополис”, 1998. – 432 с.

14. Auge M., Jacobs A. An Anthropology for Contemporaneous Worlds. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – 144 p.

15. Bigge M. L., Hunt M. P. Psychological Foundations of Education: An Introduction to Human Development and Learning. – Harper, 1962. – 530 p.

16. Fauconnier G. Mental Spaces // Geeraerts D., Cuyckens H. The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 351-376.

17. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar: Descriptive Application. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – 628 p.

18. Radden G., Dirven R. Cognitive English Grammar. – John Benjamins Publishing Company, 2007. – 374 p.

19. Rescher N. Imagining Reality: A study of Unreal Possibilities. – Open Court Publishing, 2003. – Vol. 331. – 298 p.

20. Staley D. J. History and future: using historical thinking to imagine the future. – Lexington Books, 2006. – 175 p.

Лексикографические источники

21. Знаки української етнокультури. Словник-довідник / [авт.-уклад. В. Жайворонок]. – К.: Довіра, 2006. – 703 с.

22. Новий тлумачний словник української мови в 3 томах / [укл.: В. Яременко, О. Сліпушко]. – К.: Аконіт, 2006.

23. Словник давньоукраїнської міфології / [уклад. С. П. Плачинда]. – К.: Велес, 2007. – 240 с.

24. Словник синонімів української мови / [уклад. А. А. Бурячок, Г. М. Гратюк, С. І. Головащук та інші]. – К.: Наукова думка, 1999-2000.

25. Сучасний тлумачний словник української мови / За заг. ред. д-ра філол. наук В. В. Дубічинського. – Харків: “ВД ШКОЛА”, 2006. – 1008 с.

26. Словник української мови у 11 томах / [ред. кол.: К. І. Білодід (голова)]. – К.: Наукова думка. – 1970-1980.

27. Словник української мови у 4 томах / [упор. Б. Д. Грінченко]. – К., 1907-1909.

28. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Addison Wesley Longman, 1998. – 1568 p.

29. Longman Dictionary of Contemporary English / [ed. by A. Gadsby]. – Harlow: Pearson Educated Limited, 2006. – 1949 p.

30. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / [ed. by M. Rundell]. – Macmillan Publishers Limited, 2006. – 1692 p.

31. New Webster’s Dictionary and Thesaurus of the English Language / [ed. by

B. S. Cayne]. – Lexicon Publications, 1986. – 1248 p.

32. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / [ed. by S. Wehmeier]. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 1540 p.

33. Oxford Wordpower Dictionary / [ed. by S. Wehmeier]. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 746 p.

34. Scribner Dictionary / [ed. by William D. Halsey]. – Mission Hills, California, USA, 1986. – 1190 p.

35. Soule's Dictionary of English Synonyms / [ed. by A. D. Sheffield]. – New York: Bantam Books, 1981. – 528 p.

36. Webster's New Collegiate Dictionary. – USA: Springfield, Massachusetts, 1974.

37. The Wordsworth Dictionary of Classical and Literary Allusion / [ed. Abraham H. Lass, David Kiremidjian and Ruth Goldenstein]. – Wordsworth Editions Ltd. – Cumberland House, 1994. – 240 p.

2.4. ИДИОМАТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО "HOMO SOCIALIS" (на материале английского языка)

Ю.И. Фещенко

Проблема человеческого фактора в языке и речи уже много лет привлекает внимание ученых [3; 8; 11; 15; 27] и продолжает быть актуальной благодаря антропоцентрическому направлению лингвистики [30; 35; 48; 51]. Отображение человеком окружающего мира, его отношение к реальности получает яркое выражение в эмоционально-оценочных единицах, в частности в идиомах. Особое внимание исследователей привлекают идиомы, отображающие разные сферы жизни человека [1; 31], обозначающие его отдельные свойства [4; 7; 17; 39; 52], а также поведение [33], отношения с окружающими [22].

Современное развитие цивилизации, образования, науки, технологий, возрастающая зависимость человека от общества, коллектива, в котором он живет, предопределяет необходимость дополнительного изучения идиом, обозначающих человека как социальное существо, раскрытия значимости его индивидуальных черт. Для всестороннего анализа семантики таких идиом, кроме изучения словарных дефиниций, обязателен учет их функций в высказывании, а также в реализации коммуникативных стратегий и тактик. Сложность феномена человека требует комплексного исследования идиом, обозначающих различные аспекты его бытия: биологических особенностей, внутреннего состояния и внешних проявлений.

Понятие идиоматического пространства

Идиома – это стойкий языковой комплекс со структурой слова, словосочетания или предложения и целиком или частично переосмысленным

значением компонентов. Способность идиом вербализовать концепты открывает возможность построения идиоматических пространств.

Концептуальное пространство рассматривают как определенный круг концептов в сознании отдельного языкового сообщества, общие универсальные категории [4: 29]. Вербализованная часть концептуального пространства образует номинативное пространство, составными элементами которого являются функционально-семантические поля, которые соотносятся с концептуальной картиной мира и отображают признаки реалий и их лексические интерпретации [37: 7]. Номинативное пространство представлено вербальными единицами разных видов и структурных типов, в том числе и идиомами, которые, в свою очередь, формируют ***идиоматическое пространство*** – совокупность взаимосвязанных концептов разного уровня абстракции, объединенных подобными категориальными признаками и актуализированных идиоматическими средствами языка.

Особенностью идиоматического пространства ”homo socialis” является качественная характеристика человека, включающая:

1) черты характера (добродушие, несдержанность, лень, честность, храбрость, нахальство, гордость и т.п.);
2) темперамент (сангвиник, холерик, меланхолик, флегматик);
3) внешний вид (фигура, рост и т.п.);
4) внутренний мир (эмоции, чувства);
5) социальный статус (зажиточность, бедность);
6) физическое состояние (здоровье, недомогание);
7) способности (ум) и т.п.

Идиомы, которые обозначают указанные выше свойства человека содержат оценку (отрицательную, положительную или нейтральную) и формируют впечатление как об отдельных чертах личности, так и о ней в целом. Сформированное мнение преимущественно является общим для всех представителей определенной наций, хотя может отличаться у разных субъектов, ибо весь опыт человечества, в той мере, в которой он усвоен определенной личностью, постоянно пропускается через ее собственный опыт восприятия и осмысления мира. Насколько бы не были близки концепты в мышлении человека к общепринятым канонам, они составляют его индивидуальное достояние и потому в его сознании имеют социально отработанный, но личностно преломленный характер [29: 143-149].

Идиомы, обозначающие человека, его черты, состояния, действия, поведение, все его социальные отношения, формируют социально-антропоцентрическое идиоматическое пространство ”homo socialis”. ***Homo socialis*** – это “человек социальный”, т.е. индивид, который живет и действует в обществе, придерживается существующих морально-этических норм и установленных правил поведения, принимая участие в их формировании и изменении. Таким образом, данное идиоматическое пространство имеет антропоцентрическую основу. Из множества концептов, которые представляют

окружающую действительность, одни связаны непосредственно с человеком (межличностные отношения, черты характера, внешность, поведение) и с его субъективной оценкой, а другие – стоят в стороне от тем человека (мир природы, мир вещей).

Каждый концепт реализуется специфическим набором номинативных средств: лексическими, идиоматическими или их комбинациями. Концепты, связанные непосредственно с человеком, с его местом в обществе, имеют высокую степень абстракции и конституируют идиоматическое пространство ”homo socialis”. В свой состав они включают ряд концептов низшего уровня абстракци, которые характеризуются наличием определенных концептуальных признаков, получающих языковую репрезентацию в виде идиоматических единиц современного английского языка.

Итак, свое внимание человек направляет не только на познание окружающего мира, но и на оценку себя и себе подобных, своего внутреннего мира и интеллектуальной деятельности. Индивид старается через самопознание лучше осмыслить окружающий мир, пропуская его через призму своего ”Я”.

Исследование языковых процессов происходит в неразрывной связи с нуждами коммуникативной деятельности и предполагает учет человеческого фактора в деятельности субъекта речи и его реципиента. Именно говорящий выражает свое эмотивное отношение к состоянию дел, дает ему оценку, отбирает языковые единицы и правила их комбинации, руководствуясь избранной системой речевой деятельности, рассчитанной на коммуникативную удачу [51, с. 36], на достижение своей прагматической цели.

Структура идиоматического пространства “homo socialis” в современном английском языке

Идиоматическое пространство “homo socialis” имеет сложную концептуальную структуру. Оно состоит из ряда вербализованных идиомами концептов разной степени абстракции, которые существуют в нашем сознании системно, в виде четкой иерархии. Каждый концепт – от простого до самого сложного – имеет внутреннюю организацию, которую обеспечивают четыре типа фреймов – предметноцентрический, акциональный, партонимический и ассоциативный. Исследование иерархического строения идиоматического пространства “homo socialis” и фреймовой организации вербализованных концептов, формирующих его, позволяет воссоздать способ существования антропоцентрической информации в сознании носителя языка. Сложность структурной организации исследуемого пространства проявляется в том, что человек есть явлением многогранным и противоречивым. Для того, чтобы воссоздать идиоматическое пространство “homo socialis”, необходимо рассмотреть значительное количество вербализованных концептов, касающихся той или иной стороны человеческой личности и ее отношений с другими людьми.

Проблемой систематизации, типологизации и структурной организации концептов занимаются такие исследователи как Е.М.Кагановская [24; 25], Т.В.Радзиевская [43], Е.Е.Сапогова [45], В.Л.Иващенко [23]. Так, исследуя художественный текст, Е.М.Кагановская выделяет в нем три составные части: 1) идейно-эстетическое содержание, 2) концептуальную организацию (систему метаобразов), 3) художественный текст (эстетическую речевую систему) [25: 17]. Указанную трехуровневую структуру можно выявить и в идиомах, выступающих минитекстами, основываюшимися на знании об определенной ситуации, которая может разворачиваться во времени и пространстве. В основе каждого устного или письменного вербального сообщения лежит определенная идея – замысел, намерение адресата, оформляющееся в его сознании в концептуальную структуру – систему образов, среди которых высочайший уровень абстракции имеет *метаобраз*, который раскрывается с помощью языкового материала, избранного говорящим для генерирования текста.

Выделение в образной системе художественного произведения двух систем образов [47: 290] можно перенести и на концептуальную структуру сознания человека в целом. Существование двух систем образов следует принимать во внимание при исследовании любого концептуального пространства, в частности, той его вербализованной части, которая составляет идиоматическое пространство. Важность учета двух систем образов во время анализа идиоматического пространства “homo socialis” объясняется спецификой языкового материала, который кроме эмотивности и экспрессивности единиц, характеризуется высокой образной выразительностью. Поскольку система метаобразов представляет собой концептуальную организацию художественного текста, а любой текст является результатом творческой деятельности мышления, можно утверждать, что концептуальная система сознания имеет иерархическое строение.

В концептуальной картине мира (ККМ) определенного языкового сообщества, отдельного индивида как носителя культурной традиции своего народа, концепты создают иерархию мысленных образов, представлений, знаний индивида, в пределах которой они располагаются от более общих к более конкретным. Так, концептуальная модель идиоматического пространства “homo socialis”, являющаяся частью ККМ представителей англоязычной культуры, имеет иерархическое строение. Выход на разные уровни абстракции [21: 12-13] и толкование одних концептов в терминах других является основной чертой концептуального анализа. Учитывая двусмысленность термина “концептуальный анализ”, следует указать, что мы используем анализ, имеющий концепты своими исходными единицами в отличие от анализа с помощью самых концептов [21].

При рассмотрении иерархического строения концептосферы “homo socialis” актуальной представляется проблема целостности концептов любого уровня абстракции, которую исследователи рассматривают в двух взаимосвязанных подходах к анализу концепта: эйдетическом и логическом

[21; 25]. Эйдетический анализ большей мерой концентрируется на целостности концепта, на способе его существования в мышлении – изолировано от других концептов или в связи с ними с возможностью постепенно переходить от одного концепта к другому. Логический анализ прежде всего предусматривает возможность внутреннего членения концепта и направлен на установление закономерностей его внутренней организации, на моделирование взаимосвязей элементов, которые входят в его структуру [19: 4-5]. Привлечение эйдетического и логического типов анализа позволяет рассматривать идиоматическое пространство "homo socialis" как целостную систему знаний, представлений, образов членов англоязычного общества относительно человека как социального существа, т.е. воссоздать часть их ККМ и, вместе с тем, установить связи между элементами концептов разных уровней абстракции, раскрыв иерархический принцип построения концептосферы "homo socialis".

В лингвистике были попытки типологизировать концепты как когнитивные структуры [2; 23], в том числе и по признаку иерархической организации с выделением суперконцептов, базовых концептов, субконцептов и протоконцептов [23]. Мы разделяем подход Е.М.Кагановской [25: 46], которая, базируясь на работах А.О.Белецкого [5; 6], Е.А.Карпиловской [26] и Т.В.Радзиевской [43], предлагает выделение "вершинного" концепта, имеющего самый высокий уровень абстракции и подчиняющего другие, более конкретные, концепты [25: 46]. Соответственно, можно утверждать, что любое концептуальное пространство – включая идиоматическое пространство "homo socialis" – имеет иерархическое строение в виде пирамиды, вершину которой представляет **мегаконцепт**, подчиняющий **мезоконцепты, макроконцепты** и **катаконцепты.**

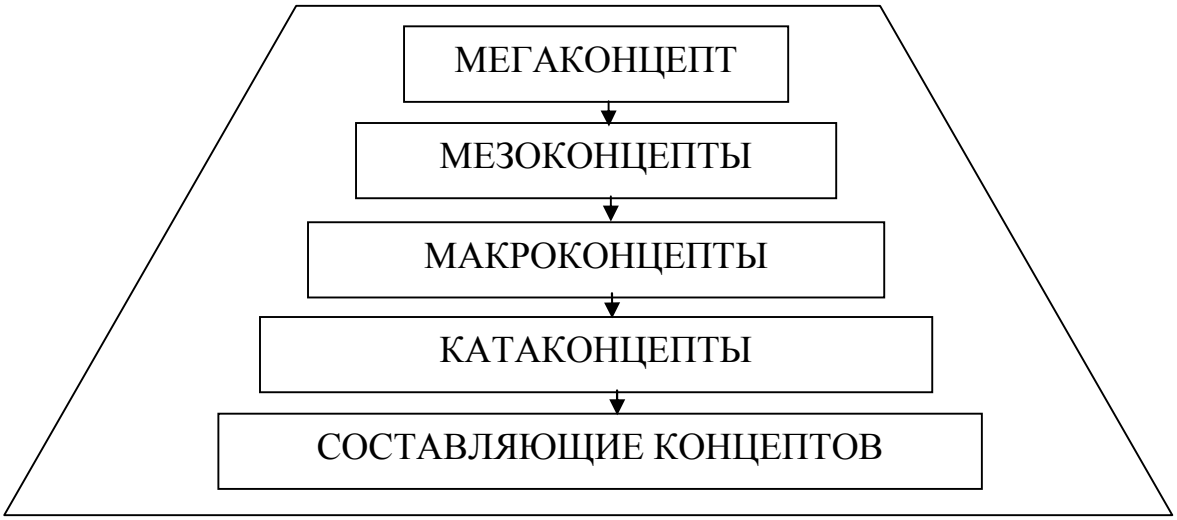

Рис. 1. Иерархия концептов

Мегаконцепт – (от греч. *mega* – "большой") имеет высочайшую степень абстракции и аккумулирует информацию концептов низших уровней.

Мезоконцепт – (с греч. *mesos* – “средний”) имеет высокую степень абстракции и является базовым для реализации других типов концептов, занимая промежуточную позицию между ними. Мезоконцепты представляют основу для развертывания как концептов высочайшего уровня (мегаконцептов), так и **макроконцептов** – (с греч. *makros* – “длина”), имеющих умеренно высокую степень абстракции, которые характеризуются достаточно высоким уровнем обобщения. Мезоконцепты занимают центральное положение относительно макроконцептов и **каталконцептов** (от греч. *kata* – “согласно, по”) с недостаточно высокой степенью абстракции, то есть наиболее конкретного типа. Структура всех концептов выводится из объединения концептуальных составляющих, их частичного или полного перекрещивания, вследствие чего реализуются [25: 47]. Хотя Е.М.Кагановская рассматривает текстовые концепты и пути их развертывания в пределах целого художественного произведения, т.е. на уровне речи, мы считаем, что такой же самый подход применим и к анализу концептов с помощью словарных дефиниций на уровне языка.

С понятием концепта тесно связана другая ментальная единица – фрейм (англ. frame “каркас, скелет”, “строение, структура, система”, “рамка” и др.), являющийся одной из центральных структур представления знаний. Связь между концептами и фреймами заключается в том, что последние структурируют определенный концепт или ряд концептов. В противоположность простому набору ассоциаций фреймы содержат основную, типичную и потенциально возможную информацию, соотносимую с тем или иным концептом [16: 16].

По определению М.Минского фрейм представляет собой структуру данных, в которой отражены приобретенные в результате предыдущего опыта знания о некоторой стереотипной ситуации и о тексте, описывающем эту ситуацию [34]. Такую структуру представляют в виде узлов и связей, а соотнесенные между собой фреймы формируют сеть.

Фрейм формируется несколькими предикатами при одном субъекте (предметный фрейм), или же установлением связей между несколькими субъектами, объединенными в пределах стандартной ситуации (акциональный, посессивный, ассоциативный). Такая структура образует фреймовую сетку, где информация сконцентрирована в узлах (слотах) и соединяющих их дугах: несколько фреймов образовывают межфреймовую сеть [65: 6]. Фреймовые сетки и межфреймовые сети структурируют информацию в пределах концепта/концептосферы. С.А.Жаботинская выделяет пять основных видов фреймов: предметноцентрический, акциональный, партонимический (посессивный), гипонимический (таксономический), ассоциативный (компаративный) [18; 21].

Конституэнты идиоматического пространства “homo socialis” структурируются предметноцентрическим (признаки, характеристики человека), акциональным (оценка действий, поведения), партонимическим

(отношение принадлежности) и ассоциативным (отождествление или сравнение с другими предметами) фреймами. При анализе идиом, обозначающих человека во всех его проявлениях, предметноцентрический фрейм является основным, поскольку в качестве логического субъекта включает человека, а в качестве логического предиката – его качества, свойства, их оценку, способ, место и время бытия, т.е. именно те параметры, через которые осмысливаются и оцениваются любые предметы окружающего мира [21: 19].

Когнитивные основы порождения идиом

Одним из типичных признаков идиом является лексикализация, т.е. их способность функционировать как отдельные языковые единицы, принадлежащие к определенной части речи [42: 44]. Такое свойство идиоматических средств развивается из их смысловой и структурной стойкости, спаянности компонентов, способных, в своем объединении, выражать единое значение, эквивалентное слову, которое не выводится из суммы значений составных частей. Поэтому структурно идиомы представлены как словосочетания, а семантически – как слова, и, таким образом, их можно рассматривать как отдельные части речи. Современные исследования лексического материала, посвященные изучению отдельных частей речи [см. напр., 41; 44], опираются на теорию концептуальной модели частеречных систем С.А.Жаботинской [20], основными положениями которой являются следующие [см. 41: 26-27]:

1) традиционная частеречная классификация отображает интериоризированную ментальную схему категоризации, которую человек применяет для обработки информации об окружающей действительности;

2) эту схему можно представить в виде двухуровнего предметноцентрического метафрейма, нижний пласт которого соотнесен с уровнем концептуальной категоризации (концептуальная картина мира – ККМ), а верхний – с уровнем собственно языковой категоризации (языковая картина мира – ЯКМ);

3) фрейм состоит из набора информационных блоков (слотов), каждый из которых содержит ответ на один из вопросов, относящихся к определенным частям речи, например, ЧТО/КТО? – существительное, КАКОЙ? – прилагательное, СКОЛЬКО? – числительное, ЧТО ДЕЛАЕТ? – глагол, КАК?, ГДЕ?, КОГДА? – наречие;

4) слоты, относящиеся к концептуальному уровню, являются понятийными категориями мышления (предметность, качество, количество, существование/действие, способ, место и время); слоты языкового уровня представлены частеречными категориями (существительное, прилагательное, числительное, глагол, наречие), являющимися теми же понятийными

категориями, только выраженными с помощью формальных средств языка – морфологических, словообразующих, синтаксических.

При проведении анализа мы считаем целесообразным использовать приведенную теорию С.А.Жаботинской [20], ибо идиомы, обозначающие человека, его черты и действия, выступают в качестве существительных (*queen of hearts*), прилагательных (*rotten to the core*), числительных (*number one*), наречий (*on the warpath*) и глаголов (*shoot from the hip*).

Взаимосвязь концептуального и языкового уровней демонстрирует предметноцентрический фрейм такого типа:

[[[(СТОЛЬКО (ТАКОГО (НЕКТО СУЩЕСТВУЮЩЕГО))) НЕЧТО ДЕЛАЕТ] ТАК] ЗДЕСЬ-СЕЙЧАС]

Числительное	Прилагательное	Существительное	Глагол	Наречие
Num	A	N	V	Adv

Соотношение между концептуальным и языковым уровнями приведенного фрейма могут быть не только симметричными (КАЧЕСТВО → КАЧЕСТВО, КОЛИЧЕСТВО → КОЛИЧЕСТВО), но и асимметрическими (ПРЕДМЕТ → КАЧЕСТВО, ДЕЙСТВИЕ → КАЧЕСТВО) [41: 27; 44: 38]. Учитывая, что основным назначением идиом современного английского языка, обозначающих человека, его черты и действия является квалификация, качественная характеристика субъекта, категорию качества считаем основной при исследовании идиоматического пространства “homo socialis”. Эта философская категория выражает неотъемлемую от бытия объекта сущностную определенность, благодаря которой он есть именно таким, а не другим. Качество отображает стойкие взаимоотношения составных элементов объекта, которые характеризуют его специфику и дают возможность отличать один объект от другого [55: 252].

Свойства человека могут быть представлены слотом ТАКОЙ предметноцентрического фрейма или заданные соположением категории качества со следующими слотами: СТОЛЬКО, НЕКТО, СУЩЕСТВУЕТ ТАК, НЕЧТО ДЕЛАЕТ ТАК, ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС. Центральным звеном указанного фрейма является слот НЕКТО, выступающий в качестве субъекта квалификации, а другие блоки структуры характеризуют его:

НЕКТО существует/есть ТАКОЙ

НЕКТО существует/есть СТОЛЬКО (=ТАКОЙ)

НЕКТО существует/есть ДЕЛАЯ НЕЧТО ТАК (=ТАКОЙ)

НЕКТО существует/есть ЗДЕСЬ/ТАМ (=ТАКОЙ)

НЕКТО существует/есть СЕЙЧАС/ТОГДА (=ТАКОЙ)

Анализ идиом современного английского языка, обозначающих человека, позволяет вывести концептуальные модели [44: 38-40], демонстрирующие симметричные и асимметричные соотношения категорий частеречной системы с категорией качества. В пределах указанного материала релевантной является одна симметричная модель, поскольку только она касается указанной категории:

1. КАЧЕСТВО → КАЧЕСТВО – соотношение качества с качеством (А → А).

Модель 1а. [НЕКТО] ТАКОЙ → ТАКОЙ [НЕКТО] – качество субъекта мыслится как таковое, напр., *a femme fatale* – "фатальная женщина", *a bachelor girl* – "незамужняя девушка".

Лексико-семантический анализ антропоцентрических идиом и их словарных дефиниций позволил вывести из асимметрических межкатегориальных отношений пять концептуальных моделей создания идиом, обозначающих человека в современном английском языке. Такое количество моделей обусловлено спецификой исследуемых идиоматических средств, которые называют и характеризуют человека как социальное существо. При описании других единиц языка, например, слов или свободных словосочетаний можно выделить бóльшее количество концептуальных моделей, которые отличаются в зависимости от фактического материала. При выделении приведенных ниже пяти моделей и их разновидностей мы исходили из сопоставления семантики идиом и частеречной принадлежности их основных компонентов. Например, идиома *party-poop (party pooper)* обозначает человека, который портит хорошее настроение, веселье других, отказываясь принимать участие в развлечениях. Эта идиома указывает на такое качество личности, как занудность, необщительность, т.е. содержит в себе значение прилагательного, хотя формально выступает существительным: *"Mom, can we go? I need to go to bed." "What a party pooper you are, Lisa, it's only nine twenty."* Итак, на концептуальном уровне указанная идиома отображает атрибутивный признак – качество, а на языковом – субстантивную характеристику, а именно предметность. Таким путем были выявлены следующие типы отношений между концептуальным и языковым уровнями: ПРЕДМЕТ → КАЧЕСТВО, КОЛИЧЕСТВО → КАЧЕСТВО, ДЕЙСТВИЕ → КАЧЕСТВО, МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ → КАЧЕСТВО и ВРЕМЯПОЛОЖЕНИЕ → КАЧЕСТВО. Рассмотрим их детальнее.

1. ПРЕДМЕТ → КАЧЕСТВО – соотношение качества с предметом (N → A).

Модель 1а. НЕЧТО (часть) → ТАКОЙ [НЕКТО (целое)] – наличие части у целого мыслится как качество целого, например, *(men in) grey suits* – "влиятельные люди, которые остаются неизвестными широким массам". В этой идиоме подчеркивается привычка богатых людей одеваться неприметно, в неяркие цвета. Таким образом, серый костюм является той частью внешнего вида человека, который указывает на такое его качество, как влиятельность.

Модель 1б. НЕЧТО (целое) → ТАКОЙ [НЕКТО (часть)] – принадлежность части к целому мыслится как качество части, например, грамматическая структура идиомы *a man of the people* – "политик, который понимает и сочувствует простым людям" демонстрирует его принадлежность к народу, интересы которого он представляет (предлог *of*). Тот факт, что указанное лицо является частью общины, объясняет его сочувственное отношение к проблемам простых людей, которые его избрали.

Модель 1в. [ТАКОЙ] НЕЧТО/НЕКТО (целое) → ТАКОЙ [НЕКТО (целое)] – объект мыслится как другой объект, который уподобляется ему по

качественному признаку, например, идиома *a boiled lobster* – “красный, как рак” номинирует человека, по цвету похожего на вареного рака.

Слот ТАКОЙ лежит в основе компаративного фрейма.

Модель 1г. [ТАКОЙ] НЕЧТО (часть) → ТАКОЙ [НЕКТО (целое)] – качество, присущее части мыслится качеством целого, например, в идиоме *a heart of gold* – “очень добрый человек” актуализируется стереотипное представление о золоте как олицетворении ценности, высокого качества, положительной оценки. В приведенной идиоме такая оценка приписывается сердцу как части тела и самому человеку.

2. КОЛИЧЕСТВО → КАЧЕСТВО – соотношение качества с количеством (Num+N → A)

Модель 2а. СТОЛЬКО НЕКТО (часть) → ТАКОЙ [НЕКТО (целое)] – количество частей в целом мыслится как качество целого, например, в идиоме *two sandwiches short of a picnic* – “дурак” отсутствие двух частей в целом указывает на недостаточно высокое качество последнего, отрицательно его оценивает. Благодаря метафорическому переосмыслению идиома обозначает дурака, т.е. человека (целое), у которого не хватает ума (часть).

Модель 2б. СТОЛЬКО НЕЧТО (часть) → ТАКОЙ [НЕЧТО (часть целого)] – количество элементов в части целого мыслится качеством целого, например, идиома *four(-)eyes* – “очкарик” указывает на количество компонентов (четыре) в такой части тела человека, как глаз (намек на очки), что означает низкую остроту зрения.

Слот СТОЛЬКО предметноцентрического фрейма может развиться в пределах партонимического фрейма.

3. ДЕЙСТВИЕ → КАЧЕСТВО – соотношение качества с действием (V → A).

Модель 3а. [НЕКТО (агенс)] ДЕЙСТВУЕТ → ТАКОЙ [НЕКТО (агенс)] – действие, которое выполняет субъект, мыслится как его качество, например, идиома *break your neck (doing/to do sth)* указывает на действия человека, которые подчеркивают его старательность.

Модель 3б. [НЕКТО (агенс)] НЕ ДЕЙСТВУЕТ → ТАКОЙ [НЕКТО (агенс)] – действие, невыполненное субъектом, мыслится как его качество, которое может быть положительным или отрицательным. Важную роль в идиомах, построенных по этой модели, играет компонент *not*, который подчеркивает отсутствие действия со стороны субъекта. Идиома *not breathe a word (about/of sth) (to sb)* – “сохранять тайну” указывает на отсутствие говорения, которое положительно характеризует человека как способного не выдать секрет, а идиоматический оборот *not lift/raise a finger* – “бить баклуши” обозначает невыполнение действия субъектом, что соответствует такому его отрицательному качеству, как лень.

Модель 3в. [НЕКТО (агенс)] ДЕЙСТВУЕТ НА → ТАКОЙ [НЕКТО (пациенс)] – действие, направленное кем-то/чем-то на субъект, мыслится качеством субъекта, например, идиома *turn heads* – “поражать людей красивым видом” указывает на действие людей, а именно поворот головы, направленной на

объект номинации. Стереотипное знание о том, что люди оглядываются на НЕЧТО необыкновенное, странное или красивое, помогает связать такое действие окружающих с красивым внешним видом человека (преимущественно женщины), который привлекает взгляды.

Модель 3г. [НЕКТО (агенс)] НЕ ДЕЙСТВУЕТ НА → ТАКОЙ [НЕКТО (пациенс)] – неосуществленное действие, направленное кем-то/чем-то на субъект, мыслится качеством последнего, например, идиома *(be) the uncrowned king/queen (of sth)* – "самый популярный человек в определенной среде" обозначает отсутствие коронации достойного и предназначенного для этого лица и тем самым подчеркивает его положительные качества.

Слот ДЕЙСТВИЕ может разворачиваться в акциональный фрейм.

4. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ (субъекта) → **КАЧЕСТВО** – соотношение качества с расположением в пространстве (Adv → A).

Модель 4а. [НЕКТО СУЩЕСТВУЕТ] ЗДЕСЬ (определенное место) → ТАКОЙ [НЕКТО] – расположение субъекта в пространстве мыслится качеством этого субъекта, например, идиома *a little lower than the angels* – "человек высоких моральных качеств" указывает на близкое расположение субъекта к ангелам, что качественно приближает его к ним, но не отождествляет с ними.

Модель 4б. [НЕКТО ДВИЖЕТСЯ] СЮДА → ТАКОЙ [НЕКТО] – направление движения субъекта в пространстве мыслится качеством этого субъекта, например, идиома *go off the rails* – "неприемлемо вести себя" указывает на смену направления движения объекта, который сначала двигался прямо по установленному пути, а потом отклонился от него. Движение объекта "по колее" ассоциируются с его нормативным поведением, а схождение с рельсов – с неадекватным, неприемлемым.

5. ВРЕМЯПОЛОЖЕНИЕ → КАЧЕСТВО – соотношение качества с положением во времени (Adv → A).

Модель 5а. [НЕКТО СУЩЕСТВУЕТ] ТОГДА → ТАКОЙ [НЕКТО] – положение предмета во времени мыслится качеством этого предмета, например, идиома *the man (woman) of the moment* – "человек, которым восхищаются, о котором говорят в определенный момент времени" подчеркивает важность того момента в жизни индивида, когда он находится на вершине славы, успеха.

Указанные модели могут усложняться и образовывать комбинированные структуры, когда качество соотносится с двумя категориями одновременно:

1. ПРЕДМЕТ + ДЕЙСТВИЕ → КАЧЕСТВО – соотношение качества с действием субъекта (N + V → A).

Модель 1а. [ТАКОЙ] НЕКТО/НЕЧТО ДЕЙСТВУЕТ → ТАКОЙ [НЕКТО] – объект мыслится как другой объект через уподобление их действия, например, идиома *cry like a baby* – "сильно плакать" отображает степень проявления признака человека, поведение которого уподобляется действиям маленького ребенка, часто сильно плачущего.

2. ПРЕДМЕТ + МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ → КАЧЕСТВО – соотношение качества с предметом и его расположением в пространстве (N + Adv → A).

Модель 2а. [ТАКОЙ] НЕКТО/НЕЧТО [СУЩЕСТВУЕТ] ЗДЕСЬ → ТАКОЙ [НЕКТО] – объект мыслится как другой объект через их уподобление по расположению в пространстве, которое рассматривается как качество объекта, например, идиома *a fly on the wall* указывает на человека, который ассоциируется с мухой на основании их местонахождения, благодаря чему они могут наблюдать за другими, оставаясь незаметными.

Итак, в основе связи концептуальной и языковой картины мира лежит двухуровневый предметноцентрический фрейм, отношения между слотами которого образовывают концептуальные модели порождения компонентов идиоматического пространства “homo socialis”. Выведенные модели доказывают, что предметноцентрический фрейм является основным типом структур представления знаний, на основе которого разворачиваются акциональный, партонимический и ассоциативный фреймы.

Значительное количество и разнообразие антропоцентрических идиом указывает на сложность и многогранность феномен человека. Идиомы, обозначающие свойства индивида, его поведение, поступки, отношения и т.п., отражают влияние на его развитие и становление объективных и субъективных факторов: внешних и внутренних, общественных и биологических. Идиомы с такой семантикой вербализуют концепты разной степени абстракции, которые объединяются в пределах идиоматического пространства “homo socialis”.

Концептуальная модель идиоматического пространства “homo socialis”

Строение идиоматического пространства представляет собой объединение фреймовых структур в интегративную концептуальную сеть. Идиомы, наполняющие слоты предметноцентрического фрейма, отображают оценку обществом личностных черт индивида, которая в дальнейшем влияет на отношение к человеку, на его общественное положение. Идиомы, актуализирующие акциональный фрейм, представляют оценку действий и поведения личности, которая не меньшей мерой предопределяет отношение к ней со стороны окружающих. Идиомы, представляющие партонимический фрейм, отображают отношение обладателя и обладаемого, причем человек может выступать владельцем, принадлежащим, контейнером или отождествляться с принадлежащей ему частью тела, одежды и т.п. Экспликация отношения общества к индивиду и его поступкам отображается идиомами, активирующими ассоциативный тип фрейма. При этом объект номинации может быть похож на определенный эталон – образцовый по своим признакам, качествам, действиям объект (стойкое сравнение) или уподобляться ему (метафора).

Взаимодействие фреймов формирует межфреймову сеть, представляющую собой интегративную концептуальную модель идиоматического пространства, в которой предметноцентрический фрейм занимает центральное место. Он представляет собой систему взаимосвязанных предложений, где центральным

логическим субъектом является НЕКТО-лицо, которому приписываются разнообразные признаки, представленные в идиомах современного английского языка, основным назначением которых является характеристика объектов окружающей действительности. На основе компонентного анализа идиом среди свойств, квалифицирующих человека, выделяем качественные (такой) (*bright and breezy*), количественные (столько) (*one of the world's worst*), бытийно-акциональные (существует/действует) (*be on the stage*), оценочные (так/таким образом) (*come down hard on sb*), локативные (здесь) (*be miles away*) и темпоральные (сейчас), которые в идиомах, обозначающих человека, выражены преимущественно имплицитно (*be on the mend* – находиться в процессе выздоровления (сейчас)). Предметноцентрический фрейм служит основой для развертывания других типов концептуальных структур: акционального фрейма, включающего несколько сущностей (НЕЧТО/НЕКТО/НЕКТО$_1$/НЕКТО$_n$), которые наделяются семантическими ролями и становятся актантами события, разворачивающегося в определенных пространственно-временных рамках [38: 78]. Семантические роли отображают характер отношений между актантами, среди которых агенс является центральным. Субъект-агенс – главный участник события, поскольку распределение ролей между другими компонентами зависит от действия, выполняемого субъектом. Если в фокусе предметноцентрического фрейма находится сам субъект, то в акциональном – акцент смещается на его взаимодействие с другими сущностями [21: 19-20].

Исследуемый материал дает основания утверждать, что слот НЕЧТО может быть ***инструментом***, с помощью которого ***агенс*** (НЕКТО) осуществляет определенное целенаправленное действие (*kill sb with kindness*), ***пациенсом*** – объектом, на который направлено действие (*hit the books*) или ***результатом***, полученным вследствие деятельности (*pick sb's pocket* – где результатом действия является украденное имущество).

Пациенсом выступает живой объект (НЕКТО$_1$), который испытывает изменения/влияние вследствие деятельности субъекта (НЕКТО) (*sell somebody down the river*). Ряд идиом показывает, что пациенсом может быть и сам агенс, если его действия направлены на себя, например, *kill yourself (laughing)*, *lift oneself/pull oneself up by one's own bootlaces*. НЕКТО$_n$ обозначает ***бенефицианта*** – лицо, для которого деятельность субъекта удобна, причем $_n$ указывает на то, что таким лицом может выступать сам агенс (НЕКТО) (*throw the book at sb*), пациенс (НЕКТО$_1$) (*lick/kiss sb's ass*) или третье лицо (НЕКТО$_2$) (*lie through your teeth*, где субъект может врать ради другого человека).

Ассоциативный фрейм включает несколько предметных сущностей (НЕКТО/НЕЧТО/НЕКТО$_1$) и устанавливает отношение сходства, которое основывается на сближении концептов в мышлении человека. Уподобление или сходство может быть как реальным (объективным), так и мыслимым (субъективным). В пределах ассоциативного фрейма НЕКТО является концептуальным референтом – объектом сопоставления, а НЕЧТО/НЕКТО$_1$ – концептуальным коррелятом – эталоном, с которым сравнивается субъект по

одному или нескольким параметрам, представленным в предметноцентрическом фрейме [21: 22]. В зависимости от характера ассоциативной связи (отождествление, уподобление) и от семантического наполнения идиомы, некоторые компоненты компаративного фрейма могут быть факультативными. В большинстве идиом, обозначающих человека, объект сравнения (индивид) становится фоновым актантом и имплицируется, например *as tall as a maypole/as a steeple, as weak as a cat*. В основе большинства идиом лежат метафорические переносы, поэтому для таких единиц характерно сосуществование концептуального референта и коррелята за счет одновременной актуализации одного или нескольких схожих признаков. Например, идиомы *brick-top, carrot(-)top*, *carrothead* обозначают рыжеволосого человека, так как указывают на референт – голову субъекта (*top, head*) и коррелят – кирпич, морковь (*brick, carrot*), общим признаком которых выступает цвет.

Партонимический фрейм представляет отношения принадлежности. В его рамках НЕКТО-обладатель имеет НЕЧТО/НЕКТО-обладаемое. Посессивные отношение имеют три разновидности: 1) владелец – собственность (*have (got) money to play with*), 2) контейнер – содержимое (*a woman of pleasure* – “куртизанка”, т.е. женщина, которая содержит в себе наслаждение для мужчины), 3) целое – часть (*have (got) a heart of stone*). При этом отношение «целое – часть» является основой для создания метонимических преобразований, когда субъект отождествляется с предметом его одежды (*black coat*) или с частью тела (*brown nose*). Кроме того, фактический материал показывает, что человек как объект квалификации может выступать владельцем (*have money to burn*) или собственностью (*a printer’s devil*), целым (*have (got) nerves of steel*) или частью (*limb of the law*). Ряд идиом актуализирует “отрицательную” принадлежность при отсутствии у обладателя (НЕКТО) обладаемого (НЕЧТО/НЕКТО$_1$). Например, идиома *not have much upstairs* демонстрирует отсутствие у субъекта (НЕКТО-контейнер), а именно в его голове, которая метафорически ассоциируется с верхним этажом здания, достаточного количества интеллекта (НЕЧТО-содержимое), т.е. контейнер не является достаточно наполненным. Идиома *not have two cents to rub together* подчеркивает отсутствие у обладателя (НЕКТО-владелец) средств к существованию (НЕЧТО-собственность), а идиома *out of/off your head* указывает на отсутствие (НЕКТО-целое) головы (НЕЧТО-часть), олицетворяющей здравый смысл.

Приведенные примеры, иллюстрирующие концептуальную модель идиоматического пространства “homo socialis”, образуют общую схему (см. рис. 2.):

Итак, концептуальная модель идиоматического пространства “homo socialis” представляет собой интеграцию предметноцентрического, акционального, ассоциативного и партонимического фреймов, которые образуют концептуальную сеть и организуют информацию о человеке,

хранящуюся в концептах разных уровней абстракции. Метод фреймового моделирования позволяет раскрыть и проанализировать значение идиоматических единиц, обозначающих человека, его свойства, качества и т.п.; упорядочить компоненты идиоматического пространства “homo socialis”; показать глубинные когнитивные структуры, лежащие в основе этих единиц.

Мегаконцепт ЧЕЛОВЕК СОЦИАЛЬНЫЙ является вершиной идиоматического пространства “homo socialis”. Человек как социальное существо объединяет в себе, с одной стороны, индивидуальные, внутренние проявления, а с другой – общественные, внешние: ЧЕЛОВЕК СОЦИАЛЬНЫЙ = ИНДИВИДУАЛЬНОЕ + ОБЩЕСТВЕННОЕ.

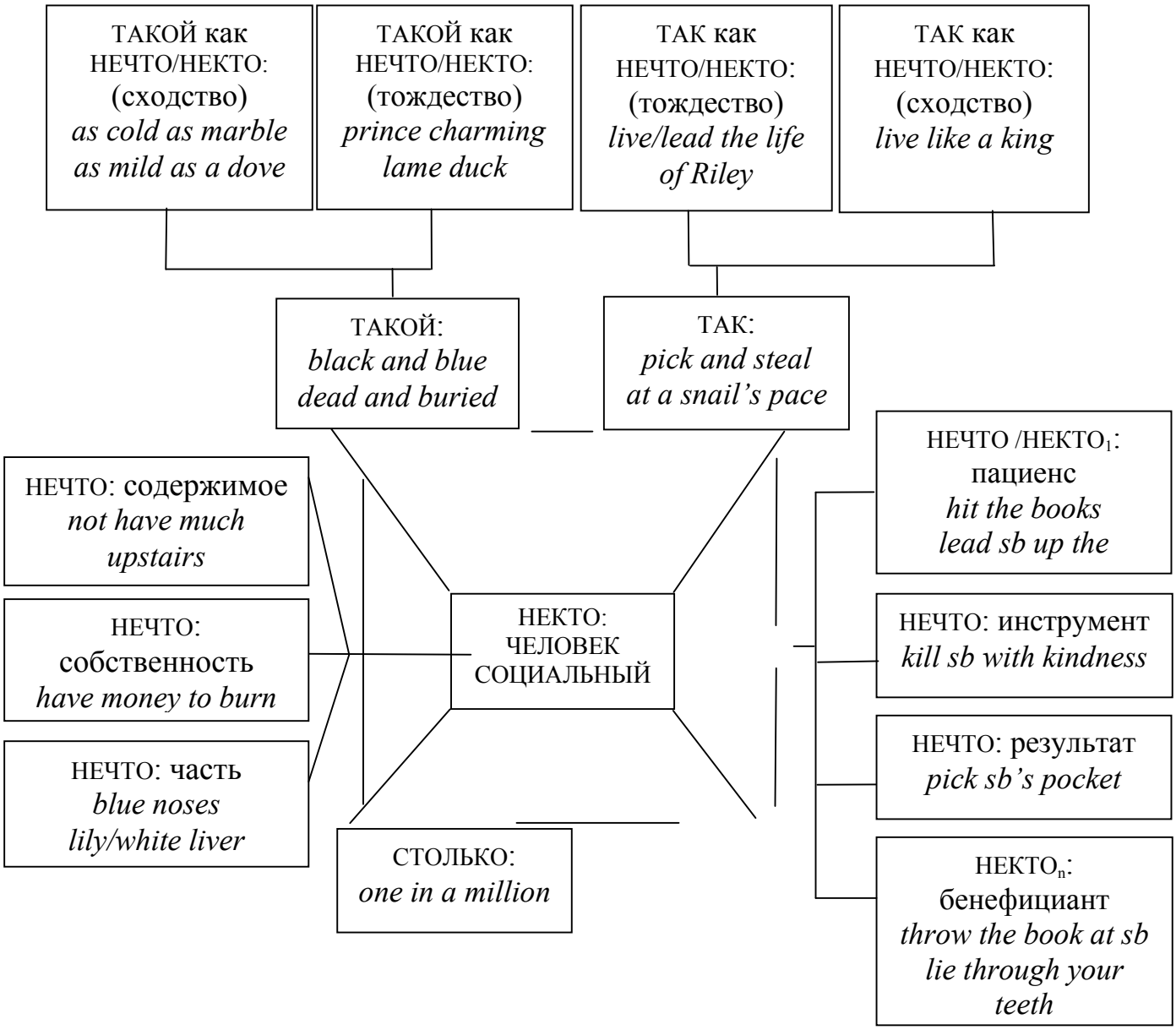

Рис. 2. **Концептуальная модель идиоматического пространства “homo socialis”**

Индивидуальные проявлениями включают биологические признаки человека, особенности его внутреннего мира, а общественные – социальное положение и отношения с окружающими. Внешний вид и поведение лица являются результатом взаимодействия индивидуальных и социальных факторов. Взаимодействие данных проявлений определяет место субъекта в обществе, его социальные роли, отношение к нему окружающих и, как следствие, его самооценку. Мегаконцепт ЧЕЛОВЕК СОЦИАЛЬНЫЙ делится на четыре мезоконцепта: СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СУЩЕСТВОВАНИЯ, ВНЕШНИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ, ВНУТРЕННИЙ МИР и ОБЩЕСТВЕННАЯ ОСНОВА СУЩЕСТВОВАНИЯ.

Биологические показатели человека (возраст, пол, здоровье) составляют мезоконцепт СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СУЩЕСТВОВАНИЯ и обусловливают соответствующее отношение к нему со стороны окружающих, определяют возможные социальные роли. Совокупность внешних черт человека формирует мезоконцепт ВНЕШНОСТЬ, который демонстрирует зависимость внешнего вида субъекта от его общественного положения, уровня материальной обеспеченности, мировоззрения и влияет на его самооценку и отношение других людей.

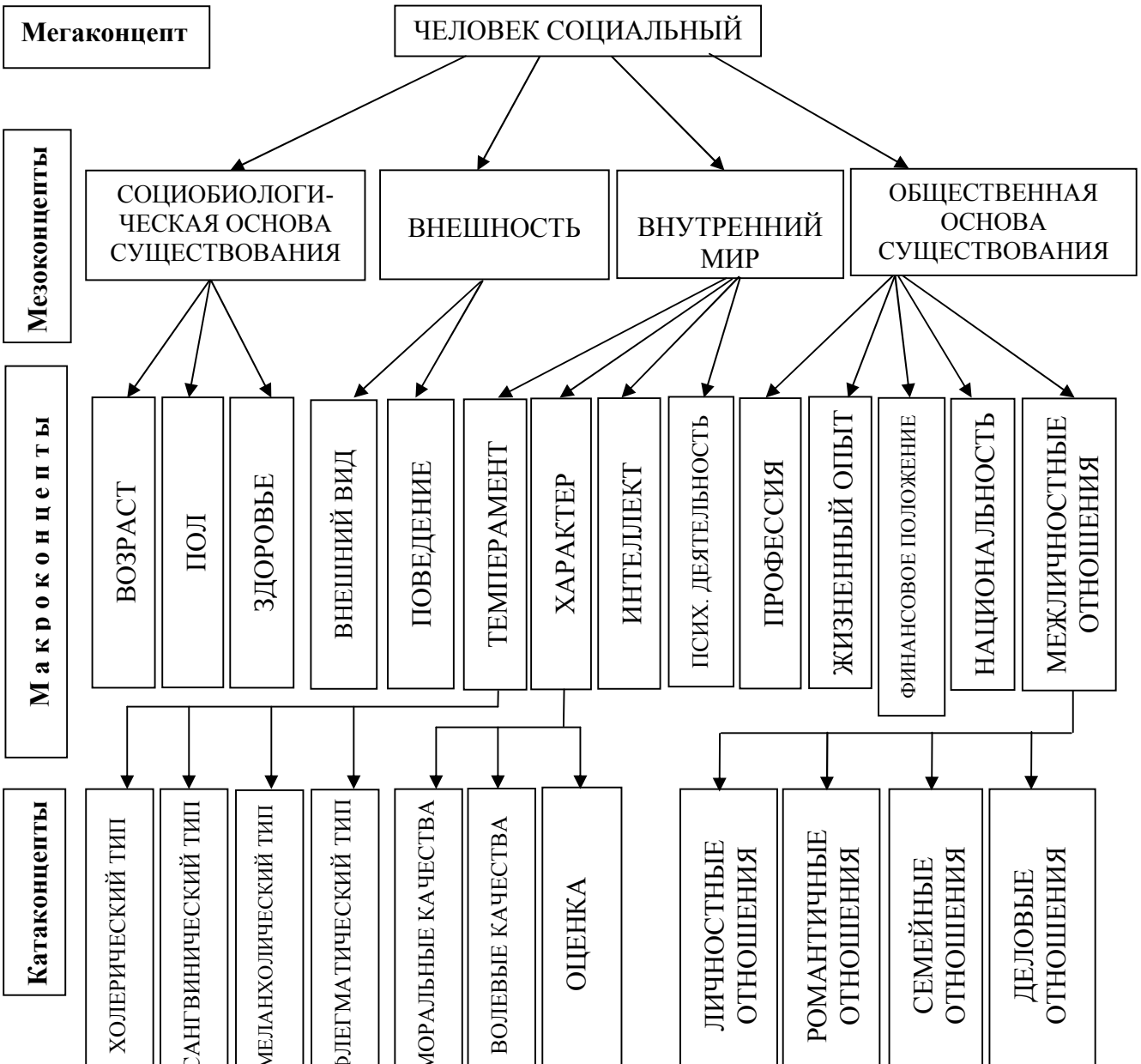

Рис 3. Иерархия концептов идиоматического пространства “homo socialis”

Особенности внутреннего мира человека, образующие мезоконцепт ВНУТРЕННИЙ МИР, влияют на способность субъекта достигать поставленной цели, реализоваться в обществе, способность строить отношения с другими людьми и т.п. С другой стороны, тот статус, который человек получил от рождения или приобретает при жизни и те отношения с окружающими, которые он был в состоянии построить (мезоконцепт ОБЩЕСТВЕННАЯ ОСНОВА СУЩЕСТВОВАНИЯ) могут влиять на его внутренние характеристики, изменять его ценности, вкус, убеждения, мировоззрение. Например, человек, достигший признания, славы (*fly high*, *hit (it) big*), материального благосостояния (*in full feather*, *roll (wallow) in wealth*), может стать ленивым или остановиться на достигнутом (*rest on your laurels*).

Приведенные мезоконцепты воплощаются в соответствующих подчиненных им макроконцептах и катаконцептах, каждый из которых формируется рядом концептуальных составляющих (см. Рис. 3).

Функциональные и коммуникативные особенности антропоцентрических идиом в современной англоязычной художественной прозе

Для полного понимания особенностей вербализации концептов идиоматического пространства “homo socialis” необходимо исследовать не только их языковое представление, но и речевое употребление антропоцентрических идиом. Проведенный контекстуальный анализ, суть которого заключается в выяснении влияния конкретного языкового окружения на значение идиомы, позволил выделить ряд прагматических и текстообразующих функций антропоцентрических идиом в художественных произведениях. Кроме того, в результате анализа смоделированных ситуаций общения, т.е. выдуманных и описанных писателем, выделены основные коммуникативные стратегии и тактики, в создании которых принимают участие элементы идиоматического пространства “homo socialis”.

Среди языковых средств, которые автор художественного произведения использует для воздействия на читателя/слушателя, важное место занимают

идиомы благодаря их высокой степени экспрессивности, эмотивности и ярко выраженной оценке. Переход идиом из индивидуальной речи в литературный язык сопровождается определенным ослаблением экспрессивной образности. Несмотря на это, они продолжают выполнять свою важнейшую функцию – создавать эмотивную, экспрессивную выразительность высказывания, являясь ингерентным признаком, связанным со способностью идиом влиять на чувства, вызвать эмоции [28: 117-124].

Анализ современных англоязычных художественных прозаических произведений дает основания утверждать, что компоненты идиоматического пространства “homo socialis” широко используются писателями, поскольку содействуют реализации их целей благодаря двум основным функциям: прагматическим и текстообразующим. К прагматическим функциям принадлежат: 1) выражение положительной авторской оценки; 2) отражение отрицательной авторской оценки; 3) создание эффекта неожиданности; 4) усиление перлокутивного эффекта стилистических фигур. Текстообразующие функции включают: 1) фокусирование внимания читателя; 2) компрессию; 3) редупликацию; 4) контекстуальную ассимиляцию.

Прагматические функции идиом. ***Выражение положительной авторской оценки.*** Конечная цель творчества любого писателя – не просто раскрыть свои мысли, эмоции, восприятие и оценку изображаемой действительности через авторскую речь, монологи и диалоги персонажей, а пробудить у читателя аналогичные эмоции и видение мира [14: 99-100]. Для достижения своей цели англоязычные писатели широко используют идиомы, которые благодаря высокой экспрессивности и оценочности не только выражают авторское отношение, но и влияют на рациональную и эмоциональную сферу читателя.

Идиомы, обозначающие человека, отображают внутренний мир персонажа, его ценностную ориентацию, отношения с другими, и таким образом, являются мощным средством интенсификации влияния текста на читателя [40: 157]. При этом авторская оценка персонажа, его поступков, действий, мыслей играет решающую роль в воздействии на адресата, поскольку пронизывает текст от начала и до конца, эксплицируясь как в словах автора, так и в высказываниях или мыслях персонажей.

Авторская оценка может быть положительной и отрицательной. Вслед за В.И.Грицутенко [14] мы выделяем такие антропоцентрические идиомы с положительной оценочной окраской: одобрительные (***heart of gold***), ласковые (***a chit of a girl***), шутливые (***daft as a brush***) и восхищенные (***top of the world***).

Кроме положительной оценки, писатель выражает также ***отрицательное отношение*** к определенным персонажам и событиям. Анализ произведений современных англоязычных писателей дает основания выделить осуждающие и пренебрежительные идиомы, демонстрирующие отрицательное отношение автора к персонажу/персонажам произведения.

Авторская оценка событий и ситуаций, отношения к действительности и персонажам пронизывают все художественное произведение, присутствуя в каждом диалоге и монологе. Существует несколько способов подачи таких оценок и отношений. Писатель может непосредственно заявить о своей позиции в **авторской речи**, которая может приобретать вид рассказа, описания и размышления, а может ввести фигуру рассказчика, который заменяет автора [32: 140-150]. Авторская позиция может совпадать с эмоционально-оценочным отношением персонажа и, тем самым, подкреплять точку зрения автора, или же расходиться с оценочной позицией рассказчика [40: 157-158]. Авторская позиция может не совпадать с оценочной позицией рассказчика, о чем читатель узнает из контекста. Соответственно, употребленная рассказчиком идиома с отрицательной оценкой указывает на положительное отношение писателя. Отношение автора к действительности также выражается **персонажной речью**, в которой герои пропагандируют или подвергают критике идеи автора произведения. Речь персонажей бывает **диалогической** и **внутренней**. Авторская оценка может полностью или частично не совпадать с высказанной позицией персонажа. В таких случаях подчеркивается отличие восприятия писателем и героем одного и того же факта. Кроме авторской и персонажной речи, отношение писателя к действительности эксплицируется **несобственно-прямой речью**, когда изложение событий переносится в план героя без изменения формального обозначения субъекта речи и происходит контаминация голосов автора и героя, причем точка зрения последнего доминирует [32: 182].

Идиомы, обозначающие человека, могут создавать прагматический ***эффект неожиданности***, который заключается в удивлении читателя. Эту функцию преимущественно выполняют модифицированные идиомы, когда в известный фразеологизм вводится неожиданный элемент – новая лексема или интерпретация [42: 191]: *‘Neil will be there and that pup of a cousin he has, so she should be all right.’ Tom still sounded doubtful*. Идиома *chip of a (cousin)* модифицируется путем замены стилистически нейтрального компонента *chip* на разговорный отрицательно оценочный элемент *pup.*

Усиление перлокутивного ***эффекта использования стилистических фигур.*** Идиомы, обозначающие человека, могут быть элементами разных стилистических фигур и усиливать эмоциональное влияние на адресата. В приведенном ниже примере идиома является составляющей антитезы, которая через структуру параллельной конструкции выражает отношение автора к действиям персонажа. Включение в антитезу идиомы *lose one’s mind* усиливает влияние на читателя: *Look North-West scuttled back and forth between the bar and the dance floor where he found his feet but lost his mind.*

Текстообразующие функции идиом, обозначающих человека. Компоненты идиоматического пространства “homo socialis” выполняют ряд функций, помогающих согласовать узуальный фразеологизм с конкретным языковым окружением; избегать лишних описаний и объяснений; организовать

текст таким образом, чтобы усилить перлокутивный эффект сообщения и, как следствие, лучше всего повлиять на читателя, достичь адекватного восприятия текстовой информации. Исследуемые идиомы выполняют такие текстообразующие функции: фокусирование внимания читателя, компрессия, редупликация и контекстуальная ассимиляция.

Одной из функций идиом, обозначающих человека, является ***фокусирование внимания читателя***. Благодаря высокой экспрессивности и способности привлекать внимание, идиомы применяются для выделения важной текстовой информации [42: 184]. Идиомы привлекают внимание реципиента вследствие необычной номинации референта в речи или вследствие их важности в условиях определенной ситуации [40: 156].

Важной текстообразующей функцией идиом является ***компрессия***, которая заключается в уплотнении формулировок или информации [10: 171-173]. Речь идет о компрессии текста, т.е. о способности идиом в более краткой форме, чем свободные словосочетания, передать тот же самый объем информации. Функция компрессии особенно характерная для идиом, образованных с помощью редукции однословных идиом, которые выражают не просто определенное отношение к человеку, а содержат предубежденную оценку индивида, которая основывается на его характерной особенности. Например, идиома *skinhead* аккумулирует в себе отрицательное отношение общества к “бритоголовым”, мужчинам, которые бреют волосы на голове.

Функция ***редупликации*** состоит в том, что компоненты идиоматического пространства “homo socialis” повторяют содержание высказываний нефразеологического характера и тем самым дополняют информацию, которую передают нейтральные лексические единицы, привлекая внимание читателя к сообщению, подчеркивая его важность: *The nurse was a thin little thing, skin and bones under her uniform*.

Одной из функций идиом, обозначающих человека, в художественной прозе, является ***контекстуальная ассимиляции***, которая состоит в приспособлении узуального фразеологизма с его денотативным значением к определенному языковому окружению. Эта функция реализуется лексемами, коррелирующими с элементами контекста в результате редукции идиом и актуализации их прямого значения [42: 169-171].

Роль составляющих идиоматического пространства “homo socialis” в реализации коммуникативных стратегий и тактик

Как отмечалось выше, позиция писателя может выражаться, кроме авторской, в диалогической речи персонажей, подчиненной коммуникативным стратегиям и тактикам. Каждый речевой акт между персонажами художественного произведения имеет целью согласование действий собеседников средствами языка, которое достигается координацией их коммуникативных действий [46: 17-18]. Потребность во взаимодействии людей

мотивирует любой коммуникативный акт, как естественный, так и моделируемый. Для удовлетворения конкретной потребности автор художественного произведения планирует, прогнозирует коммуникативную деятельность персонажа, которая разделяется на ряд задач – стратегий и тактик, реализующихся конкретными коммуникативными ходами, вследствие чего достигается поставленная автором цель.

Стратегии речевого общения [11; 13; 36; 54] охватывают всю сферу построения процесса коммуникации, когда целью речевого акта выступает достижение определенных долгосрочных результатов. Коммуникативные стратегии – это комплекс речевых и неречевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, средства и приемы, с помощью которых собеседники осуществляют свою интенцию в определенных речевых актах и ситуациях [12: 22]. Применение стратегия предполагает планирование процесса речевого взаимодействия персонажей с учетом конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию плана, т.е. линию разговора [50: 107].

Для успешного моделирования процесса коммуникации, писатель наделяет персонажей личностными чертами, которые определяют манеру их общения и поведения и создают образ героя. Личность персонажа наделяет речевой акт иллокутивной силой, определенной стратегической установкой, которая раскрывает такие его черты, как темперамент, доминирующие чувства и мотивы деятельности, индивидуальные особенности протекания психических процессов и т.п. С другой стороны, на построение коммуникативной стратегии персонажа влияют социальные факторы: системы ценностей, убеждений, общественных норм и конвенций, которые прописаны в текста. В своей совокупности индивидуальные проявления и общественные установки представляют диспозицию личности [48: 15; 49: 72-73].

Цель речевой деятельности отдельного персонажа – влияние на адресата (собеседника или читателя), т.е. изменение состояния его сознания, модификация структуры убеждений и т.п. Для достижения цели говорящий избирает соответствующую стратегию построения речевого действия, учитывая такие параметры, как уровень образованности и информированности собеседника, его социально-ролевые, психологические, профессиональные, возрастные и другие характеристики [53: 37-38]. Стратегии общения состоят из более конкретных речевых установок, которые можно определить как коммуникативные тактики (также их называют “интеракциональными ходами” [56]) – совокупность приемов и методов, определенная линия поведения на отдельном этапе коммуникативного взаимодействия, направленная на получение желательного эффекта или на предотвращение нежелательного результата [12: 22]. Направленность разных тактических приемов на достижение конкретной коммуникативной цели выстраивается в общую стратегию разговора, в чем заключается взаимосвязь стратегий и тактик.

Составляющими коммуникативной тактики являются коммуникативные

хода – методы и приемы, которые отдельно или в комплексе ведут к реализации поставленной адресантом цели. Коммуникативный ход – минимальный значащий элемент, развивающий взаимодействие и продвигающий общение к достижению целей коммуникации [15; 57: 6; 58: 31].

В зависимости от типа ситуации общения изменяются стратегия и тактики каждого персонажа. Стратегия является программой действий персонажа, которая отмечается динамичностью, гибкостью и вариативностью. Тактика описывает конкретные речевые действия, цель которых привлечение внимания, установление и поддержка контакта, убеждение собеседника, приведение его в определенное эмоциональное состояние и т.п. [50: 108; 54: 98]. Коммуникативные тактики в большей мере, чем стратегии изменяются под влиянием условий общения. В процессе моделирования коммуникации писатель выбирает наиболее удачные лексико-грамматические варианты передачи мыслей и чувств персонажей, наиболее уместные варианты развития разговора, наиболее эффективные варианты решения коммуникативных задач и проблем, наиболее целесообразные варианты реагирования на ремарки собеседника [50: 108-110].

Коммуникативные стратегии, тактики и ходы находятся в тесном взаимодействии [9: 12]: в зависимости от ситуации общения одно и то же высказывание человека (например, убеждение, увещевание) может быть определено как стратегия, которую коммуникант использует на протяжении отдельного периода, как тактика, являющаяся составной частью более глобальной стратегической установки, и как коммуникативный ход, оказывающий содействие в реализации тактики или стратегии.

Во время планирования речевого акта участники общения формулируют коммуникативные цели, которых они стремятся достичь. Дифференцируем первоочередные (влияние на адресата) и второстепенные цели (достижение успеха во время речевой деятельности) коммуникации. При реализации первоочередных целей используются основные стратегии и тактики построения акта коммуникации. Для воплощения второстепенных целей применяются вспомогательные стратегии, содействующие эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному влиянию на адресата – это стратегия соблюдения нормативов социального поведения [15].

Самый быстрый и легкий способ изменить или сохранить позицию собеседника – это влияние на его чувственную сферу, которое обеспечивают эмоционально-оценочные средства языка – идиомы, выступающие коммуникативными ходами. Анализ современных англоязычных художественных произведений позволил выделить три коммуникативные стратегии межличностного общения: эмотивную, предназначенную для выражения эмоций, переживаний, чувств адресанта; конфронтативную, направленную на нанесение морального вреда оппоненту; и кооперативную, целью которой является нахождение консенсуса, компромисса. Каждая стратегия реализуется рядом тактик, выделенных в процессе анализа

конкретных ситуаций общения. Реализации отдельной тактики помогают коммуникативные хода – идиомы.

Эмотивная стратегия направлена на создание влияния на эмоциональную, чувственную сферу адресата. Эта стратегия наиболее общая, поскольку присуща любому речевому сообщению с использованием идиом. При использовании эмотивной стратегии основная цель коммуникантов – повлиять на эмоциональную сферу собеседника, чтобы изменить его состояние или позицию. Для достижения этой цели широко используются идиомы (коммуникативные ходы), которые приводят адресата в соответствующее эмоциональное состояние и одновременно обеспечивают эмоциональную разрядку адресанта, который освобождается от излишка эмоций [54: 161].

Конфронтативная стратегия, направленная на нанесение морального вреда адресату, реализуется идиомами, направленными на достижение коммуникативной цели. Выделяем такие тактики конфронтативной стратегии: обида, негодование, возражение, провоцирование, угроза, эмоциональное давление, внушение, жалоба, отрицательная оценка и осуждение действий.

Кооперативная стратегия, направленная на установление взаимопонимания между участниками коммуникации, реализуется такими коммуникативными тактиками: аргументация, совет (установка), сочувствие, просьба, убеждение, оправдание, предупреждение о последствиях, положительная оценка, отрицательная оценка, жалоба, осуждение действий.

Литература

1. Бабій О.І. Фразеологічні одиниці на позначення емотивно-чуттєвої сфери людини (на матеріалі англійської мови) // Сучасні дослідження з іноземної філології. Збірник наукових статей / Відп. ред. Фабіан М.П. – Ужгород: Ліра, 2003. – С. 229-233.

2. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 52-57.

3. Бацевич Ф.С. Антропоцентризм як один із способів вияву людського фактору в мові // Культура мови і культура в мові: Зб. наук. праць. – К.: НМК ВО, 1991. – С. 81-86.

4. Беженарь И.С. Фразеологическая номинация возраста в современном английском языке: Дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – К., 1994. – 158 с.

5. Белецкий А.А. Система и несистема в естественном языке // Структурная математическая лингвистика. – К.: Изд-во Киевск. гос. ун-та, 1974. – Вып.2. – С. 20-31.

6. Белецкий А.А. Семантические корреляции (опыт суммарного обзора на материале лексики современного русского языка) // Математическая лингвистика. – К.: Изд-во Киевск. гос. ун-та, 1973. – Вып.1. – С. 5-13.

7. Белоусова А.С. Концепт ”характер” и его языковое представление (к задаче построения ”Русского идеографического словаря”) // X Международная

конференция по функциональной лингвистике. ”Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации”. Сб. научн. докл. – Симферополь: СГУ, 2003. – С. 34-35.

8. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Наука, 1974. – 447 с.

9. Берестнев Г.И. Самосознание личности в аспекте языка // Вопросы языкознания. – 2001. – №1. – С. 60-84.

10. Гаврись В.И. К вопросу о первичном и вторичном фразообразовательных процессах // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза. – 1980. – Вып. 164. – С. 355-377.

11. Галапчук О.М. Вікова диференціація стратегій і тактик дискурсу в сучасній англійській мові: Дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – Луцьк, 2000. – 197 с.

12. Гамзюк М.В. Емотивний компонент значення у процесі створення фразеологічних одиниць (на матеріалі німецької мови). – К.: КДЛУ, 2000. – 256 с.

13. Гилева А.В. Оценочные стратегии в языке британской качественной и массовой прессы: Автореф дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Московск. ордена Дружбы народов гос. лингв. ун-т. – М., 2005. – 26 с.

14. Грицутенко В.И. Кокни и фразеология как средства создания сатирической прагматики художественного текста (на материале “Неприятных пьес” Б.Шоу и их украинских переводов): Дис. … канд. филол. наук: 10.02.02, 10.02.04. – К., 1980. – 184 с.

15. Гусар М.В. Лінгвокогнітивний і комунікативний аспекти приватних газетних оголошень // Сучасна англомовна публіцистика: лінгвістичний вимір: Монографія [за заг. ред. А.Е.Левицького, С.І.Потапенка]. – Ніжин: Вид-во НДУ імені Миколи Гоголя, 2010. – С. 62-85.

16. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.

17. Дем’яненко Н.Б. Польські фразеологічні одиниці на позначення ментальних властивостей людини: структурно-семантичні та формально-граматичні характеристики: Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.03. – К., 2003. – 196 с.

18. Жаботинская С.А. К вопросу о принципах построения концептуальной модели языковой номинации // Имя: слово, словосочетание, предложение, текст (именование на различных уровнях языка): Темат. сб. науч. тр. – К.: КДО, 1993. – С. 58-66.

19. Жаботинская С.А. Когнитивная лингвистика: принципы концептуального моделирования // Лінгвістичні студії. Вип. ІІ. – Черкаси: “Сіяч”, 1997. – С. 3-12.

20. Жаботинская С.А. Концептуальная модель частеречных систем (германские и славянские языки). – Черкассы: ЧДУ, 1999. – 223 с.

21. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов // Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. – Випуск 11. – Черкаси:

ЧДУ, 1999. – С. 12-24.

22. Зубова Ж.А. Микроидиомы в составе фразеосемантического поля ”Отношения между людьми” // Доклады V Международ. конференции: Семантика языковых единиц. – Т.1. – М.: МГОПУ, 1996. – С. 139-140.

23. Іващенко В.Л. Типологічна диференціація концептуальних структур як одиниць ментального простору // Мовознавство. – 2004. – №1. – С. 54-61.

24. Кагановська О.М. Когнітивний аспект проблеми “градації” текстових концептів (на матеріалі сучасної французької прози) // www.gov.ua/Articles/ KultNar/60_1/pdf/imennoy.pdf

25. Кагановська О.М. Текстові концепти художньої прози (на матеріалі французької романістики середини ХХ сторіччя): Монографія. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2002. – 292 с.

26. Карпіловська Є.А. Проблеми будови сучасного українського лексикону в дзеркалі лінгвосеміотичної теорії А.О.Білецького // Мовні і концептуальні картини світу: Зб. наук. пр. / Київськ. нац. ун-т імені Тараса Шевченка. – К., 2002. – Ч.1. – С. 175-182.

27. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 107 с.

28. Коновець С.П. Комунікативно-прагматичні особливості актуалізації фразеологізмів у дискурсі сучасної преси (за матеріалами іспанських періодичних видань): Дис. … канд. филол. наук: 10.02.05. – К., 2002. – 167 с.

29. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В.Ломоносова, 1996. – 246 с.

30. Кубрякова Е.С. Введение // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С. 4-20.

31. Курикалова Н.М. Фразеологическая номинация явлений внутренней жизни человека (на материале современного английского языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / КГУ им. Т.Г.Шевченка. – К., 1985. – 24 с.

32. Кухаренко В.А. Інтерпретація тексту. – Вінниця: НОВА КНИГА, 2004. – 272 с.

33. Лукашенко Н. Стратегії ввічливості іспаномовного Інтернет-дискурсу // Мовні і концептуальні картини світу: Збірник наукових праць. – Вип. 11. Кн. 1. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2004. – С. 276-280.

34. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.

35. Михайлов В.А. «Язык мысли» и коммуникация // Текст в коммуникации: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Романов А.А., Шахнарович А.М. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1991. – С. 51-67.

36. Морозова И.И. Коммуникативные стратегии вежливости в стереотипном речевом поведении викторианской женщины: Дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – Харьков, 2004. – 208 с.

37. Нижегородцева-Кириченко Л.А. Лексико-семантическое поле “Интеллектуальная деятельность”: опыт концептуального анализа (на

материале существительных современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – К., 2000. – 257 с.

38. Никитин В.А. Опыт компонентного анализа лексико-семантического поля имен прилагательных со значением ”характер человека” // Лексико-фразеологические исследования русского языка. Сб. науч. тр. – Фрунзе: КГУ, 1981. – С. 37-58.

39. Павлюк О.О. Категоризація негативних моральних якостей людини у французькій мовній картині світу: Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.05. – Запоріжжя, 2003. – 229 с.

40. Пальчун Г.П. Прагматические функции аффективных высказываний // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1989. – С. 155-159.

41. Петрова О.Б. Концептуальный анализ производной лексики (на материале английских существительных) // Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. – Вип. 11. – 1999. – С. 25-35.

42. Пташник С.Б. Структурно-семантичні особливості фразеологічних модифікацій та їхні функції в німецькому газетному тексті: Дис. … канд. філол. наук: 10.02.04. – Львів, 2002. – 219 с.

43. Радзієвська Т.В. Концептуалізація ментального простору в українській мові // Мовознавство. – 1998. – №2-3. – С. 107-117.

44. Садирова Г.В. Относительные прилагательные: опыт концептуального анализа (на материале современного английского языка) // Вісник Черкаського ун-ту. Серія Філологічні науки. – Вип. 11. – 1999. – С. 35-43.

45. Сапогова Е.Е. Опыт психологической интерпретации мужской концептосферы // Известия ТулГУ. Серия Психология. – Вып. 5, Ч.1. – С. 178-200.

46. Сидоров Е.В. Личностный аспект речевой коммуникации и текста // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1989. – С. 16-25.

47. Степанов Ю.С. Французская стилистика. – М.: Высшая школа, 1965. – 355 с.

48. Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1989. – С. 9-16.

49. Сухих С.А. Речевые интеракции и стратегии // Языковое общение и его единицы. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1986. – С. 71-77.

50. Тарасова И.П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез. – М.: Высшая школа, 1992. – 175 с.

51. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н.Телия. – М.: Наука, 1991. – С. 36-66.

52. Трибуханчик А.Н. Становление и развитие фразеосемантического поля “богатство-бедность человека” в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – К., 1989. – 289 с.

53. Троянов В.И. Личностные стратегии обоснования в дискурсе // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1989. – С. 37-45.

54. Фадеева Е.В. Стратегии и тактики конфликтного дискурса (на материале современного английского языка): Дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – К., 2000. – 194 с.

55. Философский энциклопедический словарь // Л.Ф.Ильичев, П.Н.Федосеев, О.М.Ковалев. – М.: Сов. Энциклопедия, 1993. – 840 с.

56. Чахоян Л.П., Паронян Ш.А. Взаимодействие интенций как фактор, определяющий типы межличностного общения // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1989. – С. 67-75.

57. Burger H. Phraseologie. Eine Einfuhrung am Beispiel des Deutschen. – Berlin: Erich Schmidt, 1998. – 226 S.

58. Owen M. Apologies and Remedial Interchanges: A Study of Language Use in Social Interaction. – L., N.Y.: Amsterdam, Mouton, 1983. – 192 p.

2.5. ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ
(на материале произведений Редьярда Киплинга)

А.В. Головня

Попытка определить особенности языка и его назначение отражать жизнь народа, а также стремление к осмыслению феномена культуры как специфической формы существования человека и общества [29; 30;44; 46; 47; 70; 87; 89] стали причиной активного развития лингвокультурологии. В этом русле внимание многих исследователей фокусируется на проблемах исследования картин мира [10; 37; 48; 53; 54] и взаимосвязи языка и культуры [38; 92; 94; 110; 111]. На протяжении длительного времени изучение концептуальных пространств творчества отдельных писателей представляет значительный интерес для ученых [32; 41; 50; 75; 77;] и осуществляется в рамках когнитивной лингвистики [15; 62; 63; 68; 80; 84; 89; 107; 108; 109].

Картина мира, отраженная в художественных произведениях, воссоздает реальность сквозь призму мировосприятия писателя. Носителем языковой картины мира является человек как член определенного социума, в котором существует целый ряд представлений о внешнем мире, о человеке в нем и о представителях других народов [1; 52; 94; 103]. Обобщенным образом носителя ценностей национально-культурного сообщества является языковая личность [37; 45; 48; 90; 94]. Языковая личность писателя как представителя определенной этнокультурной группы влияет на формирование и развитие его сознания и проявляется в его творчестве. В художественном тексте отражаются особенности быта и жизни общества или отдельного этноса, который описывает автор, а пространство произведения воплощает особенности лингвокультурной группы, к которой принадлежит автор [28; 35; 58; 60].

Художественные произведения каждого писателя сотканы из характерных для его мировосприятия концептов, выраженных разноуровневыми средствами языка. Художественное пространство творчества каждого писателя интересное и индивидуальное. Значительную роль при этом играет его культурное окружение. Не единожды делались попытки исследования таких пространств разных авторов [11; 12; 16; 39; 42; 43; 51; 75]. Результаты проведенных исследований позволяют объединять рассмотренные языковые единицы в рамках определенных пространств: номинативного [74], идиоматического [98], образного [14], ориентационного [82], дискурсивного [61; 102] и ментального [106]. С позиций культурно ориентированной лингвистики сделан целый ряд попыток осмыслить специфическую фиксацию культурно значимых явлений и характеристик бытия на основе анализа разноуровневых языковых единиц [57; 86]. Художественная проза классика мировой литературы, вдающегося английского писателя Редьярда Киплинга, отличается неповторимостью: в ней тесно переплелись две разные культурные традиции, к которым он принадлежит: английской – по происхождению, индийской – по воспитанию. Такая особенность автора не могла не отразиться в его творческом наследии, а лингвокультурное пространство его художественной прозы определяется специфическими чертами.

Современные подходы к изучению лингвокультурного пространства

В настоящее время наблюдается стремительное становление и развитие лингвистической науки синтезирующего типа – лингвокультурологии, посвященной описанию и изучению соотношения языка и культуры, их взаимосвязи и взаимовлияния [87: 10; 89]. Лингвокультурология (или культурологическая лингвистика) – самое молодое ответвление этнолингвистики [29: 65], изучающее материальную и духовную культуру, воплощенную в живом национальном языке и представленную в языковых процессах [70: 29]. Эта комплексная область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры переживает расцвет. Цель лингвокультурологии состоит в изучении тех способов, с помощью которых язык воплощает, сохраняет и транслирует культуру. Одной из актуальных проблем лингвокультурологии является вопрос о культурной идентичности и ее связи с языком [103: 141]. Эта лингвистическая наука изучает национально-культурную семантику языковых единиц с целью понимания их содержания и оттенков в максимально приближенной степени к восприятию носителями данного языка и культуры [31: 124].

Лингвокультурология исследует, прежде всего, живые коммуникативные процессы и связь между языковыми проявлениями и менталитетом народа. Основное отличие культурологического подхода от страноведческих описаний состоит в том, что последние стремятся описать реалии, специфичные для определенной культуры, а также определить те единицы, которые соотносятся с

собственно национальными фактами материальной, социальной и духовной культуры. Лингвокультурный анализ состоит в выделении из общих знаний культурно значимые [26: 150].

Лингвокультурное пространство в экзистенциальном измерении

Среди лингвистов существует мнение, что язык – это зеркало культуры [92: 7; 49: 48], поскольку в нем отражается не только реальный мир, который окружает человека, не только условия его жизни, но и сознание народа, его менталитет, национальный характер, жизнь, традиции, мораль, система ценностей. Иными словами, культура и язык – это формы сознания, которые отражают мировоззрение человека [91: 224].

Культура как совокупность результатов жизнедеятельности человека отражает знания о рефлекторном самопознании человека в процессе его жизненной практики, является воплощением национального менталитета. Национальное культурное пространство – это форма существования культуры в сознании человека; это культура, отраженная сознанием; это бытие культуры в сознании ее носителей. Национально-культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феномене культуры у членов национально-лингвокультурного сообщества [64: 10]. Форма актуализации культурно обусловленных особенностей определенной этнической группы в языке называется *лингвокультурным пространством*. В процессе жизнедеятельности человека возникает картина мира как глобальный образ, в котором сосредоточен целый ряд представлений об окружающем мире, о себе и других сообществах. Носителем языковой картины мира является человек как представитель определенного социума [103: 143]. Любой писатель – это представитель определенного социума, влияющего на формирование и развитие его сознания. Именно поэтому пространство художественного произведения отражает особенности лингвокультурной группы, к которой принадлежит автор.

Исследования лингвокультурного пространства определенного языка проводятся в рамках новейших направлений современной лингвистики – лингвокультурного и когнитивного подходов к языку [60: 3]. Развитие лингвокультурного направления обуславливается стремлением к осмыслению феномена культуры как специфической формы существования человека и общества в мире, а также попыткой лучше понять язык и его предназначение отражать культуру [73].

Культуре определенного этноса характерна целостная информативно-когнитивная система, которую образуют тесно взаимосвязанные друг с другом мышление, сознание и язык [81; 87]. Любой язык не существует сам по себе как абстрактная система, а привязан к конкретным условиям существования отдельного племени, народа, нации в определенную историческую эпоху. В основе мировоззрения и мировосприятия народа лежит своя система когнитивных схем и социальных стереотипов, которые определяют

особенность национального мировоззрения отдельного индивида и общества в целом [69].

Таким образом, являясь частью социума, культурные, исторические, ментальные, мировоззренческие и любые другие особенности каждой культурной группы, актуализируются и концептуализируются в художественной литературе, а художественное пространство становится культурной средой, отраженной с помощью языковых средств разных уровней. Оно интегрирует лингвальное и культурное пространства, которые соединившись, дополнив и обогатив друг друга, создают неповторимое лингвокультурное пространство.

Концептуализация культурных ценностей как лингвистическая проблема

Право на существование какой-либо научной дисциплины определяется наличием и степенью сформированности ее категориального аппарата – системы базовых терминов. Основу категориального аппарата лингвокультурологии составляют понятия языковой личности и концепта [29: 66]. Термин «концепт» часто употребляется в лингвистических работах последних лет культурологического и когнитивного направлений. Изучение концептов направлено на рассмотрение различных ассоциативных, образных представлений, которые фиксируются в языке и в значительной степени определяют использование единиц для описания реальности. В различных определениях концепта подчеркивается его антропоцентричная природа и взаимосвязь, взаимообусловленность концептосферы человека и культуры [60: 10].

Рассматривая концепты как концентрированное выражение духовно-эмоционального опыта определенного этноса, нельзя не обратиться к личности как носителю определенного опыта [37: 112]. По мнению Д.С.Лихачова, концепты возникают в сознании человека не только на основе словарных значений, но и на основе личного опыта и народного культурно-исторического опыта, и чем он богаче, тем шире рамки концепта, тем более проявляется его разносторонность [66: 140]. Концепты возникают благодаря способности человека выделять стойкие типичные признаки явлений из общего фона информации о мире и соответственно группировать их [80: 184]. В процессе познания мира формируются отдельные концепты, которые вследствие взаимодействия и взаимодополнения образуют концептосферу, а по совокупности концептов можно судить как о ментальной модели реальности, которая отражается в языке, так и о языковом сознании его носителей [7: 52].

Концептуальная информация регулируется с помощью языковых средств, хотя ее часть воспринимается другим путем: рисунками, схемами и другими невербальными средствами [78: 104]. Основная роль концептов в мышлении – это категоризация, которая позволяет группировать объекты, имеющие общие черты [6: 16], то есть концепт можно охарактеризовать как сложную культурно

значимую единицу сознания, которая имеет разные формы репрезентации в языке.

Концепты являются своего рода посредниками между словом и окружающей реальностью, соотносясь не только с одним словом, но и с предложениями и целыми текстами. При этом, чем больше объектов он покрывает, тем богаче и многограннее является концепт [67: 7].

Выделение концепта как ментального образования, отмеченного лингвокультурной спецификой, – закономерный шаг в становлении антропоцентричной парадигмы гуманитарного, в частности, лингвистического знания [29: 68]. Поскольку содержание концепта обусловлено культурой и языком, он может отличаться в разных культурах и в разных языках.

Культурное варьирование концептов проявляется в характере языковой реализации его лексической репрезентации. Полностью концепт может быть выражен только с помощью совокупности языковых средств, каждое из которых из которых раскрывает только его лингвистическую часть [60: 7]. Концепт является своеобразной «базой данных», а ее фрагменты эксплицируются на разных уровнях языковой системы: в семантике слова, компонентном составе лексического значения, комбинаторике слов, словообразовательном значении [60: 9].

Хотя мы живем в одном мире, каждая нация имеет свое собственное мировоззрение и свои ценности, что обеспечивает существование уникальных концептов, специфических для каждого этноса. В концептосфере любого народа существует значительное количество концептов, которые имеют яркую национальную специфику. Они известны под названием «ключевые слова» и отражают особенности национального менталитета [12]. Вокруг ядра группируются, так называемые, базовые слои, а признаки развиваются в направлении от менее абстрактных к более абстрактным [60: 93].

Концепт как единица коллективного знания/сознания имеет языковое выражение и отмечен этнокультурной спецификой [104]. Одним из компонентов содержания концепта является когнитивная память слова – смысловые характеристики языкового знака, связанные с его вековым предназначением и системой духовных ценностей носителя языка [104: 41]. Однако концептологически наиболее существенным является, так называемый, культурно-этнический компонент, который определяет специфику семантики единиц естественного языка и отражает языковую картину мира ее носителей [31: 124].

Таким образом, концепт – это многогранная ментальная единица, которая накапливает в себе опыт человеческой истории и котегоризирует его, являясь базовой единицей лингвокультурного пространства художественного произведения писателя.

Художественный текст в лингвокультурном измерении

Когнитивный анализ языковых единиц позволяет понять механизмы вербализации внеязыковой действительности: национальной специфики, особенностей жизни, социального устройства, мировоззрения, религиозных верований и многих других аспектов бытия определенной этнокультурной общности. Сознание отвечает за выбор языковых средств, эксплицирующих в конкретной коммуникативной ситуации информацию в соответствии с коммуникативными целями [6].

Язык рассматривается не только как система лексических, грамматических и фонологических единиц или как система правил коммуникативного поведения в определенном этнокультурном и социальном аспекте, а как система вербализированных знаний о мире [83: 114]. Язык играет значительную роль при передаче этнического стереотипа поведения [91: 14].

Влияние культуры проявляется в своеобразии самого процесса ее существования, воплощенном в определенных особенностях лексики и грамматики [71]. Недостаточно знать только лексическое значение слова или словосочетания – необходимы также знания о мире, которыми владеют носители языка в рамках определенной культуры, выявление того, как эти знания используются в процессе интерпретации текста и, соответственно, их когнитивный и социальный анализ [100: 74].

В художественном тексте отражаются все аспекты человеческого бытия. Текст как сложное и многомерное явление может выступать объектом лингвокультурного анализа, поскольку в любом тексте проявляется национально-культурный характер представленных в нем реалий. Характер каждого народа, пользующегося определенным языком, представлен на всех уровнях языковой системы: фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом. Концепты, которые лексикализируются в языке, являются не единственным способом ментальной репрезентации. Кроме однословных единиц в мозгу присутствуют целые фразы, которые выражают этнические стереотипы поведения [11: 27]. Наиболее актуальные концепты реализуются с помощью не только вербальных, но и невербальных средств [18].

Читатель попадает в определенные культурные рамки: в художественном произведении как будто материализуются все языковые и неязыковые системы [95: 83], существующие в определенном обществе. В текстах зафиксирован и отражен исторический, социальный, культурный и жизненный опыт лингвокультурной общины, опыт, к которому на подсознательном уровне обращаются носители языка [60: 96]. Это своего рода жизненные ситуации, которые воспринимаются автоматически как часть повседневной жизни. Текст как сложное и многокомпонентное образование наделен этнокультурными чертами, национальной спецификой, которые проявляются в языке как национальное своеобразие культуры.

Когнитивные представления человечества о мире, будучи ориентиром человеческой деятельности, закрепляются в языковых средствах разных уровней: семантического, фонетического, графического,

словообразовательного, лексического, фразеологического и синтаксического. Многоаспектное описание репрезентаций концепта и его текстового функционирования позволяет самым полным образом представить содержание и структуру концепта [60: 22]. Национально-культурная специфика ментальности этноса проявляется не только на лексическом, но и на других уровнях, таких как морфологический и синтаксический [23: 137]. Эта тенденция ярко проявляется в словообразовании, которое маркируется все то, что биологически, социально и культурно значимо в сознании народа, но именно внутренняя форма слова дает ключ к познанию определенных смыслов языка культуры [24: 30]. Словообразовательный акт организовывает смысловое пространство языка, обуславливает выбор важных фактов и устанавливает связи между ними.

Таким образом, исследование текста должно носить комплексный характер. При этом языковые средства репрезентации концептов следует соотносить с каждым языковым уровнем. Чем больше единиц разных уровней принимает участие в актуализации концепта, тем более важным он является в лингвокультурном пространстве определенной культурной группы.

Концептуальная и языковая картины мира в лингвокультурном аспекте

Когнитивный процесс неразрывно связан с картиной мира [47: 6], которая существует в сознании каждого индивидуума общества и отражает объективную реальность сквозь субъективный фильтр: национальной менталитет и систему взглядов [34]. Картина мира является глобальным образом мира, что является результатом духовной активности человека, а не только ее одной стороны. Концептуальный анализ позволяет объединить языковую и культурную семантику, которые разграничиваются в связи с дифференциацией концептуальной (ККМ) и языковой (ЯКМ) картин мира [34].

Этнокультурный компонент концептуальной и языковой картины мира. Читатель художественного произведения попадает в определенные культурные рамки, в которых материализируются все языковые и неязыковые системы [95: 83], которые существовали и существуют в определенном обществе. В текстах зафиксирован и отражен исторический, социальный, культурный и жизненный опыт лингвокультурной общности, опыт, к которому на подсознательном уровне обращаются носители языка [35: 96]. Это, своего рода, жизненные ситуации, которые воспринимаются автоматично как часть повседневной жизни.

Язык не только отображает, но и создает ту реальность, в которой существует человек [5: 4]. Изучение языка неразрывно связано с исследованием культуры, к которой он принадлежит, поскольку каждая культура “разговаривает на своем языке” [23: 21; 59: 85; 99: 312]. Язык предоставляет информацию о культурных ценностях того или иного народа, поскольку

каждому этнокультурному сообществу характерны специфические этнопсихологические черты [55: 97; 97: 340]. Язык накапливает и сохраняет информацию о культуре народа, о его духовной жизни, о том, как каждый человек воспринимает и оценивает себя в этом мире [9: 38].

Невозможно знать язык без осознания таких внеязыковых факторов, как этнический, культурный, исторический и другие. Особенно следует подчеркнуть национальную специфику категоризации действительности [48: 73]. Отражая национально-культурную специфику [91: 44], каждый концепт, выраженный вербальными средствами, имеет свою собственную форму, которая характеризуется этнокультурной обусловленностью, поскольку в ней выражены все модальные, эмоциональные, экспрессивные, прагматические и другие оценки [96: 150].

Совокупность культурно-исторических особенностей лингвосообщества является основным фактором, который порождает национальную ЯКМ и определяет динамику развития национального языка [13: 51]. Основную культурную нагрузку несут на себе номинативные единицы: слова и словосочетания [65: 184; 72: 28]. Базовой единицей считаем национально-культурную сему как национально маркированный знак, с помощью которого можно возобновить тот культурный компонент, который делает слово реалией [4: 31; 79: 89].

Отражение концептуальной и языковой картин мира сквозь призму языковой личности

В течение длительного времени ученые исследуют “языковую личность” [29; 48; 70]. Хотя на данный момент отсутствует единая точка зрения касательно этого понятия, бесспорна связь между языковой личностью и картиной мира, которая реконструируется на основе описания языковой личности. Чрезвычайно интересной и уникальной является картина мира, реконструированная через описание языковой личности, которая объединяет в себе особенности двух культурных традиций, абсолютно разных по своей сути. Впитав в себя особенности двух культур, бикультурная языковая личность представляет значительный интерес для лингвокультурных исследований в плане языковых и культурных проявлений в созданных ею художественных произведениях. Именно такой является языковая личность Редьярда Киплинга, показательная в этом плане, поскольку она сформировалась в результате взаимодействия английской и индийской культур, представляющих Запад и Восток.

Языковые проявления личности автора в художественной прозе Редьярда Киплинга. Рождение мультикультурной художественной реальности происходит в рамках сложного процесса дешифровки информации, которую несет произведение кроскультурной литературы [93: 28]. Межкультурная

коммуникация как диалог двух культур – явление интересное и многогранное. В нем прослеживается взаимодействие: а) языка, который отражает культуру народа и выступает формой культурного поведения; б) культуры, которая передает своеобразие культурно-исторических условий; в) личности, психический склад которой сформировался в результате практической деятельности [56: 12]. Вследствие взаимодействия этих компонентов появляется новая – межкультурная – реальность.

При объединении двух культур рождается новая бикультурная личность, которая одновременно может существовать в двух культурных пространствах и с легкостью адаптироваться к ним [92: 7]. При этом формируется вторичная языковая личность и вторичное сознание, воплощенные в картине мира, присущей носителям языка и культуры. Сознание билингвальной языковой личности формируется через слияние двух ЯКС, представленных в языках двух наций. Концептуальный анализ позволяет синтезировать языковую и культурную семантику слова, разделяемые в прикладной лингвистике в связи с делением на концептуальную и языковую картины мира [34].

Слияние двух культур в одной личности делает творческое наследие Редьярда Киплинга неповторимым. Джозеф Редьярд Киплинг – уникальная языковая личность, в которой взаимодействуют две разные культуры, а соответственно и способы мышления и восприятия мира. Соответственно, его языковая личность характеризуется чертами, которые соответствуют его мировоззрению и способу мышления.

Художественное мышление Р.Киплинга, в первую очередь, питается фольклорно-мифологическими мотивами, которые Р.Киплинг мастерски раскрыл в своем творчестве. Не только в своих сказках о животных, но и в других произведениях он опирается на первичные, архаичные сюжеты и образы, которые испокон веков сохраняются в коллективной памяти человечества [112: 24]. Таким образом, Киплинг синтезировал древние традиции индийских религиозных мифов о начале мира и зарождении живого на земле и мифологические верования англичан.

Типичные для индийской и британской культур концептосферы дают возможность узнать о разных аспектах жизни каждого народа и создать его обобщенный образ: ЧЕЛОВЕК (*The dawn was beginning to break when Mowgli went down the hillside alone, to meet those mysterious things that are called men* (JB, 29); *It was no game, and would have broken all my teeth, but the white hood said that a man – he spoke as one that knew the breed – that a man would give the hot breath under his ribs for only the sight of those things* (JB, 241)), ПРОСТРАНСТВО (*Once upon a time, on an uninhabited island on the shore of the Red Sea, there lived a Parsee from whose hat the rays of the sun were reflected in more-than-oriental splendour* (JSS, 24); *A wandering lama with a low-caste boy-servant might attract a moment's interest as they wandered about India, the land of pilgrims; but no one would suspect them or, what was more to the point, rob* (K, 35)), ВРЕМЯ (*"Three or four moons since", said he, "I hunted in the Cold Liars, which place, may be, thou*

hast not forgotten" (JB, 241); *And he is indeed as old as the jungles* (JB, 241)), ФЛОРА (*As many times as there are nuts on that palm* (JB, 21); *When he comes back wait for me in the ravine by the dhak-tree in the center of the plain* (JB, 62)), ФАУНА (*Dessa shouted in the mysterious elephant language that some mahouts believe came from China at the birth of the world, when elephants and not men were masters* (CS, 197); *There is none like thee in the jungle, wise, old, strong, and most beautiful, Kaa* (JB, 287)), ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (*It was though whole villages walked into the water* (JB, 231); *The rains have forgotten us and will never come again?* (JB, 157)).

Важными аспектами языкового проявления концепта ЧЕЛОВЕК являются этнокультурный (*'Oh, that is nothing,' said the horse-dealer. 'Men are like horses. At certain times they need salt, and if that salt is not in the mangers they will lick it up from the earth'* (K, 171)), гендерный (*'She is beyond question a wise and a discerning woman. All women are thus.' Kim spoke as might have Solomon* (K, 108)) и аксиологический (*'I can see now that the sign of the Red Bull was a sign for me as well as for thee. All desire is red – and evil'* (K, 126)). Основные составляющие концепта ЧЕЛОВЕК более важны для английской культурной традиции, что подтверждает антропоморфный характер английского общества и о чем свидетельствует богатый иллюстративный материал.

Существует целый ряд изоморфных универсальных характеристик, типичных для индийской и английской культур. Это, в основном, ценностные концепты: ЛЮБОВЬ (*The Red Flower is in my body, my bones are water – and – I know not what I know* (JB, 323)), УВАЖЕНИЕ (*The old brute pushed and panted and grunted up the bank, mumbling: "Respect the aged and infirm!"* (JB, 218)), ВЕРА В БОГА/ВЫСШИЕ СИЛЫ (*I worshipped none, child. I bowed before the Excellent Law* (K, 22)), ДРУЖБА (*The Gods gave me all three, and there is no gift like friendship* (PPH, 128)) и другие, которые являются важными для обоих народов. Однако их значимость в рамках каждой из культур отличается. Для индийского общества в большей степени, чем для английского определяющими являются пространственно-временные концепты ВРЕМЯ и ПРОСТРАНСТВО, концептосфера ФЛОРА и ФАУНА, что подтверждает мысль о природоцентрическом характере индийской национально-культурной традиции.

При рассмотрении вербализаций упомянутых концептов в творчестве Р.Киплинга был обнаружен их противоположный характер. Такое явление обусловлено соответствующей философской трактовкой человека в двух культурах. Так, например, антропоцентрическое направление Запада стало причиной того, что центром чего-либо является человек, а все вокруг него рассматривается как фон. В отличие от этого, в индийской культуре человеку уделяется меньше внимания – центром мироздания является природа, по сравнению с которой человек – это никчемное существо.

Попытка определить особенности восприятия одной нации другой доказала факт противостояния британского и индийского обществ,

обусловленного колонизаторской политикой Великобритании по отношению к Индии: каждая из наций негативно воспринимает другую, хотя индусы скрывают этот факт, потому что считаются подневольными и зависимыми от «высшей» нации англичан. Отношение англичан к индусам, в основном, пренебрежительное, как к низшей нации. Соответственно, в индийской культуре доминируют концептуальные метафоры ЖИЗНЬ – ЭТО ДВИЖУЩЕЕСЯ В ОПРЕДЕЛЕННОМ НАПРАВЛЕНИИ КОЛЕСО (*"Pity it is that these and such as these could not be freed from the Wheel of Things," said the lama* (K, 59); ЧЕЛОВЕК – ЭТО СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРИРОДЫ (*The fruit is ripe already – except that he must learn his distances and his pacings, and his rods and his compasses* (K, 177); ЭМОЦИИ – ЭТО ЗЛО (*I had a fear that, perhaps, I came because I wished to see thee – misguided by the Red Mist of affection* (K, 164); ДРУЖБА – ЭТО РУКА ПОМОЩИ, БЕДА – ЭТО БЕЗЖАЛОСТНЫЙ КНУТ (*"Is this the Hand of Friendship to avert the Whip of Calamity?" laughed the Colonel* (K, 173)). В английской культуре преобладают метафоры ЧЕЛОВК – ЭТО ВЛАСТЕЛИН / ХОЗЯИН МИРА (*"Look you, boys," said he, "I am born out of my due time. Five hundred years ago would have made all England such an England as nether Dane, Saxon, nor Norman should have conquered"* (PPH, 44)); ОБРАЗОВАНИЕ – ЭТО МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ДРУГ (*"Fear and pains is a true word," said De Aquila, and sucked in his cheeks. "But how excellent a weapon is a pen! I must learn it"* (PPH, 85)); ЖАЖДА БОГАТСТВА – ЭТО ЗЛО (*I don't care to profit by the price of a man's soul – for that's what it would mea* (LF, 43)).

В метафорах, изображающих индийскую и британскую культуры, отражаются особенности жизни, мировоззрения, верований, быта и других сторон жизни обоих народов.

Роль словообразования в художественной прозе Редьярда Киплинга

Творчество Редьярда Киплинга автора отмечается как нормативными, так и оказиональнимы способами словообразования.

В отдельных случаях номинативные единицы, обозначающие ситуативно фокусные концепты, образуются по нетипичным моделям словообразования. Одним из таких способов является лексикализация синтаксических групп, то есть превращение отдельных элементов языка или их комбинаций в единицы словарного состава [113]: *Small-person-without-any-manners-who-ought-to-be-spanked* (JSS, 89), *Man-who-does-not-put-his-foot-forward-in-a-hurry* (JSS, 80). Этот способ словообразования не является типичным для английского языка, однако, он распространен при создании новых слов, которые характеризуются значительным семантическим нагрузкой. Все лексикализованные группы, использованные в прозе Р. Киплинга, отличаются своей неповторимостью и уникальностью. Лексикализованные синтаксические группы, которые уже вошли в литературный язык и широко используются, не являются характерными для художественной прозы Р. Киплинга. Вместо этого автор

создает свои собственные словообразования.

Характерная черта творчества Р. Киплинга – значительное количество дополнительной информации, которая помогает читателям лучше понять изображаемую ситуацию и придать ей эффект правдоподобности, что достигается широким использованием лексикализированных групп. Чем больше слов входит в лексикализованные группы, тем более глубокой семантической нагрузкой отмечаются образования такого типа. Использование значительного количества деталей и дополнительной информации для целостного отражения ситуации является характерной чертой стиля Р. Киплинга.

Семантический способ словообразования является одним из наиболее продуктивных при изображении автором национально-культурных традиций обеих народов. Метафоры в произведениях Киплинга создают новые образы, благодаря чему художественная проза поражает своей многогранностью, яркостью и неповторимостью: *As these could not be freed from the Wheel of Things* (K, 59); '*And they likewise, bound union the Wheel, go forth from life to life – from despair to despair,' said the lama below his breath, 'hot, uneasy, snatching'* (K, 75), *Thus do foolish women drag us from the Way!"* (K, 300).

Ключевые понятия – ЖИЗНЬ, ВОДА, ОГОНЬ – передаются в творчестве автора с помощью метафор, что позволяет подчеркивать их важность для представителей определенного социума. Жизнь для представителей восточной культуры представляется в виде колеса, с каждым оборотом которого связан новый этап жизни.

Метонимия является менее распространенным явлением и не играет в творчестве Р. Киплинга такой роли как метафора. Однако, акцентируя внимание на важных явлениях, частях целого, незначительных моментах, с помощью которых можно наилучшим образом раскрыть суть явления, Р. Киплинг использует метонимию: *And the gates of his mouth were loosened* (K, 36).

Средства словообразования играют значительную роль в реализации мысли автора. Основными оказались два: морфологические и семантические. С помощью морфологического способа есть возможность выразить специфические понятия, которые до этого момента не существовали в языке. Комбинация в пределах слова морфологических частей, которые обычно не сочетаются, делает возможным появление новых значений, точно передают привкус определенного явления. Особенно продуктивным является словосложение. С его помощью образуются лексические единицы с новым культурно-важным значением.

Лексическое и фразеологичекое отражение английской и индийской культур в художественной прозе Редьярда Киплинга

Одним из способов отражения в творчестве писателя специфики каждой

культурно-исторической традиции является значительное количество культурно-специфических реалий и понятий. Индийская и британская традиции занимают определяющее место в творчестве Р. Киплинга, поэтому для воспроизведения их особенностей автор употребляет значительный слой культурно-специфической лексики, помогающей воссоздать атмосферу, типичную для определенного этнокультурной группы.

В творчестве Р. Киплинга пересекаются различные регистры, хотя доминирующими являются книжный и разговорный, для которых типичной является нейтральная и разговорно-бытовая лексика.

Фонетическая мотивация лексики играет одну из важнейших ролей при воссоздании максимально точной картины реальности. Воспроизведение природных звуков (*rattling*, *splashed*, *quaking*, *bubbled*, *crack*), которые являются неотъемлемой частью изображаемой среды, способствует точной передаче особенностей природы и человеческой жизнедеятельности.

Лингвокультурное пространство творчества Р. Киплинга поражает своей многогранностью и национально-культурным колоритом, мастерски воспроизведенным в прозаических произведениях.

В художественной прозе Р. Киплинга лексические единицы являются этнокультурными маркерами, поскольку принадлежат к определяющим средствам отображения лингвокультурного пространства художественных произведений автора. Созданию поликультурной атмосферы и реалистичности отображения этнических особенностей, главным образом англичан и индусов, а также других народов способствует употребление разговорно-бытовой и нейтральной лексики. Однако, особенности восточной религии, философии и вообще мудрости были воспроизведены в лингвокультурном пространстве Редьярда Киплинга с помощью книжной лексики.

В художественном пространстве языка важное место занимает фразеологическая система, ибо в идиоматике отражаются связи и отношения, существующие в самой объективной реальности [8; 22; 24; 40]. Подход к описанию фразеологии определенного языка связан с реконструкцией и экспликацией языковой картины мира, отдельных ее участков, отражает национальную специфику языков. Фразеологические единицы отражают особенности национального менталитета, характер осознания реального мира носителем именно этого языка [19; 27]. Фразеология как система косвенных номинаций носит выборочный характер, покрывая понятийные зоны, связанные с человеком [19], то есть фразеологические единицы имеют ярко выраженный антропоцентрической характер.

Для понимания своеобразия отдельной культуры, определенной картины мира следует установить в ней соотношение общечеловеческих и этнических элементов, а также иерархию ценностей на национальной шкале [27], потому что фразеологические единицы является результатом взаимодействия универсальности человеческого мышления и бытия с особенностями психологии народа, его традиций, быта, культуры – они обладают большим

потенциалом культурной информации [2]. По внутренней форме фразеологической единицы можно реконструировать культурные шаблоны, особенности бытовой, религиозной, социальной реальности и всех других аспектов человеческой жизни.

Фразеологические единицы, используемые Р. Киплингом, воспроизводят особенности жизни англичан и индусов, изображенных в его прозаических произведениях. С фразеологических единиц узнаем об образе жизни, менталитете, верованиях, традициях, мифологии, истории народов: *"Now they'll swill coffee an' play checkers till the cows come home," said Dan* (CC, 4); *Ye have brought your pigs to a pretty market!* (PPH, 78).

Именно благодаря фразеологии определяется природоцентричное направление отражения окружающей среды – проявляется незначительность человека в окружающем мире и зависимость от природного фактора.

Роль синтаксиса в изображении культурных традиций англичан и индусов в художественной прозе Редьярда Киплинга

Синтаксические отношения противопоставлены лексическим значениям по отсутствию опоры на сенсорную деятельность. Синтаксические связи находятся в непосредственной зависимости от логико-познавательных процессов и ментальной деятельности, реализуя логические суждения, передающие как иерархию событий, так и иерархию мыслей [3].

Художественная проза Редьярда Киплинга отличается широким использованием синтаксических выразительных средств. Творчеству автора присущи разные типы предложений с разными видами связи: *"Bones of the Saints!" said De Aquila* (PPH, 84); "*To abstain from action is well – except to acquire merit*" (K, 287); "*To kill Man is always shameful*" (JB, 161); *He stared intently, and moved up the slope of the fort to get a better view, but the mist of the sea thickened again, and the beating of the screws grew fainter* (LF, 84).

Синтаксис существенно отличается при описании Запада и Востока. Западная культурная традиция изображается как простыми, так и сложными предложениями при преобладании первых. Быстрый ритм жизни заставляет носителей языка прибегать к экономии, что отражается в языке: предпочтение отдается неусложненным для восприятия предложением. В противоположность этому, неспешный ритм жизни и многовековая глубокая философия наложили свой отпечаток на синтаксис: необходимость объяснить и описать детали, которые считаются местными жителями важными, передать мысли и глубокие чувства предопределяет использование сложных предложений, в которых сочетаются различные типы связи и конструкции.

Разный тип связи в предложениях, значительное количество синтаксических изобразительных средств позволили отразить темп и ритм жизни, о котором идет речь. Для изображения западной культуры Р. Киплинг использует обремененные синтаксическими конструкциями предложения, в

основном простые, а лишь в случаях создания описаний и размышлений автор прибегает к сложным структурам. В противоположность этому, для создания атмосферы Востока, воспроизведения философии, стиля и замедленного ритма жизни жителей этого региона принимаются сложные предложения с различным типом связи. Эта особенность синтаксиса распространяется даже на диалогические реплики, где важно изложить все детали собеседнику.

Стремление автора к информативности и глубины и богатства значения нашли выход в лексикализации синтаксических единиц, что является типичной чертой для творчества Р. Киплинга. Иногда одна лексикализованная единица содержит информацию, которая может быть раскрыта только в нескольких предложениях или даже в целом тексте.

Прозаическое творчество Редьярда Киплинга имеет значительную информативную ценность. Это неиссякаемый источник информации о культуре, быте, жизни, традициях, социальных и религиозных, общественных и исторических аспектах жизни групп, изображенных в его прозе. Значительное количество информации читатель получает благодаря использованию автором вставных конструкций, где приводятся факты и комментарии о жизни общества, эмоциональном и моральном состоянии персонажей, их чувствах, использование большого количества неасимилированих заимствований, с помощью которых точнее раскрывается суть понятий и реалий, о чем говорится в тексте.

Фонетико-графические средства художественного текста Редьярда Киплинга

Прозаические произведения Редьярда Киплинга способствуют возникновению разнообразных образов и ассоциаций, которые помогают глубже осознать воссозданную автором реальность, национально-культурные особенности изображенного социума. Такой эффект достигается с помощью удачного использования средств звуковой и графической экспрессии.

Фонетические средства. Длительное время средствам создания звуковой экспрессии не уделялось в лингвистике должного внимания. Отношение последователей сосюровского принципа к звукоизобразительной лексике заключалось в том, что они признавали существование ономатопеи в разных языках, но не считали ее важной, поскольку утверждали, что имитация природных звуков не могла развиться в язык [20; 21]. Однако, несмотря на это, в работах по лингвистике появилось большое количество данных, свидетельствующих, что языковой знак не является произвольным, призрачно мотивированным [21; 33], а любое слово характеризуется содержательностью звучания [101]. Слова отличаются лишь разной степени символичности: это явление может отличаться ярко или проявляться лишь при определенных условиях [105]. Целый ряд исследований в сфере звукоизображення, создание и дальнейшее успешное развитие фоносемантики поставили под сомнение

сосюровский принцип произвольности [20; 22; 30].

Художественная проза Редьярда Киплинга отличается многообразием образов, которые вызывают определенные ощущения и ассоциации. Такой эффект частично достигается благодаря широкому использованию средств звуковой экспрессии, типичных для творчества писателя. Так, например, значительный процент слов, начинающихся с определенного кластера, имеют звукосимволический характер [105]. Главным образом, это согласные звуки: *They **s**aw little of the horizon **s**a**v**e when she topped a **sw**ell; and usually she **w**a**s** elbowing, fidgeting, and coaxing her **s**teadfa**s**t **w**ay through **gr**ay, **gr**ay-**bl**ue, or **bl**ack hollo**ws** laced acro**ss** and acro**ss** **w**ith **s**treak**s** of shivering foam; or rubbing herself care**ss**ingly along the flank of **s**ome bigger water-hill* (CC, 124).

Уникальное сочетание звуков, буквосочетаний, ритма и других экспрессивных языковых средств позволяет читателю погрузиться в неповторимый мир, созданный автором, и представить разнообразие красок, звуков, вкусов и других присущих индийской культуре особенностей.

Графические средства. Необычные графические средства настраивают читателя на эмоциональность и экспрессивность. Они используются для того, чтобы сообщить читателю то, что в устной речи передается с помощью голоса, ударения, пауз, повторов и других средств передачи эмоций. Средства графической экспрессии призваны оказывать моделирующее влияние на восприятие читателем произведения [17: 18]. Творчество Редьярда Киплинга богато графическими средствами, создающими стилистический эффект. Основным графико-фонетическим средством экспрессии является выделение курсивом предложения или его части: ‘*I’ve got a book called The Gorilla Hunters – it’s a continuation of Coral Island, sir – and it says there that the gorillas (they’re big monkeys, you know) were always chewing iron up*’ (PPH, 73).

В сочетании с другими средствами создания стилистического эффекта выделения курсивом, написание с большой буквы и изображение объектов с помощью специфических знаков помогают понять специфическую атмосферу, созданную автором в его прозаических произведениях. Значительное количество различных графических средств подтверждает эмоциональность художественной прозы Редьярда Киплинга.

Богатство средств звуковой экспрессии придает творчеству писателя уникальность и неповторимость. Передача как звуков природы, и деятельности человека наполняет творчество автора богатством красок и ароматов, необходимых для полного воссоздания национально-культурного колорита Востока и Запада. При этом, фонетическая мотивация слова играет едва ли не самую главную роль, поскольку благодаря ей возможно создание звуковой, цветной, чувственной атмосферы, точно передает специфику востока.

Выводы

В лингвокультурном пространстве художественной прозы Редьярда Киплинга органично переплелись несколько культурных традиций, среди

которых основными являются английская и индийская. Учитывая бикультурную языковую личность автора в результате его принадлежности к двум культурным пространствам – английскому и индийскому – в его творчестве отражаются мировоззрение, менталитет, способ жизни, бытовое и социальное устройство, характерные для обеих культур. Все типичные изоморфные и алломорфные черты каждого из культурных пространств отражаются в основных концептосферах: ЧЕЛОВЕК, ФЛОРА, ФАУНА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ.

Антропоцентрический и природоцентрический характер английской и индийской культур играют важную роль в художественной прозе Редьярда Киплинга. Автор использует значительное количество пассивных конструкций, в которых с помощью предлогов показывает доминирование природного над человеческим и невозможность существования человека без высшей власти природы. Потому художественная проза Редьярда Киплинга отмечена природоцентрическим характером, где в отличие от философии Запада основополагающей силой является не человек, а природа, что характерно для менталитета культурного пространства Востока. Все указанные концептуальные особенности индийской и английской культур воссоздаются с помощью метафор, изображающих характерные черты миировоззрения обоих этнических групп.

Национально-культурная специфика каждой культурной группы изображается единицами всех языковых уровней. Звуковые эффекты, созданные природными явлениями, материальными объектами и человеком, отражаются с помощью средств фонетической и графической экспрессии, а также их органическим объединением. Синестетические образы дополняют целостность картины природы.

Различные способы, темп и ритм жизни на Востоке и на Западе мастерски отражаются разными синтаксическими конструкциями. Так, для изображения ангийского способа жизни, в основном, используются номинативные, эллиптические предложения, которые характеризируются сжатым изложением мыслей. Синтаксис, который изображает жизнь в рамках восточной культуры, характеризируется сложными синтаксическими конструкуиями с разными типами связи, отражающими многовековую философию востока.

Словообразование художественной прозы Редьярда Киплинга также отмечается оригинальностью. Стремление автора передать как можно больше информации и донести до читателя багатство восточной мудрости воплощается нетипичным для современного английского языка способом словообразования – лексикализацией синтаксических групп. В рамках одной такой единицы Редьярд Киплинг концентрирует такой объем информации, который традиционно выражается целым предложением.

Значительный вклад в воссоздание культурных пространств Англии и Индии внесли заимствования, звукоподражательные слова, фразеологические единицы. На фоне значительного количества заимствований из других языков с

разной степенью ассимиляции выделяется целый ряд неассимилированных заимствований, с помощью которых Редьярд Киплинг передает колорит обеих культур. Звукоподражательная лексика, которой богато прозаическое творчество Редьярда Киплинга, подчеркивает неразрывность природы с жизнью человека. Не менее важным источником национально-культурных особенностей англичан и индусов является фразеология, в которой сконцентрирован многовековой опыт представителей обеих культур.

Объединяя языковые единицы каждого уровня для отображения особенностей английской и индийской национально-культурных традиций, художественное прозаическое произведение предстает как лингвокультурное образование, созданное на пересечении культурного окружения и индивидуального языкового пространства бикультурной языковой личности писателя.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Вербализация концепта и смысловая синеогетика языкового знака // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Междунар. симпозиум. – Волгоград: Перемена, 2003. – Ч. 1. – С. 3–13.

2. Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры // Мир русского слова. – СПб., 2002. – № 2. – С. 69–74.

3. Андрамонова В.А. Синтаксис и лексика: аспекты взаимодействия // Русская и сопоставительная филология 2005. Казанск. гос. ун-т, филол. фак. – Казань: Казанск. ун-т, 2005. – 256 с.

4. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 3–5.

5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

6. Бабушкин А.П. Калейдоскопическая образность концепта “время” // Категоризация мира: пространство и время: Науч. конф. – М.: Диалог – МГУ, 1997. – С. 148–150.

7. Бабушкин А.П., Жукова М.Т. Перевод художественного произведения как культурная адаптация картины мира // Язык, коммуникация и социальная среда: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 2001. – С. 28–33.

8. Багаутдинова Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: Автореф. дис. … доктора филол. наук. – Казань, 2006. – 43 с.

9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 456 с.

10. Белова А. Д. Языковые картины мира в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы // Культура нардов Причерноморья. – 2002. – № 29. – С. 17–23.

11. Белова А.Д. Дискурс Тетчеризма (на материале речей Маргарет Тетчер 1968 – 1996) // Вісник Харківського національного університету. Серія

Романо-германська філологія. – Харків: Константа. – 2001. – № 536. – С. 22–29.

12. Белова А.Д. Лингвориторический анализ идиолекта (на материале речей Уинстона Черчилля) // Вісник Харківського національного університету. Серія Романо-германська філологія. – Харків: Константа. – 2000. – № 471.– С. 123–130.

13. Беркнер С.С. Выражение некоторых понятий временной картины мира в английском языке // Категоризация мира: пространство и время: Науч. конф. – М.: Диалог – МГУ, 1997. – С. 147–148.

14. Бєлєхова Л.І. Словесно-поетичний образ в історико-типологічній перспективі: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі американської поезії). – Херсон: Айлант, 2002. – 368 с.

15. Бєссонова О.Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти. – Донецьк: Донецький нац. ун-т, 2002. – 362 с.

16. Богатова С.М. Концепт как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вульф: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Омск, 2006. – 19 с.

17. Бойко М.А. Функциональный анализ образа страны (на материале немецких политических креолизованных текстов): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2006. – 20 с.

18. Борухов Б.Л. “Зеркальная” метафора в истории культуры // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Индрик. – 1999. – С. 109–117.

19. Бочина Т.Г. Национально-культурный архетип и фразеология [Электронный ресурс] // Языковая семантика и образ мира: Междунар. науч. конф., Казань, 7-10 октября, 1997. – Режим доступа: http://www.kcn.ru/tat-ru/science/news/lingv_97/ n54.htm

20. Бродович О.И. Звукоизобразительная лексика и звуковые законы [Электронный ресурс] // Англистика в XXI веке: Междунар. науч. конф., Казань, 22-24 ноября 2001. – Режим доступа: – http://www.phil. pu.ru/depts/02/anglistikaXXI_01/9.htm

21. Бузанова Т.В. Фоносимволизм в реэтимологизации [Электронный ресурс] // Языковая семантика и образ мира: Междунар. науч. конф., Казань, 7-10 октября, 1997. – Режим доступа: http://www.ksu.ru/ science/news/lingv_97/ n17.htm

22. Быкова О.И. О когнитивно-языковых механизмах актуализации этноконнотации в концептах культуры // Когнитивная семантика: Вторая междунар. школа-семинар. – Тамбов: Изд-во Тамбовск. ун-та, 2000. – С. 50–52.

23. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 296 с.

24. Вендина Т.И. Словообразование и “сокрытые смыслы” языка культуры // Вестник МГУ. Сермя 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 2. – С. 14–32.

25. Верещагин, Е.М., Костомаров, В. Г. Язык и культура. – М.: Русский

язык, 1990. – 248 с.

26. Вершеня Е.В. Эволюция языка в контексте культуры // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 149–154.

27. Владимирова Л.В. Фразеология, перевод и картина мира [Электронный ресурс] // Языковая семантика и образ мира: Междунар. науч. конф., Казань, 7-10 октября, 1997. – Режим доступа: http://www.kcn.ru/ tat-ru/science/news/lingv_97/ n27.htm

28. Воркачев С.Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского гос. технолог. ун-та. Серия Гуманитарные науки. – Краснодар, 2003. – Т. 17, Вып. 2. – С. 268–276.

29. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

30. Воркачев С.Г. Методологические основы лингвоконцептологии [Электронный ресурс] // Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 2003. – Вып. 3. – Режим доступа: http://tpl1999.narod.ru/WEBTPL2002/VORKACH EVTPL2002.HTM

31. Воробьев В.О. О статусе лингвокультурологии // Русский язык и культура на рубеже веков: IX Междунар. конгресс МАПРЛЯ. – Братислава, 1999. – С. 123–125.

32. Воробьева О.П. Реализация коммуникативных прав адресата художественного текста как показатель изменений языковой картины мира (на материале оригинала и переводов “Беовульфа”) // Лінгвістичні дослідження: Зб. наук. пр. – Харків: ХДПІ, 1992. – Вип. 2. – С. 132–138.

33. Воронин С.В. Звукоподражание; Звукоподражания теория; Звукосимволизм // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 56–57.

34. Гайдукова В. К вопросу о логическом анализе языка [Электронный ресурс] // Русский язык, 2000. – № 15. – Режим доступа: http://www.relga.rsu.ru/n45/rus45.htm

35. Гачев Г.Д. Миф. Национальный. Индивидуальный // Миф в культуре: человек – не-человек. – М.: Индрик, 2000. – 320 с.

36.Головня А.В. Лінгвокультурологічні особливості картини світу “Книги джунглів” Р.Кіплінга // Мова і культура. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2004. – Вип. 7. – Т. IV. – Ч. 2. – С. 264–270.

37. Голубовська І.О. Національно-мовна картина світу в її лексичній іпостасі // Мовні і концептуальні картини світу. – К.: Пройм-М, 2002. – С. 92–98.

38. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.

39. Денисова С.Г. Взаємодія образів та символів у художньому тексті (на матеріалі новел-арабесок Е.По) // Проблеми семантики слова, речення та

тексту: Зб. наук. ст. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2001. – Вип. 7. – С. 73–78.

40. Дьяконова Е.Ю. Дискурсивные стратегии образовательного дискурса [Электронный ресурс] // Язык, коммуникация и социальная среда: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 2002. – Вып. 2. – Режим доступа: http://tpl1999.narod.ru/WEBLSE2006/Dyako vaLSE2006.htm

41. Еремеева Н.Ф. Концептуальное пространство английской народной сказки: Фрейм положительного персонажа // Лінгвістичні студії. – Черкаси: Сіяч, 1997. – Вип. 2. – С. 36–45.

42. Ерофеева Л.А. Метафорические репрезентации доминантных концептов в поэтическолй картине мира Р.М. Рильке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Саратов, 2007. – 23 с.

43. Іконнікова М.В. Особливості індивідуального стилю в різних видах дискурсу (на матеріалі творів Д. Оруелла) // Вісник Житомирськ. держ. ун-ту ім. І.Франка. – Житомир, 2006. – Вип. 27. – С. 175–178.

44. Карасик В. И. Концепт как категория лингвокультурологии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. – 2002. – № 1. – С. 14–23.

45. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. – Волгоград. – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3–16.

46. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3–16.

47. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Воронежск. гос. ун-т. – 2001. – С. 75–80.

48. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

49. Киуру К.В. Кросс-гендерная коммуникация как межкультурная // Межкультурные коммуникации: Сб. науч. тр. – Челябинск: Челябинский госуниверситет, 2002. – С.48–52.

50. Кожанов Д.А. Концепт “Homeland” в американской картине мира и способы его языковой репрезентаций: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Барнаул, 2006. – 17 с.

51. Колесник Д.М. Концептуальное пространство авторской метафоры в творчестве А.Мердок. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Черкассы: ЧДУ, 2002. – 198 с.

52. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 231 с.

53. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 108 с.

54. Корнилов О.А. Языковая картина мира как отражение национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

55. Коротких Ж.А. Различное видение мира в аспекте межкультурной коммуникации // Концептуальная картина мира и интерпретативное поле текста с позиций лингвистики, журналистики и коммуникативистики: Сб. материалов. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2000. – С. 94–99.

56. Краснова Н.П. Межкультурная коммуникация как диалог культур // Лингвокультурологические проблемы изучения национальных концептосфер: Сб. ст. межвуз. конф. – Йошкар-Ола: МГПИ, 2003. – С. 12–15.

57. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог – МГУ, 1998. – 352 с.

58. Красных В.В. От концепта к тексту и обратно // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1998. – № 1. – С. 53–68.

59. Кремльова О.І. До питання про особливості функціонування мовних одиниць з національно-культурним компонентом у художньому тексті // Лінгвістичні дослідження: Зб. наук. пр. – Харків: ХДПІ, 1992. – Вип. 2. – С. 83–86.

60. Крючкова Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов. – Саратов: Научная книга, 2005. – 165 с.

61. Кубрякова Е. С., Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира, пространства и время: Научн. конф. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 15–26.

62. Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2006. – Т. 65, № 2. – С. 3–13.

63. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М.: Наука, 1995. – С. 198–214.

64. Кузнецов А.М. Когнитология, “антропоцентризм”, “языковая картина мира” и проблемы исследования лексической семантики // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. – М.: Центр гуманит. науч.-информ. исслед., 2000. – С. 8–23.

65. Левицкий А.Э. Функциональные подходы к классификации единиц английского языка. – К.: КГЛУ, 1998. – 362 с.

66. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Д.С. Лихачев. Очерки по философии художественного творчества. – СПб, 1996. – С. 140–149.

67. Лихачев Д.С. Концептуальная сфера русского языка // Известия АН России. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 2–9.

68. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. – К.: Знання, 2004. – 326 с.

69. Манерко Л.А. Концептуальная модель пространственного дискурса // С любовью к языку: Сб. науч. тр. – Москва – Воронеж: ИЯ Ран, Воронежский гос. ун-т., 2002. – С. 398–406.

70. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М: Издат. центр “Академия”, 2001. – 208 с.

71. Мечковская Н.Б. Национально-культурная специфика языкового поведения // Социальная лингвистика: – М.: Аспект-Пресс, 2000.

72. Митрофанова Т.А., Баластаева Е.Н. Роль национальных концептосфер в изучении грамматики разносистемных языков // Лингвокультурологические проблемы изучения национальных концептосфер: Сб. ст. межвуз. конф. – Йошкар-Ола: МГПИ, 2003. – С. 27–33.

73. Мордвинова Е.В. Лингвокультурологические аспекты бытия [Электронный ресурс] // Мультиязыковой форум. – Режим доступа: http://www/multiculti.ru/Strategy/ info/Strategy_info_721.html

74. Недайнова І.В. Номінативний простір "Ігровий вид спорту" в сучасній англійській мові: лінгвокогнітивний та лінгвокультурний аспекти: Автореф. … дис. канд.філол. наук. – К., 2004. – 20 с.

75. Ніконова В.Г. Трагедійна картина світу в поетиці Шекспіра. – Дніпропетровськ: Вид-во ДУЕП, 2007. – 364 с.

76. Орешкина М.В. Лингвокультурологические аспекты языковых заимствований // RES LINGUISTICA. Сб. науч. ст. – М., 2000. – С. 122–130.

77. Павкін Д.М. Образ Чарівної Країни в романах Дж.Р.Р.Толкієна: лінгвокогнітивний аналіз. Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. –Черкаси: ЧДУ, 2002. – 215 с.

78. Пасинок В.Г. Мовна і концептуальна модель світу // Вісник Харківського нац. ун-ту. – 2003. – № 586 – С. 101–104.

79. Петрова Н.Д. Лингво-гносеологические основы динамики фразеологической номинации (на материале фразеологии живой природы): Дис. … докт. филол. наук: 10.02.04. – К., 1996. – 496 с.

80. Полюжин М.М., Венжинович Н.Ф. Концепт як базова когнітивна сутність // Мовні і концептуальні картини світу: Зб. наук. пр. – К., 2001. – №5. – С. 182–184.

81. Попова Е.А. Человек как основополагающая величина современного языковедения // Филологические науки. – 2002. – № 3. – С. 68–75.

82. Потапенко С.І. Мовна особистість у просторі медійного дискурсу (досвід лінгвокогнітивного аналізу). – К.: Вид. центр КНЛУ, 2004. – 360 с.

83. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. –1990. – № 6. – С. 110–122.

84. Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики. – Запоріжжя: Прем'єр, 2008. – 332 с.

85. Рудько А.О., Кураш С.Б. Лингвокультурологический анализ Пространственных представлений в русской и белорусской поэтических картинах мира XX века (языковые средства и принципы структурирования) // Сб. науч. раб. студ. высш. уч. завед. Республики Беларусь "НИРС 2002". – Минск: МОРБ, 2003. – С. 99–103.

86. Слухай Н.В. Роль міфу в організації сучасного масмедійного простору // Літературна мова у просторі національної культури. – К.: ВПЦ "Київський ун-т", 2004. – С. 107–115.

87. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

88. Смирнова Р.А. А.Блок: К описанию “картины мира” // Поэтика и стилистика. – М.: Наука. – 1990. – С. 73–81.

89. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – 824 с.

90. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

91. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 288 с.

92. Тер-Минасова С.Г. Предисловие / С.Г. Тер-Минасова // Межкультурная коммуникация: Учеб. программы. М. – 1997. – С. 7-10.

93. Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа // Филологические науки. – 2002. – № 4. – С. 23-33.

94. Толстой Н.И. Язык и культура // Язык и народная культура. Очерки о славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – С. 15-26.

95. Федонькина С.К., Масленникова Л.В. Художественный текст как средство межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация: Всерос. науч. конф. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2000. – С. 81–85.

96. Фесенко Т.А. Концептуальное моделирование как метод изучения ментальной реальности человека // Когнитивная семантика: Вторая междунар. школа-семинар. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – Ч. 2. – С. 149-151.

97. Фесенко Т.А. Этнокультурная среда и языковое сознание в контексте межкультурных контактов // Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации: X международная конференция по функциональной лингвистике: Сб. науч. докл. – Ялта, 2003. – С. 340-342.

98. Фещенко Ю. І. Ідіоматичний простір “homo socialis” у сучасній англійській мові: лінгвокогнітивний та комунікативно-функціональний аспекти: Автореф. … дис. канд. філол. наук. – К., 2007. – 20 с.

99. Харченкова Л. И., Шашков Ю. А. Облик человека в зеркале русского и испанского языков // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – С. 312-319.

100. Хомякова Е.Г. Антропоцентризм пространственно-временных параметров // Категоризация мира: пространство и время: Науч. конф. – М.: Диалог – МГУ, 1997. – С. 74-75.

101. Шамина Е.А. Синестемия как основание феномена звукового символизма (по материалам психолингвистических экспериментов) [Электронный ресурс] // Англистика в XXI веке. 22-24 ноября 2001. – Режим доступа: http://www.phil.pu.ru/depts/02/anglis tikaXXXI_01/70.htm

102. Шейгал Е.И., Арчакова Е.С. Тезаурусные связи и структура концепта // Язык, коммуникация и социальная среда. Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 2002. – Вып. 2.

103. Юнацька А.Б. Відбиття культурної ідентичності іспаномовних етносів США в англійській мові // Вісник Житомирськ. держ. ун-ту ім. І.Франка. – 2006. – Вип. 27. – С. 141-145.

104. Яковенко Е. Б. Сердце, душа, дух в английской и немецкой языковых картинах мира (опыт реконструкции концептов) // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик. – 1999. – С. 39–51.

105. Asa Abelin. Studies in sound symbolism [Электронный ресурс] // Abstract. – Режим доступа: http://www.conknet.com/~mmagnus/SSArticles/ abell.htm

106. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 205 p.

107. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagintion, and Reason. – Chicago: Chicago University Press, 1979. – 234 p.

108. G. Lakoff, M. Johnson. Metaphors We Live By. – Chicago: Chicago University Press, 1980. – 242 p.

109. Langacker R. Concept, Image and Symbol. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1990. – 546 p.

110. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyer, 2003. – 502 p.

111. Wierzbicka A. Semantic, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. – N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1992. – 485 p.

Справочная литература

112. Лауреаты Нобелевской премии: Энциклопедия: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1992. – 328 с.

113. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://turbo.adygnet.ru/2003/ivahnenko_eka/index.php?pageNum_Recordest1=1&tota

Источники иллюстративного материала

CC: Kipling R. Captains Courageous. – N.Y.: Penguin Books, 1994. – 173 p.

CS: Kipling R. Collected Stories. – L.: Campbell, 1994. – 911 p.

JSS: Kipling R. Just So Stories. – N.Y.: Penguin Books, 1994. – 160 p.

K: Kipling R. Kim. – N.Y.: Penguin Books, 1994. – 383 p.

LST: Kipling R. Land and Sea Tales: for Scouts and Guides. – L.: Macmillan, 1927. – 282 p.

SS: Kipling R. Poems. Short Stories: Collection. – M.: Raduga, 1983. – 457 p.

PPH: Kipling R. Puck of Pook's Hill. – N.Y.: Penguin Books, 1994. – 218 p.

ST: Kipling R. Soldiers Three … With other Stories. – Leipzig: F.A. Brockhouse, 1911. – 273 p.

SC: Kipling R. Stalky & Co. – L.: Mackmillan, 1929. – 272 p.

JB: Kipling R. The Jungle Books. – N.Y.: Penguin Books, 1994. – 335 p.

LTF: Kipling R. The Light that Failed // Предисловие. – Moscow: Изд-во “Прогресс”, 1975. – 278 p.

ГЛАВА 3
ТЕКСТ И ДИСКУРС КАК ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

3.1. ОБРАЗНОЕ ПРОСТРАНСТВО АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Л.И. Белехова

Словосочетания "языковое пространство", "пространство текста", "семантическое пространство", "концептуальное пространство" прочно вошли в терминологический аппарат современной лингвистики. Историю развития представлений о пространстве излагают обычно, начиная с выделения двух различных концепций. Согласно первой, пространство – это бесконечное вместилище вещей, арена движения тел. Такое представление о пространстве (его придерживались Демокрит, Эпикур, Лукреций) соответствовало взгляду атомистов на природу вещей. Все сущее рассматривалось ими как совокупность бесконечного числа по форме и величине частиц – атомов, образующих при сцеплении друг с другом все многообразие тел природы. "Полное" и "пустое" – два неразрывно связанных понятия: атомы могут существовать и двигаться только в абсолютно "пустом" пространстве-вместилище. Этой концепции пустого пространства противопоставляется идея, выдвинутая Аристотелем. Он полагал, что случайные сочетания неизменных частиц не могут обусловить качественное своеобразие и целостность вещей, их специфические закономерности [2: 765]. Отрицание атомизма вело за собой отрицание пустого пространства и утверждало понимание его как совокупность мест, занимаемых телами [2: 789].

От этих двух позиций авторы, пишущие о пространстве, и прослеживают основные генетические линии современных представлений о нём. Кажущаяся очевидность истинности представлений о пространстве как вместилище всех вещей и событий длительное время затрудняла развитие учений о пространстве. Нынешний период развития замечателен тем, что происходит обобщение взглядов на пространство, высказанных в концепциях Ньютона, Лейбница, Гегеля, Эйнштейна, создается единая теория, пытающаяся объединить пространства микро-, макро- и мегамира. Одновременно разрабатываются теории, описывающие различные формы пространства в разных науках.

Понятие пространства широко применяется в лингвистической науке. Говорят о пространстве текста [34], трёхмерном пространстве языка [31; 32: 182], концептуальном, когнитивном [23; 24; 30], культурном [22] и ментальном пространствах [7: 143-160; 42].

Терминологическая неоднозначность использования понятия "пространство" объясняется многоаспектностью его онтологических свойств и гносеологических характеристик. В современной лингвистике это понятие используется в двух аспектах: либо для изучения языкового выражения

пространственных, чаще всего пространственно-временных отношений [4] или хронотопа в художественном тексте [5], либо для исследования текста как семантического и семиотического пространства [26: 433].

Понимание текста как пространства позволяет говорить о пространстве как о потенциальном тексте как его вместилище, и о реализованном тексте как результате наложения на ровное, широкое, открытое пространство некой сети, плетения, текстуры как материи в ее "опространствленной" форме [34: 281]. Пространственность текста предполагает пространственную трактовку всех его составных частей, поэтических тропов и фигур в том числе [34: 281]. Разделяя эту мысль В.Н.Топорова, считаем возможным применить понятие пространства как для отдельного словесного поэтического образа, так и для всей совокупности образов американской поэзии. Кроме того, целесообразно выявить типологию образных пространств в различных текстовых мирах и на ее основе описать образную картину американской поэзии. Поскольку объем раздела не позволяет этого сделать, ограничимся лишь выявлением прототипической образной модели концепта "ЖИЗНЬ" в образном пространстве американской поэзии.

Объектом данного исследования является образное пространство стихотворного текста в американской поэзии. В задачу входит определение его параметров, свойств, очертаний, контуров. Сложность определения и исследования проблемы образного пространства текста заключается в том, что оно не обладает той простой и наглядной природой, как, скажем, физическое или географическое пространство. Кроме того, в попытке выделения образного пространства исследователь постоянно ощущает на себе тяготение представлений о физическом пространстве, поскольку человеческая деятельность протекает прежде всего в этом пространстве. Тем не менее, представляется возможным экстраполировать некоторые общеизвестные характеристики и свойства физического и географического пространства, такие как объём, глубина, широта, рельеф, граница, центр и периферия на образное пространство поэтического текста и всей американской поэзии в целом.

Целью работы является построение **образного пространства** поэтического текста и образного пространства американской поэзии путем выявления лингвокогнитивных механизмов формирования и функционирования словесных поэтических образов (далее СПО) как доминантных единиц в создании образности поэтического текста.

Теоретические предпосылки исследования

Исследование основывается на мысли о том, что каждый поэтический образ существует не сам по себе, а оказывается встроенным, вписанным в семантическое пространство всего поэтического текста и, шире, во всё семантическое пространство американской поэзии, которое, вслед за Ю.М. Лотманом, рассматриваем как часть семиосферы, семиотического пространства

мировой культуры [26: 704]. Образное пространство поэтического текста – это картина "места проживания" и взаимодействия типологически различных образов [10: 144]. Образные "ландшафты" текстов разнятся между собой тем, как словесные поэтические образы вплетены в ткань стихотворного произведения. Раскрытие лингвокогнитивного механизма встроенности СПО в поэтический текст обеспечивает адекватную интерпретацию его содержания.

Терминологическая неопределенность понятия образа, отсутствие комплексного подхода в теории словесного поэтического образа предопределяют необходимость дальнейшего всестороннего анализа его природы с использованием новейших методов, ориентированных на проникновение в глубинные механизмы языкового творчества.

Актуальность исследования состоит в общей направленности современной лингвопоэтики на рассмотрение семантики художественного текста в плоскости ментальных процессов, что помогает уточнить характер взаимодействия между языком и мышлением, выяснить, как образ объективирует в словесных формах знание о мире и языке.

В работе разграничены понятия "образ" как конкретно-ощутимая, чувственно-наглядная данность, "поэтический образ" как выражение идеи, обобщенного содержания стихотворного текста и "словесный поэтический образ" как воплощение образа, идеи и содержания в речевой форме.

Материалом исследования служит весь корпус американской поэзии, анализ которой начинается с произведений Э. Брэдстрит (1612-1672) и завершается стихотворными текстами эпохи постмодернизма, написанными в конце XX столетия. Специальному анализу подвергаются СПО, объединенные концептом ЖИЗНЬ.

В своём исследовании мы исходим из того, что эволюция СПО вообще и в американской поэзии в частности, специфика его вербального оформления в современный период тесно связаны с изменениями типов художественного сознания и развитием видов поэтического мышления – от синкретического мифопоэтического мышления в архаическую эпоху его становления к аналоговому и ассоциативному в канонический период развития и далее к парадоксальному, параболическому и эссеистическому поэтическому мышлению на индивидуально-творческом этапе поэтического творчества [1: 3-6; 6: 23-25; 12: 8; 38: 378].

В русле когнитивной лингвистики СПО понимается как трёхмерная величина, инкорпорирующая предконцептуальную, концептуальную и вербальную ипостаси [6: 7].

Предконцептуальная сторона СПО – это **смысл** образа, его архетип, автоматически активируемый бессознательными когнитивными операциями [53: 10-13]. В контексте работы когнитивное бессознательное понимаем как предкатегориальную деятельность, возможность осуществления которой обусловлена наличием эмоциогенных предзнаний, вызванных эмоциональным опытом человека, хранящегося в коллективном бессознательном [9: 240; 56: 56-

62]. Архетип является формой существования коллективного бессознательного, наполняемого содержанием в сознании через соотнесение с мифологическими образами, символами, мотивами и сюжетами [37: 63; 40: 18]. Архетип сам по себе еще не является образом, это только эмоциогенное предзнание, предконцептуальные импликации, вызванные бессознательной реакцией первобытного человека на тайные силы природы, неспособностью человека объяснить причину эмоционального состояния, обусловленного окружающей действительностью [37: 64, 90-98]. Аксиомой современной науки является признание единства и взаимодействия эмоции и когниции [41: 180]. Познание сопровождается эмоциями, в свою очередь, эмоции мотивируют познание [39: 672]. Категоризация эмоций, концептуализация эмоционального опыта человека формирует, по В.И.Шаховскому, "внутренний эмоциональный лексикон", который воспринимается как обязательная часть сложной структуры знаний, представленных в сознании [35: 132].

Предконцептуальная ипостась СПО структурирована образ-схемами (image-schemas) базовых концептов и архетипов, лежащих в его сновании [52: 684]. Методика описания образ-схем или схемных образов разработана в когнитивной лингвистике [15; 16; 29: 20-24; 53: 161-164]. Используя эту методику с некоторыми модификациями, мы предлагаем метаязык семантического описания образ-схем архетипов и базовых концептов в терминах семантических узлов или слотов, содержащих информацию о физическом или эмоциональном опыте, структурных элементах и базовой логике. С помощью слота "*физический опыт"* описывается телесный опыт человека, в результате которого признаки, свойства и качества предметов, явлений и событий становятся компонентами значений концепта и используются в номинативной деятельности. Слот "*эмоциональный опыт"* заполняется описанием лингвокогнтитивных процедур активации эмоциогенного знания в формировании предконцептуальной структуры СПО. Слот "*структурные элементы"* содержит набор концептуальных признаков, присущих базовому концепту и концептуальные импликации, активируемые архетипами. В слоте "*базовая логика"* объясняется логика связей и отношений между концептуальными признаками концепта и физическим опытом человека.

Описание предконцептуальной структуры представим на примере СПО Э.Паунда "*a new day glistens in the old day's room"* (Pound). Основой приведенного СПО выступает базовый концепт области источника ВМЕСТИЛИЩЕ и архетип СВЕТ. В слоте "*структурные элементы"* образ-схемы архетипа СВЕТ содержатся концептуальные импликации: *причастность к космосу бытия*, *стремление к возвышенному, стремление к познанию сути бытия*, *стремление к знаниям*, *ощущение радости, вдохновение, ожидание лучшего*, *ощущение жизненной энергии, чистоты, величия, вечности мироздания*. В СПО объективируются лишь некоторые импликации – *ощущение радости, вдохновение, ожидание лучшего,* что и составляет его смысл. Из образ-схемы базового концепта ВМЕСТИЛИЩЕ в СПО реализуется

лишь концептуальный признак *помещение вовнутрь*, воплощенный вербально в предлоге *in,* и признак *ограниченное пространство,* который актуализируется в семантике слова *room.*

Концептуальная ипостась является когнитивным кодом СПО, отражающим обобщенное **содержание** СПО. Формирование концептуальной ипостаси СПО осуществляется через лингвокогнитивные трансформации образ-схем областей источника и цели (source and target domain) на базе различных видов поэтического осмысления с помощью лигвокогнитивных операций картирования (mapping) и лингвокогнитивных процедур расширения, обобщения, перспективизации, компрессии, сталкивания, комбинации и интертекстуализации [43; 45; 46; 48; 49; 51; 53; 55].

СПО как трехмерная величина гибко изменяет свои контуры в зависимости от когнитивных и языковых операций, доминирующих в формировании образа, от вида поэтического мышления, предопределяющего характер и направление картирования. В когнитивной лингвистике картирование понимается как проецирование структур знания с одной концептосферы на другую, как аналоговое картирование признаков и свойств сущностей области источника на онтологически родственные сущности области цели [42; 46: 260-264; 49: 12-18].

Помимо аналогового мы выделяем и другие виды картирования, разграничивая концептуальное (аналоговое, субститутивное, контрастивное, нарративное) и языковое (конструктивно-творческое). Каждый вид картирования воплощает тот или иной вид поэтического мышления. Так, в основе *аналогового* (атрибутивного, релятивного и ситуативного) картирования лежит аналоговое поэтическое мышление, позволяющее проецировать признаки, отношения и события одной области образа на другую: "*The shoots green as paint and leaves like tongue"* (Logan). *Субститутивное* картирование понимается как замещение целого частью, одной структуры знания иной в ходе реализации ассоциативного поэтического мышления: "*There'll be many a dry eye at his funeral"* (Sandburg). Парадоксальное поэтическое мышление служит основой *контрастивного* картирования [6: 188-190], вследствие чего одна область знания сталкивается или перекрещивается с другой: "*My father moved through griefs of joy"* (cummings). *Нарративное* картирование рассматривается как проецирование сюжета или мотива художественного произведения, исторического или обыденного события жизни на содержание поэтического образа путем их переосмысления в ходе параболического или эссеистического поэтического мышления [28: 77; 57: 253-289]: "*She stared at him in a "Et-tu-Brutus" look"* (Snyder). И, наконец, конструктивно-творческое картирование трактуется в работе как обыгрывание потенциальных синтагматических и парадигматических свойств языковых единиц путем их проецирования на семантико-синтаксическую структуру СПО [6: 178-207]: "*He sang his didn 't and danced his did"* (cummings).

Классификация словесных образов американской поэзии

Выявление видов картирования служит критерием разграничения типов образов. В образном пространстве американской поэзии на основе комплекса критериев, разработанных с учетом функционального, семантического, синтаксического и когнитивного параметров образа, мы выделяем старые: архетипные, стереотипные – и новые: идиотипные и кенотипные СПО (с древнегреческого: idios – новый, особый, kainos – новый, непривычный).

Ведущим оказывается *когнитивный критерий*, учитывающий типы знаний, опредмеченных в словесной ткани образов. Архетипные СПО воплощают эмоционально нагруженные *предзнания* и *знания фольклора, библейских и мифологических сюжетов*, стереотипные образы – аксиологически окрашенные *знания о мире* вообще, а для создания новых СПО, идиотипов и кенотипов, кроме знания о мире необходимо привлечение *знаний о языке*, о возможностях манипулирования языковыми сущностями в рамках лингвистической и поэтической компетенции автора и читателя.

Семантический критерий, в соответствии с которым определяется обобщенное содержание СПО путем концептуально-семантического моделирования, позволил очертить конфигурации их образного пространства и обнаружить категориальные концептуальные схемы, лежащие в основе разных типов образов. В свою очередь, категоризация концептуальных схем проведена для объяснения гносеологических свойств каждого из типов СПО.

Так, при помощи архетипных концептуальных схем выясняется мифопоэтическая картина американской поэзии разных литературно-стилевых направлений. Моделирование прототипических концептуальных схем ориентировано на определение устойчивых схем поэтического мышления, являющихся базой формирования стереотипных СПО. Выделение идиотипных концептуальных схем, отражающих особенности когнитивного стиля разных поэтов, служит для выявления видов поэтического мышления и специфики концептуального и языкового, конструктивно-творческого картирования как основной лингвокогнитивной операции формирования новых образов.

Синтаксический критерий классификации СПО учитывает особенности синтаксической организации компонентов субъектной и объектной части образа в словесной ткани поэтического текста.

Субкатегоризация любого из типов СПО проводится по *функциональному критерию* с учетом видов картирования, лежащих в основе формирования того или иного образа.

Архетипные СПО, отображающие мифопоэтическую картину в американской поэзии, классифицируются нами на **образы-сюжеты** и **образы-символы,** в которых путем нарративного картирования воплощаются мифологические, библейские и фольклорные знания о мире. Архетипные СПО-символы характеризуются **суггестивной** функцией. Последняя понимается нами как создание эмоционального напряжения [9: 124], которое возникает в

результате употребления амбивалентных символов, ведущих к замедлению обработки информации. Например, для осмысления СПО "*Life is a bowl of cherries"* (Sandburg) – "*Жизнь – это чаша с вишнями"* – необходимо знание содержания символов в англосаксонской и скандинавской традициях, где *вишня,* также как и *яблоко,* символизируют *плоды познания добра и зла, дары*.

Архетипные словесные поэтические образы-сюжеты выполняют **познавательно-творческую** функцию, поскольку отображая мифопоэтическую картину мира, способствуют активизации фоновых, культурно-энциклопедических знаний, напр.: "*Elija rode up into the sky in a chariot of fire"* (Sandburg) – "*Илья вознесся на небо в колеснице огня"*.

Ядром архетипов является *мифологема.* Развертывание мифологемы осуществляется путем нарративного картирования через параболическое осмысление сюжетов, мотивов и символов, содержащиеся в Библии, мифах и шедеврах мировой культуры. Маркерами архетипных образов служат имена собственные и цитации из названных источников, используемые поэтами в качестве стилистического приема аллюзии. Нарративное картирование архетипного сюжета предполагает его проецирование на СПО как в неизмененном, так и перефразированном виде. Так, например, Г.Лонгфелоу пользуется прямой цитацией из Библии *"Life is real! Life is earnest! / And the grave is not its goal; / **Dust thou art to dust returnest**, / Was not spoken of the soul"* (Longfellow). А в СПО К.Сэндберга цитации из Библии адаптированы к современному английскому языку: "***Dust to dust, and ashes to ashes** and then an old silence and a useless silence"* (Sandburg) и используются для создания иронии: "*In the poolrooms the young hear, "**Ashes to ashes, dust to dust**, If the women don't get you then the whisky must"* (Sandburg).

Стереотипными мы называем устойчивые, укоренённые в поэтическом сознании СПО, содержащие многократно повторяемые элементы из стихотворных текстов разных литературно-стилевых периодов. Основными функциями стереотипных образов являются **аксиологическая** и **характерологическая**.

Стереотипные СПО – это коллективное сознательное, формирующее поэтическую традицию. Они создаются по устойчивым поэтическим формулам, которые отображают синкретическое, аналоговое и ассоциативное поэтическое мышление, воплощенное в постоянно повторяемых эпитетах, поэтических сравнениях, метафорах, оксюморонах: "*the blue clear sky", "the bright golden sun", "star eyes", "pearl fog", "the silver moon", "bitter days"; ‘‘the doggy life", "sunny smile; "cold as a stone"; "pretty as a flower"; "as white as snow"; "sinful pleasure"*.

Стереотипные СПО подразделятся нами на **универсальные**, **культурно-специфические** и **авторские**. К *универсальным* относим СПО, созданные с помощью постоянных тавтологических эпитетов, в семантике которых прослеживается тождественность признаков и свойств, описываемых предметов. Например, в стереотипных образах "*thundering noise*" оба

компонента имеют одинаковую сему "шум", а "*chilling cold"* – "холод".

Культурно-специфические стереотипные поэтические образы формируются путем атрибутивного картирования определенных свойств животных (зоонимы) и растений (фитонимы). В каждом языке фитонимы и зоонимы, кроме своих номинативных значений, наделены еще и символическими, которые выражают своеобразность мироощущения и миропонимания народа. Выявление культурно-специфических СПО дает возможность установить межкультурные отличия поэтического мышления. *Культурно-специфические* стереотипные СПО являются ядром национальной культуры, центром образного пространства американской поэзии. В них отражены главные ценности американского образа жизни и особенности менталитета.

Авторскими считаем стереотипные поэтические образы, которые приобрели афористичность благодаря систематическому цитированию в произведениях других авторов. Диалектика функционирования стереотипа состоит в том, что, с одной стороны, в своем формировании они заимствуют культуремы паремиологического фонда культуры человечества, а с другой – они сами стремятся стать крылатыми выражениями. Так, например, источником формирования СПО Р.Фроста "*Good fences make good friends"* в стихотворении "Mending Wall" является известная английская пословица "*My house is my castle".* Но с течением времени, благодаря простоте синтаксической структуры и наличию общих знаний у автора и читателя об определенном фрагменте действительности, СПО Р.Фроста вошел в общий культурный фонд американского народа.

Среди стереотипных "крылатых" словесных образов, которые мы квалифицируем как **авторские,** особое внимание заслуживают те, что воплощают общечеловеческие истины: "*Publication is the auction of the Mind of Man*" (Dickinson); "*It is equal to live in a tragic land / To live in a tragic time*" (Stevens); "*He who is ridden by a conscience / Worries about a lot of nonscience*" (Nash); "*Purity is obscurity*" (Nash); "*Keep away from the little deaths*" (Sandburg).

Новизну идиотипных СПО на концептуальном уровне обеспечивают лингвокогнитивные операции специализации и модификации, ведущие к трансформации прототипических концептуальных схем, лежащих в основе стереотипных СПО. Например, стереотипный СПО "*the river of life"*, концептуальная структура которого представлена прототипической схемой ЖИЗНЬ – ВОДНЫЙ ПОТОК, приобретает оригинальность и свежесть в поэзии модерна благодаря ряду преобразований в концептуальной и вербальной ипостасях образа. Модификация прототипической схемы в результате добавления концептов КАЧЕСТВО, ДВИЖЕНИЕ, ИНТЕНСИВНОСТЬ обеспечивает формирование идиотипных СПО: "*Life is a sticky river"* (Milley); "*life's clear stream"* (Frost); "*a waterfall of nights"* (Ashbery); "*in a shower of all my days*" (Thomas).

Основной лингвокогнитивной операцией создания новизны на

вербальном уровне является **конструктивно-творческое картирование**, то есть проецирование потенциальных свойств языковых единиц на словесное выражение образов в поэтическом тексте. Так, созданию новизны СПО "*Life is a run-on sentence"* (Finegan), базирующегося на архетипном образе "*Книга жизни*" – "*The Book of Life*", способствует замена объекта образа, воплощенного в слове *книга,* на новый, выраженный словом *предложение – sentence,* и добавление к нему определения *бежащее – run-on.* Использование неологизма *run-on* в роли эпитета объекта образа *sentence* и полисемия самого слова *sentence* придают дополнительное содержание всему образу, в результате чего последний может быть интерпретирован как "*Жизнь – бегущее предложение, будто строка в тексте или на мониторе компьютера*" (ассоциативная связь между словами *on-line* и *run-on*) и как "*Жизнь – это приговор, который приближается"*.

В СПО К.Сэндберга: "*The dead say nothing / And the dead know much / And the dead hold under the tongue / A locked-up story*" (Sandburg) – "*Мертвые ничего не говорят / А мертвые знают многое /И мертвые держат под языком / Закрытый рассказ* (то есть закрытую книгу жизни, законченную историю жизни)" – архетипний образ "*The Book of Life"* получает новое толкование благодаря нарративному картированию мифологического сюжета про Харона. Перевозя души умерших через реку забвения Стикс, он взымал с них плату – монету, которую они держали под языком – *hold under the tongue.* Вот почему во время похоронного обряда древние греки клали под язык покойнику монету – плату Харону за перевоз в мир теней. Использование К.Сэндбергом словосочетания a *locked-up story* вместо архетипного *the book of life* и иносказания мифологического сюжета (параболы) – *the dead hold under the tongue* – создает новизну образа *книга жизни.* Формирование и осмысление образа как "*закрытая книга жизни, исчерпанная история жизни, заблокированная информация"* и, в конце концов, как *ценность* достигается путем параболического осмысления и компрессии информации о мифе Харона при помощи субститутивного картирования свойств монеты на характеристику понятия "жизнь".

Апогеем поэтического творчества является не только новое освещение старых истин, а и создание такого СПО, который не имеет аналогов, приводит к нарушению и даже разрушению устойчивых взглядов на обычные явления и события жизни, на процессы, происходящие в мире, и вызывает внезапное озарение в понимании сути вещей. Такой СПО мы, вслед за М.Эпштейном [38: 389; 39: 381-384], называем **кенотипом.** Он осуществляет “концептуальный прорыв” в понятийной системе человека, обусловленный появлением нового концепта или нового значения слова. Например, в СПО: "*It was* ***evening*** *all afternoon*" (Stevens) – "*Весь день был печальным"* – поэтический образ *печали и грусти* создается с помощью сталкивания антонимов *evening* и *afternoon*, вследствие чего возникает дополнительное значение в слове *evening – грусть.*

В формировании и осмыслении кенотипов прослеживаются три основных

направления. Первые два касаются новых СПО, значения которых локализованы в рамках одного слова или всего СПО, их новизна обусловлена или приращением значения в номинативных единицах, или разрушением архетипных концептуальных схем. Третий способ формирования кенотипа заключается в рассредоточении его содержания в образном пространстве всего текста [25].

В СПО *“The imperfect is our paradise”* (Stevens) – *“Несовершенство – наша благодать”* – прослеживается разрушение архетипной схемы СОВЕРШЕНСТВО / ГАРМОНИЯ – ЭТО РАЙ. Вместо неё в СПО реализуется концептуальная схема БЛАГОДАТЬЮ ЕСТЬ НЕСОВЕРШЕНСТВО.

Итак, виды поэтического мышления влияют на характер СПО в аспекте использования экспрессивных средств и стилистических приёмов их построения и определяют основные тенденции стихотворной речи в разных литературно-стилевых направлениях американской поэзии. Механизмами создания новизны СПО выступают лингвокогнитивные операции картирования как концептуальное проецирование и семантическое наложение структур знаний о свойствах и признаках объектов и явлений окружающей действительности, опредмеченных в номинативных единицах словесных поэтических образов.

Лингвистические и экстралингвистические факторы формирования различных видов и типов СПО

Выявление онтологических и гносеологических свойств СПО осуществляется путем выяснения тенденций их формирования и функционирования в поэтических текстах через определение лингвистических и экстралингвистических факторов их развития.

Экстралингвистическими факторами развития СПО в работе считаются типы художественного сознания и виды поэтического мышления, становление и изменения которых обусловлены культурно-историческим развитием человечества вообще и национальными особенностями поэзии в частности. Наблюдение за эволюцией СПО дало возможность выявить тенденцию к последовательному расширению сферы актуализации образа от слова до целого текста и раскрыть механизмы его формирования, начиная с тропов и стилистических фигур до образов-парабол и образов-метабол [20; 21]. Последние являются лингвокогнитивными текстовыми конструктами, в создании которых прослеживаются закономерности и отклонения в способах образной номинации.

К языковым факторам относятся тенденции в стихотворной речи, вызванные общими изменениями в историческом развитии языка и сдвигами, обусловленными спецификой конкретного литературно-стилевого направления. Лингвостилистический анализ поэтических текстов разных литературно-стилевых направлений и школ американской поэзии дал возможность

проследить основные тенденции стихотворной речи, связанные с особенностями конвергентного и дивергентного поэтического стиля [56: 85, 92]. Это, в свою очередь, позволило обнаружить тенденции к конвергенции и дивергенции образов в образном пространстве поэтического текста. Тенденция к концентрации тропов и активизации стилистических фигур [20: 9-10] в рамках отдельного СПО обусловила появление двойных тропов, ведущих к расширению образного пространства. Тенденция к группированию СПО в конкретном отрезке стихотворного произведения [14: 47] привела к формированию образного пространства текста как доминанты его смысла и содержания.

Признание принципа гомогенезиса культур, согласно которому разные цивилизации проходят похожие стадии исторически-культурного развития [13: 100], позволило очертить этапы развития словесного поэтического образ, совпадающие с общеизвестным разделением культурно-исторических эпох на архаическую, каноническую и неканоническую или индивидуально-творческую [1: 3-38]. В контексте исследования в каждой из этих эпох нами выделяются периоды, характеризующиеся осевыми направлениями в становлении СПО как художественной категории и связанные с развитием теоретической мысли о нем.

Архаическая эпоха характеризуется мифопоэтическим, дорефлексивным типом художественного сознания и синкретическим мышлением. СПО древнейшей поэзии построены на архетипных представлениях человека о мире, выраженных метафорами-отождествлениями и метаморфозами.

Постепенный переход от мифологического к мифопоэтическому сознанию, развитие аналогового и ассоциативного поэтического мышления обусловили генезис СПО, основой которого в архаическую эпоху стали магические и мифологические словесные образы. Они явились его предконцептуальной стороной, материнским лоном, оплодотворенным бессознательными представлениями о природе мира, которые стали первыми кирпичиками смысла еще нерасчлененной в мифологическом сознании реальности. Расщепление синкретического мышления, расхождение мифического и поэтического началось с осознания причинно-следственных связей между объектами и явлениями окружающей действительности, с развитием абстрактного мышления и воображения. Воображение как когнитивная способность к абстрагированию, к осмыслению одной области знания сквозь призму другой знаменовало начало авторского поэтического творчества.

Каноническая эпоха явилась сокровищницей европейской поэтической культуры вообще, и американской в частности. Из этого неиссякаемого источника поэты до сих пор черпают вдохновение и берут прототипические сюжеты и образы для своих произведений. В канонический период благодаря жестким нормам канона СПО сформировался как единица поэтического текста. Это время формирования стереотипных поэтических образов, в которых

запечатлены лучшие образцы поэтического мышления, отражены национальные особенности освоения мира человеком.

Неканоническая эпоха дальнейшего формирования СПО характеризуется развитием ***парадоксального*** и становлением ***эссеистического*** поэтического мышления, обусловленного появлением и распространением эссе как жанра литературных произведений. В поэзии эссеистическое мышление ведет к расширению семантического и синтаксического пространства СПО. Образ охватывает не только словосочетание, предложение, а и весь поэтический текст.

Прослеживание особенностей развития СПО в американской поэзии начинаем именно с анализа неканонического этапа эволюции СПО, в котором выделяем **классицизм**, **романтизм**, **модернизм** и **постмодернизм** как наиболее общие периоды становления и развития поэзии. В рамках каждого из периодов сосуществуют разные поэтические течения, школы и направления. Анализу подвергаются СПО лишь тех литературно-стилевых направлений американской поэзии, в которых они претерпевают изменения в семантической и синтаксической структурах.

В **классицизме** основными тропами, на которых построены СПО американской поэзии, являются метафора-отождествление, метафора-персонификация, метафора-сравнение, метонимии-символы. Особенности формирования СПО в эту эпоху связаны с развитием ***аналогового*** и ***ассоциативного*** поэтического мышления и становлением ***парадоксального***.

В период **романтизма** СПО характеризуются увеличением своего объема вследствие тенденции к концентрации тропов и активизации стилистических фигур в пределах одного СПО, что, в свою очередь, связано с тенденцией к конвергенции образов в образном пространстве стихотворного текста. В американской поэзии романтизма используются так называемые двойные метафоры и двойной оксюморон, возникающие в результате стилистического приема соположения (juxtaposition) – размещение рядом, непосредственное соседство двух образов.

Посредством интерпретативно-текстового анализа американской поэзии эпохи модернизма и постмодернизма выявлены факторы, предопределяющие видоизменения словесного поэтического образа. На формирование новых видов СПО – параболы и метаболы, влияют основные принципы построения художественных текстов этих эпох и особенности стихотворной речи и поэтического стиля определенного литературно-стилевого направления.

Диалектику развития СПО в американской поэзии эпохи **модернизма** определяет общая тенденция английского языка к аналитизации, особенности американской стихотворной речи, которые проявляются в экспериментах с языком в поэзии американского авангарда [58: 363], свойства конвергентного и дивергентного стиля поэзии вообще [56: 92], обусловливающие тенденции к конвергенции и дивергенции образов в образном пространстве поэтических текстов.

Главные художественные принципы модернизма: антропоцентризм, ориентация на центрированное и фрагментарное отображение мира, на создание игры слов, повышенной степени эмотивности произведения, неопределенности смысла, иронии [50; 17: 116, 143; 18: 220] – выразились в поэтическом тексте в употреблении интертекста, использовании специфических приемов создания образности – коллаж, пастиш, заимствованных из других видов искусства.

СПО приобретает отличия в результате использования особых стилистических приемов, специфичность которых обусловлена ***параболическим*** поэтическим мышлением. Последнее понимается нами как инакомыслие, иносказание вследствие переосмысления одного предмета, явления или события в терминах онтологически несоответствующих семантике исходных сущностей. Другими словами, события одного уровня перекодируются, описываются иными словами [28: 77; 57: 13-15].

В словесной ткани поэтического образа параболическое мышление объективируется и выражается в стилистических приемах парафразы, антитезы, зевгмы, метафоры и метонимии. Любой троп – это иносказание в широком понимании этого термина [33]. В отличие от метафоры и метонимии, являющихся результатом аналогового и ассоциативного поэтического мышления, **парабола** создается конвергенцией разных тропов в рамках одного СПО. В семантике его компонентов кодируется двойной смысл, который извлекается посредством привлечения разного рода знаний (энциклопедических и лингвистических) и установления интертекстуальных связей образа с образами, воплощенными в других поэтических текстах, а не путем отыскивания аналогий между субъектной и объектной частями образа. Словесный поэтический образ-парабола всегда направлен на сотворчество автора и читателя.

Такой образ приобретает в каждый конкретный период его функционирования специфические черты и качества. Так, парабола средневековья является стилистическим приемом, который актуализируется через расположение рядом двух СПО, не связанных между собою синтаксическими связями подчинения или сочинения: "*Blue is the smoke of war; White are the bones of men*". Благодаря непосредственному соседству двух образов "*Синий дым войны*" и "*Белые кости людей*" неизвестный средневековый поэт создает образ-параболу СМЕРТЬ, где прилагательное *синий* приобретает значение *печальный*. Такой вид параболы ведет к мозаике СПО в тексте. СПО удваивается, и это приводит к семантическому сдвигу в значениях его компонентов.

Модернистская парабола – продукт параболического поэтического мышления, выражающегося в создании особых СПО, в которых содержание субъектной части образа раскрывается через ряд тематически родственных образов, радиально разворачивающих образное пространство поэтического текста. Примером служит словесный поэтический образ-парабола У.Стивенса в

стихотворении "Palaz of Hoon" – "Дворец Хоон":

It is the natural tower of all the world,
The point of survey, green's green apogee,
But a tower more precious than the view beyond,
A point of survey squatting like a throne,
Axis of everything.

Словесные поэтические образы "*the natural tower of all the world, The point of survey" – "естественная башня мира, пункт обзора, наблюдения*" и "*green's green apogee*" – "*апогей радостных надежд молодого поэта*" вызывают определенную трудность для интерпретации, поскольку требуют знания интертекста и индивидуальных символов поэта, в частности символа радости, который У.Стивенс воплощает в слове *green* [47: 269]. Названные образы заимствованы у В.Йетса "*a poet is the sun's apogee*" – "*поэт – солнца апогей*" и "*his tower-mountain of vision*" – "*его горная вершина наблюдения*". Они являются метонимией, сквозь призму которой воспринимается имя собственное Palaz of Hoon – Дворец Хоон, место, где встречаются поэты для обсуждения своих творческих замыслов.

Приведенный поэтический текст У.Стивенса служит примером конвергенции образов в стихотворной речи как тенденции поэзии модернизма к построению образа путем сосредоточения в нем ряда экспрессивных средств и стилистических приемов [3: 35, 132, 144]. Стихотворение содержит одно сложное предложение с сочинительными и подчинительными связями, являющееся текстовым словесным поэтическим образом, компоненты которого характеризуются двойственной семантикой, то есть имеют прямое предметно-логическое значение и переносное, полученное в результате взаимодействия с номинативными единицами всего СПО. Так, Дворец Хоон действительно является замком, построенным в форме башни (*the natural tower*). В поэтическом тексте номинативная единица *the natural tower* приобретает дополнительное значение: *сокровищница мирового поэтического опыта, достояние творческой мысли* – благодаря метонимии: *Дворец Хоон* (Х) **стоит вместо** *места, где собираются поэты* (А) и метафоре: *эта естественная башня мира* (X_1) является *пунктом обзора* (A_1)*, апогеем радостных надежд молодого поэта* (A_2). Другими словами, объектная часть СПО, воплощенная в словосочетании *the natural tower* (А – творчество) в первой строке стиха – "*It (то есть Palaz of Hoon – Л.Б.) is the natural tower of all the world*", становится субъектом (X_1) СПО "*The point of survey, green's green apogee*" (A_1, A_2) во второй строке. В свою очередь, объектная часть *green's green apogee* (A_2) выступает субъектом (X_2) следующего образа, выраженного метафорой-сравнением "*a tower more precious than the view beyond"*(A_3). СПО "*A point of survey squatting like a throne* (A_4)*, axis of everything* (A_5)" содержит повтор *point of survey,* который благодаря метафорам *squatting like a throne, axis of everything* приобретает значение *сокровищница.* Такой текстовый конструкт квалифицируем как **параболу** – цепочечно-радиальное развертывание

образного пространства, в котором объектная часть каждого предшествующего образа служит субъектом последующего. Чтобы наглядно показать то, как объект одного образа становится субъектом другого, как они соединены в семантическом пространстве всего словесного поэтического образа-параболы, изобразим графически на рис. 1:

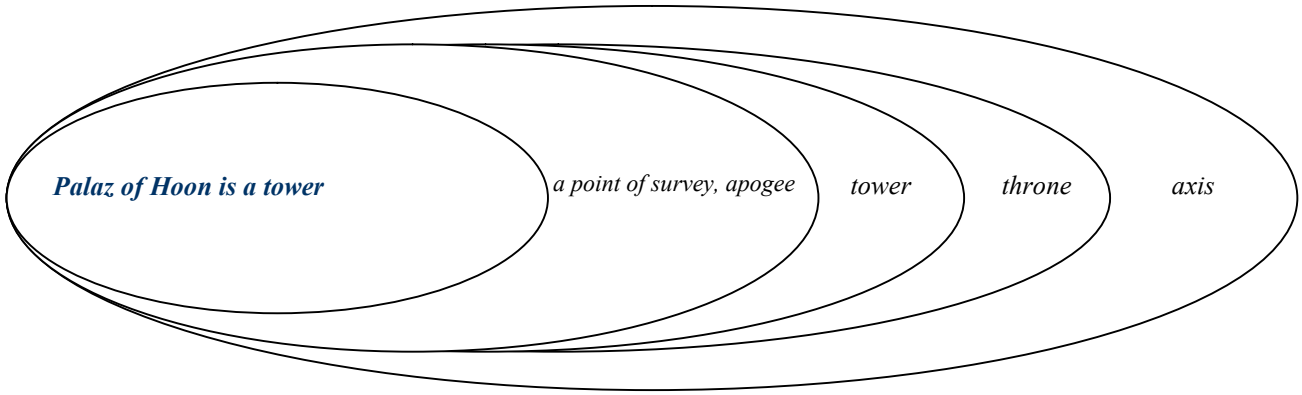

Рис. 1. Семантическое пространство словесного поэтического образа-параболы У.Стивенса "*It is the natural tower of all the world …*"

Приведенная конфигурация образного пространства поэтического текста – результат центростремительного, радиального развертывания образов, обусловленного тенденцией к конвергенции. Конвергенция как когнитивная способность мышления характеризуется однонаправленным движением мысли от знакомого к незнакомому путем последовательного раскрытия одного понятия через другое [56: 103].

В контексте работы конвергенция рассматривается как развертывание образного пространства, которое ведёт к созданию текстового словесного поэтического образа-параболы. Его формирование обеспечивается комбинацией тематически родственных образов посредством нанизывания их один на другой.

Особенности СПО американской поэзии **постмодернизма** детерминированы господствующими художественными принципами этой эпохи, такими как антропокосмизм, децентрация структуры текста, эклектичность и фрагментарность в отображении мира, деконструкция [11: 24; 18: 214, 222, 225, 235]. Художественные приёмы модернизма: коллаж, пастиш, игра, пародия, ирония, – приобретают в постмодернизме новые качества, благодаря развитию ***эссеистического*** поэтического мышления. Последнее понимается как “мышление в разные стороны”, вследствие чего фрагментарность и эклектичность описания придают тексту панорамность его восприятия [39: 12, 84, 91, 375]. В нашем исследовании *эссеистический* вид поэтического мышления трактуется как процесс поэтического осмысления

реального или возможного мира, в результате которого путем индивидуально-творческого преломления свойств и признаков привычных предметов, явлений и событий жизни создается новый ракурс их видения или новый образ. Эссеистическое мышление предполагает привлечение разных способов художественного освоения действительности.

В американской поэзии постмодернизма *эссеистическое* и *параболическое* поэтическое мышление обусловили трансформацию метафоры в метаболу, переплетение означаемого и означающего. В стихотворной речи этой эпохи наряду с тенденцией к конвергенции образов прослеживается противоположная тенденция – дивергенция, проявляющаяся в рассредоточении образов по всей ткани поэтического текста, что создает эффект "диффузных эмоций" [56: 372], размытой эмотивности текста. Дивергенция трактуется в работе как развертывание образного пространства, ведущее к созданию безгештальтных (gestalt-free), свободных от предметной определенности (thing-free) образов [56: 20-21], то есть образов, лишенных конкретно-чувственной явленности, картинности.

Проанализируем СПО Денизы Левертов из стихотворения "Избранный путь" – "Road Taken" с целью объяснения механизмов формирования словесного поэтического образа-метаболы в американской поэзии:

Life is a stage, dev-ill, d-evil, dia-(e)vil
Playing tricks with you
Leading up the stairs
going
down

Словесный поэтический образ построен в традициях постмодернизма. В нем используется интертекст "*All the world's stage / And all the men and women merely players"* (Shakespeare, As You Like It? Act II, scene vii); "*Dev-ill was after us / tricking up like Jehovah"* (Doolittle); "*The heavy past plays tricks with me"* (Sexton). Тем не менее, в соответствии с художественными принципами постмодерна происходит адаптация цитат к новому поэтическому тексту [18: 228], и таким образом интертекстуализация служит приемом формирования новых СПО или переосмысления известных. Д.Левертов расширяет семантическое пространство образа, заимствованного из стихотворения Хильды Дулитл "*dev-ill was after us",* продолжая вслед за ней поиски внутренней формы слова дьявол: *dev-ill – больной дьявол, d-evil – зло, dia-(e)vil – через зло.* В игре с последним она воссоздает славянское звучание этой номинативной единицы. Можно предположить, что это сделано преднамеренно, поскольку Дениза имеет славянские корни в своем происхождении. Игра в постмодерне, в отличие от модерна, заключается в игре смыслами, а не только словами. Это достигается путем дивергенции образа, лишения его предметности.

Путем сочетания дивергентных и конвергентных образов Д.Левертов создает разностороннее описание жизни, во всем многообразии её проявления.

Жизнь осмысливается и как игра, театр (*a stage*), и как стремление к успеху, к карьере (*up the stairs)*, чрезмерное увлечение которой может привести к краху (*going down*).

Объектная часть СПО – результат эссеистического поэтического мышления, которое характеризуется объединением в одном СПО признаков и свойств предмета или явления, полученных с помощью других видов поэтического мышления. Так, объект образа (А) "*Leading up the stairs going down*" – "*вверх по лестнице, ведущей вниз*" сформирован путем ассоциативного осмысления понятия жизнь в терминах успеха, поскольку *лестница* является архетипным символом движения вверх. Парадоксальное поэтическое мышление выражено в оксюмороне "*up the stairs going down".* Механизм формирования анализируемого СПО покажем на Рис.2, иллюстрирующем сцепление образов в образном пространстве поэтического текста, их иррадиацию и перетекание из одного в другой:

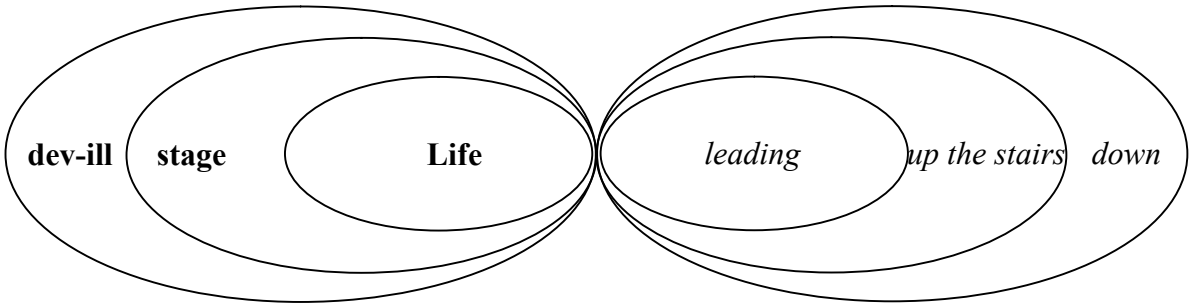

Рис. 2. Образное пространство стихотворения Д.Левертов "Road Taken"

Приведенная конфигурация образного пространства – результат действия двух противоположных тенденций – конвергенции и дивергенции образов, которые предопределяют формирование новой разновидности СПО – метаболы как следствия эссеистического и парадоксального поэтического мышления. В основе названных видов поэтического мышления лежит когнитивная способность человека к дивергентному мышлению, которое характеризуется как мышление в разных направлениях [56: 92,97] путем привлечения антитез и парадоксов для намеренного сталкивания идей с целью достижения истины.

Словесный поэтический образ, построенный на метаболе, – это образ, который невозможно разделить надвое, на прямой и переносный смыслы, на описываемый предмет и привлеченное сходство [38: 169]. В метафоре-метаболе прямой и переносный смыслы сливаются, нет сходств и перенесения признаков по аналогии, как в традиционной метафоре. Содержание СПО-метаболы формируется путем интеграции образов, рассеянных по всему поэтическому тексту. В отличие от параболы, в которой образы сцеплены единой темой, каждый из них является иносказательным выражением предыдущего, в метаболе наблюдается центробежный характер развертывания образного пространства. Каждый образ иррадиирует свой смысл, зачастую прямо

противоположный, расположенному рядом с ним образу, что создает специфическую эмотивность поэтического текста постмодерна.

Конфигурация образного пространства текстов американской поэзии

Обобщенное содержание СПО структурировано концептуальными схемами, которые моделируются путем концептуального анализа сущностей, т.е. компонентов СПО, представляющих области цели и области источника, на основе выявления концептуальной метафоры, метонимии и оксюморона. Последние считаются концептуальной базой для формирования всех тропов без исключения [54; 51; 48]. Концептуальный анализ СПО – это выявление концептуальных характеристик сущностей концептосфер путем анализа семантики языковых единиц, актуализирующих эти сущности в объектной и субъектной частях СПО. Классификация концептуальных схем СПО на прототипические, архетипные и идиотипные позволяет определить особенности конфигурации их образного пространства.

Построение прототипической концептуальной схемы СПО осуществляется путем концептуального анализа ряда образов, объединенных общим концептуальным референтом, то есть образов, в которых область цели структурирована одним и тем же концептом: ЖИЗНЬ. Так, например, в СПО "*my life, station / after station, / to be tried"* (Duncan); "*where pangs and terrors in his pathway lie"* (Robinson); *"life is lighted highway to the tomb"* (Robison); "*The outward wayward life we see"* (Whittier); "*launching our lives to voyage again"* (Robinson); "*But I have promises to keep / And miles to go before I sleep"* (Frost); "*Two roads diverged in a wood, and I – / I took the one less traveled by"* (Frost) – область источника структурирована сущностями, которые в речевой цепи представлены следующими лексическими единицами: *station – станция, pathway – тропа, highway – автострада, wayward – направление пути, voyage - путешествие, road – дорогая.* Весь этот ряд слов можно подвести под один концепт ПУТЬ с помощью лингвокогнитивной процедуры **обобщения** признаков, которые содержатся в семантике этих единиц. Таким образом прототипическая концептуальная схема получает символьное представление в виде записи, общепринятой для концептуальной метафоры: ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЬ.

СПО, в основе которых лежит общая прототипическая концептуальная схема, называем **изотипными** (с древнегреческого isos – похожий). Ряд изотипных СПО составляет **изотипическое пространство** американской поэзии. Так, ряд непохожих на первый взгляд СПО: *"the corners of the evening*" (Eliot) – "*закоулки вечера*"; "*the borders of the day*" (Emerson) – "*границы дня"*; "*I have measured out my life with coffee spoons"* (Eliot) – "*Я измерил мою жизнь ложками кофе"*; "*Who joked him into life"* (Sandburg) – "*Кто же над ним посмеялся, пустив в жизнь"*; "*She re-enters her life / the way a parachutist re-enters / the corser atmosphere of earth*" (Pastan) – "*Она снова возвращается к*

жизни, как парашютист в плотные слои атмосферы" – можно объединить в изотипическое пространство благодаря наличию общей прототипической концептуальной схемы: ЖИЗНЬ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ. Возможность объединения приведенных выше примеров СПО в одну прототипическую категорию объясняется наличием общих свойств, а именно: области цели всех образов структурированы одинаковой образ-схемой концепта ЖИЗНЬ, а сущности областей источника содержат онтологические соответствия, то есть родственные признаки, с сущностями образ-схемы концепта ВМЕСТИЛИЩЕ: очерчивание, очертание пространства содержимого (*the corners of the evening, the borders of the day*); нахождение в определенном месте (*on the shore of the future; in the center of life*); помещение, вхождение кого-то/чего-то во вместилище (*Who joked him into life; She re-enters her life*); измерение содержимого чем-то (*I have measured out my life with coffee spoons*).

В свою очередь набор прототипических концептуальных схем, полученных с помощью концептуального анализа структуры каждого поэтического образа изотипического образного пространства, рассматриваем как прототипическую модель фрагмента образного пространства американской поэзии.

Концептуальный анализ СПО американской поэзии путем реконструкции прототипических концептуальных схем дал возможность вычленить в образном пространстве концепта ЖИЗНЬ двенадцать прототипических концептуальных схем, каждая из которых является концептуальной базой изотипных СПО (Рис.3):

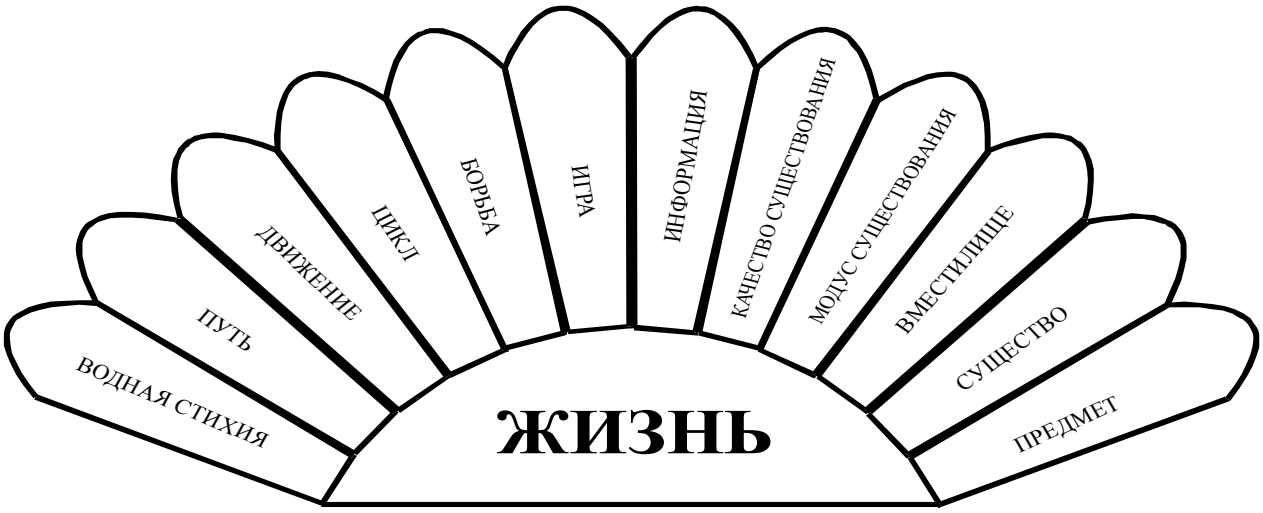

Рис. 3. Прототипическая модель образного пространства концепта ЖИЗНЬ в американской поэзии

Каждая створка веера на рис. 3 представлена прототипической концептуальной схемой, являющейся обобщенным содержанием целого ряда СПО, что позволяет рассматривать их как изотипическое образное пространство, как часть образного пространства американской поэзии.

Изотипическое пространство, или пространство изотипных СПО, охватывает архетипные, стереотипные, идиотипные и кенотипные образы, которые размещены в нем по принципу членов прототипической категории. Это означает, что изотипическое образное пространство имеет центр и периферию. В центральной части располагаются СПО, содержащие только одну прототипическую концептуальную схему. Как правило, такими оказываются стереотипные СПО или идиотипные, которые характеризуются простотой синтаксического построения, то есть представлены словосочетанием или простым предложением. Периферию занимают идиотипные СПО, объективирующие более чем одну концептуальную схему.

Представляя образное пространство в таком виде мы, говоря словами М.К. Мамардашвили, "получаем не хронологическую последовательность, а некую вертикаль или веер, створки которого располагаются не линейно, а сосуществуют. Это как бы не ускользающая, а скользящая точка современности. Какое-то вертикальное или веерное сечение, позволяющее нам соприкоснуться с Платоном, Декартом, Буддой" [27: 62].

Реконструкция концептуальной стороны СПО позволяет выявить прототипические концептуальные схемы, что, в свою очередь, ведёт к очерчиванию прототипической образной картины мира американской поэзии. Классификация СПО на архетипные, стереотипные, идиотипные и кенотипные осуществлена с целью выявления механизмов их формирования и функционирования в поэтическом тексте и в образном пространстве всей американской поэзии.

Таким образом, разные типы СПО американской поэзии составляют ее образное пространство. В его рамках выделяем изотипические пространства СПО. Так, например, изотипическое пространство СПО концепта ЖИЗНЬ является составной частью образного пространства американской поэзии и содержит архетипные, стереотипные, идиотипные и кенотипные СПО. По аналогичной методике можно очертить образные пространства других концептов областей цели (например, ЛЮБОВЬ, ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК и т. п.), воплощенных в СПО американской поэзии.

Архетипные СПО в американской поэзии отображают мифопоэтическую картину мира. Стереотипные СПО, в основе которых лежит синкретическое поэтическое мышление, отражают устойчивые прототипические схемы стихотворной речи, укоренившиеся в художественном сознании вследствие длительного историко-культурного развития поэзии. Идиотипные СПО являются результатом индивидуально-творческого осмысления мира. Кенотипные СПО разрушают обычные концептуальные схемы, их смысл создает концептуальный прорыв в понятийной системе человека, в них отражена кристаллизация нового опыта человечества. Схему образного пространства можно представить в виде рис. 4:

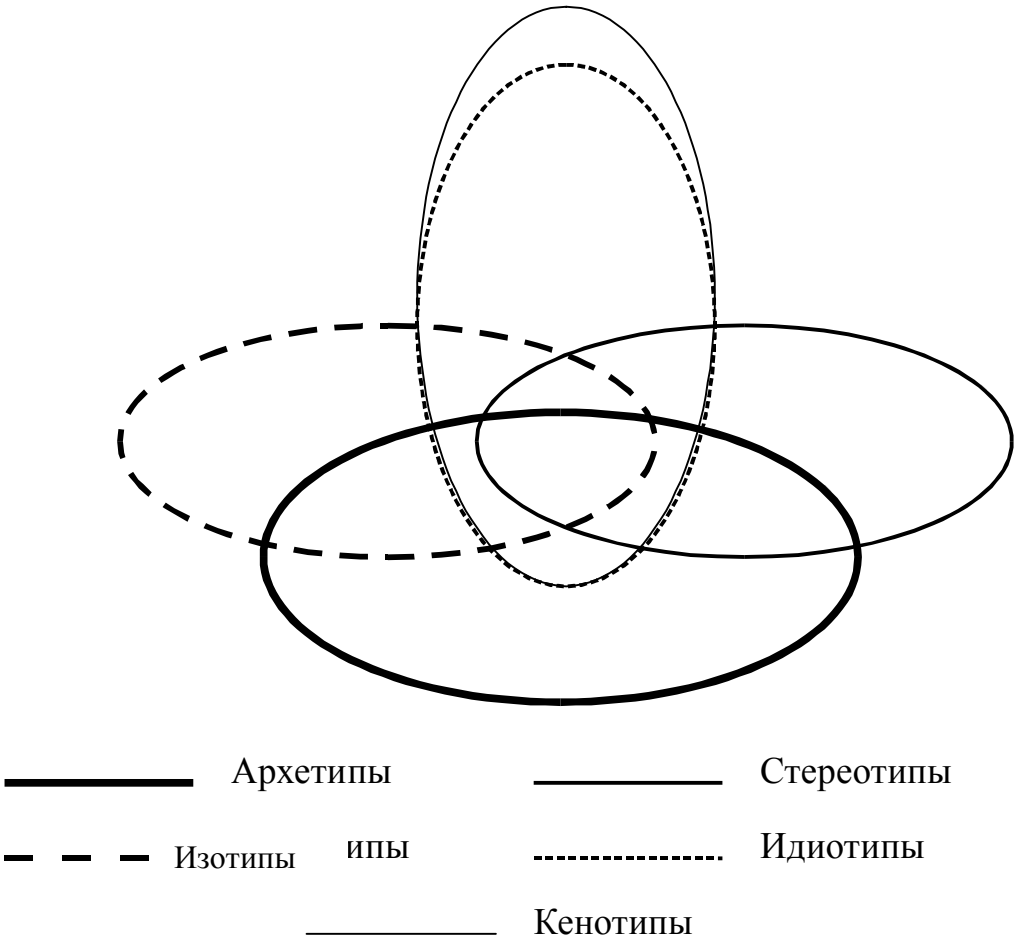

Рис. 4. Схема переплетения разных типов словесных поэтических образов в образном пространстве американской поэзии

Схема свидетельствует о том, что разные типы словесных поэтических образов функционируют в едином образном пространстве всей американской поэзии, очерчивая его конфигурацию, то есть глубину и широту. Основу образного пространства, его глубину представляют архетипные СПО, в то время как вертикальную ось его развития определяют новые образы, созданные в результате взаимодействия с разными типами словесных поэтических образов. Стереотипные словесные поэтические образы представляют широту образного пространства американской поэзии, отражая национальное своеобразие культурного сообщества. Универсальные стереотипы вместе с архетипными словесными поэтическими образами выступают контактными точками для других культурных пространств.

Подводя итоги, следует отметить, что подчиненный общей эстетической функции в поэтическом тексте, каждый из типов словесных поэтических образов выполняет свои специфические функции, обеспечивая тем самым целостность и связность поэтического текста. Определение этих функций и механизмов формирования словесных поэтических образов американской поэзии способствует адекватной интерпретации поэтического текста,

пониманию движения поэтической мысли и способов её воплощения в ткань поэтических произведений. Механизмы создания новизны СПО обнаруживаются путем выявления лингвокогнитивных процессов, операций и процедур, которые обеспечивают их формирование и функционирование в стихотворном тексте. СПО как трехмерная величина (предконцептуальное, концептуальное и вербальное измерения) гибко изменяет свои контуры в зависимости от когнитивных и языковых операций, которые доминируют в формировании образа, от вида поэтического мышления, которое предопределяет характер и направление лингвокогнитивных операций картирования. Последние понимаются в работе как концептуальное проецирование и семантическое наложение структур знаний о свойствах и признаках объектов и явлений окружающей действительности, опредмеченных в номинативных единицах субъектной и объектной части СПО экстралингвистических факторов в становлении и развитии словесных поэтических образов.

Формирование новых видов СПО – параболы и метаболы – вызвано тенденциями стихотворной речи к конвергенции, которая выражается в концентрации тропов и активизации стилистических фигур в пределах определенного отрезка поэтического текста, и дивергенции, проявляющейся в рассредоточении образов по всей ткани поэтического текста, в лишении образа предметно-чувственной конкретности.

Стереотипные и архетипные СПО служат якорями текстовой навигации, то есть освоения текстового мира, поскольку они удерживают читателя в русле прототипического (термин М.Фриман) прочтения текста. Что касается новообразов, то они обеспечивают открытость поэтического текста, предоставляя читателю свободу интерпретации.

Дальнейшей п е р с п е к т и в о й научного поиска может быть сопоставительное изучение когнитивных стилей разных поэтов, выявление культурологических особенностей словесных поэтических образов, способствующее очерчиванию культурно-ценностной картины мира в американской поэзии.

Литература

1. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М.: Наследие, 1994. – С. 3-38.

2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – 1392 с.

3. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.

4. Арутюнова Н.Д. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка: Семантика

начала и конца / РАН. Ин-т языкознания. – М.: Индрик, 2002.– С. 3-18.

5. Бахтин М.М. Слово у Ф. М. Достоевского // Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советский писатель, 1963. – С. 242-338.

6. Бєлєхова Л.І. Словесний поетичний образ в історико-типологічній перспективі: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі американської поезії): [монографія]. – Херсон: Айлант, 2002. – 368 с.

7. Берестнев Г.И. К проблеме языка ментальных пространств: образ света с когнитивной точки зрения // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 143-160.

8. Воробьёва О.П. Эмотивность художественного текста и читательская рефлексия // Язык и эмоции. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 240-246.

9. Воробьёва О.П. Сюжетное напряжение сквозь призму конфликта ментальных пространств (опыт концептуального анализа) // Когнитивная семантика: Материалы второй международной школы-семинара.– Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. – Ч.1. – С. 123-125.

10. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

11. Гассан І. Чим є постмодернізм і чим він стане? Літературний і культурний аспекти // Американська література після середини XX століття: Матеріали міжнародної конференції, Київ, 25-27 травня 1999 року. – К.: Довіра, 2000. – С. 19-28.

12. Гачев Г.Д. Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа. – М.: Искусство, 1972. – 200 с.

13. Гринцер П.А. Сравнительное литературоведение и историческая поэтика // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1990. – Т. 49, № 2. – С. 99-108.

14. Долинин К.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.

15. Жаботинская С.А. Ономасиологические модели в свете современных школ когнитивной лингвистики // С любовью к языку: Сб. научных трудов, посвященных Е.С. Кубряковой. – М., Воронеж: Ин-т языкознания РАН; Воронежский гос. ун-т, 2002. – С.115-123.

16. Жаботинская С.А. Принципы создания ономасиологических моделей и событийных схем // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 381-400.

17. Зверев А.М. Модернизм в литературе США. – М.: Наука, 1979. – 318 с.

18. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.

19. Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. –

Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

20. Ковтунова И.И. Некоторые направления эволюции поэтического языка в XX веке // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. – М.: Наука, 1990. – С. 7-27.

21. Кожевникова Н.А. Эволюция тропов в языке русской поэзии XX века // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. – М.: Наука, 1995. – С. 6-79.

22. Красных В.В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей. – М.: Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 128-144.

23. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространства текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 15-26.

24. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка: Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С.84-92.

25. Левицкий А. Э. Функциональная переориентация номинативных единиц современного английского языка: Монография. – Житомир: Редакционно-издательский отдел ЖГПУ, 2001. – 168 с.

26. Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв; Внутри мыслящих миров: Статьи; Исследования. – СПб.: Искусство, 2000. – 704 с.

27. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992. – 415 с.

28. Молчанова Г.Г. Имя собственное и слияние концептов. (К основаниям когнитивной лингвистики) // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания: Материалы Круглого Стола, апрель 2000. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С. 75-81.

29. Потапенко С.І. Мовна особистість у просторі медійного дискурсу (досвід лінгвокогнітивного аналізу): Монографія. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2004. – 360 с.

30. Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики. – Запоріжжя: Прем'єр, 2008. – 322 с.

31. Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). – М.: Наука, 1985. – 335 с.

32. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. Знак. Понятие. Ментальный мир. Реальность. Номинализм и реализм. Новый реализм. – М.: “Языки русской культуры”, 1998. – 784 с.

33. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира. // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 183-204.

34. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: Семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227-284.

35. Шаховский В.И. Эмотиология в свете когнитивной парадигмы языкознания // К юбилею ученого: Сб. научных трудов, посвященных юбилею Е.С. Кубряковой. – М.: Моск. гор. пед. ун-т, 1997. – С. 130-135.

36. Шаховский В.И. Эмоции в коммуникативной лингвистике // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С.Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 671-683.

37. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 544 с.

38. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии в XIX – XX в. – М.: Советский писатель, 1988. – 416 с.

39. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. – М.: Высшая школа, 2005. – 495 с.

40. Campbell J. The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as Religion. – N.Y., Toronto: Harper and Row Publishers, 1988. – 286 p.

41. Daneš F. Cognition and emotion in discourse interaction: A preliminary survey of the field // Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists / Eds. W.Barner, J.Schmidt, D.Viehweger. – Berlin: Akademie Verlag, 1987. – P. 168-179.

42. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 190 p.

43. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 205 p.

44. Fauconnier J., Turner M. Principles of conceptual integration // Discourse and Cognition: Bridging the Gap / Ed. by J.R. Koenig. – Stanford: CSLI Publications, 1998. – P. 269-283.

45. Fauconnier J., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. – N.Y.: Basic Books, 2002. – 440 p.

46. Freeman M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 253-283.

47. Frye N. The realistic oreole: A study of Wallace Stevens // Modern Poetry: Essays in Criticism / Ed. by J. Hollander. – Oxford: Oxford University Press, 1968. – P. 267-284.

48. Gibbs R. W. Jr. Process and products in making sense of tropes // Metaphor and Thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 252-276.

49. Grady J. Foundation of Meaning: Primary Metaphors and Primary Scenes: Ph.D. dissertation. – Berkley: University of California, 1997. – 180 p.

50. Hassan I. The Postmodern Turn: Essays in Postmodern Theory and Culture. – Ohio: Ohio State University Press, 1987. – 268 p.

51. Kövecses Z., Radden G. Metonymy: Developing a Cognitive Linguistic View // Cognitive Linguistics. – 1998. – Vol.9, №1. – P. 37-77.

52. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal

About the Mind. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

53. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. – N. Y.: Basic Books, 1999. – 624 p.

54. Lakoff G., Turner M. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. – Chicago: The University of Chicago Press, 1989. – 230 p.

55. Turner M. The Literary Mind: The Origin of Thought and Language. – N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1998. – 187 p.

56. Tsur R. Toward a Theory of Cognitive Poetics. – Amsterdam: Elsevier Science Publishers, 1992. – 549 p.

57. Turner M. The Literary Mind: The Origin of Thought and Language. – N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1998. – 187 p.

58. Wain L. Postmodernism // Literary Theory / Ed. by J. Wolfreys. – N.Y.: New York University Press, 1990. – P. 359-395.

3.2. ПАРЕМИЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

И.С. Гулидова

Внимание современных лингвистических студий направлено на изучение разных *видов* пространства: семантических или семиотических пространств текста и дискурса, пространств отдельных языковых единиц [23: 6]. Так, например, семантическое пространство художественного текста, или его семантический универсум, рассматривается как бесконечный семиозис, организованный по принципу семантической энциклопедии, в основе которого лежит интерпретация мира (включая себя и других в этом мире) индивидуальным творческим сознанием, которая определенным образом отражает сознание коллективное – общечеловеческое, национально-специфическое и культурно-историческое [13: 39; 19: 17].

Цель данного исследования состоит в определении *паремийного* пространства американской поэзии XX столетия в лингвокогнитивном ракурсе, что предполагает уточнение понятия паремии.

Термин "паремия" встречается во многих филологических исследованиях, которые занимаются проблематикой изучения таких устойчивых единиц, как фразеологизмы, пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения и другие. Паремии всегда привлекали внимание исследователей, которые занимались изучением их отличительных характеристик [28, 36], принципов их семантико-структурной организации [3, 5, 46], роли в художественных текстах [17, 35, 39, 40]. В данном исследовании паремия выступает родовым понятием, которое подразделяется на определенные виды, среди которых в фокус нашего внимания попадают пословицы и афоризмы.

Анализ материала исследования, а именно поэтических текстов американской поэзии XX столетия, показал, что в таких текстах афоризмы и пословицы встречаются гораздо чаще, нежели другие виды паремий. Поэтому ключевыми элементами паремийного пространства в данной работе выступают

именно эти единицы. Мы определяем паремию как лингвокогнитивное образование, существующее в художественном сознании определенного историко-культурного сообщества и в сконденсированной форме отображающее его представление про окружающий мир и его познание.

Паремийные единицы являются хранилищем знаний, способом фиксации и передачи жизненного опыта человека [24: 21]. В контексте нашего исследования особое значение приобретает изучение паремий в ракурсе лингвокультурологического подхода, что дает возможность раскрыть, как в паремийном знаке отображаются национально-культурные и логико-понятийные особенности восприятия окружающей действительности определенным лингвокультурным сообществом [2: 3]. Будучи по своей природе микротекстами, паремии, как и любой другой текст, вписаны в культурный контекст [25: 139]. Поэтому изучение паремий дает исследователям возможность уловить особенности мировосприятия, глубже проникнуть в культуру, обычаи и верования народа, реконструировать национальную языковую картину.

Под национальной языковой картиной понимаем отображенное в языковых формах этнически обусловленное осмысление и оценивание окружающего мира относительно конкретного этноса, как специфическую для данного этноса систему взаимосвязанных концептов [15: 92]. Национальную языковую картину формирует целый комплекс факторов, под влиянием которых формируется национальная ментальность – определенный способ видения мира, его восприятия в категориях и формах родного языка, объединяющих в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера во всех его проявлениях [30: 49].

Паремия в поэтическом тексте – это лапидарный по форме и лаконичный по содержанию свернутый микротекст, обобщающий и моделирующий реалии окружающей действительности. Паремии являются лингвокогнитивными конструктами, которые инкорпорируют предконцептуальную, концептуальную и вербальную ипостаси. На вербальном уровне паремии представлены как завершенные высказывания с синтаксической структурой предложения. Предконцептуальная ипостась паремии является ее смысловой основой, в то время как концептуальная ипостась паремии реализуется в ее способности актуализировать различные концепты, совокупность которых образует концептуальный уровень паремийного пространства американской поэзии XX столетия.

Для определения культурной специфики паремийного пространства американской поэзии XX столетия выявляем, какие именно концепты актуализируют паремии как элементы этого пространства. Понятие концепта по-разному трактуется в аспекте когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Главный критерий, лежащий в основе такого разделения, – вектор направления исследования концепта. Так, лингвокогнитивные исследования концепта идут от индивидуального сознания к культуре и,

соответственно, изучают лингвокогнитивные концепты, а лингвокультурологические студии – от культуры к индивидуальному сознанию, фокусируясь на культурных концептах [21: 139]. Каждый язык по-своему отображает окружающий мир и имеет свои способы его концептуализации [45: 3]. Соответственно, каждый язык имеет свою картину мира, в соответствии с которой говорящий организовывает содержание высказывания. В нашем исследовании для выявления основных концептов, составляющих паремийное пространство американской поэзии XX столетия, интегрируются наработки лингвокогнитивной и лингвокультурологической парадигм.

Одно из базовых понятий когнитивной лингвистики – концепт – в силу своей многоплановости имеет достаточно большое количество интерпретаций, при этом все они могут быть подведены под определение концепта как оперативной единицы мышления, которая может иметь или не иметь под собой четкую логическую форму [20: 4]. Следовательно, такой концепт нейтрален и лишен специфической национальной окраски. Анализируя паремийные единицы американских поэтических текстов XX столетия, мы выделяем ключевые лингвокультурные концепты, которые они актуализируют, поскольку по определению Ю. С. Степанова, именно в виде концепта культура входит в ментальный мир человека [44: 43]. Процесс становления такого концепта предполагает осмысление и редукцию результатов чувственного познания действительности в сознании индивида и соотнесение их с ранее усвоенными культурноспецифическими ценностями, отображенными в религии, идеологии, искусстве и т.д. [1: 38]. Таким образом, в нашем исследовании, вслед за В.А.Масловой мы рассматриваем ключевые концепты культуры как обусловленные ею ядерные (базовые) единицы картины мира, которые характеризуются экзистенциальной значимостью, как для отдельной языковой личности, так и для отдельно взятого общества в целом [30: 50].

Как известно, основополагающим элементом культуры выступает ценность, а своеобразие систем ценностей определяет межкультурные различия. Отличительной чертой лингвокультурных концептов как ментальных образований является наличие ценностного компонента, а значит, такой концепт выступает структурой сознания, в которой фиксируются ценности социума [4: 1]. Соответственно, исследование актуализированных в паремиях лингвокультурных концептов позволяет глубже проникнуть в систему ценностей определенного социума.

В лингвокультурологии выделяют три типа таких концептов: этнокультурные, социокультурные и индивидуально-культурные [21: 141]. Таким образом, можно говорить про ментально-когнитивные образования [6: 6], актуальные для этнокультуры в целом, для определенной группы в границах данной культуры и для отдельно взятого индивида. Конструируя действительность, говорящий использует не только изолированные данные языка, а и весь опыт – языковой и социальный, а так же знания и механизмы интерпретации [47: 150]. Мы считаем, что пословицы как продукт

устнопоэтического творчества актуализируют этнокультурные концепты, в то время как афоризмы, появление которых всегда связано с конкретным человеком, объективируют все три типа концептов. Во-первых, каждый человек (в данном случае – поэт) принадлежит к конкретной культуре, а значит, подвергается определенному влиянию с ее стороны. Во-вторых, поэт принадлежит к определенной социокультурной группе, что обусловлено родом его деятельности. И в-третьих, в творчестве каждого поэта отображаются индивидуальные, специфические особенности мировосприятия, что дает нам возможность говорить об индивидуально-культурных концептах.

В паремийном фонде каждой культуры ярко отображаются представления народа о человеке и окружающем мире. В каждой культуре доминируют свои этнокультурные символические архетипы, которые определяют особенности мировосприятия и исторического развития того или иного сообщества. Принимая во внимание относительно молодой возраст американской нации, уместным будет говорить об исследовании стереотипов американского способа жизни [36: 42], которые формировались под влиянием исторических факторов. В частности, речь идет об иммиграции как предпосылке формирования американского общества, одновременно ценящего индивидуализм и независимость и дух единения, стремящегося к идеалу и постоянно соотносящего свои идеалы с реальной жизненной ситуацией, открытого для других культур и ценящего свое культурное наследие [31: 242-289].

В современной науке стереотип трактуется как определенная модель деятельности и поведения; представление фрагмента окружающей действительности, фиксированная ментальная картинка, являющаяся результатом отображения в сознании личности типового фрагмента реального мира; как инвариант определенного элемента картины мира [22: 178]. Отличие его от культурного концепта состоит в степени абстракции, поскольку концепт представляет собой максимально абстрагированную идею предмета, а стереотип характеризуется большей степенью конкретики, будучи образом-представлением, проявляющимся в конкретных реализациях [22: 185]. Соответственно, паремии в нашей работе рассматриваются как лингвокогнитивные образования, которые не только актуализируют тот или иной концепт, а и определенный стереотип о нем.

Принимая во внимание все разнообразие подходов к исследованию категории пространства мы определяем паремийное пространство американской поэзии XX столетия как часть общего семиотического пространства [26: 30], которое интегрирует два плана – вербальный и концептуальный. Его вербальный план представлен различными паремиями, которые встречаются в поэтических текстах. Совокупность концептов, актуализируемых паремиями, представляет его концептуальный план. Общеизвестные паремии, как пословицы, так и афоризмы, формируют ширину паремийного пространства, а малоизвестные авторские изречения – его глубину. Паремийное пространство является неоднородным, что связано с

индивидуально-авторским стилем представителей американской поэзии XX столетия, который обусловливает плотность паремий в том или ином поэтическом тексте. Уместным будет привести аналогию Ю.М.Лотмана с математикой, где термин "пространство" трактуется как множество объектов или точек, между которыми существуют отношения беспрерывности [см. 12: 150]. Совокупность паремий и их концептуальный аспект, то есть то знание, которое они содержат в свернутом виде, и образует пространство, которое мы называем паремийным. Анализ иллюстративного материала позволяет сделать вывод, что такое пространство является неоднородным, поскольку концепты, которые актуализуются при помощи паремий, достаточно разнообразны. Каждый из этих концептов представлен в разной степени, а его наполнение значительно варьируется. Кроме того, следует отметить и такую особенность паремий, как возможность актуализации нескольких концептов одновременно, вследствие чего паремия может входить в состав более чем одной группы.

Для наглядного представления наиболее значимых концептов, паремийное пространство американской поэзии XX столетия смоделировано в виде пирамиды, которая отображает иерархию структурирующих ее концептов. Такая иерархическая организация концептов в рамках паремийного пространства дает возможность определить значимость того или иного фрагмента окружающей действительности для представителей американского лингвокультурного сообщества через призму его восприятия в поэтических текстах.

Семантико-концептуальный анализ исследуемого иллюстративного материала позволил нам выделить в американской поэзии несколько групп паремий, которые вербализируют определенный концепт. Опираясь на концепцию А.Н.Приходько, мы выделяем в паремийном пространстве американской поэзии XX столетия четыре большие группы концептов. Доминантным среди них выступает *антропонимный* концепт ЧЕЛОВЕК, представленный наибольшим количеством паремий (149). Концепты *телеономного* порядка отображают высшие духовные ценности, смысл всего жизненного пути человека, олицетворяющие определенный моральный идеал, к достижению которого человек стремится всю жизнь [38: 89]. К ним относятся концепты ЛЮБОВЬ (84) и СЧАСТЬЕ (57), образующие подгруппу *эмоционально-телеономных* концептов, а так же *собственно телеономные* концепты СВОБОДА (65) и ЗНАНИЕ (69). Далее следует *креативно-деятельностный* концепт ИСКУССТВО (51). Концепты *логико-философского* порядка являются универсальными ментальными образованиями, которые представляют наднациональные ценности, не имеют прескриптивных установок и принадлежат к аксиологически индифферентным [38: 87]. К ним мы относим *теософские* концепты БЫТИЕ (45) и ВЕРА (39), а так же *категориальные* – ВСЕЛЕННАЯ (33) и ВРЕМЯ (27).

Концепт ЧЕЛОВЕК характеризуется в паремийном пространстве комплексностью, поскольку имеет набор доминирующих составляющих

элементов, в частности *человек и его поведение, взаимоотношения между людьми, внутренний мир человека, его характеристика, деятельность*. В примерах, приведенных ниже, концепт ЧЕЛОВЕК актуализируется благодаря наличию в семантической организации паремий соответствующих лексических единиц, которые коррелируют с концептом ЧЕЛОВЕК и его составляющими.

ЧЕЛОВЕК**:**

- *"Small talk comes from small bones"* (Pound AP, 531);
- *"Ever to confess you are bored means you have no Inner resources"* (Berryman NA, p. 913);
- *"Suffering is a looking-glass for reflexions we might not see otherwise"* (Long AP, 793);
- *"Empty pockets make empty heads"* (Williams NA, 323);
- *"To err is human, not to, animal"* (Frost Ant/RF, 208);
- *"Who sees a little may do less than many who are blind have done"* (Robinson AP1, 61);
- *"As one supremes, so one croaks"* (Kennel NA, 1256).

Концепты телеономного порядка формируют вторую по значимости группу. Составляющими элементами концепта ЛЮБОВЬ выступают собственно идея любви как чувства, а так же ее более конкретизированный элемент – идея взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Ключевыми элементами в приведенных ниже примерах являются часто ассоциируемый с любовью языковой индикатор *kisses*, лексические единицы *love,* а так же *woman* и *man*, которые в определенном контексте так же ассоциируются с концептом ЛЮБОВЬ:

- *"Kisses are a better fate than wisdom"* (Cummings AP2, 18);
- *"Everything to do with love is mystery; it is more than a day's work to investigate this science"* (Moore AP1, 701);
- *"God may pardon every sin…. Love is no pardoner."* (Simpson NA, 1099);
- *"Love makes one generous"* (Merrill HB, 192);
- *"A woman that hustles never keeps nothing"* (Sandburg AP1, 259);
- *"A man must partly give up being a man with women-folk"* (Frost Ant/ RF, 28).

Языковыми репрезентантами эмоционально-телеономного концепта СЧАСТЬЕ являются лексемы *happiness*, *happy* и лексема *luck*, часто ассоциируемая с концептом СЧАСТЬЕ:

- *"Happiness makes up in height for what it lacks in length"* (Frost Ant/RF, 274);
- *"There is only one way to achieve happiness on this terrestrial ball, and that is to have either a clear conscience, or none at all"* (Nash AP1, 404);
- *"The happier we are, the less there is for memory to take hold of"* (Clampitt, NA 1027);
- *"Better born lucky than rich"* (Sandburg NA, 515).

Языковым индикатором концепта СВОБОДА является единица *freedom*. В свою очередь, концепт ЗНАНИЕ вербализируется при помощи лексических единиц *knowledge, wisdom*:

- *"Freedom is baffling: men having it often know not they have it till it is gone and they no longer have it"* (Sandburg NA, 628);
- *"We live in freedom by necessity"* (Auden Сб/О, 164);
- *"Wisdom, said William James, is learning what to overlook"* (Jarrell HB, 83);
- *"Knowledge is power"* (Fearing AP2, 359).

Количественные показатели демонстрируют значимость концепта ИСКУССТВО в паремийном пространстве американской поэзии XX столетия. Особенное внимание, в частности, уделяется литературе как одному из видов искусства. Мы предполагаем, что это обусловлено предметом нашего исследования – поэтическими текстами и спецификой языковой личности их авторов, принадлежащих к поэтическому сообществу. Составляющими вышеупомянутого концепта выступают сами поэтические тексты и личность автора-поэта. В приведенных ниже примерах языковыми репрезентантами концепта ИСКУССТВО выступают номинативные единицы *art*, *books*, *poetry*, *literature* и *poet*:

- *"Art is a form of catharsis"* (Parker AP1, 883);
- *"Books are not facts, merely the efforts to master facts"* (Howard NA, 1358);
- *"Poetry dovetails contradictions"* (Hacker NA, 1571);
- *"Poetry is the supreme fiction"* (Stevens NA, 290);
- *"A poet is a man speaking to men"* (Berryman NA, 912);
- *"A poet is not a jukebox for someone to shove a quarter in his ear and get the tune they want to hear"* (Randall NA, 892).

Концепты логико-философского порядка являются значимыми для человека в процессе осмысления мира и своего места в нем. В частности, такими концептами выступают теософские концепты БЫТИЕ и ВЕРА, а также категориальные – ВСЕЛЕННАЯ и ВРЕМЯ. Они представлены соответствующими лексическими единицами, которые являются языковыми репрезентантами определенного концепта:

- *"When we learn to live, our life is ended"* (Taggard AP2, 61);
- *"Life is so often nothing more than a quotation"* (Howard NA, 1356);
- *"It is the faith within the fear that holds us to the life we curse"* (Robinson NA, 212);
- *"We walk by faith and not by sight"* (Sandburg AP1, 268);
- *"The world means only itself"* (Warren NA, 700)
- *"The great globe itself is too much to carry"* (Clampitt NA, 1029);
- *"There is no time like the present…"* (Creeley BAP, 52);
- *"All things are a flowing, (sage Heraclitus says)"* (Pound AP2, 533).

Данные примеры дают возможность очертить круг базовых концептов, которые структурируют паремийное пространство американской поэзии XX столетия и определить степень их значимости. Изображение паремийного пространства, полученное в результате выделения системы концептов, вербализированных в паремиях, приводится на рис.1.

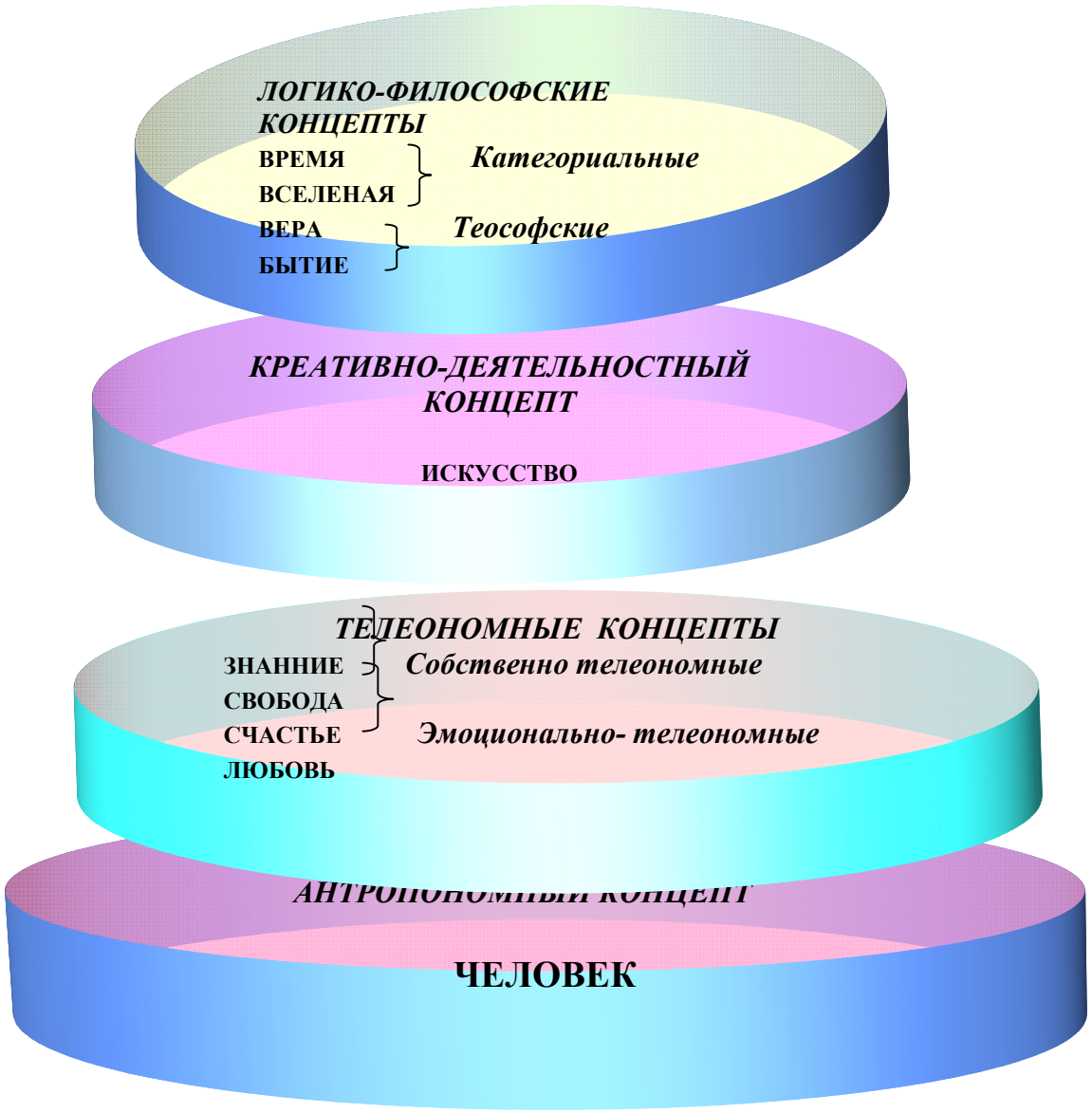

Рис. 1. Модель паремийного пространства американской поэзии XX столетия

Количественный анализ иллюстративного материала позволяет установить, что не все концепты в паремийном пространстве являются одинаково значимыми. Доминирование концепта ЧЕЛОВЕК может быть объяснено философией антропоцентризма, согласно чему человек признается мерой всех вещей. С другой стороны, значительную роль играет и

антропоцентричность познавательного взаимодействия с окружающим миром [41: 26], а так же социализация человека, проявляющаяся во взаимоотношениях с другими. Следующими по значимости выступают концепты ЛЮБОВЬ, СЧАСТЬЕ, СВОБОДА и ЗНАНИЕ. Поскольку материалом нашего исследования служат поэтические тексты, это частично объясняет тот факт, что одним из наиболее ярко представленных оказался концепт ИСКУССТВО, причем на передний план выходит именно поэзия. Менее широко оказались представлены остальные концепты, составляющие паремийное пространство, причем ВРЕМЯ и БЫТИЕ объективированы наименьшим количеством паремий, что может быть объяснено сложностью их осмысления.

Формирование паремийного пространства на концептуальном уровне тесно связано с коммуникативным потенциалом паремийных единиц, исследование которого позволяет выявить прагматическую направленность паремий на отображение того или иного составляющего элемента одного из компонентов паремийного пространства – концепта, актуализирующегося в паремиях. Поскольку концепт обязательно содержит в себе когнитивный и прагматический элементы, для выявления прагматического потенциала паремий необходимо обратиться к достижениям прагматики и коммуникативной лингвистики [8, 10, 11, 14, 16, 33, 34, 37, 42, 43]. В этом аспекте мы рассматриваем паремию как особенный тип выражений, который совмещает в себе черты фразеологической единицы (устойчивость и воспроизводимость, семантико-синтаксическую целостность и т.д) и высказывания, в частности наличие предметно-смыслового содержания; экспрессивный компонент различной степени интенсивности, то есть субъективно-эмоциональное отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания; наличие у высказывания языковой задумки; обращение к кому-то [9: 409-413].

Всем паремиям свойственна прагматическая направленность, которая окончательно реализуется в контексте [10: 23]. В американских поэтических текстах XX столетия паремии выполняют специфические функции, сутью которых является эмоционально-психологическое и оценочное влияние на читателя с целью убедить его в чем-либо, побудить к действию, заставить согласиться с оценкой референтной ситуации, данной автором [32: 146-149].

Как и в случае с высказываниями, реальная коммуникативность паремийной единицы – больше, чем ее содержание, зафиксированное в словаре [37: 3]. В зависимости от их коммуникативной направленности мы предлагаем разделять паремии на несколько групп. Основоположным критерием при таком делении выступает иллокутивная цель, которая составляет прагматическую основу паремийной единицы. Под иллокутивной целью, следом за З.Вендлером, мы понимаем ментальное состояние, в которое говорящий (в данной ситуации – поэт) намерен привести слушателя / читателя (в нашем случае) или ментальный акт, совершения которого ожидает от читателя говорящий [11: 243]. Паремия предполагает не только передачу информации: то

или иное высказывание может привести к переоценке системы ценностей читателя [16: 232]. В каждой группе и подгруппе паремии далее подразделяются в соответствии с тем, какой концепт или его составляющий элемент они объективируют.

Первая группа паремий представлена **репрезентативами** (по Дж.Р.Серлю) [42: 170]. Сюда входят пословицы и афоризмы, которые направлены на репрезентацию реального положения дел в окружающей действительности и цель которых состоит в информировании читателя о чем-либо. В свою очередь репрезентативы так же подразделяются на подгруппы в зависимости от способа репрезентации того или иного фрагмента окружающей действительности.

Первую подгруппу составляют паремии со структурой повествовательного предложения, которые мы называем *констативными*. В этой подгруппе наиболее широко представлены паремии, которые представляют суждения касательно составляющих концепта ЧЕЛОВЕК: его поведения, характеристик, возможных вариантов существования в реальном мире: *"Sentio ergo sum"* (Shapiro NA, 860); *"The mind is the cause of our distress"* (Williams AP1, 482); *"The Armenians pass this along and further allege, 'A man from hell is not afraid of hot ashes'"* (Sandburg CP/S, 644); *"Manus animam pinxit"* (My hand painted my soul) (Pound AP1, 505); *"We never know what we have lost, or what we have found"* (Warren AP2, 550); *"He who says goodbye often never leaves"* (Ray BAP, 137); *"He who looks for answers finds questions"* (Levine BAP, 114); *"The miser and the pig are no use till dead"* (Sandburg CP/S, 502); *"One fool is enough in a house"* (Sandburg CP/S, 504); *"Those in fear they may cast pearls before swine are often lacking in pearls"* (Sandburg CP/S, 476); *"A Scandinavian warns: The world was born in fire and he who is fire himself will be at home anywhere on earth"* (Sandburg CP/S, 297); *" 'A good heart always does a little extra.' The Chinese say it. 'The people's heart is heaven's will' "* (Sandburg CP/S, 644); *"The empty belly instructs the tongue"* (Sandburg CP/S, 585); *"Clothes make the man"* (Weiss NA, 952); *"The whole shadow of a man is only as big as his hat"* (Bishop NA, 817); *"Who sees a little may do less than many who are blind have done"* (Robinson AP1, 61).

Паремии, формирующие следующую подгруппу, содержат суждения о реальных и возможных взаимоотношениях между людьми: *"Some have merely rights while some have obligations"* (Moore AP1, 700); *"People who have what they want are very fond of telling people who haven't have what they want that they really don't want it"* (Nash AP2, 397); *"Somebody loses whenever somebody wins"* (Sandburg CP/S, 164); *"Any rift among you means power to those who want to do you in"* (Rich NA, 1333); *"It is the business of the wealthy men to give employment to the artisan"* (Belloc NA, 230); *"As one supremes so one croaks"* (Kinnel NA, 1256); *"Endurance of friendship does not depend upon ourselves, but upon circumstances. Unreal friendship may turn to real, but real friendship once ended cannot be mended"* (Eliot Сб/Э, 272).

Следующая подгруппа паремий выражает суждения о таких абстрактных

понятиях, как свобода, идеал, вера, счастье и другие: *"I see only the ideal. But no ideals have been fully successful on this earth"* (Isadora Duncan) (Crane AP2, 232); *"The way to approach freedom was to acknowledge necessity"* (Bidart NA, 1514); *"We live in freedom by necessity"* (Auden Сб/О, 164); *"Glory is out of date in life and art"* (Frost Ant/RF, 277); *"Happiness makes up in height for what it lacks in length"* (Frost Ant/RF, 274); *"It is the faith within the fear that holds us to the life we curse"* (Robinson AP2, 464); *"We walk by faith and not by sight"* (Sandburg AP1, 268).

Среди всего корпуса паремий американских поэтических текстов достаточно широко представлены паремии о любви как в глобальном понимании, так и о любви межу мужчиной и женщиной: *"Love can meet death with dignity"* (Eastman AP1, 420); *"Love is most nearly itself when here and now cease to matter"* (Eliot Сб/Э, 70); *"Love stands against fire and flood and much bitterness"* (Sandburg CP/S, 250); *"All lovers live by longing and endure"* (Roethke AP2, 133); *"God may pardon every sin… Love is no pardoner"* (Simpson NA, 1099); *"Everything to do with love is mystery; it is more than a day's work to investigate this science"* (Moore AP1, 701); *"I'm loved therefore I am"* (Auden, Сб/О, 368); *"We love the things we love for what they are"* (Frost Ant/RF, 169); *"...love of a country begins as attachment to our own field of action…"* (Eliot Сб/Э, 98); *"As the cup is gilt, love is spilt"* (Pound AP1, 579).

Достаточно широко представлена так же и подгруппа паремий, в фокусе которых – жизнь, существование, судьба человека: *"It takes life to love Life"* (Robinson NA, 210); *"Life contracts and death is expected"* (Stevens AP1, 306); *"When we learn to live our life is ended"* (Taggard AP2, 61); *"Life goes before we know what it is"* (Sandburg CP/S, 504); *"Flower fades to make fruit, the fruit rots to make earth"* (Robison NA, 430); *"To live in a mankind is far more than to live in a name"* (Lindsay AP1, 275); *"The dead say nothing and the dead know much"* (Sandburg CP/S, 59); *"Fate has no choice but to fulfill"* (Frost Ant/RF, 280); *"Life is what you make it"* (Sandburg CP/S, 330); *"We only live between before we are and what we were"* (Lowell HB, 110); *"Life remains a blessing although you cannot bless"* (Wystan Hugh NA, 739).

Подгруппа паремий, представленная ниже, содержит суждения о такой важной для человека категории, как время, и обо всем, что связано с его течением: *"All things are a flowing"* (Pound AP1, 533); *"Everything passes"* (Honig NA, 1011), *"For everything there is a season"* (Warren AP2, 555); *"There is no time like the present"* (Creeley BAP, 52); *"Only through time time is conquered"* (Eliot Сб/Э, p. 48); *"Nothing gold can stay"* (Frost Ant/RF, 226); *"What is actual is actual only for one time and only for one place"* (Eliot Сб/Э, 765).

В группе репрезентативов мы выделяем *дефинитивы*, которые от констативных отличаются способом представления суждений о каком-либо фрагменте окружающей действительности. В большинстве случаев они имеют метафорическую природу и раскрывают суть того или иного явления через его определение. В этой группе также выделяем несколько подгрупп в

зависимости от представленного в паремии суждения об определенной составляющей концепта.

Так, в группе дефинитивных паремий представлены высказывания, определяющие:

– искусство и все, что с ним связано, в частности музыка и литература, а также составляющие концепта ИСКУССТВО – поэзия, поэт: *"Art is a form of catharsis"* (Parker AP1, 883); *"Books are the key to magic portals"* (Fearing AP2, 359); *"Books are not facts, merely the efforts to master facts"* (Howard NA, 1358); *"A poet is a man speaking to men"* (Berryman NA, 912); *"A poet is not a jukebox to shove a quarter in his ear and get the tune they want to hear"* (Randall NA, 892); *"Music is then the knowledge of what relates to love in harmony and system"* (Plato) (Crane AP2, 239);

– жизнь и смерть: *"…the Arabian spills this: The first grey hair is a challenge of death"* (Sandburg CP/S, 297); *"Life is like an ocean: sometimes the tide is out, and sometimes it's in"* (Ashberry NA, 1269); *"Life is the one-way trip, the one-way flight"* (Lowell HB, 108); *"The ways we miss our lives are life"* (Jarrell NA, 905); *"Life is too much like pathless wood…"* (Frost Ant/RF, 86);

– внутренний мир человека: *"Your word is you"* (Stevens NA, 289), *"Our anger is our way of speaking"* (Cervantes NA, 1730), *"What you do know is the only thing you know"* (Eliot Сб/Э, 66);

– абстрактные понятия: *"Wisdom is a beautiful bird; but to the wise often, often it is denied to be beautiful or good"* (Auden Сб/О, 140), *"Luck is a chance, but trouble's sure"* (Housman NA, 128), *"Wisdom, said William James, is learning what to overlook"* (Jarrell HB, 83), *"The ground of all faith is human woe"* (Frost Ant/RF, 300), *"Private policy is public profit"* (Eliot Сб/Э, 266);

– любовь: *"Love is not all: it is not meat, nor drink"* (St. Vincent Millay NA, 526), *"Love is the whole and more than all"* (Cimmings NA, 558).

Следующая подгруппа паремий – **директивы** – выделяются нами по критерию влияния на читателя. Их цель состоит в побуждении читателя к определенным действиям, приписывании ему конкретной линии поведения [43: 160]. Побудительный потенциал директивных паремий часто демонстрируют такие высказывания, которые в некоторой степени являются парадоксальными и представляют взгляды автора, отличающиеся от общепринятых. Однако, в том случае, если такие высказывания принимаются читателем как правильные, они способны влиять на убеждения касательно того, что является верным или неверным.

В зависимости от способа побуждения к действию директивные паремии подразделяются на две большие группы. Прямые директивные паремии представлены в грамматической форме повелительного наклонения [1: 52] и. разветвляются на несколько подгрупп, отображающих ту или иную составляющую концепта. Наиболее ярко представлены паремийные единицы, в которых отображены общие поведенческие установки: *"…it is probably better not to sin at all, but if some kind of sin you must be pursuing, well, remember to do it*

by doing rather than by not doing" (Nash AP2, 404); *"Save yourself; others you cannot save"* (Rich NA, 1320); *"Put all your eggs in one basket and watch that basket"* (Sandburg CP/S, 476); *"Brother, make the story short, for the stretch of a thousand years is short"* (Sandburg CP/S, 81); *"Better leave the child's nose dirty than wring it off"* (Sandburg CP/S, 472); *"Stand like a good mule and you are soon harnessed"* (Sandburg CP/S, 585); *"...de motriris nihil nisi" (Of the dead say nothing but good)* (Beckett NA, 724); *"Erit, nullum tamen excute" (Even if there is no dust, brush it off)* (Pound NA, 401); *"Carpe diem"* (Frost Ant/RF, 278).

Отдельно выделяем подгруппу паремийных единиц, содержащих указания касательно человеческих взаимоотношений: *"Never mind the cruel words"* (Ransom NA, 477); *"Divide and rule"* (Warren NA, 696); *"Tell no man anything for no man listens, yet hold your lips ready to speak"* (Sandburg CP/S, 76); *"Love your neighbour as yourself but don't take down your fence"* (Sandburg CP/S, 504); *"Speak softly and carry a big stick"* (Sandburg CP/S, 330); *"Hold your tongue one second and a bundle of trouble is held off"* (Sandburg CP/S, 585).

Паремии, формирующие следующую подгруппу, ориентированы на представителей мужского пола, поскольку содержат рекомендации относительно взаимоотношений с женщинами: *"Handle with care women and glass"* (Sandburg CP/S, 475); *"A woman and a melon are not to be known by their outsides"* (Sandburg CP/S, 502); *"Take a good look at the mother before getting up with her daughter"* (Sandburg CP/S, 503); *"Keep your eyes open before marriage, half-shut afterwards"* (Sandburg CP/S, 503).

Непрямые директивные паремии делятся по критерию выражения семантической структурой высказывания намерения говорящего на прагматически эксплицитные и имплицитные [14: 72-73]. В непрямых эксплицитных директивных паремиях побуждение к действию выражается при помощи модальных глаголов с соответствующим значением. Здесь также различаем несколько подгрупп в зависимости от фрагмента окружающей действительности, к которому относится установка.

Первую подгруппу формируют паремии, касающиеся поведения человека вообще: *"In order to possess what you do not possess you must go by the way of dispossession"* (Eliot Сб/Э, 64); *"Liars should have good memories"* (Sandburg CP/S, 585);*"If a man have not order within him, he cannot spread order about him"* (Pound AP1, 555); *"Let each man hope and believe what he can"* (Niedecker AP2, 440); *"Let every man be his own Jesus, that's enough"* (Sandburg CP/S, 274); *"He who would make a door of gold must knock a nail in every day"* (Sandburg CP/S, 249).

Паремии, принадлежащие к следующей подгруппе, объединяет тема человеческих взаимоотношений: *"We must love one another or die"* (Shapiro NA, 862); *"If the world is unjust to you, you must take care not to be unjust to the world"* (Howard NA, 1354); *"You can fool all the people part of the time and part of the people all the time, but you can't fool all of the people all of the time"* (Sandburg CP/S, 472); *"The nearest friend can go with anyone to death"* (Frost Ant/RF, 29).

Кроме вышеупомянутых паремий, в американских поэтических текстах также выделяем **экспрессивы**. Их функция состоит в том, чтобы дать оценку каким-либо фактам реального или вымышленного мира при помощи как прямых, так и непрямых способов ее объективации. Непрямые способы реализации оценочной информации, содержащиеся в семантике паремийных единиц, выступают наиболее действенным способом достижения запрограммированного прагматического эффекта [32: 4]. В большинстве паремий-экспрессивов оценочный компонент выступает как обязательный [18: 19], выраженный эксплицитно при помощи номинативных единиц, наиболее ярко отображающих оценку, – прилагательных и существительных. К этой группе мы относим и те высказывания, в которых роль оценочных маркеров выполняют другие части речи.

В зависимости от того, какую оценочную информацию несут паремии и каким способом она выражена, все экспрессивы делим на несколько подгрупп. Первую группу формируют высказывания с позитивной оценкой реалий окружающего мира: *"Poetry is the supreme fiction"* (Stevens NA, 290); *"An old friend is better than two new ones"* (Sandburg CP/S, 511); *"A new reality is better than a new movie"* (Baraka NA, 1447); *"Love makes one generous"* (Merrill HB, 192); *"Nothing is better than life"* (Auden Сб/O, 180); *"When one is frank, one's very presence is a compliment"* (Moore AP1, 690); *"Good fences make good neighbours"* (Frost Ant/RF, 94); *"What did the old philosopher say? 'The deadest deaths are the best' "* (Sandburg CP/S, 411); *"There are two good men, say the Chinese, one dead, the other not born yet."* (Sandburg CP/S, 512); *"Better born lucky than rich"* (Sandburg CP/S, 515).

Паремии, составляющие следующую подгруппу, негативно оценивают фрагменты окружающей действительности: *"Words cannot be wholly transparent. And that is the heartlessness of words"* (Oppen AP2, 608); *"Dark is the past"* (MacLeish NA, 531); *"Small talk comes from small bones"* (Pound AP1, 531); *"...and the desperate proverb: 'nothing is so dead as yesterday's newspaper'"* (Sandburg CP/S, 681); *"God's ways are dark and very seldom pleasant"* (Lowell HB, 105); *"Revenge takes time and is a lot of bother"* (Sandburg CP/S, 330); *"Freedom is baffling: men having it often know not they have it till they no longer have it"* (Sandburg CP/S, 330); *"Too long a sacrifice can make a stone of the heart"* (Yeats NA, 157); *"Man is all animal"* (Duncan NA, 998); *"To work hard, to live hard, to die hard, and then to go to hell after all would be too damned hard"* (Sandburg CP/S, 11); *"Empty pockets make empty heads"* (Williams NA, 323); *"Money breaks men and ruins women"* (Sandburg CP/S, 543); *"Deaths are traumatic. Few remember them"* (Merrill HB, 207); *"Life is too long for a woman made foolish by passion"* (Rexroth AP2, 531); *"The combinations of the world are unstable by nature"* (Rexroth AP2, 524); *"Evil is unspectacular and always human"* (Auden Сб/O, 224); *"One is alone and he dies more alone"* (Frost Ant/RF, 29); *"Nothing is harder to keep up like a bad reputation"* (Howard NA, 1353); *"Nobody ever lives well enough alone"* (Fearing AP2, 363); *"For those that never know the light, the darkness is a*

sullen thing" (Robinson AP2, 463); *"...hurt or scorned people are places where real enemies hide"* (Stafford NA, 896).

Анализ паремий всех групп позволяет сделать выводы относительно особенностей отображения той или иной составляющей определенного концепта как элемента паремийного пространства американской поэзии XX столетия. Среди составляющих концепта ЧЕЛОВЕК наиболее широко представлены характеристика индивида, его поведение и взаимоотношения с другими. В сфере поведенческих особенностей человека особенно подчеркивается его подход к жизни, основанный на активной позиции вместо пассивного наблюдения. Во взаимоотношениях с другими людьми доминируют нейтралитет, индивидуализм, невмешательство в личную жизнь и даже отношение к ним как к соперникам. Сам человек при этом характеризуется как позитивно (активный член социума), так и негативно (индивидуалист).

Наиболее значимыми составляющими концептов СЧАСТЬЕ и ЗНАНИЕ оказались удовлетворение, познание, мудрость, которые в паремиях оцениваются позитивно. Довольно неоднозначно определена СВОБОДА, к которой человек стремится всю жизнь, а получив ее – не знает, как правильно ею распорядиться. Составляющими концепта ЛЮБОВЬ являются взаимоотношения мужчины и женщины, а также любовь в глобальном понимании. При этом, возникающее между людьми чувство оценивается неоднозначно, поскольку имеет как позитивные, так и негативнее стороны. Поведенческие установки главным образом направлены на мужчин и культивируют осторожность и внимательность во взаимоотношениях. Значимым элементом паремийного пространства выступает концепт ИСКУССТВО, а его составляющие – поэзия, поэт, литература – оцениваются позитивно.

Составляющими концепта БЫТИЕ являются собственно жизнь человека и его судьба, фигурирующая как что-то неизвестное, пугающее и имеющая негативную оценку. Вселенная осмысливается в паремиях как нечто нестабильное, а потому – негативное. Неоднозначно трактуется в паремиях ВРЕМЯ и его составляющие – течение времени, прошлое и будущее. Две последние ипостаси оцениваются преимущественно негативно, что может быть объяснено тем, что одной из наиболее важных ценностей для американской нации является практичность, которая реализуется в стремлении жить сегодняшним днем, “ловить момент”.

Такое концептуальное наполнение паремийного пространства американской поэзии XX столетия коррелирует с исследованиями американской культуры. Так, одной из наиболее ярких черт американской нации называют склонность к саморефлексии и поиск своего места в мире. Способом, который обеспечивает человеку успех в практической деятельности, является достижение морального совершенства как по отношению к самому себе, так и во взаимоотношениях с другими [31: 242; 48: 70-75]. Такая характеристика подтверждается наличием в американских поэтических текстах

большого количества паремий, сфокусированных именно на человеке, его внутреннем мире и взаимоотношениях с другими.

Литература

1. Абрамова Ю. В. Регулятивний потенціал британських прислів'їв як засобів вербалізації концептів ЧОЛОВІК та ЖІНКА: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. – Харків, 2006. – 211 с.

2. Ажнюк Б. М. Англійська фразеологія у культурно-етнічному висвітленні. – К.: Наукова думка, 1989. – 136 с.

3. Ахундова Э. Агарагим кызы. Синтаксические особенности английских пословиц: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – Баку, 1986. – 197 с.

4. Бабаева Е. В. Отражение ценностей культуры в языке // Язык, коммуникация и социальная середа. – 2003. – Вып. 2. – Режим доступа: http://www.tpl1999.narod.ru/WEBLSE2002/BABAEVALSE2002.htm.

5. Барли Н. Структурный подход к пословице и сказке // Паремиологические исследования. – М.: Наука, 1984. – С. 132-148.

6. Басова Л. В. Концепт ТРУД в русском языке (на материале пословиц и поговорок): автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 "Русский язык". – Тюмень, 2004. – 19 с.

7. Бацевич Ф. С. Категорії комунікативної лінгвістики: спроба визначення // Мовознавство. – 2003. – № 6. – С. 25-32.

8. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики. – К.: Академія, 2004. – 344 с.

9. Бахтін М. М. Висловлювання як одиниця мовленнєвого спілкування; пер. з рос. М. Зубрицької // Слово. Знак. Дискурс: Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. – Львів: Літопис, 2002. – С. 406-416.

10. Бунеева Н. Л. Прагматические аспекты пословиц английского языка: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 "Германские языки". – М., 2002. – 24 с.

11. Вендлер З. Иллокутивное самоубивство // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 238–250.

12. Волкова Е. В. Пространство символа и символ пространства в работах Ю.М.Лотмана // Вопросы философии. – 2002. – № 11. – С. 149–165.

13. Воробьева О. П. Семантическое пространство художественного текста: интерпретация мира или мир интерпретаций? // Категоризация мира: пространство и время: Науч. конф. под ред. проф. Е. С. Кубряковой и проф. О. В. Александровой. – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 1997. – С. 39–40.

14. Гладуш Н. Ф. Прагматичні аспекти висловлення і дискурсу. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2005. – 199 с.

15. Голубовська І. О. Національно-мовна картина світу в її лексичній іпостасі // Мовні і концептуальні картини світу. – К.: „Прайм-М", 2002. – № 6. –

С. 92–98.

16. Демьянков В. З. "Теория речевых актов" в контексте современной зарубежной лингвистической литературы (Обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория течевых актов. – С. 223-324.

17. Добровольська Н. О., Мироненко Г. І. Афоризм як форма розвитку самопізнання особистості // Вісник Запорізького держ. ін-ту. – 2002. – Вип. 9. – С. 100-102.

18. Емельянова Л. Л., Коляда В. П. Оценочный компонент значения в семантической структуре слова // Вісник Харківського національного університету. Серія Романо-германська філологія. – 2005. – № 667. – С. 18-21.

19. Еремеева Н. Ф. Концептуальное пространство английской народной сказки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Черкассы, 1997. – 193 с.

20. Жаботинская С. А. Когнитивная лингвистика: принципы концептуального моделирования // Лінгвістичні студії. – 1997. – Вип. 2. – С. 3-11.

21. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

22. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: ИТГДК "Гнозис", 2002. – 284 с.

23. Кубрякова Е. С. Категоризация мира: пространство и время (вступительное слово) // Категоризация мира: пространство и время: Науч. конф. под ред. проф. Е. С. Кубряковой и проф. О. В. Александровой. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – С. 3–14.

24. Лейчик В. М. Отношения между культурой и языком: общие функции // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 2. – С. 17-29.

25. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры – СПб: "Искусство-СПБ", 2002. – 768 с.

26. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб: "Искусство-СПБ", 2000. – 704 с.

27. Манякина Т. И. Прием двойного смысла в афоризмах (на материале немецкого языка) // Вісник Харківського державного університету. – 1997. – № 390. – С. 93-94.

28. Манякина Т.И. Языково-стилистическая характеристика жанра афоризмов: дис. ... канд.филол. наук: 10.02.04. – Днепропетровск, 1980. – 230 с.

29. Марчук Ю. В. Прецедентні феномени у національній концептосфері мовного соціуму // Проблеми семантики слова, речення та тексту. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2006. – Вип. 17. – С. 93-100.

30. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

31. Мельвиль П., Языков М. Н. Концепция американской исключительности. Идеология, политика, культура // Проблемы американистики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. – С. 242-289.

32. Мерзлікіна О. В. Емоційність та оцінність як прагматичний

компонент семантичної структури прислів’я // Проблеми семантики слова, речення та тексту. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2001. – Вип. 6. – С. 146-149.

33. Никитина И. П. Пространство мира и пространство искусства. – М.: Российский гос. гуманит. ун-т, 2001. – 209 с.

34. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Наука, 1985. – 271 с.

35. Петров В. М. Количественные методы в искусствознании. Пространство и время художественного мира. – М.: Смысл, 2000. – 204 с.

36. Пирогов В. Л. Структура і семантика паремійних одиниць японської, англійської, української і російської мов: типологічний та лінгвокультурний аспекти: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. – К., 2003. – 226 с.

37. Почепцов Г. Г. (мл.) Коммуникативные аспекты семантики. – К.: Выща школа, 1987. – 130 с.

38. Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики. – Запоріжжя : Прем’єр, 2008. – 332 с.

39. Прутчикова В. В. Семантико-функціональні особливості німецьких висловлень-прислів’їв: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. филол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови". – Харків, 2003. – 18 с.

40. Савенкова Л. Б. Мысли о русских паремиях // Мысли о русских паремиях. Сборник материалов. – Режим доступа: http://www.nicomant.fils.us.edu.pl/mnt/1999-1/paremija/html.

41. Сапогова Е. Е. Psychocadabra: субъективная "картина мира" как гипертекст // Известия ТулГУ. – Серия Психология. – Вып. 4. – Тула: ТулГУ, 2004. – С. 163-179.

42. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевих актов. – С. 70-194.

43. Серль Дж. Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 18: Логический анализ естественного языка. – С. 151-169.

44. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

45. Урысон Е. В. Языковая картина мира VS обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3-21.

46. Швачко С. О., Кобякова І. К. Структурно-семантичні особливості нетипових текстів малого жанру // Вісник Київського лінгвістичного ун-ту. Серія Філологія. – 2002. – Т. 5, № 1. – С. 13-17.

47. Шевченко І. С. Дискурс і когнітивно-комунікативна парадигма лінгвістики // Мова. Людина. Світ: До 70-річчя професора М. Кочергана. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2006. – С. 148-156.

48. Zatsepina O. S., Rodrigues J. American values through Russian eyes // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2000. – №2. – С. 70–81.

Иллюстративная литература

49. **Сб/О** – Уистен Хью Оден. Собрание Стихотворений. Составление, перевод, предисловие и комментарии В.Топорова. – СПб: Издательская группа "Евразия", (Ultima Thule). – 496 с.

50. **Сб/Э** – Элиот Т.С. Избранная поэзия. Поэмы, лирика, драматическая поэзия / Пер. с англ. Состав., вступ ст. Л.Аринштейн. – СПб.: Северо-Запад, 1994. – 446 с.

51. **AP1** – American Poetry: The Twentieth Century. – The Library of America, 1999. – Vol. 1. – 825 p.

52. **AP2** –American Poetry: The Twentieth Century. – The Library of America, 1999. – Vol. 2. – 839 p.

53. **Ant/RF** – New Enlarged Anthology of Robert Frost's Poems. – Washington Square Press, 1971. – 280 p.

54. **BAP**– The Best American Poetry. – Scribner Poetry, 1993. – 234 p.

55. **HB** – The Harvard Book of American Poetry. – The Belknap Press of Harvard University Press. – Cambridge, Massachusetts, 2001. – 440 p.

56. **NA** – The Norton Anthology of Modern Poetry. – N.Y., L.: W.W. Norton & Company, 1988. – 1869 p.

57. **CP/S** – Sandburg C. The Complete Poems. – San-Diego, N. Y., L.: Harcourt Brace Jovanovich Pbl. – 797 p.

3.3. СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО АМЕРИКАНСКИХ ГОТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

С. Г. Шурма

Термин "символ" происходит от греческого δύμβολον – знак, отметка [69: 154] или опознавательный признак, составленный из двух половинок монеты или медали, связанный с δυμβάλλω – бросать нечто, делать нечто соответствующим чему-то [58: 130; 65: 115].

Традиционно символы в художественных произведениях были предметом исследования эстетики и литературоведения [7; 60], философии [17; 24; 49] и культурологии [13; 18; 38; 72]. Понятие символа рассматривалось с позиций литературоведческой поэтики [36: 259-267], семиотики художественного текста [25: 124-147; 58: 91-141; 45], лингвопоэтики [11: 261-297; 22: 42-45; 29: 184-51; 30: 33-43] и когнитивной поэтики [57; 61: 59-60; 62: 40]. Символизация же определяется как процесс, выступающий ключом к созданию художественного текста, ведь этот процесс – мощное средство смыслопородження.

Мы различаем два подхода к символу: лингвосемиотический [51:58; 52: 7-8], согласно которому на первый план выходит знаковая природа символа, и

лингвопоэтологический [6: 9-10; 20: 41-43; 31; 43], в рамках которого исследуется словесное выражение символа и его роль в художественном тексте.

Если рассматривать роль символа в художественном произведении, то он выступает как обобщение опыта автора [17: 95]. Однако прочтение символа как такового зависит от внутреннего опыта читателя или интерпретатора [31: 18]. Следовательно, символ может рассматриваться как гносеологическая и эстетическая категория [43: 53]. Символ является также и когнитивной категорией, если его толковать как способ переназывания [66:125], а символика художественного текста обычно обусловлена спецификой его образности.

В художественных произведениях символы играют важную роль в текстопорождении [43: 46-47], что дает основания для дифференциации двух типов символов: 1) как когнитивной и культурной категории [61: 53], существующей в тексте и из которой может разворачиваться текст [5: 6; 25: 145; 46: 63], и 2) символ, существующий только в пределах текста и понимаемый как таковой только в определенном художественном контексте [6: 88; 58: 56].

Глобальный символ как текстопорождающий элемент

Символ как дотекстовую категорию мы рассматриваем как глобальный символ, существующий в культуре определенного социума, а в тексте характеризующийся тем, что подчиняет себе сюжет и структуру произведения [67: 243]. Под глобальным символом мы понимаем определенное семиотическое образование, языковой знак, в котором существует эпифаническая, т.е. целостная и неразрывная, дающая прозрение, связь между эмпирическим и духовным. В таком символе одна реальность передается через другую [47: 63] для раскрытия понятий и / или идей, выходящих за рамки рационального восприятия, например, любовь, вера. Иными словами, это семиотическое выражение несемиотической сущности [25: 146]. В символе абстрактная идея закодирована в определенное содержание [39: 47], в то время как конкретная вещь или феномен кодируется абстрактной идеей для того, чтобы показать идеальную природу символа [53: 131]. Так, например, "море" как символ включает в себя абстрактное значение "вечности", но и идея вечности в символе передана в образе извечно волнующегося моря.

Согласно идее Ю. М. Лотмана, символ в исторической и текстовой перспективах обладает собственной культурной памятью [25: 123]. Таким образом, с одной стороны, в диахронии символ реализуется в своем инвариантном смысле, ведь он накапливает память прошлых эпох. С другой стороны, в синхронии он трансформируется под влиянием современной ему культурной среды [там же]. Такие символы являются архаичными [25: 124; 69: 155], их культурная память выходит из памяти рода, с тех времен, когда доминировала мифологическая концептуализация мира [18: 275; 53: 134]. Глобальные символы в тексте не создаются писателем, а скорее выбираются

ним, сознательно или подсознательно, из культурного материала, имеющегося в тезаурусе автора, в его / ее концептуальной картине мира. Соответственно, один и тот же глобальный символ может разворачиваться в разные сюжеты, и этот процесс непредсказуем, поскольку глобальный символ имеет более древнюю память, чем память о тексте, в котором он воплощается [25: 147]. Глобальный символ может трансформировать часть памяти, которую он переносит в текст, где снова реализуется. Подобный путь от символа к тексту [там же, 145] прослеживается, например, в рассказе Э. По "Ligeia", где актуализуется глобальный символ *Червь Победитель-the Conqueror Worm*. Этот символ вначале упоминается в стихотворении, которое Лигея прошептала своему любимому на смертном одре: "*That the play is the tragedy," Man, "/ And its hero the Conqueror Worm*" (Ligeia, 97), и в вопросе, возникающем впоследствии: "*Shall this Conqueror be not once conquered*?" (Ligeia, 97). Соответственно, весь сюжет рассказа структурирован как борьба воли человека против "мрачного привидения" смерти (*the grim phantasm*) (Ligeia, 97).

Символ *Червь Победитель* не был изобретен Е. По. В средневековых писаниях (см., например, памятник переводной староукраинской литературы "Физиолог" [63: 89]) библейский символ Змей-искуситель – зло, ведущее к смерти как следствию греха, – раскрывал мотив борьбы между добром и злом. Преобразование этого глобального символа под влиянием культур (*змей Горыныч* в русских сказках, *драконы* в северных сагах) и литературных течений (средневековое искусство, эпоха романтизма, постмодернизм) не изменили его основного значения – смерти и зла.

Глобальный символ в тексте может реализовываться как упоминание (*Червь Победитель* в рассказе "Ligeia" Э. По) или как компонент сюжета, например, *тень* в рассказе "Shadow – A Parable", или как часть тропа, главным образом связанного с образом, который становится ключом к основной идее текста, как, например, в рассказе "Morella": "*I found food for consuming thought and horror – for a worm that would not die*" (Morella , 74), где глобальный символ указывает на основную идею произведения: смерть невозможно преодолеть.

Спектр значений глобального символа неисчерпаем [25: 125]. Так, глобальный символ *пропасть-abyss* в рассказе Е. По "MS Found in the Bottle" – истории судна, плывущего сквозь бурю без всякой возможности вернуться домой или пришвартоваться, – может интерпретироваться как гибель, как вечность, пустота, смерть, иной мир и т п. С точки зрения Н. Д. Арутюновой, символ не имеет адресата [6: 85], поскольку он рассчитан на понимание символа каждым и никем. Но в художественном произведении автор адресует выбранный им один (или несколько) из аспектов символа "образцовому читателю" [10: 27; 59: ii], направленность на которого также определена способностью символа освещать сокровенные мысли автора на фоне всей системы культурно значимых ассоциаций [37: 57; 69: 154]. Например, символ *Червь* (*Змей*) требует от автора использования соответствующих аллюзий, библейских или философских, в текстах определенного жанра – готические

романы, сказки, баллады и т.д., предполагающих некоторую вариативность. Так, вариантом символа *Червь* является *разрушитель-destroyer* со значением смерти, упадка и времени, который распространен, например, в рассказе Э. По "The Fall of the House of Usher". Это история близнецов, последних потомков древнего рода, с чьей смертью падет разрушенный дом Ашеров. В произведении символ *разрушитель* обусловлен определенным количеством библейских аллюзий – ангелы, душа и т.д. (FHU, 115); культурных аллюзий – вальс фон Вебера, который играет Ашер (FHU, 114), списком книг, которые читает Р. Ашер (FHU, 118), и которые, в свою очередь, отсылают читателя к средневековой эпохе и Ренессансу, когда *разрушитель* ассоциировался с иным миром. Книга "Безумный Трист" ("Mad Trist) сэра Ланселота Канинга, упомянутая в рассказе, хотя и рассматривается исследователями Э. По [34: 390] как написанное непосредственно самим автором, стилизовано под "Тристана и Изольду" и другие средневековые произведения, требует опоры на определенную культурную память.

В значительной степени культурно универсальные глобальные символы могут рассматриваться как эстетические категории, которые реализуются через категории знака и образа [69: 154]. Предметный образ и определенная идея, закодированные в них, становятся "двумя полюсами" символа [там же]. Например, образ пропасти в рассказе "MS Found in the Bottle" заступает несколько идей (гибель корабля, другое измерение, смерть и пр.), которые составляют целостный символ *пропасть-abyss*.

Глобальный символ в мировой культуре отмечается стабильностью; есть множество универсальных символов, известных мировой культуре, например, голуби как символ мира, надежды, крест как символ христианства, веры, жизненного бремени и т.п. Символы, существующие в культуре, формируют своеобразное поле, которое соотносится с типовыми объектами референции (рис. 1.1), т.е. теми концептосферами, которые актуализуются при преломлении символов в текстах различных авторов. Такая референции является косвенной и обусловлена взаимодействием символов в определенном текстовом символическом пространстве, которое служит посредником между символами и их референтами.

Поэтому по логике символических связей, символы, которые существуют в культуре того или иного народа (обозначенные на рисунке как S_1 ... S_n), реализуясь в художественных текстах, образуют две виртуальные плоскости – горизонтальную (текстовую или межтекстовую) как аналог символического пространства-модератора, где срабатывают интертекстуальные связи, и вертикальную, в измерении которой символы коррелируют со своими референтами через посредничество символического пространства, которое формируется в тексте или совокупности текстов. Иными словами, по мнению Т. Дикона (которое мы тоже разделяем) текстовая плоскость является аналогом общекультурной, а поле референции объектов (O_1 ... O_n), таким образом, моделируются в соответствии со значениями, приобретаемыми символами в

художественных произведениях. На рисунке представлена простая символическая референции (S_n => O_n), когда символ реализуется в тексте только в своем доминантном значении, например, символ *Червь* как олицетворение СМЕРТИ.

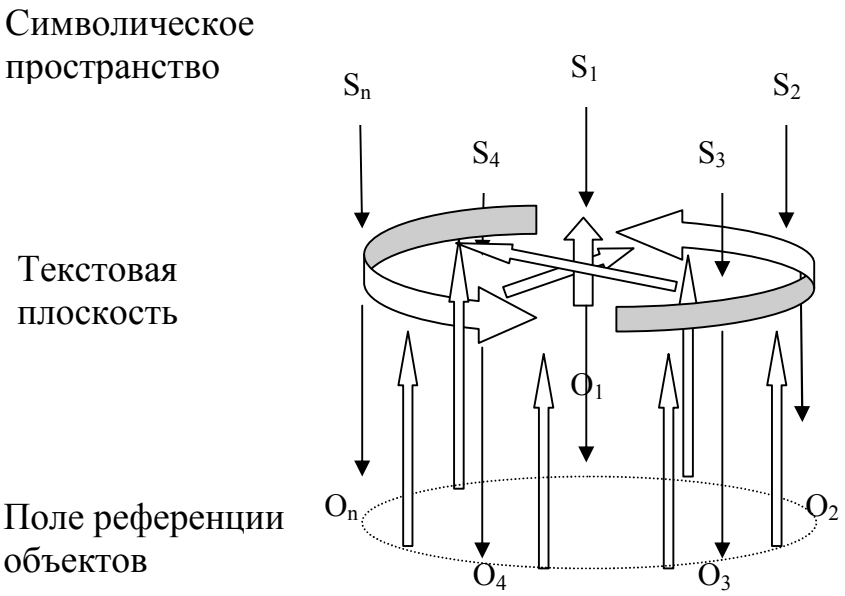

Рис. 1.1. Логика символических связей, смоделированная по Т. Дикону [57, с. 35]

Направленность связи "референт - символ" может быть восходящей, от объекта референции к тексту, когда сам референт предопределяет моделирование текстового пространства, и нисходящей, когда текст влияет на ассоциативную связь символа с одним или несколькими референтами. Восходящее направление референции свойственно глобальным символам, ведь такие символы мотивированы различными видами ассоциаций [32: 10; 54: 53; 67: 233], а не контекстом. Например, приведенный выше глобальный символ *Червь Победитель* в рассказе "Ligeia" (Ligeia, 97) не мотивируется контекстом: трудно понять, почему именно этот символ, а не другой ассоциируется со смертью. Более того, произведение приобретает значение, соотносимое с этим символом, а, следовательно, символ моделирует текстовое пространство.

Помимо глобальных символов в текстах готических рассказов существует иной тип символов, текстовый, которому свойственно нисходящее направление референции, когда текст влияет на ассоциативную связь символа со своим референтом, а не наоборот.

Текстовый символ как разновидность тропа

Основная разница между глобальным и текстовым символами – это характер их реализации в тексте. Если глобальный символ существует до текста

и разворачивается в текст, текстовый символ [ср.: 54: 50] – это, собственно говоря, текстовая принадлежность, разновидность тропа, двусторонняя сущность, объединяющая концептуальный и вербальный аспекты знака. Мы рассматриваем текстовый символ как контекстно-зависимый, опираясь на предположение У. Эко о том, что литературное произведение является источником символов [58: 56]. Нередко именно писатели создают собственные символы, которые получают свой статус только в пределах определенного контекста. Значение текстовых символов может быть выведено из микро- или макроконтекста, где вторичное значение соответствующего слова выдвигается на первый план, в то время как первичное значение затемняется [53: 132].

Текстовые символы указывают на схожесть между понятием и его системой ассоциаций и определенными особенностями предмета или объекта, накапливающего такие ассоциации. Так, например, во фрагменте повествования "Ligeia" "*I have felt it* [*the expression of Ligeia's eyes*. – С. Ш.] *in the ocean*" (Ligeia, 93) океан выступает текстовым символом, с одной стороны, как деталь, вплетенная в канву произведения вместе с другими художественными деталями, такими как Метеор, виноградная лоза и т.п., а с другой стороны как знак, указывающий на нечто большее, чем водное пространство. Некая деталь текста может символизироваться в макроконтексте, в пределах последовательности других текстовых символов, как, например, в рассказе "Ligeia", где символ океана реализуется среди таких символов, как *метеор-meteor* (*I have felt it <...> in the falling of a meteor*), *виноградная лоза-vine* (*I recognized it, let me repeat, sometimes in the survey of a rapidly-growing vine*) и *старцев-aged people* (*I have felt it in the glances of unusually aged people*) (Ligeia, 93). Каждый из этих символов позволяет осмыслить и наполняет значениями символ *глаза-eyes* (Ligeia, 93). Стремление найти аналог выражения глаз Лигеи в разных вещах – это стремление осмыслить природу вещей, а, следовательно, референция символов уже не равна денотативному значению отдельно взятых слов.

Текстовый и глобальный символы в сравнении

Текстовый и глобальный символы различаются между собой. Глобальный символ – это культурное явление. Носитель языка знает, по крайней мере, основные значения такого символа [15: 6]. Этот тип символа может использоваться как компонент идиомы. Сравните глобальный символ *Червь / Змея* в русском, украинском и английском языках: рус. – *Ах ты змея подколодная!*; укр. – *змій-спокусник*; англ. – *To be a food for worms; tread on the worm and it will turn*. Текстовый символ появляется в результате творческого акта автора. Можно проследить интертекстуальные связи текстовых символов в произведениях одного и того же автора и разных авторов, например, текстовый символ *буря-tempest* в рассказе Э. По "MS Found in a Bottle" (MS, 59-69) и "The Fall of the House of Usher "(FHU, 120) или текстовый символ *пропасть-abyss* в

рассказах Г. Лавкрафта "Celephais " (Celephais, 24), "Beyond the Wall of Sleep" (BWS), "Crawling Chaos" (CC, 83). Но в отличие от глобальных, текстовые символы не могут играть роль "текстовых генов" [25: 123].

Глобальный символ может становиться текстовым в тех контекстах, где он не выполняет текстопорождающую роль. Так, символ *тень-shadow / shade* реализуется как глобальный символ в рассказе Е. По "Shadow – A Parable", но в рассказе "The Island of the Fay" (IF, 509) *тень* – лишь текстовый символ, очень важная деталь, которая помогает постигнуть глобальный символ *водные глубины* (*the depths of the element*), соотносящийся с основной темой рассказа – темой смерти и завершения человеческой жизни. Эта тема прослеживается в нескольких словесных образах, например, *The shade of the trees fell heavily upon the water, and seemed to bury itself therein, impregnating the depths of the element with darkness*. <...> *She* [*Fay*. - С. Ш.] *is a year nearer unto Death* <...> *the Fay now the mere ghost of her former self, went disconsolately with her boat into the region of the ebony flood, and that she issued thence I cannot say, for darkness fell over all things, and I beheld her magical figure no more*. (IF, 510-511). Такие элементы, как *shade* (*тень*), *darkness* (*темнота*), *Death* (*Смерть*), *ghost of her former self* (*призрак себя прежней*), *ebony flood* (*эбеновый поток*), соответствуют основной идее рассказа и, с одной стороны, создают макроконтекст для прочтения символа как такового, а с другой, подчиняются глобальному символу.

Текстовый символ – это средство вторичной номинации, т.е. является разновидностью словесного поэтического образа. Текстовые символы характеризуются открытостью к интерпретациям, детерминированностью контекстом и неоднозначностью [58: 161]. Такой символ имеет множество интерпретаций, но он "не может отправить толкователя к ранее закодированным культурным знаниям" [там же, 158; см. также: 4: 247-248], поскольку появляется только в пределах контекста. Например, символ *храм-temple* в рассказе Г. Лавкрафта "The Nameless City" является текстовым и появляется в рассказе как художественная деталь, строение, к которому в наркотическом сне приходит главный герой. Как известно, храмы, катакомбы, замки – один из наиболее распространенных элементов готического сюжета. Такой элемент художественного произведения прочитывается как символический лишь в пределах данного текста и воспринимается как таковой благодаря языковому окружению. Символ *храм* реализуется в пределах макроконтекста, нескольких абзацев и соотносится с такими концептосферами как: 1) ЛЮБОПЫТСТВО – актуализованная посредством глаголов *fancied*, *wondered*, метафоры *thirst for wonder* (NC, el-ref) и др. 2) НЕИЗВЕСТНО – *I was quite unbalanced with that instinct for the strange and the unknown* (NC, el-ref); и 3) СМЕРТЬ. Появление этого концепта среди объектов референции символа вызвано аллюзиями, прямыми и вымышленными: на Альхазреда, автора выдуманного Г. Лавкрафтом "Некрономикона", на Дамаския, известного своей магической практикой, и на Томаса Мура, поэта-романтика, цитату из которого приводит Г. Лавкрафт – "*the Seat of Death*" (NC, el-ref). Глобальный символ,

наоборот, благодаря аллюзиям (культурным, библейским и т.п.) и/ или некоторым темпорально-пространственным деталям отсылает читателя к предыдущим значениям символа. Так, глобальный символ *червь*, вызывающий устойчивый набор ассоциаций с темным средневековьем, катакомбами, адом, подчиняет в рассказе Э. По "Morella" выбор художественных деталей созданию стилистической тональности произведения и одновременно, благодаря подобным ассоциациям, структурирует текст: история происходит в аббатстве, дочь рассказчика крестят в подвалах-катакомбах.

Основные расхождения между глобальным и текстовым символами подытожены в табл. 1.1.

Таблица 1.1.

Глобальные и текстовые символы в сравнении

Свойства символов	**Тип символа**	
	Текстовый символ	**Глобальный символ**
Происхождение	Возникает в тексте	Существует до текста
Реализация в тексте	Составляют нижнее звено в текстовой иерархии символики	Организовывает текст в структурно-композиционном или сюжетном планах
Возможность интерпретации	Значения символа ограничены контекстом, в котором он реализуется	Значения символа определены культурой
Возраст	Интерактивный	Архаичный
Коммуникативный статус	Позволяет интерпретации в рамках заданного контекста	Позволяет интерпретации в рамках общекультурной заданности
Функция в тексте	Является тропом или художественной деталью	Выступает средством текстопорождения
Мотивация	Мотивирован контекстом	Немотивирован контекстом

Метонимическая природа сиволов

Символы, как и образы, связаны с определенными концептами, ведь они зарождаются как ментальный образ и далее движутся к высшей степени абстракции [53: 126-127]. Однако если движение концепта происходит от чувственного образа к умственному, т.е. осознанному, существующему как

данность [141: 5; 309: 91], то символ движется от замещения чувственного образа абстрактной идеей или идеями [174: 63; 53: 127; 69: 154].

Концепты как единицы сознания [44: 43] дают возможность "сохранять знания о мире" [71: 90], группируя их в таксономии, категории и классы. Символы имеют культурную память и состоят из наслоений смыслов, которые они получают, в зависимости от контекста, в котором они появляются [25: 124]. Концепт возникает как единица универсального предметного кода, который имеет чувственный характер, является тем ядром, на которое наслаиваются другие признаки [37: 77-79]. Значения символа могут выступать именно теми признаками, которые обогащают содержание концепта. Так, символ «коса» является одним из компонентов, который объективирует языковое осмысление концепта СМЕРТЬ в украинской и американской культурах. Но и символ, в свою очередь, может состоять из нескольких концептов, например, символ *крест-cross* соотносится с концептами ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, ВОСКРЕСЕНИЕ, ИСПЫТАНИЕ т.д. [70: 184-51].

И в текстовых, и в глобальных символах действует когнитивный механизм метонимического замещения одного или нескольких абстрактных понятий более конкретными [53: 129; 62: 40; 66: 125-127] на основе ассоциативности [53: 129]. Метафорический компонент [см. 54: 53; 67: 235-259] в символе слабый и либо вытесняется на второй план, либо вовсе отсутствует, так как на передний план выдвигается ЗНАК вместо ОЗНАЧАЕМОГО ДРУГОГО ЗНАКА. На когнитивном уровне в основе каждого символа лежит концептуальная метонимия – ментальная операция [8: 11, 14], посредством которой объект-посредник (коррелят) предоставляет "ментальный, когнитивный доступ" [61: 145, 148] к объекту-цели (референту) [там же, 145]. Тем не менее, символ не сводится к метонимии, где два концепта принадлежат к одной таксономии [50: 82]. В основе метонимической природы символа лежит связь по смежности между несколькими объектами или явлениями. Например, упомянутый выше символ *червь* образуется от концептуальной метонимии ЧЕРВЬ вместо СМЕРТИ / ЗЛА.

Источник порождения текстовых символов – троп или художественная деталь, которая символизируется, приобретая знаковый характер [39: 49]. Под художественной деталью мы понимаем слово или словосочетание, которое актуализирует прагматическую направленность текста и его модальность, базируясь на метонимических отношениях м выступая материальным репрезентантом фактов и процессов в художественном произведении [21: 101].

Символизируясь, художественная деталь расширяет круг своих значений, знаком для которых она выступает, а для ее интерпретации необходимым становится макроконтекст. Например, художественная деталь "*goblet*" (бокал) в рассказе Э. По "The Assignation" при символическом прочтении приобретает значение неразделенной любви и смерти, что эксплицируется в макроконтексте: "<...> *when a page of Mentoni's household burst into the room, and faltered out, in a voice choking with emotion, the incoherent words, "My mistress! –*

My mistress! – Poisoned! – Poisoned! Oh beautiful – oh beautiful Aphrodite!" Bewildered, I flew to the ottoman, and endeavoured to arouse the sleeper to a sense of the startling intelligence. But his limbs were rigid – his lips were livid – his lately beaming eyes were riveted in death. I staggered back toward the table – my hand fell upon a cracked and blackened ***goblet*** *– and a consciousness of the entire and terrible truth flashed suddenly over my soul*"(Assignation, 78). В приведенном фрагменте слово "*бокал*" реализуется одновременно в прямом и в переносном смыслах: как сосуд, из которого пьют герои рассказа, и как символ смерти и неразделенной любви, ведь яд в изысканном золоте убивает героев. Главный герой отравляет неверную возлюбленную и пьет яд из того самого бокала. После смерти любовников бокал надламывается и чернеет (*cracked and blackened*). Для интерпретации символа важными являются и другие текстовые элементы, определенные стилистические приемы и выразительные средства, благодаря которым создается ассоциативный ряд символа. Так, в приведенном выше отрывке из рассказа "The Assignation" значимыми для символической реализации художественной детали "*бокал*", в частности, являются аллитерация и ассонанс, которые косвенно связывают бокал со смертью (*poisoned, limbs, rigid, lips, livid, riveted, death, staggered, toward, table, cracked and blackened*), а также приема нарастания *rigid => livid => riveted*.

Переходя в разряд символов, метафора, кроме расширения своего смыслового поля, изменяет способ концептуализации предмета или идеи [23: 11; 41: 9]. Если метафора как словесный поэтический образ происходит из одной или нескольких концептуальных метафор, которые имеют общую сферу-цель, то текстовый символ разворачивается из концептуальной метонимии, ведь символ возникает тогда, когда определенный ментальный образ заменяет несколько концептосфер. Поэтому для того, чтобы стать источником символа словесная метафора должна содержать и метонимический компонент, который при символизации актуализируется в контексте. Например, за взятой вне контекста метафорой "*his grayer eyes are Sybils of the future*" (MS, 67) стоит концептуальная метафора ЗНАНИЯ – ЭТО ВИДЕНИЕ, которая инициирует появление аллюзии на античную слепую вещую Сивиллу [34: 379]. Но в рамках рассказа "MS Found in the Bottle" этот словесный поэтический образ приобретает символическое значение благодаря актуализации метонимичного компонента ГЛАЗА вместо СУБЪЕКТА / СУДЬБЫ. Из этого следует, что метафорический компонент словесного поэтического образа способствует прочтению метафоры как таковой, в то время как его метонимический компонент обусловливает символизацию метафоры.

Символы, как текстовые, так и глобальные, переходят из одного текста в другой, от одного автора к другому, поэтому можно говорить об их интертекстуальности и вероятной принадлежности к тому или иному жанру. Благодаря включенности в систему связей, которые устанавливаются между символическими знаками, символы образуют символическое пространство жанра, и обуславливают системность реконструкции и / или деконструкции

новых символических связей [57: 45] в пределах жанра, в частности в рамках жанра готического рассказа.

Символическое пространство американского готического рассказа

Среди всего многообразия готических произведений выделяют "готическую новеллу" [40: 17; см. также 27: 132-138] и "готический роман" [1: 5-6; 83-84; 26: 132; 64: 1]. В творчестве Э. По, А. Бирса и Г. Лавкрафта есть прозаические тексты, которые можно определить как "готические". Однако весь корпус произведений этих авторов не исчерпывается лишь новеллами, а включает рассказы и прозаические миниатюры. Вслед за В. И. Оленевой [33: 13] мы используем термин "рассказ" как родовой для обозначения этих трех разновидностей прозаических произведений малой формы, ведь разница между ними, на наш взгляд, заключается скорее в длинне повествования, чем в лексических, стилистических или иных художественных средствах и приемах.

Опираясь на работы исследователей прозаических жанров [5; 14; 40; 42; 56], к готическим рассказам относим небольшие по объему художественные тексты (до 10 000 слов), которые включают описание одного необычного эпизода или события, вызывающего или изображающего ужас индивида перед лицом смертельного страха [63, с. 3, 65; 68, с. 235], имеют краткую форму изложения, характеризуются прямолинейностью и динамизмом развития событий, композиционной и рамочной определенностью [28: 3-4], фрагментарностью сюжета, предъявлением наиболее драматической в жизни героев ситуации, присутствием героя-рассказчика [55: 98], сконденсированностью и яркостью действия, сведением к минимуму количества персонажей, лаконизмом, меткостью художественных средств и выразительностью образности и символики [там же, 13-17].

Готическим рассказам Э. По, А. Бирса и Г. Лавкрафта присущи черты, которые роднят их и служат критерием отношения к этому жанру. Сны, сверхъестественное как часть бытия, восхищение оккультными науками, дуализм, проявления магического, необъяснимого, смерть, страх, ужас [68: 43-165, 232, 264, 278, 287] – это тот набор устойчивых ассоциаций, которые рядовой читатель соотносит с готическим жанром. Ключевым концептом, который лежит в основе прототипического представления о готическом рассказе и позволяет относить тот или иной текст к этой категории [19: 29; 48: 120], является концепт СМЕРТЬ.

Анализ показал, что среди готических рассказов Э. По, А. Бирса и Г. Лавкрафта наиболее символичными являются рассказы Г. Лавкрафта (66 символов), а наименее символичными – рассказы А. Бирса (31 символ). Это отчасти обусловлено характером повествования в готических рассказах авторов. Так, большинство рассказов Г. Лавкрафта – это пересказ сновидений или легенд, что непосредственно побуждает к интерпретации того или иного произведения как символического. Рассказы А. Бирс скорее сродни пересказу

событий, а такая форма изложения не способствует символичности. Произведения же Э. По тяготеют к художественному изложению сюжета, где важна продуманность каждой детали ради эстетического совершенства рассказов. Поэтому образность и символика его готических рассказов достаточно пропорционально сбалансированы.

Анализ символики готических рассказов Э. По, А. Бирса и Г. Лавкрафта дает возможность определить, какие понятия составляют основу индивидуально-авторских картин мира, выступая одновременно и жанропорождающим фактором. Так, если Э. По сосредотачивал внимание на идее смерти, природе прекрасного и извращений человеческой души, а А. Бирс – на маргинальных состояниях перехода от жизни к смерти и страха смерти к самой смерти, то в произведениях Г. Лавкрафта красной нитью проходит идея идеального космоса будущего и разрушенного космоса прошлого, а также беззащитного человека, который тщетно стремится обрести потерянный рай.

Еще одним ключевым признаком жанра готического рассказа считается интертекстуальность [16: 186]. Так, символика готических рассказов, присущая Э. По, почти в полном объеме нашла свое отражение в текстах авторов-преемников, которые не только заимствует символику, но и изменяют ее наполнение. Среди текстовых символов, встречающиеся в произведениях всех трех авторов, обнаруживаем такие: *существа животного мира, водные резервуары, книги, сооружения, свеча, глаза, болезнь, свет, месяц, горы, ночь, проходы, люди, звуки, части пространства, звезды, камни, шторм, могила* и *ветра*. Возьмем, например, символ *болезнь*. Он встречается у Э. По, как текстовый, в рассказах "Morella" и "The Fall of the House of Usher", получая значение состояния, граничащего со смертью и раздвигающего пределы сознания. Этот же символ в творчестве А. Бирса встречается в рассказе "Beyond the Wall" и "An Inhabitant of Carcosa", однако его значение как грани между жизнью и смертью приобрело дополнительные нюансы, потому что болезнь, приведшая к смерти телесной оболочки, оставила сознание героев живым и ясным. В новеллистике Г. Лавкрафта символ *болезнь* появляется в готических рассказах "The Tomb" и "The Music of Erich Zann", слегка видоизменяясь. Так, в первом рассказе, символ – это художественная деталь, которая появляется так же, как и в рассказе "Berenice" Э. По, где говорится о мономании – одержимости человека лишь одним предметом. Герой рассказа Г. Лавкрафта одержим одной могилой. Однако если у Э. По мономания ведет к надругательству над телом любимой, то у Г. Лавкрафта болезнь расширяет границы сознания героя, и он начинает видеть и делать неслыханные вещи. Во втором рассказе Г. Лавкрафта символ *болезнь* имеет два проявления: болезненное состояние рассказчика и болезнь-дефект скрипача Э. Занна. Если в первом случае символ *болезнь* служит фоном для нагнетания мистической атмосферы повествования, то во втором случае немота становится эквивалентом любимого мотива автора – невысказанного, как, например, в рассказах "The Unnamable" и "The Statement of Randolf Carter".

Согласно модифицированной схеме Т. Дикона [57: 35] глобальные и текстовые символы американских готических рассказов образуют так называемые символическое пространство и текстовую плоскость готического рассказа как жанра (рис. 1.2).

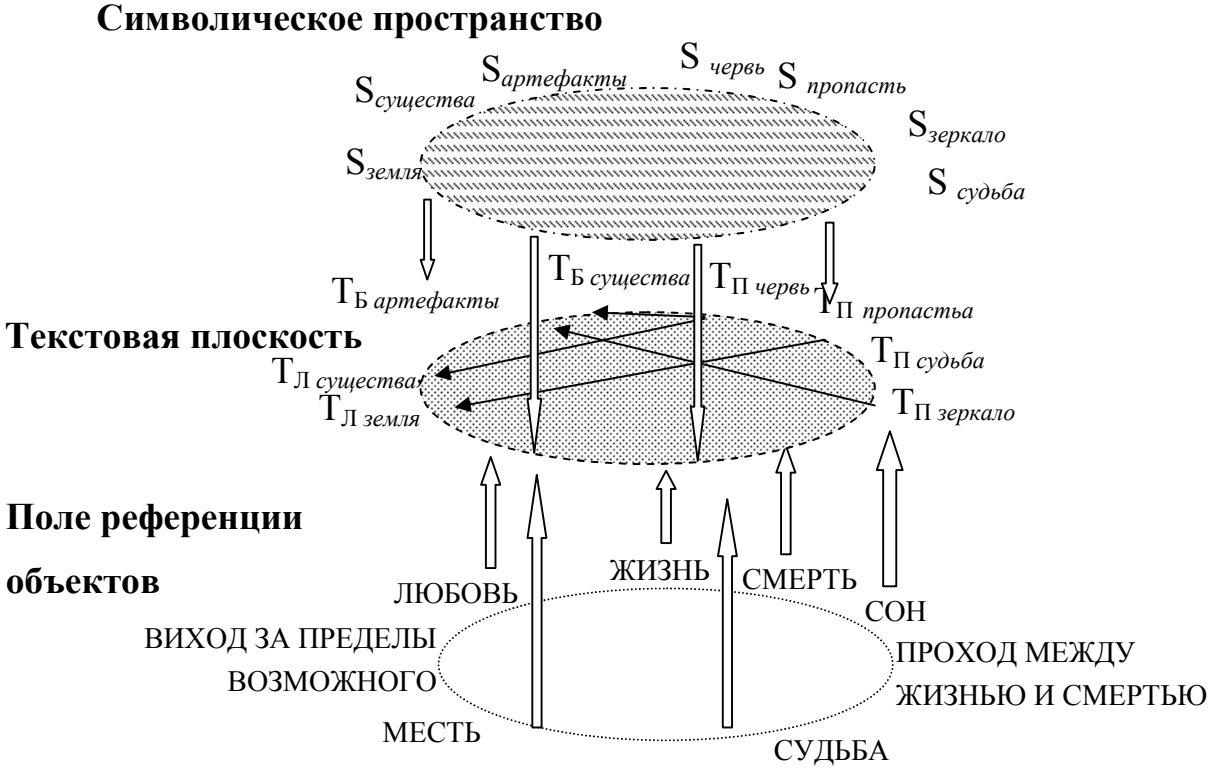

Рис. 1.2. **Художественное пространство готического рассказа в ракурсе его символики**

На схеме S – это символы или символические группы, которые существуют в общекультурном символическом пространстве. Символическое пространство (S_1 ... S_n) создается символами, существующими в культуре и, так или иначе, определяющими сюжет и композицию анализируемых произведений. Условное обозначение $Т_В$ относится к тем же символам или символическим группам, которые переломляются в текстовой плоскости и находят свое воплощение в произведениях отдельных авторов (П – По, Б – Бирс, Л – Лавкрафт). В текстовой плоскости происходит заимствование и трансформация символов. Так, например, группа символов *пропасть* Э. По преломляется в творчестве Г. Лавкрафта, образуя сопоставимую, но не тождественную, группу символов *земля*. Движение и изменение символов в текстовой плоскости направлены от предшественников к преемникам.

Поле референтов формируют, в свою очередь, те типичные понятия, которые в анализируемом корпусе материала символизируются и согласно восходящему направлению "от референта к тексту", моделируют текстовую плоскость готических рассказов, которая служит своеобразной призмой, сквозь

которую общекультурная символика преломляется, приобретая определенную жанровую специфику. В рассмотренных американских готических рассказах поле референтов очерчивают общие для Э. По, А. Бирса и Г. Лавкрафта концепты ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, ПУТЕШЕСТВИЕ К КОНЕЧНОМУ ПУНКТУ НАЗНАЧЕНИЯ, ЛЮБОВЬ, СОН, ПРОХОД МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ, СУДЬБА и МЕСТЬ. Преломление в текстовой плоскости предопределяет индивидуально-авторские вариации: например, если символика готических рассказов Э. По и А. Бирса связана с наступлением смерти в качестве конечного пункта назначения, то в рассказах Г. Лавкрафта символы раскрывают будущее и прошлое, а не настоящее. Внимание со смерти индивида смещено на смерть цивилизаций и планет (см. символы, объединенные в подкатегорию земля).

Связь интертекстуальности в анализируемых рассказах раскрывается также и как авторские трансформации референтов символов, учитывая жанровые признаки, влияющие на характер их концептуализации. Так, тема смерти по-разному концептуализируется и раскрывается в готических рассказах авторов-преемников. В центре внимания анализируемых произведений Э. По находится индивид, который противостоит смерти. Автор художественно познает ее через слабость души своих героев в болезни и в любви. Смерть нельзя преодолеть: даже воля Лигеи лишь на мгновение возвращает женщину к жизни. А. Бирс также является исследователем смерти, однако в условиях противоборства с ней. Его герои противостоят "мрачному призраку", хотя это противодействие обусловлено страхом и потому не является длительным. Фактически, его герои в смерти ищут убежища. Герои Г. Лавкрафта, наоборот, ищут забвения, поэтому у Г. Лавкрафта смерть познается через сон, который открывает путь к неизведанному.

Выводы

Художественный текст является своеобразной матрицей, в которой заложены определенные когнитивные механизмы. Рассмотрение текстовой роли символа в формировании символического пространства американского готического рассказа происходит путем установления тех когнитивных механизмов, которые обусловливают порождение и взаимодействие символов в текстах Э. По, А. Бирса и Г. Лавкрафта.

Символика жанра готического рассказа создает новую систему художественного восприятия и новое отношение к миру [1: 10] благодаря определенным когнитивным механизмам, которые способствуют созданию новых связей между таксонами, выстраивая новый смысл. Художественное воображение и индивидуальный опыт (реальный или воображаемый), который выходит за рамки привычного восприятия и понимания [68: 131], составляют то, что Э. По назвал подчиненностью одному эффекту, или, скорее, идее, например, смерть, красота и т.д. Символы в готических рассказах являются, с одной стороны, ключами к интерпретации произведений, а с другой стороны, они в своей совокупности выступают способом создания атмосферы, которая

присуща именно жанру готического рассказа.

Символизм мастеров готического рассказа Э. По, А. Бирса и Г. Лавкрафта указывает на доминанты в интерпретации художественного мира отдельным автором. Так, Э. По в центр своего внимания ставит индивида в противовес смерти и собственной природе. Борьба за жизнь в такой игре заканчивается поражением человека. А. Бирс исследует природу страха в условиях смертельной опасности. Смерть для героев его рассказов – это конечный пункт назначения. Г. Лавкрафт смещает фокус внимания с индивида на человечество в целом, а смерть для героев его рассказов не заканчивается небытием.

Литература

1. Антонов С. А. Роман Анны Радклиф "Итальянец" в контексте английской "готической" прозы последней трети XVIII века: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.05 "Литературы народов Европы, Америки и Австралии". – СПб., 2000. – 22 с.

2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: [общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской]. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.

3. Арутюнова Н. Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // Res Philologica. Филологические исследования: [под ред. Н. Д. Арутюновой]. – М., Л.: Наука, 1990. – С. 71-87.

4. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: [сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова]. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

5. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940-1960 гг. – С. 159-206.

6. Белехова Л. И. Лингвокогнитивные механизмы формирования новообразов (на материале современной американской поэзии) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія: Романо-германська філологія. – Харків: Константа, 2005. – № 649. – С. 9-12.

7. Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.

8. Болдырев Н. Н. Концептуальная метонимия на разных уровнях языка: система и реализация // Форма, значение и функции единиц языка и речи: материалы междунар. науч. конф. – Минск: Изд-во МГЛУ, 2002. – С. 11-14.

9. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.

10. Воробьёва О. П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (одноязычная и межъязыковая коммуникация): дис. … доктора филол. наук: 10.02.04. – М., 1993. – 382 с.

11. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

12. Евтушенко Е.Н. Пространственная ориентация // Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007. – С.413-424.

13. Еліаде М. Священне і мирське; Міфи, сновидіння і містерії;

Мефістофель і Андрогін; Окультизм, ворожбитство та культурні уподобання. – К.: Видавництво Соломії Павличко "Основи", 2001. – 592 с.

14. Заломкина Г. В. Поэтика пространства и времени в готическом сюжете: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.08 "Теория литературы. Текстология". – Самара, 2003. – 20 с.

15. Зіневич В. В. Типологія символізму в творах Ф. С. Фіцжеральда та Т. Осьмачки: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.01.05 "Порівняльне літературознавство" / В. В. Зіневич. – К., 2006. – 20 с.

16. Ильин И. П. Стилистика интертекстуальности: Теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики: сб. науч.-аналит. обзоров АН СССР, ИНИОН. – М.: ИНИОН, 1989. – С. 186-207.

17. Кармадонов О. А. Символ в социуме и социальном анализе: монография. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 2003. – 264 с.

18. Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. – М., СПб.: Университетская книга, 2000. – 654 с.

19. Копистянська Н. Х. Жанр, жанрова система у просторі літературознавства. – Львів: ПАІС, 2005. – 368 с.

20. Кретов П. В. До питання про типологію символів: філософські та художні символи // Знак. Символ. Образ: матеріали міжвуз. наук.-практ. семінару з проблем сучасної семіотики. – Черкаси, 2002. – Вип. 6. – С. 41-44.

21. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

22. Липгарт А. А. Основы лингвопоэтики. – М.: КомКнига, 2007. – 168 с.

23. Лисенко Н. О. Метафора і символ у поетичному ідеостилі Тодося Осьмачки: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 "Українська мова". – Харків, 2003. – 17 с.

24. Лосев А. Ф. Миф – Число – Сущность. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.

25. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

26. Малкина В. Я. Поэтика исторического романа: Проблема инварианта и типология жанра: на материале русской литературы XIX – начала XX века: дис. … канд. филол. наук: 10.01.08. – М., 2001. – 26 с.

27. Маркин А. В. Новелла Генри Джеймса "Веселый уголок": деконструкция готического сюжета // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург, 2003. – № 28. – С. 132-138.

28. Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. – М.: Наука, 1990. – 279 с.

29. Минералов Ю. И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность). – М.: ВЛАДОС, 1999. – 360 с.

30. Молчанова Г. Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 381 с.

31. Нестеров А. Ю. Прагматика категории символа в герменевтическом контексте // Литературный текст, читатель, и символ: проблема символического

моделирования эстетического объекта. – Самара, 2002.

32. Нестеров А. Ю. Проблема символа в литературном произведении: текст и читатель в акте моделирования эстетического объекта: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.08 "Теория литературы. Текстология". – Самара, 2002. – 23 с.

33. Оленева В. И. Современная американская новелла: К вопросу истории и теории жанра: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – К., 1969. – 298 с.

34. По Э. Избранное: Сборник. – М.: Радуга, 1983. – 416 с.

35. Попова З. Д. Понятие "концепт" в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1999. – 30 с.

36. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.

37. Почепцов Г. Г. Семиотика. – М.: Рефл-бук; К: Ваклер, 2002. – 432 с.

38. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2002. – 336 с.

39. Романеско Ю. М. Метафора и символ в культурном обращении // Метафизические исследования. Культура. – СПб.: СПбГУ, 1997. – Вып. 5. – С. 46-59.

40. Рудковська А. Ю. Лінгвопоетичні особливості французької готичної прози (на матеріалі творів XVIII-XIX століть): дис. … канд. філол. наук: 10.02.05. – К., 2006. – 236 с.

41. Сергеева Е. В. Метафора и метафора-символ в поэтических циклах А. А. Блока : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 "Русский язык". – Ленинград, 1990. – 15 с.

42. Скобелев В. П. Поэтика рассказа. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1982. – 157 с.

43. Солодуб Ю. П. Текстообразующая функция символа в художественном произведении // Филологические науки. – 2002. – № 2. – С. 46-55.

44. Тарасова И. А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля // Вестник Самарского государственного университета: Языкознание. – 2004. – № 1(31). – С. 163-169.

45. Тодоров Ц. Теории символа. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – 408 с.

46. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс – Культура, 1995. – 624 с.

47. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре // Язык. Семиотика. Культура. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1995. – Т. 1. – С. 63-65.

48. Тырыгина В. А. К интегративной концепции жанра // Вестник Самарского гос. ун-та: Языкознание. – Самара, 2005. – № 3. – С. 116-126.

49. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. – М.: Правда, 1990. – 840 с.

50. Чернигова Н. В. Метафора и метонимия в аспекте современной

неологии // Филологические науки. – М., 2001. – № 1. – С. 82-90.

51. Чех А. Символ и миф: к проблеме генезиса // Образ человека в картине мира: сб. ст. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 2003. – С. 58-66.

52. Шатин Ю. В. Миф и символ как семиотические категории // Язык и культура: сб.ст. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 7-10.

53. Шелестюк Е. В. О лингвистическом исследовании символов (обзор литературы) // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1997. − № 4. – С. 125-141.

54. Шелестюк Е. В. Символ versus троп: сравнительный анализ семантики // Филологические науки. – М., 2001. − № 6. − С. 50-58.

55. Юриняк А. Літературні жанри малої форми. – К.: Смолоскип, 1996. – 131 с.

56. Юрчук О. О. Новела у світлі історичної поетики: проблеми типології жанру: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. – Луцьк, 1999. – 166 с.

57. Deacon T. The aesthetic faculty // The Artful Mind: Cognitive Science and th Riddle of Huamn Creativity. – Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 2006. – P. 21-53.

58. Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. – Bloomington: Indiana University Press, 1986. – 432 p.

59. Eco U. The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts. – Bloomington: Indiana University Press, 1984. – 284 p.

60. Genette G. Figures I. – Paris: Editions du Seuil, 1966. – 267 p.

61. Kövesces Z. Metaphor: A Practical Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 287 p.

62. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago; L.: University of Chicago Press, 1980. – 354 p.

63. Lloyd-Smith A. American Gothic Fiction: An Introduction. – L., N. Y.: Continuum, 2004. – 216 p.

64. Miles R. Gothic Writing 1750-1820: A Genealogy. – Manchester: Manchester University Press, 2002. – 258 p.

65. Nöth W. Handbook of Semiotics. – Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1995. – 576 p.

66. Shelestiuk H. V. Metonymy as a tool of cognition and representation: A natural language analysis // Semiotica. Journal of the International Association for Semiotic Studies. – Berlin, N. Y.: W. de Gruyter, 2005. – V. 155-1/4. – P. 125-144.

67. Shelestiuk H. V. Semantics of symbol // Semiotica. Journal of the International Association for Semiotic Studies. – Berlin, N. Y.: W. de Gruyter, 2003. – V. 144-1/4. – P. 233-259.

68. The Handbook to Gothic Literature / [ed. by M. Mulbey-Roberts]. – N.Y.: New York University Press, 1998. – 294 p.

Список справочных источников

69. Аверинцев С. С. Софія – Логос: Словник. – К.: Дух: Літера, 1999. –

464 с.

70. Бауэр В., Дюмотц И., С. Головин. Энциклопедия символов. – Москва: Крон-Пресс, 2000.–504 с.

71. Краткий словарь когнитивных терминов / [Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996. –245 с.

72. Cirlot J. E. A Dictionary of Symbols. – L.: Routledge and Negan Paul, 1973. – 420 p.

3.4. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГЕРМАНИИ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Р.Е. Пилипенко

Понятийная история пространства и его измерений выполняет важнейшую гносеологическую функцию в широкой исторической перспективе. О существенной эволюции понятия пространства свидетельствуют ещё литературные источники античных авторов. Однако ни аристотелевский *topos*, ни платоновский *chora* не покрывают всех общепринятых значений, закреплённых, например, за «*espace*», «*espacio*», «*spazio*», «*space*», «*Raum*» и другими обозначениями пространства в современных европейских языках.

Развитие пространственных категорий продолжается и ныне. Не стало исключением их трансформация в области гуманитарных наук, выраженная в понятиях сфера мышления [18], семиотический континуум [20], пространство человеческой деятельности [16], когнитивное поле [52], социокультурное измерение [10], коммуникативное пространство [6; 8; 14; 24; 25; 27; 28; 30; 37; 39; 40]. Тем не менее, несмотря на существенные достижения в области моделирования социально ориентированных пространств, мы можем констатировать недостаточную разработку теорий и концепций институционального коммуникативного пространства (ИКП), включая его измерения в различных областях человеческой деятельности.

В данном разделе предпринята попытка осмыслить ИКП в контексте развития современной экономической культуры Германии. Ее характерным признаком является существенное увеличение корпуса языкового материала, который используется участниками экономической деятельности для удовлетворения коммуникативных потребностей. Базовое понятие исследования «коммуникативное пространство» рассматриваем как совокупность коммуникативных взаимодействий людей, объединенных общей территорией, специальными знаниями и статусно-ролевыми правилами, которые определяют их коммуникативное поведение. В качестве репрезентативного институционального измерения рассмотрим коммуникативное пространство в сфере экономической деятельности Германии и средств массовой информации, которые отражают определенную степень

вовлечённости граждан в управление немецкой экономикой. Современные тенденции развития институциональной экономической культуры ФРГ дают возможность выделить понятие «институциональное коммуникативное пространство» в качестве базовой разновидности коммуникативной среды субъектов институциональной экономической деятельности. К основным признакам ИКП относятся социально регламентированные статусно-ролевые характеристики их субъектов, как традиционные хронотопы, ритуально-символические действия, типичные деловые жанры и свойственные им стереотипы, клише [3; 5; 11; 19].

Интерес к изучению институциональных форм делового общения в Германии возник ещё в период активного экономического развития после 1871 года, а именно – после первых реформ О. фон Бисмарка. С тех пор в лингвистике было поведено множество исследований, связанных с определением социолингвальных моделей коммуникативного пространства в различных областях профессиональной деятельности человека. Об этом свидетельствуют научные работы в Германии [32; 33; 34; 38; 40; 45; 47; 50; 53], Украине [2; 12; 21; 22]; России [4; 7; 13; 17; 26]; Англии и США [36; 43; 46; 48; 49].

При изучении институционального экономического общения обнаруживается целый ряд лингвистических проблем в отношении пределов ИКП, его уровней, специфики интертекстуальных связей. Таким образом, наряду с центральной категорией исследования ИКП на первый план выходят его субъекты и объекты, типы профессионального и «популяризированного» общения, адресантно-адресатные конфигурации, деловые жанры, коммуникативные стратегии и тактики.

Исследование коммуникативного пространства Германии и его институциональной природы обусловлено необходимостью анализа еще не изученных лингвистических факторов влияния на формирование совокупного массива речевого материала в области экономического общения, современных жанровых модификаций профессиональных текстов, а также коммуникативных стратегий и тактик. Подобный анализ направлен, в первую очередь, на оптимизацию научного поиска в области современной профессиональной коммуникации, в частности – на повышение степени эффективности коммуникативных и информационных взаимодействий между субъектами ИКП.

Мы выдвигаем гипотезу становления кардинально нового типа социолингвальной среды вследствие эволюции интеллектуальной деятельности человека, отражающей изменённые коммуникативные потребности немецкого общества. Общественные преобразования новейшей эпохи отражаются и в современном языке экономики. Он становится не только инструментом развития современной европейской идентичности, но и мощным средством манипулирования в сфере институционального общения. Обретение языком для специальных целей этих социолингвальных характеристик позволяет

предположить высокую вероятность формирования в недалёком будущем принципиально иного ИКП.

Интерес гуманитарных наук к проблемам функционирования и развития профессиональной коммуникации объясняется также существенным влиянием различных видов деятельности человека на жизнь общества. Профессиональное общение является тем элементом общечеловеческой культуры, который отражает нормы коммуникативного поведения, нравственные ценности, модели интерактивного взаимодействия и т.п. Язык для специальных целей можем представить как функциональную систему, которая имеет определенное эволюционное назначение в предметной деятельности человека. Центральное место в этой системе занимают термины и стилевые признаки специальных текстов, жанровая специфика которых обусловлена рядом экстралингвистических факторов. Главный из них – сфера деятельности, в которой происходит деловое общение. Остальные факторы – типы смыслов, условия, формы изложения (устная, письменная, виртуальная) и характер коммуникации (частный или институциональный) – складываются под воздействием основных отраслей человеческой деятельности – предметно-практической и практически-теоретической (в частности, экономической).

Существенную роль в изучении функциональной природы языковых феноменов играет *деятельностный подход* [16; 41], дающий возможность исследовать основные этапы эволюции речевой коммуникации в сфере экономической деятельности и установить факторы, влияющие на формирование общих, общественнозначимых образцов коммуникативного поведения её субъектов. В рамках деятельностного подхода акцент делается на определении места профессионально и теоретически направленной речевой деятельности людей, что способствует пониманию феноменов коммуникативной среды и речевой коммуникации в системе профессионально-предметных и научных знаний человека говорящего [9; 29].

В нашем исследовании внимание сосредоточено на целостном рассмотрении коммуникативной природы предметно-практической и профессиональной деятельности людей. Это помогает раскрыть смысл делового общения в единстве культуры и мировоззрения.

Существенным аспектом функциональных исследований выступает не только изучение разнообразия речевой деятельности человека в сфере современной экономической деятельности, но и диахронический анализ языковых данных, свидетельствующих о том, как происходило усвоение важнейших понятий и базовых жанровых форм. Периодизация становления ИКП в известной степени является данью методологической традиции, которая предусматривает сочетание диахронических и синхронических методов [23].

Общественно-историческая периодизация развития речевой коммуникации в сфере экономической деятельности имеет свою исследовательскую традицию. Первостепенными задачами в диахронических исследованиях выступают:

- выявление новых отраслей коммуникации в сфере экономической деятельности, например, при исследовании языков для специальных целей в области торговли, предпринимательства, производственного программирования, консультирования, виртуального бизнеса;
- изучение путей терминологического обогащения немецкого языка в периоды интенсивных межъязыковых контактов.

Проблема исторического описания языковых феноменов в области профессионального общения усложняется из-за существенной ограниченности источников специализированного содержания, хотя немецкие документы свидетельствуют о фактах документирования деловой коммуникации в Германии начиная с X века; и связаны они с развитием активных торговых отношений между германскими народами.

В последующие периоды, вплоть до XV-XVI столетий, речевая коммуникация в сфере экономической деятельности велась преимущественно на латинском языке, а с XVII до XIX века немецкий язык не раз подвергался мощному воздействию Франции. Профессиональное исследование языка экономики в Германии начинается во второй половине XIX века с анализа иноязычной экономической терминологии и этикетных средств, которыми на то время была перегружена деловая речь. Во времена О. фон Бисмарка язык экономики существенно обогащается новой семантикой, стилистическими и риторическими средствами; возникают новые деловые жанры, в основном рекламного характера.

Первый этап активного развития немецкого языка экономики приходится на время стремительного подъема Германии – с 1871 по 1933 год. Впервые со времен объединения Германии начинается активная популяризация экономических знаний, что отразилось в немецкоязычных изданиях по вопросам проведения торговых переговоров, деловой документации, а также в средствах массовой информации экономической направленности [31; 42].

Примечательным в этом отношении стал 1913 год, когда коммерческие организации Германии выработали унифицированную систему официального делопроизводства, которая требовала от субъектов институционального экономического общения сжатого изложения и стилистической выразительности. Язык экономики этого периода существенно обогащается терминами из гуманитарных и естественнонаучных отраслей.

После Первой мировой войны в немецком языке происходят значимые семантические трансформации, связанные с увеличением количества негативно окрашенных метафор, отражающих сущность экономических процессов. Через газетные материалы в немецкий язык хлынули такие экзистенциальные концепты, как БОЛЕЗНЬ, ЭПИДЕМИЯ, СМЕРТЬ и другие.

Активные попытки экономических институций Германии восстановить международные контакты способствовали обогащению немецкого делового языка преимущественно англоязычными экономическими терминами [35; 44]. Однако, вследствие вмешательства национал-социалистической идеологии в

языковую политику, международное сотрудничество в области исследования языков для специальных целей было прервано с 1933 года вплоть до окончания Второй мировой войны.

Второй этап активного развития речевой коммуникации в сфере экономической деятельности приходится на послевоенный период.

Революционные научно-технические сдвиги способствовали существенному обогащению экономической терминосистемы. Основными аспектами этого обогащения являются:

- грамматический аспект (увеличение количества экономических номинаций и их дериватов);
- логический аспект (осложнение логических связей между различными экономическими понятиями);
- профессиональный аспект (расширение классификации экономических понятий).

Главным средством обогащения немецкой экономической терминосистемы стало на то время широкое употребление англицизмов, что вело к обогащению семантики немецкой экономической терминологии. При этом расширялись возможности словообразования, например, с помощью деривативных аффиксов и англоязычных аббревиатур.

Развитие терминологии связано с возникновением в послевоенной Германии ряда новых отраслей экономики, что обусловило заметное увеличение количества субъязыков и терминосистем.

Третий этап развития речевой коммуникации в сфере экономической деятельности отмечен активизацией языковых контактов вследствие глобализации и усвоения лингвистикой достижений различных гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

Расширение профессиональных субъязыков свидетельствует о том, что экономическая составляющая проникает и в неэкономический дискурсы. Кроме того, экономические знания стали использоваться как инструменты управления и манипулирования сознанием в общественно-политической жизни.

Эволюция лингвистических и междисциплинарных исследований в области языка экономики стимулировала изучение «экзистенциального контекста» профессиональной коммуникации [51], что получило отражение в понятиях коммуникативного пространства и его разновидностей в системе институционального общения.

ИКП представляет собой систему координат, в которой реализуется совокупность профессиональных субъязыков, в частности языки права, экономики и СМИ (Рис. 1).

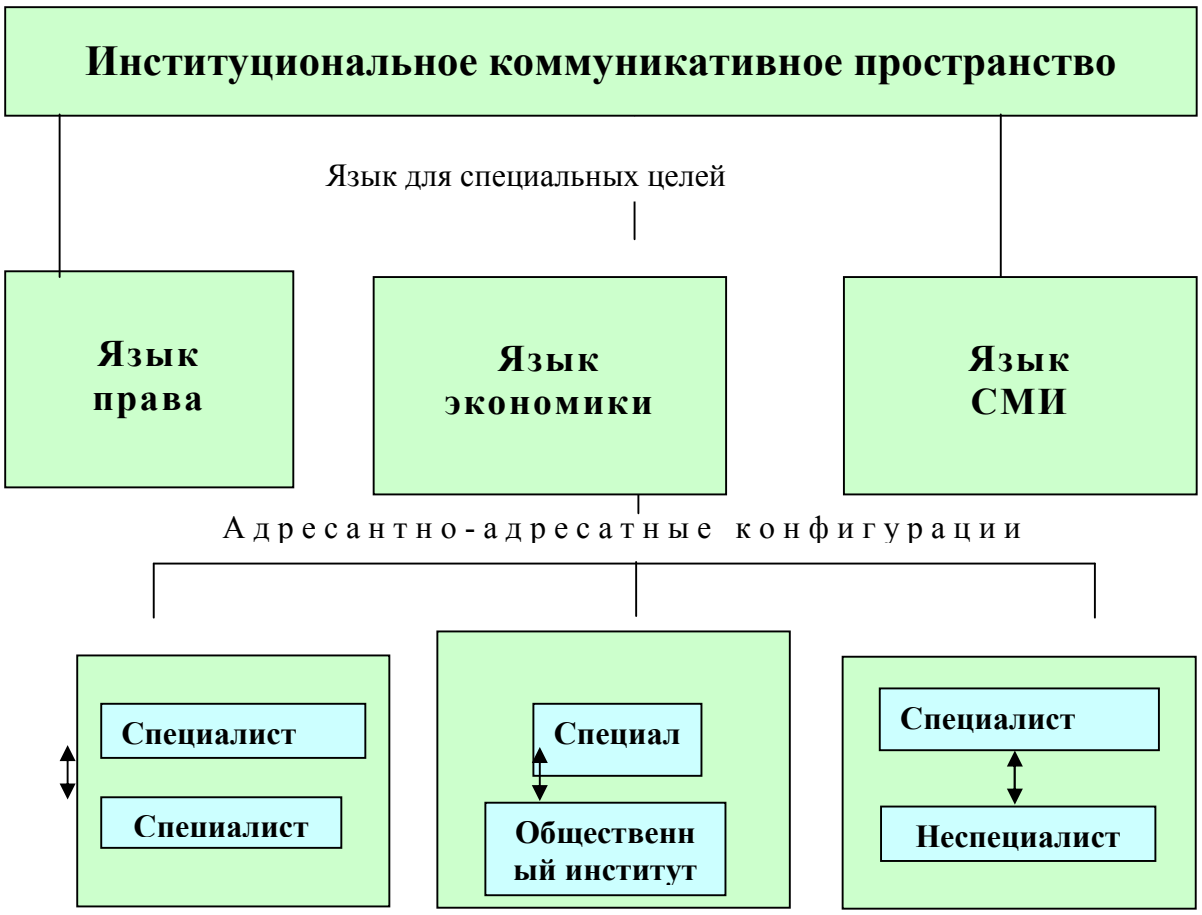

Рис 1. Типология институциональных языков в сфере профессиональной экономической деятельности

Интенсивность использования того или иного языка определена институциональными условиями общения, которые зависят от специфики адресантно-адресатной конфигурации. Точкой отсчета в этой системе координат (учитывая немецкую лингвистическую традицию в области профессионального общения) выступают в отношении центральных институциональных субъектов Германии специалисты государственных и частных экономических институций; в системе профессионально-непрофессионального общения – экономические эксперты от СМИ.

Представление о тенденциях развития современной речевой коммуникации в области экономической деятельности Германии дает концептуальный анализ языковых явлений, что, собственно, и отражает понятие «концепт». Совокупность концептов образует концептосферу дискурса, т.е. его глубинные грамматические и семантические структуры. Именно их и выражают концепты, которые тесно связаны с национально-культурным, профессиональным, эмоциональным, гендерным опытом говорящего. К языковым характеристикам основных экономических концептов ИКП можно отнести:

- взаимосвязь когнитивного и коммуникативного аспектов, в которой проявляется развертывание определенной экономической концепции или идеологии. Например, концепт НЕМЕЦКАЯ МАРКА как носитель национальной идеологии соответствует традиционному представлению немцев о стабильности;
- процессы детерминологизации;
- процессы заимствования.

Определяющими коммуникативными тенденциями в сфере экономической деятельности Германии можно считать:

1. Развитие прямого диалога между экономическими и неэкономическими институциями Германии, когда представители экономических институций активно взаимодействуют с представителями СМИ. Одновременно с этим расширяется профессиональное общение между экономическими институциями и общественными организациями в электронном виде.

Среди главных характеристик профессионального общения между экономическими институциями Германии и СМИ можно выделить ориентацию на конкретного представителя определенной институциональной структуры; максимум языковых ограничений; относительно фиксированную смену коммуникативных ролей; низкую степень контекстуальной обусловленности; ориентацию на ограниченное количество коммуникативных целей. Профессиональная коммуникация в этой среде характеризуется многократным обращением к различным ценностям. Среди них на первый план выдвигаются: экономическая стабильность, предотвращение кризиса и гарантирование прав потребителей.

ИКП Германии в сфере экономической деятельности – это комплекс социальных взаимодействий, которые актуализируют различные прагматические ситуации со значительным количеством адресатов, например, общение между учеными-экономистами и общественностью, экспертами по вопросам экономики и органами СМИ.

2. Информационно-технологический прогресс каналов коммуникации (в частности, интернета), то есть перенос значительного объема коммуникации в электронную форму виртуальных гипертекстов. Главными характеристиками электронной коммуникации являются эфемерность, многомерная пространственная (нелинейная) организация текста, спонтанность многих значений, децентрализованная структура, легкая изменяемость объемов гипертекста, гетероглоссия, диалогичность, непрерывность, интерактивный характер.

Конститутивным фактором организации ИКП является языковая личность специалиста (экономиста), который выступает представителем определенного институционально-коллективного сообщества. К главным *характеристикам вербального коммуникативного поведения* специалиста в современных экономических институциях Германии относятся:

- идентификационные и статусные формулы для акцентирования европейской идентичности экономиста;
- эпистемическая лексика, которая используется для апеллирования к неоспоримым истинам; привлекает внимание факт активного использования таких вербальных формул, с помощью которых подчёркивается статусная оценка экономиста;
- номинации субъективного мнения в форме объективного факта или истины, не требующей доказательств, а также в форме категорического суждения; к таким номинациям принадлежат этические императивы.

Форма общественной репрезентации экономиста также имеет свои особенности, определяемые высказываниями говорящих по поводу решения неотложных экономических проблем. Типичная структура этих высказываний включает такие составляющие:

- формулировка положения или проблемы;
- аналогию;
- афоризм на экономическую тематику;
- интеррогативное акцентирование масштаба определенной темы;
- масштабную экономическую оценку событий в широком темпоральном аспекте.

Языково-культурные характеристики субъектов ИКП проявляются от микро- до макроединиц языка, а именно:

- в просодической структуре слова, выражениях, синтагмах, фразах;
- в коммуникативно-прагматических особенностях речевого поведения говорящего, например, при использовании стратегий вежливости;
- в национальных реалиях профессионального характера, например, в области номинации денежных единиц или экономических явлений, свойственных определенной стране или группе стран.

Отражение языково-культурной специфики институциональных коммуникантов в сфере экономической деятельности также передаётся с помощью оценочных слов рационального и эмоционального значения, с устойчивыми выражениями или метафорами, противопоставляющими «своих – чужим», «виновных – невиновным».

Специфика языково-культурных характеристик субъектов ИКП состоит в распространении идеологических концептов, адресованных общественности. Эти концепты доминируют в призывах отечественных экономистов страны сохранить традиционные ценности.

Идеологическая интерференция связана с обогащением языка экономики лексико-семантическими номинациями или идеологически маркированными концептами. Лексико-фразеологические ресурсы при этом представлены следующим образом:

1. Интернациональная лексика, которая служит для обозначения экономических явлений или процессов. Несмотря на лингвистическую

проработанность вопроса лексической интернационализации, все еще остаются невыясненными механизмы ее прагматической реализации в новых общественных условиях [1]. Иноязычную лексику в языке экономики представляют:

- иностранные слова, которые еще не упрочились в немецкой экономической речи и воспринимаются неадекватно;
- заимствования с полным сохранением оригинального написания, которые передаются такими средствами: морфологическими *(*англ. *boom* – нем. *boomen*), то есть через превращение английского существительного в глагол путем добавления немецкого окончания *-en*; орфографическими (англ. *check* – нем. *Scheck*) и фонологическими – *banking club* [klub] вместо английского [klΛb];
- слова с неполным заимствованием внешней формы (*Investmentgesellschaft, Hedgingoperation, Billigjob, Dumpingpreise*);
- кальки: *Geldschöpfung – money creation, ökonomische Datenverarbeitung – economic data processing, Konsumgüterindustrie – consumer goods industry* или полукальки*,* как *ökonomische Übertreibung – economic overstatement*;
- метонимические выражения: *das Beste daraus machen – to make the best of.*

Процессы интернационализации профессиональной речи связаны также с факторами:

- метафоризации экономических значений;
- возникновения слов с экзистенциальной окраской (лексические новообразования);
- роста удельного веса лексики, имеющей яркий экспрессивно-оценочный характер;
- использования иноязычных устойчивых словосочетаний и пословиц как средства актуализации необходимого значения;
- персонификации экономических явлений и идей, касающихся иноязычных имен, в частности, имен собственных;
- детерминологизации – активным внедрением терминов в язык СМИ.

2. Оценочные существительные со значением предметности, глаголы, прилагательные со значением квалификации экономического состояния или сотрудничества.

Оценочные значения могут иметь имплицитный характер и указывать на:

- неопределенность субъекта или объекта коммуникативной ситуации при обсуждении проблемы с использованием элементов иронии;
- философскую абстракцию*;*
- риторическое отстранение объекта критики.

Оценочность в высказываниях субъектов ИКП Германии заключается в

характере толкования (оценки) экономических реалий. Предикаты этой системы высказываний представлены многочисленными лексико-семантическими, фразеологическими и синтаксическими средствами.

3. Экономические метафоры. Активное употребление таких метафор указывает на всплеск метафорического осмысления экономической жизни. Метафоричность – один из важных признаков профессионального общения, поскольку экономика является источником значимых представлений о мире. Метафорическая репрезентация традиционно охватывает такие экономические понятия: «Сервис», «Деньги», «Продукт», «Услуга», «Инфляция», «Цены», «Прибыль», «Имущество», «Налоги», «Банкротство» и т.д. Метафоричность в ИКП существенно влияет на интеллект, чувства и волю коммуникативных сообществ. Эффект повышенной внушаемости особенно ощутим в области маркетинговых призывов клиентов, например, при репрезентации продуктов и услуг известных фирм и организаций: «*Apple – это поистине религиозная чистота»; «IKEA – пора становиться взрослым»; «Mercedes-Benz – это уважение»; «Greenpeace – это вызов»; «Picasso – это бодрость»; «Benetton – это справедливость»; «McKinsey – это абсолютность*». Среди метафор, создаваемых для всестороннего освещения определенной коммуникативной ситуации в сфере экономической деятельности, выделяются также антропонимические и зооморфные. Эффективность метафорической репрезентации доказывает изменение ценностных ориентаций в сознании адресата.

Особое внимание при изучении ИКП Германии следует уделить коммуникативной природе *жанровой системы*, отражающей динамичные интердискурсивные взаимодействия. Среди основных форм таких взаимодействий выделяем общественные дискуссии на экономические темы (в учреждениях или вне их), пресс-конференции, посвященные решению экономических задач, а также разножанровые подвиды профессионального общения в интернете. К основным факторам влияния на развитие жанровой системы в ИКП Германии относятся:

1) междисциплинарность: в обсуждении определенного экономического события часто принимают участие представители различных дискурсов (экономист, политик, юрист, журналист, специалист по компьютерным технологиям и др.);

2) популяризация экономических знаний: коммуникативные произведения распространяются с помощью их адресатов, т.е. экономическая тема в массовой коммуникации объединяет разных адресатов, подчиняя их авторитету социальные институции.

Коммуникативно-функциональная характеристика институциональных экономических (печатных) текстов основывается на принципе отражения и выяснения степени их вовлечённости в общественную дискуссию, которая позволяет выделить как узкопрофессиональные тексты, так и тексты широкого общественного назначения.

К основным типам узкопрофессиональных экономических текстов межнациональных европейских институций ЕС относятся:

- договоры и постановления;
- протоколы экономических договоров;
- приказы, распоряжения, коммерческие документы;
- разъяснения, адресованные финансовым учреждениям или общественности.

Немецкие экономические тексты нормативного характера содержат множество концептов, выражающих философию порядка и системности с отчетливыми признаками приказа, разрешения и совета. Подобные императивы нередко заимствуются из иноязычных источников. Тексты нормативного характера выполняют функцию отражения и регулирования статуса-кво. Аффирмативний характер нормативных текстов определяет отбор грамматических средств, предназначенных для употребления регулятивных (прежде всего – директивных) высказываний о фрагментах экономической действительности. Императивность нормативных текстов также выражена глаголами регулятивной семантики, безличными глагольными конструкциями. Для достижения высокой степени императивности употребляются инфинитивные конструкции, которые значительно усиливают категоричность высказывания.

Композиционную модификацию немецких экономических текстов нормативного характера характеризуют жесткость текстовой архитектоники, неизменная семантическая структура текста (субъект – признаки – функции), относительно устойчивое распределение смысловых блоков. Значительную роль в таких текстах также играют графические средства, в частности, нумерация, обозначение параграфов, разделов, визуальные средства и т. д. Эти средства могут квалифицироваться как семантические доминанты текстовых макроблоков: заглавие – преамбула – идентификационная часть текста (репрезентация темы) – регулятивно-статистические нормативы.

Прагматические характеристики текста выражают институциональные преимущества адресанта, который определяет нормы, тогда как адресат должен придерживаться этих норм. Денотативная ситуация обуславливает структурно-семантическую организацию нормативного акта. Условно такие тексты можно разделить на собственно нормативные (правила поведения экономических субъектов, порядок осуществления экономических операций и т.п.), директивные (законы, приказы и др.) и объяснительные (комментарии к институциональным решениям).

Важным типом узкопрофессиональных текстов является отчет как первичный источник информации о субъекте экономической деятельности. Отчеты характеризуются сложной синтаксической структурой (предложения с развитой системой придаточных, инфинитивных, причастных и атрибутивных структур). К коммуникативно-прагматическим признакам отчётов относятся:

- репрезентация тем;

- модели разъяснения актуальности изложенных вопросов;
- статистические пояснения;
- приложения с комментариями, хронологическими выкладками и таблицами;
- глоссарий.

Приложения с комментариями и глоссарий до начала 90-х годов XX века были необязательными элементами национальных отчетов Германии. Ссылки на источники и словарь основных терминов выражают новую межнациональную философию экономических институций. В таких отчётах нередко используется «евротерминология», которая отражает профессиональный субъязык чиновников межгосударственных экономических учреждений ЕС.

Традиционными языковыми средствами такого субъязыка выступают:

1) ссылки на источники интердискурсивного характера;
2) апелляции к изобразительным средствам, в частности, к графикам, таблицам, математическим расчетам или формулам, которые подкреплены вербальным указанием на институциональные экономические источники;
3) ссылки на иноязычную деловую среду;
4) маркеры диалогических отношений и.т.д.

Отчеты государственных и частных экономических институций Германии имеют ярко выраженный интердискурсивний характер. Так, влияние научного дискурса ощутимо в аналитических текстах. В комментариях к отчету можно выделить информационно-аналитические, обобщенно-информативные и даже празднично-декларативные фрагменты. Коммуникативные интенции аналитической части таких отчетов предусматривают опору на профессиональные знания (научная аналитика), определение проблемы и путей ее решения (производственная аналитика).

Специфической чертой отчетов является визуализация данных, которые размещаются возле титульной страницы очередного раздела. Их эстетическое оформление является важным фактором привлечения внимания к деятельности субъектов ИКП Германии.

Жанровые характеристики виртуальных экономических текстов – результат взаимодействия вербальной системы с другими знаковыми системами, прежде всего с невербальной и звуковой (не исключение – музыкальное сопровождение к отчетам на сайтах ведущих финансовых и экономических учреждений). Наглядным примером сочетания этих систем является интернет-форум как новый тип жанра диалога в области экономического общения.

Изобразительные элементы в электронных экономических текстах выполняют следующие функции:

- репрезентативную, которая в электронном экономическом тексте отражает комплекс иконических элементов или изображений, представленных в диалоговом окне. К этим элементам относится выставление

профессиональной информации, которая сопровождает диалог. Его компоненты распределены на главной панели диалогового окна по тематическим признакам (участники, основной предмет разговора, цепочка высказываний в диалоговом окне);

- экспрессивную (усиление выразительности текста благодаря иконическим элементам), например, в процессе электронной биржевой торговли в диалоговых окнах сопровождающих их интернет-форумов используются цветотерапевтические элементы для психологической разгрузки коммуникантов;
- привлечения внимания пользователя благодаря размещению визуального ряда элементов веб-страницы в диалоговом окне. Среди иконических элементов, стимулирующих привлечение внимания, следует упомянуть специальные поля для запросов тех или иных финансовых продуктов или операций;
- информационную, которую широко реализуют графические средства немецкого языка экономики, в частности графики (растровые, векторные, фрактальные), таблицы и графические элементы специальных компьютерных субъязыков, используемых в экономической деятельности;
- символическую, которую олицетворяют символы, представленные на веб-страницах. К визуальной символике относятся и знаки-эмблемы соответствующей институции. Так, на веб-странице немецкого интернет-форума *FinanzenNet* символ учреждения заключён в сочетании названия, изображения орбиты и красного круга, воспроизводимого интернационализмом англоязычного происхождения со значением «сеть». К широко используемым символическим образам также относятся символы-стрелки, расположенные рядом с аббревиатурными обозначениями индексов финансовых инструментов ведущих фондовых институций мира *(LDAX, LTecDAX, DOW J., NASDAQ Comp, Nasdaq Fut)*. Маркированные стрелки указывают на тенденции колебания курсов продажи и покупки на мировых рынках.

Электронные экономические тексты выполняют также аргументативную и имиджевую функции; значительный вес имеют аудио- и видеофункции, которые пользователь (автор или читатель) виртуального текста может активизировать в виртуальном режиме общения.

Активное взаимодействие институциональных экономических текстов с политическим, научным и юридическим дискурсами способствует их насыщению элементами политической оценки, юмора, уголовных хроник, или медиально-ритуальных мероприятий. К типам знаковой информации в интердискурсивных текстах относятся: данные экономико-исторического визуального характера; межкультурная информация, представленная на торговых эмблемах межнациональных корпораций; информация с международным профессиональным визуальным контекстом; сведения о межнациональном характере институции; информация с многоязычными (межнациональными) элементами, например, с флагами стран ЕС,

аббревиатурными или профессиональными обозначениями европейских языков; страноведческая информация; данные об определенном лингвокультурном концепте.

При изучении современного ИКП важно изучение прагмалингвистической специфики стратегического поведения его субъектов в форме коммуникативных стратегий и тактик. Эта специфика характеризуется широким комплексом языковых средств этикетизации и манипуляции. Последние связаны с ростом негативно-оценочных коннотаций в речи представителей экономических институций. Если поддержание этических норм в области экономической деятельности присуще институциям межгосударственной сферы общения, то ориентация на манипулирование свойственна, прежде всего, представителям СМИ.

В соответствии с социальной спецификой институционального общения в сфере экономической деятельности можно выделить три основных типа коммуникативных стратегий – репрезентативной, гармонизирующей и манипуляционной направленности, а также ряд тактик, которые отражают характер каждой из них.

Коммуникативная стратегия репрезентативной направленности обеспечивает позитивный образ экономических институций в Германии. Специфика коммуникативных тактик стратегии этого типа заключается в том, что они содержат: показатели идентификации субъекта и объекта ИКП, а именно:

- локальную репрезентацию субъекта, которая предусматривает его номинацию и маркеры-ориентиры расположения объекта в форме глагольных послелогов, предложного, родительного и винительного падежей;
- темпоральную репрезентацию субъекта с маркерами продолжительности процесса или темпорального условия события;
- модальные значения, которые реализуют функцию привлечения внимания (неатрибутивно, без склонения, или атрибутивно с возможностью перехода в класс прилагательных);
- призывы к действию, например, апеллируя к традиционным экономическим ценностям или к прошлому с использованием обращений в звательном падеже;
- репрезентацию адресанта, адресата или лица, находящегося вне основной коммуникативной ситуации; языковая реализация этой тактики осуществляется через субстантивы – номинации субъектов общения, местоимения и маркеры активного действия, маркер реципиента или объекта цели.

Коммуникативные стратегии и тактики репрезентативной направленности способствуют как информированию адресата, так и влиянию на него. Репрезентация современных субъектов ИКП в сфере экономической деятельности нацелена на закрепление в социальном сознании говорящего определенных формул идентичности, которые пригодны для его дальнейшей

социализации в новых условиях глобализации.

Другую разновидность коммуникативных стратегий и тактик можно отнести к области гармонизации институциональных отношений. Коммуникативные стратегии и тактики гармонизирующей направленности обеспечивают реализацию одной из центральных функций экономических институций Германии – оптимизацию экономических отношений между субъектами экономики и общественностью.

Основные коммуникативные действия по гармонизации речевого общения направлены на разъяснение экономических реалий, снятие напряжения в обществе путём убеждения, внушения, успокаивания. Эти и другие формы апеллирования к общественности отражают логические, мыслительные, аксиологические и эмоциональные состояния, которые предполагают использование различных типов аргументации и коммуникативных средств.

К коммуникативным тактикам, направленным на гармонизацию речевого общения, относят консультирование и его разновидности:

1) разъяснение сущности понятия, явления, предмета или процесса. Реализация этой тактики происходит в форме вопросов и ответов (субъективное комментирование события);

2) запросы относительно установления идентификации экономической реальности;

3) предложения эффективных средств выхода из проблемной ситуации; при этом они направлены на переориентацию внимания с одной области компетенции на другую;

4) уточнения социальной роли субъектов, их отношений с другими субъектами в различных коммуникативных ситуациях.

К значимому типу коммуникативных стратегий, направленных на гармонизацию речевого общения, относятся разнообразные языковые средства выражения концептуального поля «Примирение». Они предусматривают:

1) успокоение адресата, что способствует его психологической разрядке и позитивному влиянию; лингвистическая реализация этой тактики связана с употреблением глаголов положительной семантики;

2) создание комического эффекта; комичность является результатом актуализации фразеологизмов, аллюзий в отношении известных национально-культурных концептов; эта тактика реализуется посредством сравнений с помощью различных союзов; специфику тактики составляет юмористический эффект, например, вкрапление анекдота, который используется в немецких институциональных экономических текстах как суггестивное средство;

3) комментарий как выражение говорящим (экономистом или журналистом) оценочного отношения к определенной проблеме или неблагоприятной экономической ситуации;

4) использование эмоциональной лексики для сближения и установления партнерского взаимодействия;

5) маркирование уважительного отношения к адресату с целью психологического сближения, как правило, с помощью волюнтативной модальности и этикетных формул.

К коммуникативным тактикам гармонизации речевого общения принадлежат и тактики прогнозирования, а именно:

1) ориентация на будущее путём использования метафорически окрашенных оценочных значений;

2) коллективный выбор способа решения проблемы в форме перечня номинаций объектов выбора. К этой тактике обращаются во время дискуссий, когда модератор высказывает свои идеи, а затем предлагает рабочей группе или аудитории выбрать ведущую мысль для построения определенной стратегии;

3) сценарное развитие экономических событий – от пессимистических до оптимистических.

Тактики прогнозирования отражают важные аспекты содержания стратегической деятельности субъектов ИКП. Использование этих тактик позволяет корректировать стратегические установки говорящих, их знания, коммуникативное поведение.

В современном ИКП Германии заметны коммуникативные стратегии и тактики манипуляционной направленности, прежде всего в общественных выступлениях экономистов и их интервью. Применение этих тактик обусловлено прагматическими факторами, такими как иллокутивное принуждение, эксплицитные и имплицитные способы воплощения интенций, сравнения, что предполагает:

1) использование суперлативов, например, для создания иррациональной картины:

- иллюзорного решения всех экономических проблем благодаря ориентации на возможный экономический стимул;
- мифологизации экономических реалий;
- символизации реалий ежедневной жизни;

2) формирование неадекватной картины событий через тактики:

- негативно-оценочных номинаций;
- позитивно-оценочных номинаций;

3) искажение содержательных характеристик конкурентной ситуации, когда соперники используют фактор явных помех, или создания имиджа друга / врага. Тактики искажения превалируют в жанре интервью, эксплуатирующем приём превращения преимуществ в недостатки. На синтаксическом уровне тактика искажения выражается с помощью разнообразных интерпретационных формул;

4) воздействие на сознание говорящего антропоморфными инструментами с целью опосредствованного побуждения к определенному действию;

5) противопоставление:

- по линии «реальное – ирреальное» (немецкий лингвокультурный

контекст: немцы считают, что нет смысла спешить в серьезных делах);

- по критерию смысловой направленности предложений, заключенных в утверждениях, вопросах и побуждениях (немецкий лингвокультурный контекст: немцы в каждом деле добиваются совершенства, поэтому они открыто признают свои недостатки);
- по признаку «доверие – недоверие»;
- по критерию «хороший – плохой» и т.п.

6) критику, когда главной задачей является попытка изменить чьи-то взгляды на экономические реалии, используя такие средства:

- метафоры и метонимии, выражающие угрозы, компромат или унижение; коммуникативные тактики угрозы реализуются через саркастическое отношение адресанта к адресату; тактика компрометации имеет циничную окраску благодаря саркастической, презрительно-насмешливой лексике, аллюзиям;
- ссылки на юридические прецеденты; применение тактики обвинения путем обоснования вины определенных лиц, учреждений; гиперболизация определенного противоправного действия; аргументация прогнозируемых решений и напоминание о возможной мере наказания.

Предложенная интерпретация ИКП Германии в сфере экономической деятельности, начиная с последней трети XIX до начала XXI столетия, позволяет сделать следующий вывод: институциональное коммуникативное пространство представляет собой иерархически организованную среду коммуникативных и информационно-технологических взаимодействий языковых личностей, которые объединены общей институциональной территорией, профессиональной компетенцией и идеологическими воззрениями на процессы коммуникации. Под сферой экономической деятельности, выделенной в качестве одного из важнейших сегментов ИКП Германии, понимаем пространство коммуникативных процессов порождения, интерпретации смыслов и ценностей экономической системы знаний. Деятельностный подход позволяет углубить представления о коммуникативной среде, культурно-исторической ситуации и неразрывной связи коммуникативной деятельности человека с его профессионально-предметными и научными знаниями.

В данной статье была предложена модель институционального коммуникативного пространства Германии в его экономическом измерении. ИКП исследуется с точки зрения антропоцентрических, функциональных, социолингвистических, жанровых и прагмалингвистических уровней интерпретации феноменов языковой коммуникации.

Антропоцентрическая интерпретация коммуникативного пространства позволила выделить и исследовать два основных типа языковых личностей – специалиста (экономиста) и журналиста. К основным антропоцентрическим характеристикам языковых личностей могут быть отнесены: идентификационные и статусные формулы коммуникантов, классификаторы

экономических значений, эпистемические слова, номинации субъективной точки зрения адресанта в качестве объективного факта или истины.

Функциональная интерпретация позволяет определить ИКП как среду коммуникативной реализации системы субъязыков для специальных целей в сфере экономической деятельности. Особенности этой сферы проявляются в процессах интенсивной популяризации экономических знаний и их активного распространения в реальной и виртуальной среде.

Социолингвистическая интерпретация позволяет рассмотреть ИКП как форму динамической социолингвальной среды, в которой взаимодействуют коммуникативные сообщества с разными деловыми культурами. В качестве основных измерений коммуникативного пространства рассматриваются: институциональный, лингвокультурный, идеологический и мифологический уровни. Их исследование выявило тенденцию роста иррациональных значений и идеологических императивов в немецком языке экономики.

Жанровая интерпретация объекта основывалась на двух корпусах текстов – узкопрофессионального и общественного назначения. Основные жанровые модификации происходят в электронной среде ИКП и связаны с развитием обязательных и факультативных элементов гипертекстов.

Прагмалингвистическая интерпретация ИКП Германии дает возможность выделить коммуникативные стратегии репрезентативной, гармонизирующей и манипуляционной направленности, а также комплекс коммуникативных тактик, выражающих характер каждой из указанных стратегий.

Исследование подтвердило исходную гипотезу: в период глобализации (начиная с конца 80-х гг. XX столетия) сформировался принципиально новый тип ИКП – обширная социокультурная среда воспроизводства, поддержания и развития новых лингвокультурных и информационно-технологических форм экономической коммуникации. Феномен изучаемого типа коммуникативного пространства является также сферой становления новых типов языковых личностей в экономической деятельности человека.

Литература

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. – Х.: Харьковск. нац. ун-т им. В.Н. Каразина, 1972. – 216 с.

2. Бекетова О.В., Ізерманн Н., Фрайхофф Д. Ринкова економіка. Німецька економічна мова. – К.: УАДУ при Президентові України, 1999. – 153 с.

3. Белл Д. Социальные рамки информационного общества: новая технократическая волна на Западе: Под ред. П.С. Гуревича. – М., 1988. – 330 с.

4. Бобырева А.П. Немецкий язык для технических вузов (специальности: металлургия, менеджмент, экология). – М.: МГВМИ, 2004. – 163 с.

5. Богданов В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические

аспекты. Учебн. пособие. – Ленинград / СМПб: ЛГУ, 1990. – 87 с.

6. Борисова С.А. Онтологическая триада “пространство – человек – текст” как специфическая коммуникативная система: психолингвистическое исследование: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ульяновск. гос. ун-т. – Ульяновск, 2004. – 492 с.

7. Галицейская Л.А., Жаворонкова Л.А., Мокрушина Е.И., Сафина Г.С. Деловой иностранный язык для государственных служащих. Немецкий язык: Монография. – М.: Междунар. отнош., 2001. – 205 с.

8. Дацюк С.А. Коммуникативные стратегии. – Эл. ресурс: http://xyz.org.ua/ discussion/communicative_strategy.html

9. Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации // Weltanschauung und Analyse des Menschen seit Renaissance und Reformation. – М.: Университетская книга, 2000. – 463 с.

10. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации // Проблемы семиосоциопсихологии. – М.: Наука, 1984. – 268 с.

11. Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 2000. – С. 25-33.

12. Копил Г.О. Ділова німецька мова. – К.: Київськ. нац. економ. ун-т, 2001. – 118 с.

13. Крылова Н.И. Деловой немецкий язык. Коммерция. – М.: НВИ – ТЕЗАУРУС, 2002. – 154 с.

14. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль яз. в познании мира. – М.: Яз. славян. культуры 2004. – 555 с.

15. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.

16. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975.

17. Лёвкин В.В. Практическое пособие по деловой переписке на немецком языке (экспорт – импорт). – Владимир: Владимирск. гос. пед. ун-т, 1999. – 110 с.

18. Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров (статьи исследования, заметки 1968 – 1992). – СПб.: Искусство – СПб, 2004. – 703 с.

19. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.

20. Моррис Ч. Значение и означивание: знаки действия // Антология “Семиотика”/ Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 129-143.

21. Нелюба А.М. Теорія і практика ділової мови. – Х.: Акта, 1997. – 191 с.

22. Олійник В.О., Гавриш М.М. Німецька ділова мова: Навч. посібник для студ. ВНЗ. – К.: Міжрегіон. акад. управл. персоналом, 2003. – 198 с.

23. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 220 с.

24. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук – К.: Ваклер, 2003. – 651 с.

25. Пшегусова Г.С. Социальная коммуникация: сущность, типология, способы организации коммуникативного пространства: Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. – Ростов н/Д, 2003. – 320 с.

26. Савченко Г.К. Немецкий язык профессионального общения (деловой язык служащих и управленцев). – Волгоград: Изд-во ГОУ ВПО Волгоградск. акад. гос. службы, 2005. – 167 с.

27. Сафиуллина И.М. Язык в коммуникативном пространстве этносов: Дис. … канд. филос. наук: 09.00.13. – Нижний Новгород, 2004. – 169 с.

28. Сахарчук Л.І. Методологія комунікативних досліджень: Монографія. – Івано-Франківськ: Видавничо-дизайнерський відділ ЦІТ Прикарпатськ. нац. ун-ту ім. Василя Стефаника, 2006. – 214 с.

29. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. – СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2002. – 461 с.

30. Федотова М.А. Мовна особистість у чужому лінгво-культурологічному просторі (на матеріалі англомовної прози XX – XXI ст.): Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. – Одесса, 2006. – 201 с.

31. Bohn G. Der wohlerfahrene Kaufmann. Kaufmännisches Wissen. Faks. – Dr. in Ausschnitten nach d. Orig. von 1789. – Wiesbaden: Gabler, 1977. – 668 S.

32. Bolten J. Fachsprache oder Sprachbereich? Empirisch-pragmatische Grundlagen zur Beschreibung der deutschen Wirtschafts-, Medizin- und Rechtssprache // Theo Bungarten (Hrsg.): Beiträge zur Fachsprachenforschung: Sprache in Wissenschaft und Technik, Wirtschaft und Rechtswesen. – Tostedt, 1992. – S. 57-72.

33. Breckle M. Deutsch-schwedische Wirtschaftskommunikation. – Frankfurt am Main: Lang, 2005. – 337 S.

34. Brünner G. Wirtschaftskommunikation: linguistische Analyse ihrer mündlichen Formen. – Tübingen: Niemeyer, 2000. – 331 S.

35. Dessauer F. Streit um die Technik. – Frankfurt am Main: Knecht, 1956. – 471 S.

36. Dobbins T., Westwood P. Business companion German: the language guide for global business. – N.Y.: Random House, 2001. – 390 p.

37. Erbring L. (Hrsg.). Kommunikationsraum Europa. Berichtsband der Jahrestagung der Deutschen Gesellschaft für Publizistik- und Kommunikationswissenschaft zum Thema “Kommunikationsraum Europa”. – Konstanz: UVK – Medien Ölschläger, 1995. – 480 S.

38. Freyhoff D. Wirtschaftssprache Deutsch. – Leipzig: Stern, 2001. – 168 S.

39. Gumperz J. (ed.). Introduction: Language and the communication of social identity // Language and Social Identity. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 234 p.

40. Günthner S. Culture in communication: analyses of intercultural

situations // Aldo Di Luzio (Hrsg.); Susanne Günthner; Franca Orletti. – Amsterdam: Benjamins, 2000. – 341 p.

41. Jäger S. Kritische Diskursanalyse: eine Einführung. – Duisburg: Dissertationsverlag, 2001. – 404 S.

42. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin: de Gruyter, 1975. – 915 S.

43. Koller V. Metaphor and gender in business media discourse: a critical cognitive study. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. – 244 p.

44. Messing E.E.J. Zur Wirtschaftslinguistik. Eine Auswahl von kleineren und größeren Beiträgen über Wert und Bedeutung, Erforschung und Unterweisung der Sprache des wirtschaftlichen Verkehrs. – Rotterdam, 1932. – 121 S.

45. Morace C. Interkulturelle Wirtschaftskommunikation und interkulturelles Lernen. – Berlin: Mikrofiche – Ausgabe, 1997. – 201 S.

46. Nielsen B. Business German: conversation, grammer, culture, reading, writing plus business. – N.Y.: Crown, 1995. – 417 p.

47. Rapp R. (Hrsg.). Text, Bedeutung, Kommunikation. – Frankfurt am Main: Lang, 2002. – 853 S.

48. Russ C.V. The German language today: a linguistic introduction. – London: Routledge, 1994. – 278 p.

49. Stevenson P. The German speaking world: a practical introduction to sociolinguistic issues. – L.: Routledge, 1997. – 254 p.

50. Trosborg A. (Hrsg.). Business discourse: texts and contexts. – Bern: Lang, 2005. – 250 S.

51. Wazel G. (Hrsg.). Interkulturelle Kommunikation in Wirtschaft und Fremdsprachenunterricht. – Frankfurt am Main: Lang, 2001. – 261 S.

52. Werth P. Text worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. – Harlow: Longman, 1999. – 390 p.

53. Winkler, H. Diskursökonomie: Versuch über die innere Ökonomie der Medien. – Frankfurt am Main: Suhrkamp–Taschenbuch Wissenschaft, 2004. – 257 S.

3.5. ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕЛЕВИЗИОННОГО ТОК-ШОУ
(на материале итальянского языка)

М.В. Крыжановская

Современная тенденция к повышению экспланаторности в области лингвистики опирается на переосмысление накопленной информации об особенностях генезиса конфликтных и кооперативных ситуаций через философские категории, в частности категорию пространства.

Следовательно, важным представляется исследование связи между формированием дискурсивного пространства, динамичностью, антропоцентризмом дискурса, созданием ситуаций коммуникативной синхронии и асинхронии, национально-маркированными когнитивными

аспектами интеракции, процессами получения, оценки информации, аргументации и реализации роли коммуникативного лидера на материале современных развлекательных и научно-популярных телевизионных ток-шоу итальянского телевидения.

Телевизионный дискурс или теледискурс ток-шоу рассматривается исследователями как сложный лингвистический феномен [19] с динамическими, социо-ориентированными характеристиками [10]; как гетерогенное медиапространство, которое совмещает в себе функции информирования, комментирования, интервью, дискуссии с участием многих личностей [30; 35; 36], как медиапространство с социо-семантико-прагматическим потенциалом, реализующимся через воздействие на адресата или манипуляцию последним [7: 7], что, бесспорно, подчеркивает **антропоцентризм** исследуемого дискурса и вызывает необходимость учитывать антропорелевантные факторы, а именно те, которые зависят от личности – творца дискурса.

Дискурсивная личность "действует в континуальном коммуникативном пространстве и способна наряду с языковым кодом использовать и трактовать другие семиотические коды в зависимости от типа дискурсивных отношений, в которые она включена в определенные моменты общения", а дискурсивное окружения "охватывает коммуникативных партнеров дискурсивной личности, с которыми она имеет коммуникативные отношения в течение жизни, и совокупность всех сопутствующих факторов речевого и неречевого характера, влияющих на ход определенного коммуникативного процесса" [23: 127].

В современных исследованиях **динамики** дискурса освещаются динамизм политических ток-шоу [19], динамические аспекты аргументации [3], аксиологической структуры дискурса [8], политического дискурса [22]. При этом особо подчеркивается целеустремленность аргументативного процесса, который опирается на интенцию адресанта убедить адресата, а также на движение аргументации относительно шкалы "рациональная аргументация (РА) / эмоциональная аргументация (ЭА)" [4], что предполагает наличие динамики аргументативного процесса и связанных с ним изменений вербальной реализации коммуникативного поведения личности. В исследовании аксиологической структуры англоязычного диалогического дискурса [8] раскрываются механизмы порождения дискурса с учетом оценочного восприятия личностью действительности, причем особенно отмечается, что развитие дискурса во времени и пространстве обусловлено валоративной динамикой отношений.

В исследованиях политического дискурса выделяют три важнейшие категории: действие, устройство и вариативность [22: 24], что, в свою очередь, предполагает соответствующие динамические изменения дискурса. Интерпретация дискурса как действия, процесса и направленного развития находит свое подтверждение в выделении исходного и конечного пункта речевой интенции [9: 144], предусматривающей постоянно присутствующие

динамические изменения дискурса и наличие дискурсоформирующих механизмов, отвечающих за их направленность. Интерпретация дискурса как "полиситуативного пространства, разворачивающегося последовательно, имеющего ход во времени, осуществляющегося под контролем сознания его участников", акцентирует внимание на субъекте дискурсивных изменений и на нестатическом характере дискурсивных признаков [12: 9; 20: 120; 33: 18]. Интерпретируя дискурс "как процессуальное явление, в котором адресант и адресат движутся в определенном направлении" [9: 153], исследователи подчеркивают, что развитие коммуникативных событий базируется на интенции адресанта и адресата вступить в кооперативные или некооперативных коммуникативные отношения, причем каждое коммуникативное событие определяется динамикой движения относительно шкалы, конечные позиции которой могут быть определены как "конфликт / кооперация". Таким образом, существует взгляд на динамические изменения дискурса как такие, которые зависят от стратегий и тактик, реализуемых каждой личностью [5; 6: 30; 15; 24; 25; 27]. При этом подчеркивается интеракциональный подход [31; 32; 33; 34: 208-229], поскольку "дискурс является формой вербальной интеракции в социальной ситуации" [33: 2]. Этот подход позволяет объяснить и интерпретировать, во-первых, сложные механизмы диалогического взаимообмена, во-вторых, социальную обусловленность дискурса, в-третьих, процессы аргументации в рамках интеракции, а также учитывает обратную связь между адресантом и адресатом при изучении соответствующих стратегий и тактик. Диалогическое взаимодействие базируется на выборе адресантом такой адекватной стратегии и тактики, которая учитывает предварительно полученную информацию от адресата, его интенцию, а также когнитивное, эмоциональное, аксиологическое, психологическое состояние, способ аргументации и особенности коммуникативного поведения.

С динамичностью и антропоцентризмом дискурса коррелирует **понятие пространства**, поскольку основные знания человека связаны с визуальными образами [13: 15], индивид воспринимает окружающий мир как пространственно-временную реальность, а себя как ее часть, антропоориентированную точку взаимодействия ее координат [20: 322; 26: 1; 28: 75], а свою дискурсивную деятельность субъект осуществляет в определенном пространстве. В этому русле «коммуникативное пространство можно представить как вплетенную в сознание говорящего систему координат, которая делает возможными проявления интенциональности и лингвокультурной компетенции» [17: 69].

Коммуникативная деятельность участников ток-шоу связана с формированием **дискурса ток-шоу итальянского телевидения** (ДТШИТ) определяемого нами как совокупность динамических, холистически взаимосвязанных структурно-смысловых его компонентов – информационно-презентативного, аксиологического, аргументативного и компонента лидерства, выделенных на основе цели коммуникации, что позволяет в процессе

исследования учесть этнические, социальные, психологические и культурные особенности ДТШИТ.

В дискурсивном пространстве телевизионных ток-шоу **динамика коммуникативных отношений** между адресантом и адресатом определяется движением коммуникативной ситуации относительно шкалы в пределах коммуникативной синхронии (КС) / коммуникативной асинхронии (КА). КС дискурсивного пространства определяется нами как комплексное речевое явление, в основе которого лежит осознанная кооперативная интенционная однонаправленность интеракции дискурсивных личностей в отдельной адресантно-адресатной конфигурации, а именно: стремление установить дружеские, доверительные отношения, достичь информационно-презентативного, аксиологического, аргументативного, профессионально-социального ассонанса относительно семейных и общественных ценностей. В свою очередь, КА – это комплексное речевое явление, при котором наблюдается конфликтная интенциональная разнонаправленность интеракции дискурсивных личностей в отдельной адресантно-адресатной конфигурации. КА варьирует от диссонанса отдельного компонента дискурса и латентного конфликта до его экспликации, прерывание коммуникации, перехода от вербальной к невербальной (физической) агрессии.

Вышеупомянутые интенциональные однонаправленность и разнонаправленность интеракции тесно связаны с самоопределением адресанта по отношению к адресату в дискурсивном пространстве и становятся определяющими для разграничения понятий кооперации и конфликта.

Вербализация интенции достичь КС или КА опирается на лексические единицы, которые используются как для описания **локативно-дейктической и антропорелевантной составляющих** пространства дискурса. Локативно-дейктическая составляющая вербализуется с помощью дейктических элементов *qui \ qua, lì \ là, da questa parte \ da quella parte, questo \ quello, io, tu, noi, voi* и пространственно-маркированной лексики. При формировании дискурсивного пространства ток-шоу итальянского телевидения для поддержки адресата шикоро используются наречия *lontano, vicino, vicinissimo*, глагольное выражение *essere al fianco di qualcuno*, идиоматическое выражение *essere anni luce lontano dalla verità* с семой отрицания аргумента адресата в процессе аргументации; прилагательное *stesso*, употребляемое также в идиоматической фразе *essere sulla stessa lunghezza d'onda*, в глагольной фразе *avere lo stesso parere* со значением наличия общего мнения.

Антропорелевантная составляющая дискурсивного пространства ток-шоу связана с личностным восприятием адресантом конкретной коммуникативной ситуации, с его эмоциональным состоянием, вербализацией социально-иерархической позиции в пространстве дискурса, реализацией роли лидера коммуникации. Так, пространственная лексика привлекается к вербализации позитивных эмоций (*Sono su di giri*), негативных эмоций (*Oggi sono molto giù*), высокого социального положения (*Sua Altezza*), высокой должности, уважения.

Использование существительного *cielo* маркирует вертикальные координаты пространства, а также чувства счастья или большой радости (*Come sono felice! Tocco il cielo con il dito!*). Наоборот, использование существительного *inferno* (*Mi trovo in un inferno!*) служит для обозначения неприемлемого для адресанта состояния вещей, его негативного эмоционального состояния отчаяния, упадка сил, депрессии.

Формирование дискурсивного пространства также предполагает вербализацию **темпоральной его составляющей**, поскольку в момент создания дискурсивного пространства адресант сознательно выполняет коммуникативные действия в дейктически-пространственно-темпоральных координатах «я-здесь-сейчас». Именно относительно этих эгоцентрических координат он размещает известные ему события и новую полученную информацию, на расстоянии «впереди» – будущее или на расстоянии «позади» – прошлое. Вербализация темпоральной координаты дискурсивного пространства тесно связана с антропорелевантной составляющей, в частности эмоционально-психологическим состоянием адресанта. Восприятие новой информации и способ представления известных данных зависят от положительных или отрицательных эмоций, вызываемых информацией, от актуальности для адресанта информации на момент речи, от его желания нести или снять с себя ответственность за информацию, которую он собирается представить в процессе формирования дискурсивного пространства: *Stai mentendo! Ma che cosa stai dicendo? Secondo il parere di alcuni giornalisti, questi due si sarebbero incontrati a Pisa. Lei...è morta....vado a cercarla appena posso tra le macerie...scusate...è troppo doloroso...quindi, appena arrivo, la trovo* (APT, 10.03.03, 14.11.03).

Динамические изменения в процессе формирования дискурсивного пространства телевизионных ток-шоу в рамках его структурно-смысловых компонентов происходят с участием субъектов-творцов дискурса – дискурсивных личностей через активацию дискурсоформирующих механизмов (ДФМ).

Структурный ДФМ определяется нами как совокупность процессов, связанных со структурно-смысловыми компонентами ДТШИТ: запросом / предоставлением информации, оценкой референтной ситуации, аргументацией, реализацией адресантом роли коммуникативного лидера. К структурному ДФМ мы относим информационно-презентативный, аксиологический, аргументативний механизмы и механизм реализации роли лидера.

Потребность в получении, предоставлении, проверке, уточнении информации вызывает прежде всего информационные изменения дискурсивного пространства итальянских ток-шоу за счет появления новых квантов информации: − *Che ragazzo era Federico?* − *Come tanti, di una città di provincia, noi siamo di Ferrara, aveva molte aspettative ...* − *Che cosa vi hano detto? Che è successo?* − *Alcuni frammenti... urlava... per questo ha chiamato la polizia. Che l'ha visto morire* (CB, 20.11.07).

При несовпадении объемов информации адресанта и адресата, идей, вкусов, оценки в адресантно-адресатной конфигурации возникает потребность в убеждении, то есть к формированию дискурсивного пространства привлекается аргументативний ДФМ. Процесс аргументации предполагает использование новых данных и оценочного потенциала речи в роли аргумента; следовательно, чем более долгим по времени и сложным является аргументативный процесс, тем сильнее стимулируются вышеназванные структурные ДФМ: *– Vittoria, siete così, voi, ragazze dell'Est? – No! In due anni lui non ha capito niente. Non c'era nessuna richiesta, non ha mai chiesto soldi?- Semplice. Devo dire che era molto brava a mentire. – Ma non era tanto calcolatrice, visto che appena si è sposato, è scappato Lei, non è che è scappata la moglie! É Lei che è scappato! – Scapai dopo le sue pretese assurde. – Però, Vittoria, forse sei d'accordo con me che chiedere un vitalizio ... –No, questo sì! – ... un assegno mensile per tutta la vita ... – Questo sì! – ... ad un uomo con cui è stata sposata un giorno ...- Sono assolutamente d'accordo, però, però, ... da qua a generalizzare, che siamo tutte dell'Est ... già con questo nome dell'Est ... Non si può generalizzare!* (CB, 04.01.05).

Специфика формирования дискурсивного пространства под действием аргументативного ДФМ и ДФМ лидерства также зависит от предыдущих эмоциональных изменений личностей.

Очевидно, что **эмоциональные изменения состояния дискурсивных личностей** – эпистемические, аксиологические, эмотивные – возникают вследствие активации информационно-презентативного и аксиологического ДФМ, причем дальнейшее движение информации, валоративний процесс и динамика мены коммуникативных ролей определяются самоидентификацией адресанта относительно адресата в отдельной адресантно-адресатной конфигурации. Основой такой самоидентификации адресанта относительно адресата является **когнитивный ДФМ,** определяемый как совокупность когнитивных процессов обработки полученной информации, ее структурации и классификации на основе валоративного национально-специфического восприятия информации адресантом.

Процессы концептуализации тесно связаны с ментальными операциями усвоения и классификации информации сознанием личности, которое в процессе общения оперирует бинарными оппозициями как наиболее эффективным способом организации информации, валоризации [8], аргументации [3] и концептуализации [21]. Одна из наиболее продуктивных оппозиций – СВОЙ / ЧУЖОЙ, имеющая валоративное основание положительной / отрицательной оценки, причем СВОЕ соотносится с единообразием, равенством, терпимостью, общностью, уважением, системой позитивных установок, совокупностью положительных общественных и личностных ценностей [2], а ЧУЖОЕ – с интолерантностью, агрессией, соперничеством [2: 20]. В исследовании оппозиции СВОЙ / ЧУЖОЙ в концептуальной структуре евроинтеграционного дискурса В.Л.Кравченко [11] акцентирует внимание на ценностной смысловой природе концепта как основы

для создания бинарной модели мира у представителей группы / коллектива; подчеркивая, в частности, что "коллективная идентичность имеет элемент подвижности, ситуативности" и "каждая общность конструируется посредством эталонного образца, который в наибольшей степени способен воплощать ее специфические черты" [11: 149], причем валоративний бинарный характер концептуального образования и процессы идентификации адресанта относительно концептуальной оппозиции продуцируют "сценарий борьбы", реализация которого в дискурсе вызывает элемент конфликтогенности за счет отсутствия чувства уверенности, защищенности, невозможности, нежелания идти на компромисс.

Убеждение в процессе аргументации предполагает взаимодействие адресанта с адресатом, т.е. реализацию состояния общности относительно информации. Подчеркнем: информативное общение, доминирующее в современном мире, не позволяет удовлетворить потребность личности в информации, "владение которой позволяет ему почувствовать себя полноценным членом конкретного сообщества" [16: 15]. Каждая дискурсивная личность ищет принадлежности к группе, которая разделяла бы ее чувства, эмоции по отношению к полученной информации - другими словами, происходит поиск ОБЩЕГО пре- и посткоммуникативного состояния, состояния нахождения в СОВМЕСТНОМ дискурсивном пространстве, которое должно быть вербализовано участниками дискурса с целью создания позитивного перлокутивного эффекта общения, что, в свою очередь, дает возможность адресанту и адресату чувствовать себя включенными в языковую общность, реализованными в своей речевой, психической деятельности.

Процессы индивидуальной когниции тесно связаны с принадлежностью лица к группе (the cognizer as Group member) [31: 329]. Соответственно, социальный дейксис масс-медийного дискурса ток-шоу формирует "мы-дискурс", который является социальным явлением с тенденцией к идентификации участников ток-шоу и телезрителей с адресантом. Маркерами "мы-дискурса" становятся формулы и обороты с подчеркнуто общей характеристикой [10]: суть программ ток-шоу заключается в реализации идеи "ты не один". Подобные передачи консолидируют различные слои общества в единое целое, находя сходство жизненных ситуаций, утверждая приемлемые для всех моральные ценности, помогая найти универсальное решение общих проблем "[1: 8-9]. Вышеупомянутая проекция состояния общности в процессе формирования ДТШИТ индивидуально маркирована. Коллективное маркирование состояний общности происходит при учете национально-культурного, социального и индивидуального основания концепта, опосредованного сознанием отдельного коммуниканта [14: 71].

Среди концептуальных доминант италоязычного общества, используемых в кооперативном и некооперативном контекстах ДТШИТ, следует выделить концепты CASA и FAMIGLIA.

Первые два значения лексической единицы CASA определяются как [38]:

- конструкция, созданная человеком для постоянного проживания, причем итальянская лингвокультура особо подчеркивает существование большого количества синонимов исходной лексемы CASA: *abitazione, dimora, villa, villino, palazzo, appartamento, residenza, alloggio, casata, fabbrica, azienda* [37: 47; 38: 206-207]. Эти синонимы отличаются такими характеристиками, как размер, цена, архитектурный стиль, наличие / отсутствие земли у дома, основное назначение (для проживания или работы). Часто используются производные *casetta, casina, casona, casotto, casupola* с семами положительной / отрицательной оценки здания человеком;

- члены семьи, проживающие вместе, причем абсолютным синонимом данного значения является существительное FAMIGLIA: *famiglia, casa Rossi, casa Rivolta, le persone di casa, famigliari* [37: 206-207]. Его имплицитно маркированное присутствие прослеживается в синонимических выражениях *i miei* и *i tuoi, i Rossi* и *gli Ercolani*. В последнем случае субстантивация формы притяжательных местоимений первого и второго лица множественного числа и формы множественного числа фамилии с определенным артиклем мужского рода множественного числа подчеркивает ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ к определенной семейной группировке, что, в свою очередь, имплицирует наличие у данной семьи дома.

Итальянский дом – средоточие поколений, взаимосвязанных чувствами уважения, любви, ответственности, о чем свидетельствует тенденция молодых семей строить свое жилье неподалеку от родительского дома (или проживать в его архитектурно уединенной части, на отдельном этаже), а также распространенная традиция воскресного семейного обеда, как правило, в доме старейших представителей семьи. Лексическая единица CASA входит в словосочетания, обозначающие фирмы, предприятия, специализированные магазины, неправительственные волонтерские организации, помогающие пострадавшим: *casa dolciaria, casa vinicola, casa del cioccolato, casa del giocattolo, casa dello sport, casa Padre Pio, casa di riposo*. Наличие в их составе лексической единицы *casa* имеет свои социально-исторические истоки: в период индустриализации значительная часть производства базировалась на семейном принципе. Поэтому представителям итальянского социума присуще "чувство принадлежности к сообществу "малой родины" – города или поселка, которое является обратно пропорциональным доверию общенациональным правительственным институтам" [29: 18].

При такой современной интерпретации этнокультурной специфики национального менталитета итальянцев, наполнение концепта CASA приобретает особый смысл: концепт представляет расширенное понимание дома, обозначает территорию, сочетается с чувством географической, психологической родины и включает в себя все, что для каждой отдельной личности составляет данное понятие. Сказанное подтверждается существованием значительного корпуса итальянских пословиц и поговорок (минимум 30), объективирующих этот концепт в сочетании с

зафиксированными положительными и отрицательными етноспецифическими оценками, представлениями об окружающем мире, обычаями и бытом. Для итальянцев понятие дома связано с общением с добрыми соседями (*Casa che ha buon vicino, val più qualche fiorino*), с чувством эмоционального и психологического комфорта, защищенности (*La casa mia è ilm io castello. Casa mia pur piccina, che tu sia, ti mi sembri una badia*); с самоощущением себя как авторитетного лидера и хозяина (*In casa sua ciascuno è rè. É meglio essere il primo a casa propria, che il secondo a casa altrui*); с положительным восприятием своего дома (*Casa, dolce casa! É meglio pane e aglio in casa nostra che lesso e arrosto in casa d'altri. Più vale il fumo di casa mia, che il fuoco di quelle altrui. Più vale il fumo di casa mia, che l ' arrosto delle case altrui*); с необходимостью тяжело и много работать (*Casa fatta e vigna posta, nessun sa quanto costa*); с распределением социальных ролей в семье (*La donna saggia rifà la casa, la matta la disfà. Quai a quella casa in cui la moglie porta i calzoni. La casa non mi piace dove gallina canta e gallo tace*).

В зависимости от коммуникативной ситуации концепт CASA может иметь положительное или отрицательное наполнение. Сема положительной оценки прослеживается в таких идиомах и выражениях, как *essere tutto casa e chiesa, essere di casa, essere uno di casa, farsi una casa, a casa mia, casa, dolce casa, mettere su casa, fatto in casa, padrone (padrona) di casa*. Высшим проявлением положительных чувств к гостю и положительной оценки человека является приглашение хозяина (*fate come se foste a casa vostra!*) и констатация-приглашение *La nostra casa è sempre aperta (per te, per voi)*! Среди итальянцев существует неписанное правило хорошего тона – обязательной является выражение положительной оценки жилища, куда они приглашены впервые: *Complimenti per la casa! Avete una casa molto bella*. Однозначно эксплицитно-отрицательной является оценка ухода от семейных ценностей, пренебрежение к семье, родителям, имплицитно-отрицательной – экономическая несостоятельность, не позволяющая иметь собственный дом, включающая в себя нежелание работать, социально-психологическую незрелость: *Ha lasciato la sua famiglia. Non è per niente di casa. Non hai più rispetto per la tua famiglia. Non rispetti più i tuoi! Campa sulle spalle dei suoi genitori!* (CB, 18.10.02).

Аргументативный потенциал концепта прослеживается в идиоматических выражениях *A casa mia faccio come voglio io! A casa mia commando io! Qui, a casa, non voglio nemmeno sentirlo! Ma chi porta i pantaloni in questa casa?* (IS2, 04.07.05), в которых привлекаются идеи свободы выбора, независимости, авторитетности и авторитарности, чувство собственности и достоинства. Концепт CASA представляет собой ядерную зону общения личности, выделяя в сознании итальянцев важную демаркационную черту СВОЕ / ЧУЖОЕ, разделяя мир на две зоны, по сути, на два пространства – безопасный, положительно-маркированный, и потенциально опасен, негативно-маркированный этноспецифическим концептом: *É una casa non un albergo! A casa mia non lo voglio e basta! Ti butto fuori di casa! La mia casa è sempre aperta per te! Ormai sei*

una di casa. Ormai fai parte della nostra famiglia (RDQ, 18.01.08). В сознании итальянцев вышеупомянутая демаркационная линия проходит через порог или дверь собственного дома: *Mi ha chiuso la porta in faccia! Dopo la lite ha sbattuto la porta in faccia. Non varca più la soglia di questa casa* (APT 06.11.01). Исследователи отмечают, в основе такого понимания концепта CASA находится представление о чем-то общем, созданным, построенным для всех людей, объединенных территорией-пространством такого дома [11: 148].

С лингвистической точки зрения, концепт CASA гетерогенный по своему составу, поскольку в его структуре находим лексические единицы для обозначения понятий, объединяемых семой принадлежности, известного, безопасного, уютного, такого, которому можно доверять, который составляет жизненный опыт отдельного индивида и группы людей. Имплицитно концепт CASA коррелирует с местоимением *nostro*, существительными для обозначения Родины и соотечественников *paese, terra, compaesano*, глаголом с семой общих знаний и информации об адресате *conoscere*, глаголов с семой движения в пространстве относительно дома, а именно: отъезда или возвращения к нему *rincasare, accasare, tornare a casa, ritornare a casa, giungere casa, andare a casa, arrivare a casa, venire a casa di qualcuno, lasciare casa, andare via di casa, abbandonare la casa*, глаголов для обозначение пребывания в доме *stare a casa, essere a casa, essere da + nome della persona o nome della famiglia: Viene dalle nostre terre. Viene dalle nostre parti. É uno dei nostri. Sei uno dal paese. É il mio compaesano. Conosco i suoi nonni* (CB, 29.08.07).

Лексическая единица FAMIGLIA имеет такие синонимы, как *di casa, casata* [38] и преимущественно обозначает родственников, "живущих под одной крышей", а также имеет сему "группы людей, вещей, имеющих общий признак, связанных не менее чем одной общей характеристикой" (*gruppo, un'insieme di cose*) и в этом смысле синонимична понятию *comunità: la famiglia di parole, la famiglia cristiana, la comunità dei cattolici* [37: 418]. Важным представляется подчеркнуть лексическую взаимозаменяемость существительных *casa* и *famiglia*, причем наличие синонимических рядов с обоими понятиями свидетельствует о параллельной концептуализации в этническом сознании итальянцев вышеупомянутых двух концептов: *farsi una casa, mettere su casa = mettere su famiglia, creare una famiglia, sposarsi; essere (uno) di casa = essere quasi uno di famiglia; essere tutto casa = essere amante di famiglia, dedicato tutto alla famiglia; Non ho mai dimenticato la vostra accogliente casa = Non ho mai dimenticato la vostra ospitalità che mi ha dimostrato la vostra famiglia.*

Рассмотренные этномаркированные концепты итальянской лингвокультуры CASA и FAMIGLIA формируют двусоставный концепт-валоратив итальянских телевизионных ток-шоу, который отражает как географическое (физическое) пространство обитания отдельной личности, ее принадлежность к группе с общим национальным, социальным, профессиональным, психическим, когнитивным, коммуникативным пространством, но и включает в себя абстрактные положительно

маркированные понятия уюта, любви, семьи, спокойствия, уверенности, состоятельности, независимости, дружбы, доверия, открытости, мира, общности. С точки зрения семантического анализа одной из главных точек соприкосновения этих двух составляющих концептуальной оси является сема СВОЕ с положительным оценочным значением „общий дом для всей семьи", „семья как принадлежность к общей группе", „идентификация с ней". Концептуальная ось CASA / FAMIGLIA выступает валоративом в аксиологической деятельности адресанта и аргументемой в аргументативном процессе. В ДТШИТ вышеназванные концепты рассматриваются в двух возможных интерпретациях: буквальной и переносной.

В такой концептуальной интерпретации ситуация КС оказывается тождественной самоидентификации адресанта и идентификации ним адресата как принадлежащих к одной и той же группе по принципу **наличия общего**, а ситуация КА является тождественной самоидентификации адресанта и идентификации ним адресата как принадлежащих к разным группам по принципу **отсутствия общего**.

Естественно, переход от ситуации КА к ситуации КС с когнитивной точки зрения является признанием, хотя бы частичным, наличия того, что может объединить дискурсивные личности, и наоборот – изменение вектора коммуникации от КС до КА подчеркивает отсутствие ОБЩЕГО даже при условии принадлежности адресанта и адресата к одной семейной, социальной или профессиональной группе.

Действие любого структурно-зависимого ДФМ активирует в сознании адресанта и адресата концептуальную ось СВОЕ / ЧУЖОЕ, причем происходит первичная валоризация на основе бинарной оппозиции СВОЕ (ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА) – ЧУЖОЕ (НЕГАТИВНАЯ ОЦЕНКА): *Bravissima! Hai ragione, Bianca. Lei, signora, è molto colta. Hai torto. Lui non è come credi tu. Sei bugiardo, imbroglione, traditore!* (CB, 31.10.07).

Таким образом, в основе выделения когнитивного ДФМ лежит объективация в речи дискурсивной личности концептов-валоративов итальянских ток-шоу CASA и FAMIGLIA, а также вербализация адресантом сем СВОЙ / ЧУЖОЙ. Именно когнитивная группа ДФМ вызывает появление **общедискурсивных изменений** направленности к КС / КА, становясь основой для выделения **стратегического ДФМ**. В основе активации данной группы механизмов лежит осознанно выбранная каждым адресантом кооперативная / конфликтная стратегия по отношению к адресату.

Стратегический ДФМ определяется нами как совокупность процессов формирования пространства ДТШИТ под действием избранных адресантом кооперативных или конфликтных стратегий / тактик и соответствующей реакции на них адресата. В основе формирования кооперативно-направленного коммуникативного поведения дискурсивной личности в ДТШИТ лежит когнитивный механизм определения ее позиции относительно позиции адресата по отношению к полярной оси СВОЕ / ЧУЖОЕ. При этом точкой

отсчета является эгоцентричная позиция адресанта. Происходит процесс **самоидентификации** позиции адресанта относительно адресата в дискурсивном пространстве, причем при условии полного / частичного отождествления собственной позиции адресанта с позицией адресата в информационно-презентативном, аксиологическом, аргументативном аспектах и отсутствия дисбаланса компонента лидерства создаются предпосылки для формирования ситуации КС. Напротив, при полной / частичной дифференциации позиций адресанта и адресата в вышеперечисленных структурно-смысловых компонентах ДТШИТ создаются предпосылки для формирования ситуации КА.

Реализация макросем СВОЕ и ЧУЖОЕ имеет свои особенности в речи адресанта и адресата. В этом случае мы используем расширенное понимание лингвистического термина "сема", охватывающее как значение отдельного аффикса, отдельной лексической единицы, словосочетания, идиомы, так и макросемантику синтаксической структуры высказывания, речевого акта, части или целого коммуникативного хода, тактик, импликаций и импликатур, намеков, а также невербальной составляющей коммуникативного поведения участников дискурса. В их речи эти макросемы могут быть эксплицитно (*Canaglia! Brutto bastardo! Mia cara bambolina! Tesoro!*) или имплицитно маркированными (*Lui non è più lo stesso, sai ... non ti riconosco, Angelo! Questa Anna, l'ho vista per la prima volta*), интенсифицированными (*É assolutamente irresponsabile! É bella da morire!*) или неинтенсифицированными (*É un professionista! Lei è una bella donna. É intelligente. É pigro*). Активация вышеупомянутых ДФМ тесно связаны с вербализацией макросем СВОЕ / ЧУЖОЕ в речи коммуникантов. При этом адресант неизбежно выражает свое эмоциональное состояние, эксплицирует ментальные операции классификации и оценки полученной информации, высказывает оценку поведения адресата, а также его внешности, способностей, умений, характера.

Объективация макросемы СВОЕ опирается на такие способы вербализации:

- существительные-названия положительных эмоций с семой включенности, общности, эмоциональной близости: *amore, affetto, amicizia, amorevolezza, sintonia, attaccamento, bene, passione, tenerezza, fiamma, benevolezza, ammirazione, adorazione, simpatia, conforto, consolazione, accordo, consenso , intesa, unanimità*;
- существительные для обозначения речевого кооперативно-направленного поведения с целью поиска консенсуса: *pacificazione, chiacchierata, confessione, sfogo*;
- глаголы с семой ментальных операций включения адресата в интеллектуальные операции адресанта, в частности понимания, общности объемов знаний, поддержки выраженных идей и мнений: *capire, condividere, accettare, confortare, sostenere*;
- идиомы для обозначения речевого кооперативно-направленного

поведения: *pendere dalle labbra di qualcuno, essere in (perfetta) sintonia, capire al volo, andare d'amore ed'accordo, essere sulla stessa lunghezza d'onda; avere una fiamma per qualcuno*;

- глаголы и идиомы для обозначения реализации в поведении адресанта позитивних эмоций относительно адресата: *amare, adorare, ammirare, provare simpatia per qualcuno, consolare, intendersi bene*;

- акциональные глаголы кооперативных действий, направленных на адресата: *baciare, abbracciare, essere al fianco di qualcuno, aiutare, dare una mano, essere vicino a qualcuno*;

- прилагательные с семой положительной оценки: *bravo, intelligente, responsabilte, laborioso, paziente, attraente, svelto, coraggioso, forte, amichevole, affettuoso, unanime, delizioso, puntuale, sensibile, atento*.

Заметим, что вербализация состояния ОБЩНОСТИ (*cooperazione, collaborazione, connazionali, compaesano, condivisione, condividere, condoglianze*) довольно часто содержит элементы *co-, con-, col-, com-*, происходящие от латинского предлога *cum* «с, вместе, сообща», которые несут семантическую нагрузку «близость в пространственном расположении, принадлежность к общей географической территории, обшность эмоционального состояния с адресатом». В такой интерпретации адресант и адресат – даже при условии нахождения на большом физическом расстоянии – способны вербализовать свою интенцию, находиться в совместном дискурсивном пространстве.

Ситуация максимальной КС вербализуется с помощью существительного *cuore*, которое кроме прямого значения «жизненно важный орган», имеет конотативное значение «важность для адресанта, постоянная память о ком-либо, любовь к кому-либо» (*Sei sempre nel mio cuore, una forte stretta al cuore, mi sta a cuore la tua situazione*); существительного для обозначения духовной составляющей личности – души *anima* (*Sei la mia anima gemella*); наречия *vicino* (*Mi sento molto vicina a tutti voi, carissimi*) для обозначения переживания адресантом максимального сближения с адресатом в координатах дискурсивного пространства.

В свою очередь, объективация макросемы ЧУЖОЕ опирается на такие способы вербализации:

- существительные для обозначения негативных эмоций со значением дистанцирования от адресата: *odio, odiocità, disamore, disaffezione, freddezza, antipatia, diffidenza*;

- существительные для обозначения речевого некооперативно-направленного поведения: *lite, litigio, diverbio, dissenso, discussione, battibecco, alterco, critica, discordia, controversia, dibattimento, dibattito, disputa*;

- глаголы для обозначения ментальных операций отрицания результатов интеллектуальных операций адресата и его идей, непонимания, наличия когнитивных лакун и речевого некооперативно-направленного поведения: *litigare, attaccar lite, avere un diverbio, criticare, dimostrare dissenso, battibeccare, non capire, non condividere, rifiutare*;

- идиомы для обозначения речевого некооперативно-направленного поведения и враждебных отношений между адресантом и адресатом: *Tra di loro non corre l'acqua buona. Sono come cane e gatto. Tra di loro c'è della ruggine. Hanno avuto una discussione di lana caprina*;

- глаголы и идиомы для обозначения реализации в поведении адресанта негативных эмоций по отношению к адресату: *odiare, detestare*;

- глаголы с семой некооперативных действий, направленных на адресата: *picchiare, rovinare, ammazzare, uccidere*;

- прилагательные с семой негативной оценки адресата: *stupido, arrogante, capriccioso, irresponsabile, maleducato, malvagio, freddo, distaccato, violento, pigro, brutto, imponente*.

Подчеркнем, что вербализация состояния ОТЛИЧИЯ посредством макросемы ЧУЖОЕ привлекает – эксплицитно или имплицитно – пространственность интеракции. Ситуация КА подчеркивается физическим удалением адресанта от адресата в прямом смысле, при выборе места расположения адресанта относительно адресата в студии (*Mi siedo di là!*), при прерывании коммуникации (*Vado via, non voglio più parlarne!*), при вербализации нежелания общаться и реализации роли некооперативного лидера коммуникации (*Fuori di qui! Non ti voglio più vedere! Sparisci dai miei occhi!*)

Вербализация пространственности КА подчеркивается также существованием информационных лакун, которые не желают заполнить дискурсивные личности (*Non te lo dico! Ma perchè mi hai mentito?*). Дисгармонизация информационного обмена за счет предоставления непроверенной, частичной и недостоверной информации, по нашему мнению, коррелирует с формированием такого дискурсивного пространства – дистанции, которую не удается преодолеть адресанту и адресату. Это, в свою очередь, негативно влияет на возможность достижения консенсуса и вербализуется с помощью как пространственной лексики со значением когнитивного и эпистемического дисбаланса (*Sei lontano anni luce dalla verità. Allontanò quel pensiero subito*).

Соответственно, информационный, когнитивный, эмоциональный, психологический и аргументативный диссонанс коррелируют с понятием удаленности в дискурсивном пространстве, ростом коммуникативного расстояния между дискурсивными личностями (*Ci siamo allontanati. Abbiamo litigato, è stato un distacco difficile, una separazione dolorosa*).

Реализация в речи дискурсивных личностей через упомянутые макросемы процессов валоризации и самоидентификации адресанта относительно адресата на когнитивной национально-маркированной концептуальной основе влияет на коммуникативное поведение дискурсивной личности и специфику построения ею соответствующих стратегий и тактик. Оппозиция макросем СВОЕ / ЧУЖОЕ имплицитно или эксплицитно вовлечена в конотативное значение используемых в общении лексических единиц, валоративную деятельность адресанта и адресата, специфику построения аргументативного процесса,

способ запроса информации и ее предоставления, способ реагирования на реплики адресата при экспликации конфликта.

По нашим наблюдениям, имплицитная вербализация макросемы ЧУЖОЕ характерна для рациональной аргументации, кооперативной направленности общения и поиска консенсуса, тогда как эксплицитная вербализация подчеркивает наличие эмоциональной аргументации и ситуацию КА: *Non posso essere completamente d'accordo, perchè ... ... Sarei un po 'più cauto nel definire questo fenomeno come ... . Loro si sarebbero incontrari a Bari* (IS2, 22.08.05).

В свою очередь, имплицитность макросемы ЧУЖОЕ коррелирует с активацией системы хеджинга, реализацией в речи адресанта максим вежливости, качества и количества. В своем эксплицитном выражении эта макросема свидетельствует об интенсификации в речи адресанта негативных чувств и оценок, что приводит к созданию ситуации КА. По нашим наблюдениям, концептуальная ось нивелируется – полностью или частично – при формировании дискурсивного пространства в направлении КС. После первичной валоризации ситуации отвергается сема ЧУЖОЕ, общение становится подтверждением, вербализацией согласия, консенсуса, т.е. в речи адресанта постоянно активируется макросема СВОЕ: *Sarò al tuo fianco! Ti capisco perfettamente! Anche per me è la stessa identica cosa! Provo la tua stessa emozione. Sono d'accordo, caro! Dai, ce la farai! Sù, non piangere!* (APT, 21.12.07). Вышеупомянутая вербализация макросемы СВОЕ в адресантно-адресатной конфигурации циклична, поскольку постоянно происходит активация кооперативно-направленных ДФМ: предоставляется достоверная, важная информация, положительная оценка. По сути, отпадает потребность в аргументации за счет отсутствия цели убедить адресата и вербализации последним общности взглядов, идей и предпочтений; отсутствуют перебивания адресанта, срывы коммуникации, коммуникативные девиации и неудачи.

При наличии частичного согласия в речи адресанта и адресата вербализируются совместные фрагменты дискурсивного пространства, а ситуация КС коррелирует с наличием дискурсивного пространства, которое интерпретируется адресантом и адресатом как совместное.

В дискурсе ток-шоу формируются адресантно-адресатные конфигурации или группы дискурсивных личностей с полярными интенциями и желаниями. При этом в каждой из групп КС поддерживается постоянной активацией в речи макросемы СВОЕ, тогда как межгрупповое конфликтное общение базируется на противопоставлении СВОЕ / ЧУЖОЕ. Процесс перехода ситуации КА в КС имеет своим основанием исчезновения макросемы ЧУЖОЕ из сознания дискурсивной личности вследствие эффективной аргументации*: Mi hai convinto! Ora vedo che tu avevi ragione, scusami! Avevi ragione tu! Forse, sono io, che ho sbagliato! Adesso capisco, che mi hai detto la verità. Ho ritrovato un caro amico! La nostra amicizia vale molto per me! Abbiamo superato le difficoltà* (LVID, 21.11.03).

Активация структурного и когнитивного ДФМ коррелирует со стадией

имплицитного конфликта, а действие стратегического ДФМ соответствует стадии экспликации и эскалации конфликта. Сознательный выбор адресантом кооперативной / некооперативной стратегии реализуется через появление в его речи конфликтогенных элементов, т.е. таких, которые способны вызвать ситуацию КА благодаря демонстрации некооперативных интенций адресанта.

Типология конфликтогенных элементов позволяет определить первичный коммуникативный ход с имплицитно или эксплицитно выраженной макросемой ЧУЖОЕ, негативная реакция на который свидетельствует о развитии конфликта, причем в сознании адресанта активируется понятие "чужого" для него дискурсивного пространства, в котором находится адресат. В отдельную конфликтную коммуникативную ситуацию могут быть вовлечены все компоненты ДТШИТ.

Учитывая рассмотренные выше основные ДФМ, мы выделяем информационно-презентационные, аксиологические, аргументативные, авторитарно-авторитетные конфликтогенные элементы.

Информационно-презентационные конфликтогенные элементы представлены рядом коммуникативных ходов, которые демонстрируют КА в ААК в процессе запроса, получения, валоризации информации:

- вербализация несовпадения фоновых знаний адресанта и адресата: *Ma perchè ci sono le cose che io non so? E lui sicuramente lo sa?* (CB, 29.06.07);

- раскрытие неправды: *Mi hai mentito! Allora perchè hai detto quella bugia*? (APT, 13.01.02);

- неучет когнитивной позиции адресата: *Ci hai preso in giro per mesi! E non mi hai detto niente! Perchè mi hai mentito?* (APT, 18.07.07);

- уклонение от предоставления нужной информации: *Non voglio più parlarne! Non posso dirtelo* (RDQ, 05.09.07);

- отрицание достоверности информации, предоставленной адресатом: - *Stai mischiando le cose! Stai confondendo le cose! − Io non sto mischiando le cose, il mio rapporto con Filippo è sempre stato quello ... − Io me lo auguro. Però trascuri il tuo ragazzo. − Non è vero! − Stai dando la priorità a Filippo. − Lo stai mettendo sulla stessa bilancia... − Non lo metto sulla stessa bilancia!* (RDQ, 10.01.08);

- нарушение максим общения Грайса, а именно максим количества, релевантности и ясности: *Che c'entra tutta questa storia?Per me non è per niente chiaro! E ora basta, lasciami parlare! D'altra parte, abbiamo sentito il signore Enrico, che ne ha cambiate una dietro altra, che consiglio può dare?!* (APT, 16.11.03).

Аксиологические конфликтогенные элементы составляют коммуникативные ходы, представляющие КА аксиологического генезиса:

- несовпадение оценки одного и того же субъекта / объекта: *Secondo me, è completamente diverso. Per me, non è la stessa cosa! No, lui non è avaro! La mia opinione è diversa. Sto dall'altra parte* (APT, 01.12.03);

- имплицитная или эксплицитная негативная оценка адресата: *Credo che anche se lui sta sbagliando...ammesso che lui stia sbagliando...ha il pieno diritto di*

conoscere, di fare esperienza della sua vita. Professore, lei che è dal mondo della scuola e ha studiato, ritiene che lo studio allontani dalla realtà... Ma lui sta lasciando la strada , cioè lascia un percorso a metà. Era già a buon punto! Questi progressisti sono insensibili! (IS2, 23.07.05).

Аргументативные конфликтогенные элементы представлены некооперативными коммуникативными ходами, используемыми адресантом в процессе аргументации. Как правило, инициация и экспликация конфликта совпадает с переходом к ЕА; последняя является сигналом невозможности преодолеть коммуникативные разногласия, нежелания прийти к консенсусу. Конфликт достигает своего пика при переходе адресанта и адресата к ЕА. В процессе аргументации инициация конфликта может совпадать с такими коммуникативными событиями:

- переход адресанта и / или адресата к эмоциональной аргументации: *Ma infatti, infatti, perchè non può essere... non può essere d'esempio! Ha parlato tanto, ma non può essere un'esempio! Se non sentite in me le grida a Corrado di una madre che vuole il bene per il figlio, non lo ascoltate, questo! Non siete in grado di ...* (CB, 30.07.04);

- выдвижение эмоционального аргумента вместо рационального: *Marco, non dò la colpa alle donne. Non ti viene in mente, che siete voi maschietti non sapete fare più maschietti ?! −Allora, sei venuta a provocare o sei venuta a corteggiare?!* (IS2. 25.07.05);

- использование эмоциональных аргументативних тактик: *Faccio quello che mi pare! Questa è la risposta che tu meriti! Il mio comportamento nei confronti di Marta è dettato solo dall'amore. Guarda, Giovanni ... Nessuno è perfetto! Nessuno è perfetto! Neppure tu! Senti, mi hai rotto le palle!* (CB, 24.10.06);

- перенос аргументации с предмета обсуждения на личности: *Sei sempre stato imprudente! Che razza di amici sareste? Hai avuto sempre le mani bucate. Non sai apprezzare le persone che ti vogluono bene* (IS2, 31.08.05).

Авторитарно-авторитетные конфликтогенные элементы представлены коммуникативными ходами нарушения правил этикета, агрессивными тактиками реализации роли коммуникативного лидера. Нежелание вовремя уступить активный канал общения или нежелание участвовать в коммуникации вообще вместе с рядом других девиаций от гармоничной мены коммуникативных ролей свидетельствует о существовании КА. Конфликт эксплицируется, если актуальный лидер коммуникации занимает авторитарную позицию или использует свой авторитет с целью манипулирования адресатом.

В ДТШИТ выделяем такие авторитарно-авторитетные конфликтогенные элементы:

- вербализация превосходства: *Io te lo dico da mamma! Questa volta devi accettare e basta! Non voglio più sentire le tue ragioni! In questa casa commando io! Ma chi porta pantaloni in questa casa? Fallo immediatamente!* (RDQ, 17.07.07);

- агрессивное удержание позиций лидера коммуникации, нарушение правил коммуникативного этикета, нежелание уступить позицию лидера: *Mi*

faccia finire, mi faccia finire! Tu non ascolti mai! Fammi finire il discorso! Aspetta, non ho ancora finito! Fammi finire! Chiudi il becco! Ora tocca a me e tu stai zitta! Zitta! (RDQ, 06.06.06);

- использование тактик давления, запугивания, оскорбления, угрозы с целью занять лидирующее положение: *Comunque il padre sono io!* (APT, 20.12.02);

- несоответствие коммуникативного поведения адресата ролевой конфигурации: *Perdonami, tua figlia ti ha accusata e tu stai dicendo che lei ... - Questo non è vero!* (APT, 05.05.03).

Общедискурсивные изменения, которые являются следствием активации стратегического ДФМ коррелируют с разнонаправленностью / однонаправленностью интенций коммуникантов в процессе формирования дискурсивного пространства ток-шоу.

Считаем, что ДФМ ДТШИТ холистические по своей природе, поскольку их активация происходит за счет когнитивных, психологических, языковых и поведенческих ресурсов коммуникантов, вызывает изменения эмоциональных состояний адресанта и адресата, а также общедискурсивные изменения. Взаимосвязанность и одновременная активация ДФМ, т.е. их холистичность, коррелирует с коммуникативной деятельностью адресанта и адресата в процессе формирования дискурсивного пространства ток-шоу, поскольку именно запрос, предоставление информации, ее валоризация, аксиологическая деятельность, аргументация и реализация роли коммуникативного лидера активируют вышеупомянутые ДФМ.

Выводы

Формирование пространства ДТШИТ базируется на взаимодействии структурного, когнитивного и стратегического ДФМ, выделенных на основе учета цели коммуникации, структурно-смысловых компонентов ДТШИТ, процессов когнитивной самоидентификации адресанта относительно адресата и интенций дискурсивных личностей. Релевантными для формирования пространства ДТШИТ являются общедискурсивные изменения, которые могут быть кооперативно или конфликтно-направленными и коррелируют с изменением тональности общения и реализацией в речи адресанта и адресата макросем СВОЕ и ЧУЖОЕ. Само понятие однонаправленности интенции предполагает движение в пространстве к общей цели, то есть нахождение общих посткоммуникативных координат дискурсивного пространства, а разнонаправленность интенций в адресантно-адресатной конфигурации коррелирует с потерей состояния общности или невозможностью нахождения адресанта и адресата в совместных посткоммуникативных координатах дискурсивного пространства.

Дискурсивное пространство итальянских телевизионных ток-шоу понимается нами как динамическое, антропоцентричное и национально-маркированное, имеющее локативно-дейктическую, антропорелевантную и

темпоральную составляющие. Самоидентификация адресанта по отношению к адресату в формирующемся дискурсивном пространстве происходит при получении, валоризации информации, аргументации и реализации роли лидера коммуникации. Создание ситуаций КС коррелирует с восприятием, положительной оценкой позиции адресата в дискурсивном пространстве и его коммуникативных действий, приводящих к изменениям формирования пространства дискурса. Напротив, создание ситуации КА предусматривает неприятие и негативную оценку адресантом позиции адресата в дискурсивном пространстве и его коммуникативных действий, приводящих к изменению формирования дискурсивного пространства.

Литература

1. Акинфиев С. Н. Жанровая структура российского развлекательного телевидения : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.01.10 “Журналистика”; Московск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2008. – 19 с.

2. Бардиер Г. Л. Социальная психология толерантності : автореф. дис. на соискание науч. степени д-ра психол. наук : спец. 19.00.15 “Социальная психология” / СПб гос. ун-т. – СПб, 2007. – 45 с.

3. Бєлова А. Д. Емоційна аргументація // Мова у соціальному і культурному контексті : зб. наук. праць. – К. : Логос, 1997. – С. 184–191.

4. Белова А. Д. Лингвистические аспекты аргументации. – К. : Логос, 2003. – 304 с.

5. Бігарі А. А. Дискурс сучасної англомовної сім’ї : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / Київськ. нац. ун-т імені Тараса Шевченка. – К., 2006. – 21 с.

6. Гак В.Г. Пространство вне пространства // Сборник материалов научной конференции [«Категоризация мира: пространство и время»] / под ред. проф. Е. С. Кубряковой и проф. О.В. Александровой. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С.27–30.

7. Галимова З. Ф. Тактики комплимента и похвалы в конструировании “позитивного образа” женщины-собеседницы (на материале ток-шоу) : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук. : спец. 10.02.19 “Теория языка” / Удмуртск. гос. ун-т. – Ижевск, 2009. – 22 с.

8. Гончарова Н. В. Аксіологічна структура англомовного діалогічного дискурсу (на матеріалі худ. прози) : дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / Київськ. нац. лінгв. ун-т. – К., 2002. – 182 с.

9. Дискурс іноземномовної комунікації / [заг. наук. ред. К.Я.Кусько]. – Л.: Вид. центр ЛНУ ім. І.Франка, 2002. – 496 с.

10. Дрига С. С. Социальный дейксис дискурса массовой коммуникации (на материале ток-шоу) : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 “Теория языка”. – Тверь, 2008. – 16 с.

11. Кравченко В. Л. Роль опозиції “СВІЙ” – “ЧУЖИЙ” у концептуальній структурі євроінтеграційного дискурсу // Проблеми семантики, прагматики та когнітивної лінгвістики : зб. наук. праць. – К.: Київськ. Нац. ун-т імені Тараса Шевченка, 2005. – № 6. – С. 146–152.

12. Кремзикова С. Ю. Мовленнєві акти як діяльнісні ситуації в дискурсах старофранцузського періоду // Програма і резюме доповідей наукової конф. [“Мови, культури і переклад у добу глобалізації”], (Київ, 20–21 вересня 2005 р.). – К.: Київськ. нац. ун-т імені Тараса Шевченка, 2005. – С. 9.

13. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса // Сборник материалов научной конференции [«Категоризация мира: пространство и время»] / под ред. проф. Е.С. Кубряковой и проф. О.В. Александровой. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 15–26.

14. Ладика О. В. Концептуалізація поняття “американська мрія” // Мовні і концептуальні картини світу: зб. наук. праць. – К.: Вид.-поліграф. центр “Київський університет”, 2007. – Вип. 23, ч. 2. – С. 71–76.

15. Морозова И. И. Стратегии вежливости как способ редукции когнитивного диссонанса // Вісник Харківськ. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – Серія Романо-германська філологія. – 2001. – № 537: Комунікативні та когнітивні проблеми дискурсу. – С. 86-93.

16. Одарчук Н. А. Семантика та прагматика висловлень відмови в англомовному художньому дискурсі : дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / Волинськ. держ. ун-т імені Лесі Українки. – Луцьк, 2003. – 218 с.

17. Пилипенко Р.Є. Інституційний комунікативний простір Німеччини (фахова мова економіки): дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філол. наук: спец. 10.02.04 „Германські мови” / Київський нац. ун-т імені Тараса Шевченка, 2007. – 426 с.

18. Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики. – Запоріжжя: Прем`єр, 2008. – 332 с.

19. Рублева Е. В. Лингвопрагматические аспекты политической теледискуссии: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык”. – М., 2006. – 25 с.

20. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с.

21. Семегин Т. С. Категорії-концепти ПРЕКРАСНЕ ПОТВОРНЕ у різних сферах гуманітарного знання // Проблеми семантики, прагматики та когнітивної лінгвістики. – К. : Логос, 2008. – Вип. 14. – С. 461–469.

22. Серажим К. С. Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність (на матеріалах сучасної газетної публіцистики): [монографія]. – К.: Київськ. нац. ун-т імені Тараса Шевченка, 2002. – 392 с.

23. Солощук Л. В. Вербальні і невербальні компоненти комунікації в англомовному дискурсі. – Харків: Константа, 2006. – 300 с.

24. Стечишин Н. В. Адресатні переривання в мовленнєвій комунікації

та мовні засоби їх реалізації в сучасній англійській мові : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : 10.02.04 “Германські мови” / Київськ. держ. лінгв. ун-т. – К., 1997. – 18 с.

25. Фадєєва О. В. Стратегії та тактики конфліктного дискурсу (на матеріалі англійської мови): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : 10.02.04 спец. “Германські мови” / Київськ. держ. лінгв. ун-т. – К., 2000. – 18 с.

26. Фролов М. Е. Телевизионный дискурс информационно-аналитических програм (на материале программ криминально-правовой тематики НТВ): автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.01.10 “Журналистика” / Тверск. гос. ун-т. – Тверь, 2004. – 22 с.

27. Фролова И. Е. Конфликтное речевое взаимодействие // Вісник Харківського нац. ун-т. ім. В. Н. Каразіна. – 2001. – № 537. – С. 23-29.

28. Хомякова Е.Г. Антропоцентризм пространственно-временных параметров // Сборник материалов научной конференции [«Категоризация мира: пространство и время»] / под ред. проф. Е.С. Кубряковой и проф. О.В. Александровой. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – С. 74-76.

29. Шевлякова Д. А. Отрицательная национальная идентичность итальянцев. Политический компонент // Сб. науч. трудов каф. итал. яз. и регионоведения Московск. гос. ун-та. – М.: Ленанд, 2006. – Вып. 2. – С. 3-21.

30. Bonomi I. La lingua dei quotidiani // La lingua italiana e i mass media. – Roma: Carocci, 2007. – P. 127-165.

31. Conder S. Social Congnition and Discourse // Discourse as Structure and Process. A Multidisciplinary Introduction ; [Edited by Dijk T.A., van]. – L., New Delhi: Thousand Oaks, 1997. – Vol. 1. – P. 320–347.

32. Dijk T. A. van. The Study of Discourse // Discourse as Structure and Process. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1997. – P. 11-39.

33. Dijk T. A. van. The Study of Discourse // Discourse as Structure and Process. A Multidisciplinary Introduction ; [ed. by Dijk T.A. van]. – L., New Delhi: Thousand Oaks, 1997. – Vol. 1. – P. 1–34.

34. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Jackson S., Jacobs S. Argumentation // Discourse as Structure and Process. A Multidisciplinary Introduction / ed. by Dijk T.A. van. – L., New Delhi: Thousand Oaks, 1997. – Vol. 1. – P. 208-229.

35. Masini A. L’italiano contemporaneo e la lingua dei media // La lingua italiana e i mass media. – Roma : Carocci, 2007. – P. 11-33.

36. Morgana S. La lingua del fumetto // La lingua italiana e i mass media. – Roma: Carocci, 2007. – P. 165-199.

СПИСОК СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

37. Dizionario dei sinonimi e dei contrari [a c. di Cesana G]. – Firenze : ZEUS, 2000. – 663 p.

38. Roselli R. Dizionario della lingua italiana / Renato Rosselli, Roberto Eynard. – Torino : Edizioni Remo Sàndron, 1996. – 1229 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Al posto tuo 06.11.01, 13.01.02, 20.12.02, 10.03.03, 14.11.03, 05.05.03, 01.12.03, 16.11.03, 18.07.07, 21.12.07,

Cominciamo bene 18.10.02, 30.07.04, 04.01.05, 24.10.06, 29.06.07, 29.08.07, 31.10.07, 20.11.07

Italia sul 2 04.07.05, 22.08.05, 23.07.05, 25.07.05, 31.08.05

La vita in diretta 21.11.03

Ricomincio da qui 06.06.06, 17.07.07, 05.09.07, 10.01.08

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ДТШИТ – дискурс ток-шоу итальянского телевидения
ДФМ – дискурсоформтрующий (е) механизм (ы)
ЕА – эмоциональная аргументация
КА – коммуникативная асинхрония
КС – коммунікативная синхрония
РА – рациональная аргументация
APT – Al posto tuo (название телевизионного ток-шоу)
CB – Cominciamo bene (название телевизионного ток-шоу)
IS2 – Italia sul 2 (название телевизионного ток-шоу)
LVID – La vita in diretta (название телевизионного ток-шоу)
RDQ – Ricomincio da qui (название телевизионного ток-шоу)

НАШИ АВТОРЫ

Белехова Лариса Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германских языков Херсонского государственного университета

Богданова Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной лингвистики Иркутского государственного лингвистического университета

Глаз Адам, доктор философии (PhD), доцент, Институт англистики, Университет имени Марии-Кюри Склодовской, г. Люблин, Польша

Головня Алла Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода Национального авиационного университета, г. Киев

Гулидова Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лексикологии и стилистики Киевского национального лингвистического университета

Крыжановская Мария Витальевна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры теории и практики перевода с романских языков имени Н. Зерова Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Левицкий Андрей Эдуардович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода с английского языка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Недайнова Ирина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики перевода Луганского национального педагогического университета имени Тараса Шевченко

Никульшина Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теории и практики перевода с английского языка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Пилипенко Ростислав Евгеньевич, доктор филологических наук, заведующий кафедрой германской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Потапенко Сергей Иванович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя

Фещенко Юлия Ивановна, кандидат филологических наук

Шурма Светлана Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода Национального авиационного университета, г. Киев

Щербин Вячеслав Константинович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси, г. Минск

Наукове видання

Левицький Андрій Едуардович, Потапенко Сергій Іванович, Бєлєхова Лариса Іванівна, Богданова Світлана Юріївна, Глаз Адам, Головня Алла Василівна, Гулідова Ірина Сергіївна, Крижановська Марія Віталіївна, Недайнова Ірина Василівна, Нікульшина Тетяна Миколаївна, Пилипенко Ростислав Євгенович, Фещенко Юлія Іванівна, Шурма Світлана Григорівна

МОВА І ПРОСТІР: ПРОБЛЕМИ ОНТОЛОГІЇ І ЕПІСТЕМОЛОГІЇ

Монографія

За загальною редакцією

Левицького Андрія Едуардовича
Потапенка Сергія Івановича